

Российская ассоциация  
международных исследований (РАМИ)

Материалы  
VII Конвента РАМИ

**РЕСУРСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ:  
возможности и пределы  
международного контекста**

28–29 сентября 2012 г.  
МГИМО-Университет

  
**АСПЕКТ ПРЕСС**  
Москва  
2012

Издательство  
«МГИМО-Университет»  
Москва  
2012

**УДК 327**  
**ББК 66.4**  
**Р43**

**Р43** Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста (Материалы VII Конвента РАМИ 28–29 сентября 2012 г.): Научное издание / Отв. ред. А. В. Мальгин. — Аспект Пресс, 2012. — 330 с.

ISBN 978–5–7567–0684–0

Издание представляет собой сборник статей, которые были подготовлены модераторами и сотрудниками Исполнительного комитета VII Конвента РАМИ, а также выступающими на пленарном заседании. Публикация отражает спектр проблем, которые обсуждались на Конвенте. Сборник открывает серию публикаций по итогам VII Конвента РАМИ.

**УДК 327**  
**ББК 66.4**

ISBN 978–5–7567–0684–0

© МГИМО (У) МИД России, 2012

# СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. В. Торкунов. Международная среда: стимул и источник модернизации</i> .....	5
<i>С. А. Рябков. Внешнеполитические ориентиры России: вклад в международную повестку</i> .....	10
<i>А. Ю. Мельвиль. Качество институтов как приоритет модернизации</i> .....	16
<i>А. Д. Воскресенский. Мировые стратегии великих держав</i> .....	32
<i>И. Н. Платонова. Международная конкурентоспособность России в условиях глобального кризиса</i> .....	50
<i>Е. С. Бирюков. Глобальные дисбалансы и задачи модернизации экономики России</i> .....	68
<i>А. В. Мальгин. Многосторонние отношения и многосторонние институты: опыт типологизации</i> .....	80
<i>А. А. Орлов. Роль ООН в глобальном управлении</i> .....	91
<i>М. Л. Энтин. От романтизма к реализму в европейском интеграционном развитии</i> .....	98
<i>М. М. Лебедева. Россия в современных интеграционных проектах: роль социально-гуманитарного ресурса</i> .....	126
<i>А. А. Байков. Экономическая интеграция в СНГ: вклад России</i> .....	134
<i>В. В. Наумкин. «Арабская весна»: временные пределы феномена</i> .....	147
<i>М. Ю. Дубовикова. Сравнительный анализ событий в Ираке и Ливии: последствия для России</i> .....	158
<i>Т. В. Зонова. Креативность дипломатии: императив международной среды</i> .....	168
<i>Т. А. Алексеева. Стратегическая культура — контекст принятия внешнеполитических решений</i> .....	173
<i>М. А. Мунтян. Полилог цивилизаций — феномен глобализирующегося мира</i> .....	187
<i>А. В. Шестопап, М. В. Силантьева. Межкультурная коммуникация. «Мягкая сила» культурных модуляторов</i> .....	204
<i>О. В. Гаман-Голутвина. Современный политический класс: теоретические подходы к интерпретации</i> .....	212
<i>М. С. Василевская, И. А. Томашов. Концепция политической культуры</i> .....	220

<i>С. Г. Лузянин.</i> <b>КНР: попытка внешнеполитического прогнозирования</b> .....	231
<i>В. И. Салыгин, В. М. Красногорский.</i> <b>Энергетическая безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы международного сотрудничества</b> .....	239
<i>А. В. Шашкова.</i> <b>Международные и внутригосударственные аспекты борьбы с коррупцией. Корпоративная коррупция</b> ...	248
<i>Д. В. Иванов.</i> <b>Международная защита лиц, перемещенных внутри страны. Региональный уровень</b> .....	258
<i>Р. А. Алиев.</i> <b>Политика устойчивого развития: пример Азербайджана</b> .....	266
<i>С. М. Хенкин.</i> <b>Испанская политика перед новыми вызовами</b> .....	276
<i>С. В. Шилов.</i> <b>НАТО: методология концепций</b> .....	286
<i>В. И. Мироненко.</i> <b>Исторический и политический контексты российского влияния в Украине</b> .....	306
<i>В. В. Воротников.</i> <b>«Балтийский путь»: прошлое и настоящее</b> .....	315
<i>М. М. Лебедева.</i> <b>Университет в сетевых отношениях современного мира</b> .....	322
Об авторах .....	327

## **МЕЖДУНАРОДНАЯ СРЕДА: СТИМУЛ И ИСТОЧНИК МОДЕРНИЗАЦИИ**

Традиционно при формулировании темы конвентов мы стараемся сочетать в ней как устойчивые, фоновые составляющие, так и «модные» компоненты. Полтора года назад модернизация нам казалась именно таким компонентом. Сейчас ясно, что она переходит в разряд фоновых, но от этого не менее важных тенденций общественного развития. Скорее наоборот, мировые реалии заставляют задаться вопросом, насколько процессы модернизации могут упреждать негативное развитие событий в отдельных обществах, регионах, международной системе в целом.

Формально-организационная структура нашего Конвента явствует из его программы, содержательно же он охватывает три элемента:

- внешнеполитические ресурсы — как совокупность потенциала и инструментария, доступного государству для реализации внешнеполитических целей;
- модернизацию — процесс сознательного, часто вынужденного и, как правило, ускоренного по сравнению с характерной для общественных систем динамикой реформирования экономического, политико-правового, а зачастую и социокультурного укладов;
- международную среду — ограниченное доступными для практического анализа ретроспективной и перспективной состоянием международной системы, ее региональных компонентов и функциональных сфер.

Если несколько упрощать ситуацию, то два года между прошлым и нынешним конвентами и два года до следующего — вот временные горизонты нашей сегодняшней дискуссии.

Российская практика внешнеполитического прогнозирования и планирования, к сожалению, уделяет не самое большое внимание оценке внешнеполитических ресурсов, считая их некоей константой. В этой ситуации даже при правильно сформулированных национальных интересах внешнеполитические цели становятся расплывчатыми и зачастую недостижимыми.

Мы сознательно обратили внимание на те элементы ресурсов, которые в последние годы испытывают наибольшую степень коррекции и постарались посвятить их обсуждению работу отдельных секций.

Действительно, миграционные процессы как на постсоветском пространстве, так и внутри самой России меняют демографический потенциал страны, добавляют новые черты в гуманитарно-культурный ее ландшафт, что объективно не может не сказываться на проведении и восприятии внешней политики и международных событий.

Возрастает значение межкультурной коммуникации. Так, я с огромным интересом, а где-то и с озабоченностью прислушивался к тем оценкам, которые давались и даются «арабской весне», в частности событиям в Сирии и Ливии, российскими государственными деятелями, сенаторами, представляющими мусульманские республики. Эти оценки иначе нюансированы, чем привычные в московском или питерском истеблишменте подходы.

Если к главному и фактически эксклюзивному институциональному ресурсу России в начале 1990-х годов относилось участие в Совете Безопасности ООН и других институтах ооновской же семьи, то последующие двадцать лет были посвящены сознательному расширению нашего институционального присутствия на международной арене. Сейчас трудно себе представить нашу страну вне Совета Европы, МВФ, Группы Всемирного банка, АТЭС, «Большой восьмерки». Важнейшим шагом включения в современные многосторонние отношения явилось присоединение к ВТО.

Россия сама стала инициатором и соавтором нового институтостроительства, несомненные достижения которого — СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС/Таможенный союз, БРИКС, Форум стран — экспортеров газа (ФСЭГ), ряд субрегиональных структур.

Отдельным компонентом институциональных ресурсов является способность или неспособность государства или интеграционного союза формировать вокруг себя, на соседних пространствах режимы общей экономической практики, социально-политических и правовых стандартов. Например, ЕС это удается, насколько это удается России — вопрос для обсуждения.

Россия — пусть медленно, пусть за счет успехов в отдельных нишах, прежде всего не самого высокого промышленного передела, — но увеличивает свою долю в мировой экономике. Экономический потенциал не только усиливает роль страны на между-

народной арене, но и заставляет диверсифицировать внешнюю политику. Чем в большем количестве рыночных секторов представлена Россия на европейском, постсоветском пространстве, тем более детальной, сложной становится российская внешняя политика.

Очевидно, что это происходит под влиянием различных групп интересов. В результате в России и в отношениях России с внешним миром складывается современная система внешнеполитического лоббизма. Этот феномен, не самый публичный и в западных международных исследованиях, у нас фактически не исследован.

Для России по-прежнему огромную роль в экономических ресурсах играет энергетическая компонента, которая оказывается подверженной серьезным вызовам, связанным с появлением или ожиданием появления новых источников, видов энергетического сырья, маршрутов его транспортировки.

Очевидно, что традиционная военная составляющая внешнеполитических ресурсов подвержена значительной эволюции. Она также измеряется не только количественными параметрами, но и качественным составом внешнеполитического сообщества, новыми формами военной активности, будь то пиратство или частные военные компании.

К внешнеполитическим ресурсам мы уже традиционно причисляем «мягкую силу». Наверное, это правильно. Однако следует отличать объективную притягательность современной России, которая складывается из огромного рынка, относительно высоких (по сравнению с некоторыми ближайшими соседями) стандартов жизни и комфортности культурного существования в русскоязычной среде для жителей окружающего ареала, от механизмов управления «мягкой силой».

Здесь дело обстоит гораздо хуже, хотя у нас появились за последние годы новые структуры публичной дипломатии (РСМД, Фонд Горчакова, российско-польские центры), а относительно привычных структур («Россотрудничество») существуют серьезные планы их реформирования.

Правда, следует отметить, что публичная дипломатия и «мягкая сила» только тогда достигают своего идеала, когда страна обладает притягательной для внешнего мира идеей или идеологией. Это ресурс эксклюзивный — он в полной мере проявляется у революционной и наполеоновской Франции, у молодого Советского государства, в виде «американской мечты» поколения 1940–1960-х годов,

отчасти в идеологии интеграционного европеизма и, к сожалению, в идеологии воинствующего ислама.

Но не стоит отчаиваться: идея может обладать и притягательностью регионального масштаба. Так, концепт, а главное — эвентуальная практика «русского мира» имеют шансы на успех.

Модернизационную составляющую в обсуждениях нашего Конвента я бы предложил рассмотреть в двух аспектах.

Модернизация — как ответ на внешние обстоятельства. Россия знала несколько волн такой модернизации — это периоды, пришедшиеся на правления Алексея Михайловича, Петра I и Александра II; прерванная волна стольпинских реформ; советские модернизации 1920-х и рубежа 1950 — 1960-х годов. Международные источники этих модернизаций — равно как корейской, южноазиатской, японской и иранской — хорошо известны. В этой связи нам стоит подумать над тем, работает ли этот фактор в глобальном мире.

Как ни парадоксально, но единственная масштабная модернизация, которую мы наблюдаем в последние двадцать лет, зародилась еще в недрах биполярной системы. Индийские, латиноамериканские попытки выйти на модернизацию в лучшем случае оборачиваются — применим советский термин — «ускорением научно-технического прогресса». Развитие нашей страны также, думаю, описывается пока в других терминах — иначе руководству не нужно было бы ставить задачу модернизации.

Другой аспект модернизации — непосредственная роль иностранцев, иностранного участия, иностранного бизнеса и заимствованной экономической и правовой практики. Грубо говоря, это — роль Немецкой слободы, европейских сэттльментов в Китае и Японии, европеизированной шахской семьи в Иране и их современные аналоги. При этом как только мы заговариваем об аналогах, сразу обнаруживается, что формально закрытых для внешнего влияния стран в современном мире ничтожно мало. Гораздо больше тех, где формальное наличие внешней модернизационной «закваски» к модернизации не ведет.

Вполне возможно, что это феномен глобального рынка: как на любом рынке, здесь есть разные качественные и ценовые сегменты. Возможно, глобальному рынку только люксовые и высококачественные сегменты не нужны, а модернизация фактически резервируется только для избранных?

И о международной среде. Здесь в нашей дискуссии главное — не сбиться на примитивный нарратив. Иначе мы просто друг другу

расскажем о кризисе, о пострадавших Испании и Греции, о незадачливых арабских автократах и о все большем устаревании международного права в его версии, придуманной для прошлой эпохи.

В нашем же случае скорее нужно посмотреть на другое. Например, на огромную диверсификацию форм выхода из кризиса и на предварительные его итоги для разных групп стран. При этом следует осознавать, что это первый кризис, который переживает Россия не просто как субъект глобальной экономики, но и как полноправный участник многосторонних экономических институтов. Кризис 1997 – 1999 гг. по-иному выглядел для все еще «переходной» России.

Относительно «арабской весны» стоило бы задаться вопросом о том, не является ли она примером реверсного развития? Ведь на смену пусть и диктаторским, но светским режимам приходят религиозные идеологии. Почему для Тропической Африки мы допускаем факт экономического регресса как способа существования, а политический регресс в арабском мире нам кажется невозможным?

Последние два десятилетия родили огромное количество теорий или квазитеорий мировой политики, в том числе и проживших очень недолго. Но почему они, за исключением уже банальной «гуманитарной интервенции», не отлились в формулы международного права, а международники-политологи действуют в отрыве от прагматического мира юристов?

Суммируя, можно сказать, что модернизация и провоцируется, и ограничивается контекстом международного развития. При этом модернизируемая страна, очевидно, меняет свою роль в международных процессах, формирует вокруг себя иную сеть содержательных связей, по-иному начинает воздействовать на международную среду. Полагаю, что анализ этих взаимозависимостей и станет предметом обсуждений в секциях и на круглых столах Конвента.

## **ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ РОССИИ: ВКЛАД В МЕЖДУНАРОДНУЮ ПОВЕСТКУ**

Сегодня мы являемся свидетелями начала переходного этапа в мировом развитии, что сопровождается радикальными изменениями геополитического ландшафта. Этот тезис выделил Президент В. В. Путин в выступлении на совещании послов и постпредов Российской Федерации в июле нынешнего года. Глубокие трансформации на мировой арене сопровождаются турбулентностью в сферах экономики, политики, в целом в международных отношениях — на глобальном и региональном уровнях. По сути, речь может идти не только об определении основных параметров мироустройства XXI в., но и об очередной смене исторических эпох. Этот процесс идет неровно, противоречиво, характеризуется элементами неопределенности и напряженности.

По-прежнему лихорадит мировую экономику, структурные проблемы которой до сих пор не решены, продолжается накопление кризисных элементов. Сползание еврозоны в рецессию и ее долговые неурядицы — лишь верхушка айсберга.

На наших глазах формируется новая полицентричная система международных отношений. Не вызывает сомнений, что в XXI в. их судьбу не смогут определять ни какое-то одно, пусть даже самое мощное, государство, ни противостоящие друг другу военно-политические блоки, как это было в период холодной войны, ни даже узкий концерт «избранных» стран и центров мирового влияния. Речь идет о том, чтобы построить справедливую демократическую и устойчивую, в идеале — саморегулирующуюся систему международных отношений.

Подтверждением является отмечаемое всеми перераспределение баланса сил в глобальном масштабе, включая повышение экономического веса и политического влияния Азиатско-Тихоокеанского региона. Процессы региональной интеграции, последовательного укрепления международных позиций характерны для Латинской Америки.

В целом речь идет о завершении многовековой эпохи доминирования Запада в мировых делах. При этом, как подчеркивал

Президент России, системный кризис, переживаемый ведущими центрами западного мира, не вызывает у нас злорадства. Ведь Евросоюз — наш ведущий торгово-экономический партнер, да и в культурно-цивилизационном плане Россия является одной из ветвей европейской цивилизации.

Суть в том, что нашим западным партнерам не следует поддаваться искушению и пытаться затормозить объективные процессы изменения глобального баланса с опорой в том числе на силовые методы, не стоит гнаться за иллюзией абсолютной неуязвимости. Серьезные опасения вызывают рецидивы односторонних действий, попытки ряда государств навязать другим свою шкалу ценностей, добиться для себя геополитических преимуществ, вмешиваясь во внутригосударственные конфликты, действуя в обход международного права и устоявшихся форматов принятия решений.

На днях началась общеполитическая дискуссия на 67-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. И в ходе работы нашей делегации на сессии, и в дальнейшем мы будем решительно противодействовать попыткам нарушать Устав ООН, в котором заложены принципы коллективного управления международными отношениями, утверждения полицентричного мироустройства при уважении суверенитета и равенства всех государств, их территориальной целостности, решении любых проблем через переговоры, без вмешательства извне. Именно они составляют фундамент современного международного права. Последовательное утверждение верховенства права в мировых делах является одним из ключевых приоритетов нашей дипломатии. Твердо убежден, что уважение принципов демократии и верховенства права должно быть обеспечено на международной арене точно так же, как и внутри государств.

В противном случае в мире усилятся риски сползания к хаосу и неуправляемости. Отсюда — наша настойчивость в урегулировании существующих проблем на основе принципа равной и неделимой безопасности, который сегодня приобретает универсальный характер, в продвижении объединительной, позитивной повестки дня в международных отношениях.

Хотел бы подчеркнуть, что в период серьезных испытаний, через которые проходят сейчас международные отношения, Россия не только сталкивается с опасностями, но и открывает для себя новые возможности. Объективно более востребованной становится стабилизирующая, уравновешивающая роль нашей страны

в современном мире. Самостоятельность, независимость внешней политики России — это наша историческая традиция и одновременно наше достояние, позволяющее эффективно способствовать укреплению международной стабильности.

Сегодня все члены мирового сообщества сталкиваются с общими глобальными вызовами, среди которых — опасность распространения оружия массового уничтожения, международный терроризм, организованная преступность, наркотрафик, пиратство, изменение климата, незаконная миграция, природные и техногенные катастрофы, нехватка продовольствия, массовые эпидемии — и это далеко не полный перечень. Все проблемы имеют трансграничный характер, затрагивают интересы всех государств и требуют выработки сбалансированной стратегии их решения и слаженной совместной работы. Все более востребована сетевая дипломатия, предполагающая формирование гибких, взаимопересекающихся объединений на основе совпадающих интересов.

Убежден, вне рамок солидарных, скоординированных усилий решений имеющихся проблем выработать не удастся. Ответы на общие для всех угрозы могут быть найдены только на пути подлинного партнерства, на равноправной, взаимоуважительной основе и при учете интересов и озабоченностей друг друга. Россия настроена далеко идти вперед в развитии глубокого, долгосрочного и многопланового сотрудничества в наших отношениях с другими странами. Настолько далеко, насколько к этому готовы наши партнеры.

Россия последовательно встраивается в глобальные процессы. Новые возможности появляются со вступлением нашей страны в ВТО, а в перспективе — и в ОЭСР. Набирает обороты, особенно на фоне многолетней пробуксовки Дохийского раунда, работа по созданию двусторонних зон свободной торговли с целым рядом стран.

Исходим из того, что Таможенный союз и Единое экономическое пространство России, Белоруссии и Казахстана, а с 2015 г. — и Евразийский экономический союз, внесут заметный вклад в решение задачи обеспечения устойчивого развития — и на пространстве СНГ, и в соседних регионах. Вообще углубление интеграционных процессов на пространстве Содружества — курс, рассчитанный на стратегическую перспективу и отражающий объективные тенденции эпохи глобализации, включая укрепление роли региональных объединений. У создаваемого нами интеграционного механизма имеются все основания стать связующим

звеном между АТР и Европейским союзом. В силе — предложение российского руководства о построении единого рынка от Атлантики до Тихого океана с триллионными объемами торговли.

Одна из ключевых особенностей современного мира, способствующих становлению полицентричного мироустройства, — повышение значения фактора культурно-цивилизационного многообразия. Сегодня предотвращение межцивилизационных разломов является одной из приоритетных задач в международных отношениях. Все больше укрепляется понимание того, что императивом является гармонизация международных отношений, опирающаяся на сближение и взаимопроникновение культур и экономик, своего рода управление плюрализмом современного мира.

Россия заинтересована в том, чтобы новая архитектура безопасности и сотрудничества — как в Евро-Атлантике, так и Азиатско-Тихоокеанском регионе и других районах мира — была справедливой и устойчивой, опиралась на внеблоковые начала, взаимодействие ведущих государств и интеграционных объединений, предоставляла возможности для развития широкой международной кооперации на основе равноправия и взаимной выгоды. Наши усилия на пространстве СНГ, в формате «Группы двадцати», «Группы восьми», БРИКС, ШОС — примеры такой взвешенной и ответственной линии.

Свое отражение признание роли нашей страны в мире находит в председательстве России в различных международных форматах — в АТЭС в нынешнем году, в «Группе двадцати» — в будущем, в «Группе восьми» — в 2014 г. В 2015 г. мы будем председательствовать в Шанхайской организации сотрудничества и в объединении БРИКС. Это, несомненно, одно из свидетельств укрепления международных позиций России.

Мы удовлетворены результатами состоявшегося в начале месяца во Владивостоке саммита форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» — ведущего экономического объединения Азиатско-Тихоокеанского региона. Удалось заложить прочную основу для последующей работы по углублению интеграционного сотрудничества, развитию торговли и инвестиций, транспортной инфраструктуры, обеспечению продовольственной безопасности.

Рассматриваем это как продолжение встраивания в региональные интеграционные процессы, продвижения плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества с государствами АТР. Главная цель наших усилий — создание необходимых внешних условий для мо-

дернизации и инновационного развития нашей страны, в том числе социально-экономического подъема Сибири и Дальнего Востока.

Одной из важнейших тем международной повестки дня сегодня стала ситуация в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Кардинальные, болезненные сдвиги, которые там происходят, будут ощущаться еще длительное время. А результаты урегулирования кризисных ситуаций, в первую очередь в Сирии, окажут серьезное влияние на процессы формирования нового мироустройства.

Попытки искать пути решения кризиса в Сирии вне рамок Совета Безопасности ООН имели бы самые деструктивные и опасные последствия как для Сирии, так и для региона Ближнего Востока, а в итоге — и для всего современного мирового правопорядка. Подлинное урегулирование достижимо лишь посредством переговоров и поиска компромиссов, учитывающих интересы всех конфессий и групп сирийского общества. Реализация «ливийской модели» — тупиковый путь. Мы исходим из того, что задача международного сообщества — не поддержка одной из стран внутреннего конфликта и не осуществление операций по смене режимов, а прекращение любого насилия и содействие началу инклюзивного диалога с целью выхода на компромиссное решение о необходимых политических реформах. Другими словами, все основные международные игроки, имеющие отношение к сирийскому кризису, должны «навалиться» на воюющие стороны, чтобы побудить их сесть за стол переговоров и определить будущие параметры своего государства. Считаю важным, чтобы все выполняли обязательства, вытекающие из принятых на основе консенсуса решений — соответствующих резолюций СБ ООН, плана К. Аннана, Женевского коммюнике «Группы действий».

Что касается ссылок на концепцию «ответственности по защите», то в итоговом документе «Саммита-2005» говорится о главной ответственности государств за защиту своего населения, а международное содействие должно носить мирный характер. Применение военной силы может быть оправданным только в крайних случаях и исключительно с санкции СБ ООН. Важно при этом отметить, что дискуссия в ООН по содержанию данной концепции далека от завершения, и не следует выдавать ее вольные интерпретации за коллективное мнение мирового сообщества.

Разумеется, мы искренне заинтересованы, чтобы ближневосточные страны развивались по предсказуемому демократическому пути, хотим видеть их стабильными и процветающими. Исходим из

того, что наращивание всестороннего сотрудничества отвечает нашим общим интересам.

Активный и созидательный курс нашей дипломатии пользуется поддержкой руководства и населения страны. 7 мая Президент В. В. Путин подписал Указ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». В нем в концентрированном виде изложены основные задачи во внешнеполитической сфере. Их системное обобщение должно найти отражение в обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации, проект которой до декабря нынешнего года поручено подготовить МИД.

Хотел бы подчеркнуть — речь идет именно о новой редакции, а не о кардинальной ревизии этого концептуального внешнеполитического документа. Преемственность российской внешнеполитической философии в полной мере сохраняется. В основе нашего внешнеполитического курса будут и впредь лежать ключевые принципы, доказавшие свою востребованность и универсальный характер, — прагматизм, открытость, многовекторность, последовательное, но без сползания к конфронтации продвижение национальных интересов.

В то же время в обновленной редакции Концепции будут учтены новые мировые тенденции, стремительные изменения, происходящие в международных отношениях. Акцент будет сделан и на том, чтобы энергичнее использовать наряду с традиционными все современные методы дипломатической работы, включая более последовательное продвижение экономических интересов государства и бизнеса, задействование механизмов «мягкой силы», информационное сопровождение внешней политики. Среди наших приоритетов будут обеспечение эффективной защиты прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом, расширение российского культурного присутствия и укрепление позиций русского языка в мире.

В последнее время существенно укрепляется взаимодействие Министерства иностранных дел с академическими кругами, экспертным сообществом, институтами гражданского общества. Мы убеждены, что это способствует более четкому и обоснованному уточнению наших внешнеполитических приоритетов, обеспечению соответствия внешнеполитического курса России интересам наших граждан. Тесное сотрудничество МИД России с МГИМО (У) является составной частью этих усилий.

## **КАЧЕСТВО ИНСТИТУТОВ КАК ПРИОРИТЕТ МОДЕРНИЗАЦИИ**

### **Российская модернизация: альтернативные подходы**

Понятию «модернизация» в современном российском политическом дискурсе явно не везет — это и модный риторический штамп, и образ идеального «завтра», и символ несбывшихся надежд, и маркер различных политических стратегий, и многое другое... О модернизации говорит и власть, и оппозиция, и бывает очень не просто «отшелушить» реальное содержание от мантр и заклинаний.

В экспертных дискуссиях последних лет, посвященных проблематике российской модернизации, можно выделить несколько альтернативных подходов, причем по различным основаниям. С одной стороны, в фокусе обсуждений — проблема субъектов и направленности импульса модернизации. Многие эксперты, при всей полярности их политических и идеологических пристрастий, склоняются к модели модернизации «сверху» — либо в типичном авторитарном варианте, либо в «просвещенном», предполагающем формирование общественной коалиции в поддержку модернизации по мере осуществления самого модернизационного проекта. Другие полагаются на модернизацию «снизу», причем тоже в разных вариантах. Очень часто при этом разные модели модернизации формулируются в одном модусе долженствования: «нужно, чтобы...», «необходимо осуществить...» (а вот «как» это сделать и «кто» этому конкретно мешает, часто остается за скобками рассуждений).

С другой стороны, дискутируется само содержание модернизации — одни (часто молчаливо, но в подавляющем большинстве) под ней понимают эффективные технологические решения, другие (совершенно внятно, но в меньшинстве) утверждают, что модернизация в сегодняшней России (как и в других «догоняющих» странах) предполагает в качестве обязательного условия определенные политические решения — «раскрытие» политического пространства, конкуренцию и плюрализм<sup>1</sup>.

Я категорически солидарен с позицией обозначенного выше «меньшинства», но в этой статье<sup>2</sup>, учитывая разработки российских и зарубежных коллег-компаративистов, предлагаю несколько иную постановку проблемы:

— Каковы ключевые приоритеты (внутренние и внешние) российской модернизации?

— Каковы ключевые факторы торможения модернизации?

— Каковы возможные мотивы и стимулы для модернизационных реформ?

Чтобы найти ответы на эти вопросы, я предлагаю вначале разобраться в том, как качество институтов связано с государственной состоятельностью/*State Capacity* и какова их связь с демократией и демократизацией. Далее нужно определиться с тем, как операционализировать и измерить качество институтов и *State Capacity*, а также как выявить институциональные факторы торможения и возможные стимулы для модернизационного развития.

### **Качество институтов & *State Capacity*: какова их связь с демократией?**

Отправной точкой в данном материале является понимание:

а) российской модернизации как комплексной стратегии институциональных трансформаций, основывающихся в первую очередь на политических преобразованиях (если грубо — демократизации) в качестве условия и предпосылки для развития экономических и социальных реформ;

б) качества институтов (государственных) как условия для современного модернизационного развития.

В современной компаративистике есть солидные концептуальные и эмпирические наработки относительно параметров качества институтов (часто операционализируемых в форматах различных индексов государственной состоятельности и/или *State Capacity*) и их влияния на экономическое развитие и/или демократизацию<sup>3</sup>.

Одним из наиболее авторитетных источников оценки качества государственных институтов является проект Всемирного банка *Worldwide Governance Indicators*, который выстраивает рейтинги более чем 200 стран мир по совокупности агрегированных переменных (от +2,5 до -2,5). Позиции России в последнем рейтинге (2010 г.) крайне низкие:

- *Voice and Accountability* – 0,94;
- *Political Stability and Absence of Violence* – 0,88;
- *Government Effectiveness* – 0,39;
- *Regulatory Quality* – 0,39;
- *Rule of Law* – 0,78;
- *Control of Corruption* – 1,07.

В современной литературе при концептуализации и измерении качества институтов часто используются в качестве *proxу* различные индексы государственной состоятельности/*State capacity*. Одна из ключевых проблем, которые рассматриваются в соответствующих исследованиях, связана с определением зависимости между качеством институтов/государственностью и демократией/демократизацией. Здесь можно выделить три альтернативных подхода.

I. “*Stateness First*”: *государственность как необходимая предпосылка демократии*

В современной политической компаративистике в качестве едва ли не априорной посылки распространено представление о том, что государство/государственность является необходимой предпосылкой демократии. Этот тезис идет еще от D. Rustow<sup>4</sup>. Часто цитируется утверждение Х. Линца и А. Степана о том, что «демократия есть форма правления в современном государстве. Таким образом, без государства современная демократия невозможна»<sup>5</sup>. Данный аргумент получает развитие в работах Ф. Фукуямы, Э. Мансфилда и Дж. Снайдера и др.<sup>6</sup>.

Й. Моллер и С.-Э. Скаанинг<sup>7</sup>, продолжая логику аргументации, представленную в ряде других работ<sup>8</sup>, подчеркивают, что современные государства рождались недемократическим путем, в крови и насилии, и лишь постепенно некоторые из них становились демократиями, и приходят к тому же общему выводу, что государственность предшествует демократии.

В литературе также выделяется отдельная линия, конкретизирующая обсуждаемый нами тезис о государственности как обязательной предпосылке демократии в плане проблематики качества государственных институтов. Суть данного аргумента сводится к тому, что демократизация без качественных институтов ведет к политическому и социальному хаосу и экономическому спаду<sup>9</sup>.

Действительно, нет никаких сомнений в том, что современная демократия невозможна без дееспособного государства и не может существовать вне пространства государственности. Про-

блема, однако, в другом — государство не абстракт, существуют очень разные государства и типы государственности. Государства по-разному понимают свои приоритеты и по-разному исполняют свои функции. Общий тезис о том, что государство является предпосылкой демократии, нуждается в конкретизации и развитии. Да, исторически создание «современных» (европейских) государств и государственное строительство предшествовали формированию демократических институтов и практик. Но нет достаточных теоретических и эмпирических оснований для экстраполяции этой последовательности в сегодняшний мировой контекст. Многомерная и разнонаправленная логика мирового политического развития требует дифференцированного подхода к вопросу о характере государства и государственности, детализированного рассмотрения их различных качеств, в первую очередь — применительно к рассматриваемой нами проблематике<sup>10</sup>.

В окружающем нас мире существуют очень разные государства с различными характеристиками государственности. Дифференциация уровней государственной состоятельности как раз и используется в качестве одного из способов их измерения и сравнения, в том числе в аспекте режимных различий. При этом в литературе обоснован теоретический аргумент о разных соотношениях уровней государственности и типов политических режимов (см.: Ч. Тили, 2007 г.<sup>11</sup>: по вертикали — государственная состоятельность, по горизонтали — политические режимы):

Государственная состоятельность	Политический режим	
	Высокий потенциал государственной состоятельности — недемократический режим	Высокий потенциал государственной состоятельности — демократический режим
Низкий потенциал государственной состоятельности — недемократический режим	Низкий потенциал государственной состоятельности — демократический режим	

Источник: Tilly Ch. Democracy. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2007.

В ряде исследований этот вывод подтверждается эмпирически<sup>12</sup>.

*II. “Democratization Without a State”: насколько необходима в современном мире государственность как предпосылка демократии?*

Строго говоря, это логически и теоретически возможная, но в содержательном отношении совершенно маргинальная позиция. О. Тенси приводит Косово в качестве примера демократиза-

ции без эффективной государственности<sup>13</sup>, заметим — примера весьма неоднозначного. В. Шойерман под критическим углом рассматривает аргументы, касающиеся процессов глобализации и транснационализации как факторов, снижающих относительную значимость суверенного государства и государственности для демократизации<sup>14</sup>. В сходном контексте иногда рассматриваются перспективы «демократизации извне» — фактически при слабом государстве.

*III. “Democratization Backwards”/“Building the Ship of State at Sea”: оновременность и комплементарность государственного строительства и демократизации.*

Гораздо более значимая проблема, все активнее дискутируемая в современной литературе, связана с возможностью оновременности и комплементарности процессов государственного строительства и формирования демократических институтов и практик. Существует ряд теоретических и эмпирических исследований, говорящих в пользу такой возможности. Например, Р. Роуз и Д. Шин считают возможным, образно говоря, «строительство государственного корабля в море» (*building the ship of state at sea*), т.е. строительство изначально демократических государственных институтов, причем высокого качества. По их мнению, именно это характерно для стран «третьей волны», осуществляющих успешную «демократизацию в обратном направлении» (*democratization backwards*), т.е. без предварительного выстраивания «сильных» государственных институтов. М. Брэттон и Э. Чанг на основе эмпирического анализа особенностей режимных изменений в ряде африканских стран также приходят к выводу о взаимосвязи и взаимообусловленности процессов государственного строительства и демократизации<sup>15</sup>. Дж. Карбоне и В. Мемоли на более широкой выборке стран делают аналогичный вывод, используя, однако, вызывающую возражения методологию<sup>16</sup>.

Дж. Фортин отмечает, что как существующие теоретические разработки, так и имеющиеся эмпирические данные не позволяют четко установить направление причинной зависимости между государственным строительством и демократизацией, и на этом основании приходит к выводу о том, эти процессы взаимно подкрепляют друг друга<sup>17</sup>. Фактически, это связано с проблемой эндогенности применительно к рассматриваемым нами вопросам. Иными словами, направление причинной зависимости трудно определить однозначно: что влияет на что и нет ли тут «третых»

причин? Связаны ли состояние/динамика государственной состоятельности и демократии/демократизации только друг с другом — или еще и с другими факторами/изменениями: например, развитием рыночной экономики, внешними влияниями и др.?

### **Качество институтов, *State Capacity* и уровни демократии: как измерить?**

В существующей эмпирической литературе для оценки качества институтов часто используются разнообразные индексы государственной состоятельности/*State Capacity*<sup>18</sup>, причем значения многих переменных в этих индексах определяются экспертным способом. Разрабатывая в данном проекте собственный индекс государственной состоятельности/*State Capacity* и используя его (со всеми оговорками) для измерения качества институтов, мы стремились опираться не столько на данные экспертных опросов, сколько на существующие статистические базы данных. Далее мы определяем, как средние значения нашего нового индекса связаны с теми или иными типами политических режимов (по *Freedom House* и *Polity IV*)<sup>19</sup>. Наша выборка включает 29 посткоммунистических стран, включая Монголию.

В соответствии с критическим анализом существующей литературы по рассматриваемой проблематике мы предлагаем собственный индекс государственной состоятельности/*State Capacity*, который является результатом агрегирования методом главных компонент трех его составляющих индексов:

- 1) правопорядка;
- 2) управленческой способности;
- 3) ресурсов и инфраструктуры.

Индекс правопорядка представляет собой композитный индекс права на физическую неприкосновенность (по базе данных *Cingranelli-Richards*<sup>20</sup>), представляющий собой среднее арифметическое показателей пыток, исчезновений людей, внесудебных расправ и наличия политических заключенных.

Индекс управленческой способности получен методом главных компонент на основе четырех показателей — индекса качества государственного управления из Международного справочника страновых рисков (*International Country Risk Guide, ICRG*<sup>21</sup>); доли доходов от сбора налогов в ВВП (по данным Всемирного банка<sup>22</sup>);

индекса восприятия коррупции (по *Transparency International*<sup>23</sup>) и показателя качества регулирующих экономику институтов, известного как «контрактоёмкие деньги» (*Contract Intensive Money*) — по данным *IMF*<sup>24</sup>.

Индекс ресурсов и инфраструктуры получен методом главных компонент на основе трех показателей: плотности дорожной сети; ВВП на душу населения; потребления электроэнергии на душу населения (все три показателя взяты из базы данных *WB*).

Результаты сопоставления значений нашего индекса государственной состоятельности/*State Capacity* и его отдельных составляющих с типами политических режимов (по версиям *Freedom House* и *Polity IV*) представлены в табл. 1.

Таблица 1

Тип режима		Общий индекс государственной состоятельности	Правопорядок	Управленческая способность	Ресурсы и инфраструктура
<i>Freedom House</i>	свободный	0,55	6,67	0,45	0,55
	частично свободный	− 1,29	5,19	− 1,12	− 1,02
	несвободный	− 1,08	3,73	− 0,78	− 0,47
<i>Polity IV</i>	демократия	0,29	6,33	− 0,61	0,24
	гибридный режим	− 1,50	4,53	− 1,28	− 0,90
	автократия	− 0,98	3,71	0,19	− 0,66

Результаты очевидны: государственная состоятельность (в нашем понимании — также и качество институтов) выше всего в консолидированных — или стремящихся к консолидации — посткоммунистических демократиях. Посткоммунистические автократии демонстрируют гораздо более низкие уровни государственной состоятельности и качества институтов — но более высокие по сравнению с гибридными режимами. Эти выводы демонстрируются практически идентичными графиками (рис. 1, 2).

Что же (или кто же) в гибридных режимах тормозит политические, экономические, социальные и иные реформы, которые могли бы способствовать продвижению к более высокому качеству институтов и демократии?

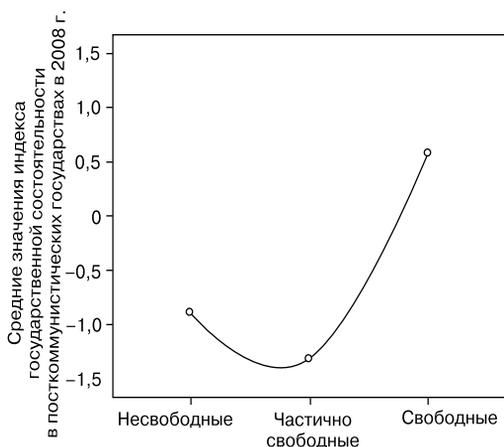


Рис. 1. Тип режима по версии *Freedom House*

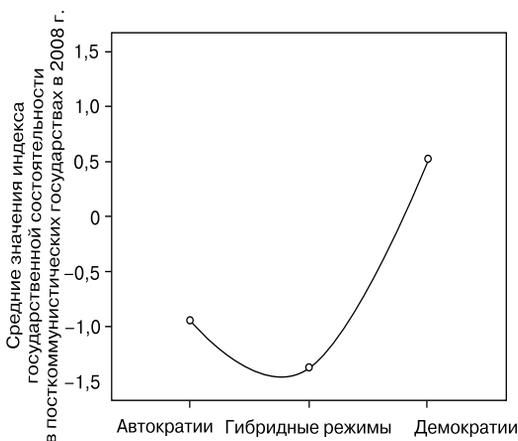


Рис. 2. Тип режима по версии *Polity IV*

### «Царь горы»: факторы торможения

В свое время классики транзитологии сформулировали одну из базовых, как тогда казалось, проблем — проблему перехода к демократии: как продолжать осуществлять начатые реформы, когда

большинство населения в переходных странах страдает из-за резкого ухудшения своего экономического и социального положения от приватизации и перехода к рынку? Это фактически образ *J*-кривой в формулировке А. Пшеворского<sup>25</sup>: как выйти из «долины транзита» на желанный «холм реформ», если они несут тяготы для людских масс, которые оказались в положении «проигравших»? Ф. Шмиттер<sup>26</sup> в этом же контексте формулирует еще более яркий образ «долины слез» (рис. 3).

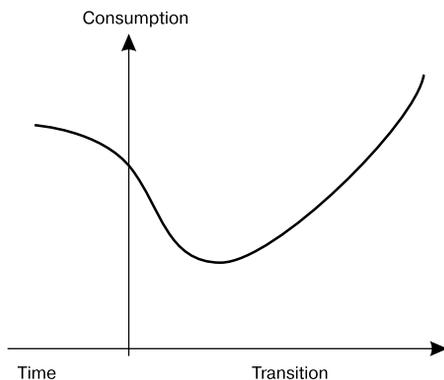


Рис. 3. «Долина транзита» («Долина слез»)

Действительно, это сильный аргумент. Однако это лишь одна сторона проблемы, которая применительно к гибридным режимам и новым автократиям связана отнюдь не с «проигравшими», а напротив, с «победителями».

Дж. Хеллман<sup>27</sup> фактически «переворачивает» *J*-кривую «с ног на голову» и предлагает противоположный аргумент: «победители» (т.е. новые элиты, выигравшие от приватизации) оказались «на вершине холма» частичных и незавершенных реформ, стали монополистами результатов гигантского перераспределения государственной собственности и именно поэтому стремятся к сохранению достигнутого статус-кво. Иными словами: “*Winners Take All*”. Им вовсе не нужно продолжение экономических реформ, которые вели бы к эффективной экономике и качеству институтов, поскольку это станет угрозой для их экономической монополии (рис. 4).

Я предлагаю развитие этого аргумента в духе современной политэкономии. В посткоммунистических (и не только) гибридных

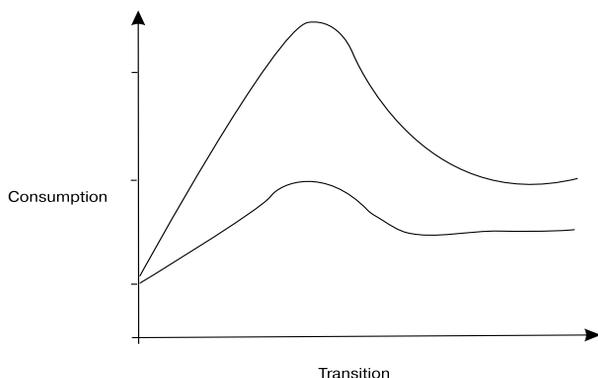
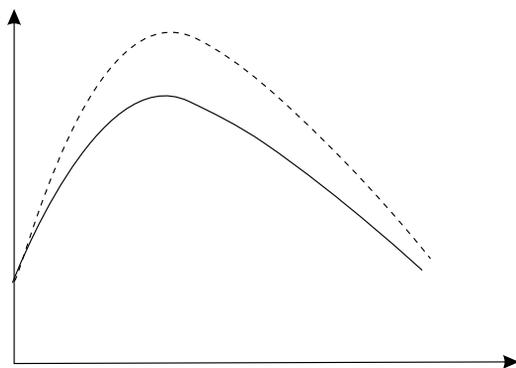


Рис. 4. “Winners Take All”

режимах, как и в новых автократиях, условием гарантированного извлечения экономической ренты является монополия на ренту политическую. Без несменяемости власти, обеспечиваемой недопущением реальной политической конкуренции и легитимизируемой имитационными институтами и плебисцитарными технологиями, в таких режимах у правящих элит нет гарантий на экономическую ренту. Завоевав положение победителей «на вершине холма», они делают все, чтобы остаться «царем горы». Они по сути дела лишены мотивов, и у них просто нет стимулов для формирования качественных институтов управления и демократических практик. Созданные ими «плохие» (т.е. коррумпированные, непрозрачные и неэффективные) институты для них как раз являются «хорошими». Такие институты выполняют функции, для которых были созданы, и закрепляют соответствующую «институциональную ловушку»<sup>28</sup>. Как следствие, происходит «захват государства», в том числе силовой<sup>29</sup>, и дальнейшее закрепление «большого», но «слабого» (с точки зрения качества институтов) авторитарного государства<sup>30</sup>. Экономическая и политическая рента, а не приоритеты гарантии собственности и экономической и политической конкуренции, становится главным побудительным мотивом для препятствия реформам и поддержания стабильности статус-кво, которая в свою очередь оказывается одним из основных препятствий на пути модернизации и демократизации.

Тем самым реальные преграды для продолжения реформ создает не сопротивление «проигравших», от которых нужно яко-

бы «изолировать» становящееся как бы из благих соображений, чуть ли не поневоле авторитарным государство и режим, а как раз «победители», всеми силами стремящиеся не допустить реального продолжения реформ или выхолостить их содержание, сделать их сугубо имитационными. Заметим, что это очень сильный аргумент против зарубежных и отечественных пропагандистов идеи о том, что авторитаризм на начальных этапах транзита предпочтителен, так как может способствовать экономическим и иным реформам — так, действительно, бывало в 1980-х годах, когда в повестке дня был переход от аграрных обществ к индустриальным [Ю. Корея, Тайвань и др.], но ни разу — в случае переходов от индустриальных к постиндустриальным, инновационным, высокотехнологичным обществам, предполагающим свободное творчество и инициативу, которые невозможны при «закрытой» политике.



**Рис. 5.** «Царь горы»: монополисты политической и экономической ренты и их «страхи»

На рис. 5 видно положение «царя горы» тех элитных групп в гибридных режимах и новых автократиях, которые сумели гарантированно обеспечить для себя политическую и экономическую ренту и поэтому лишены мотивов как для улучшения качества институтов, так и для обеспечения политической конкуренции (по вертикали — уровни извлечения политической и экономической ренты; по горизонтали — время протекания — или торможения — транзита). Стабильность и статус-кво для них — главная задача. В противном случае они обоснованно опасаются утраты своего привилегированного положения. Дополнительная пунктирная кривая — это

зашкаливающие за реальные уровни извлечения политической и экономической ренты тревоги и опасения «победителей», которые в случае восстановления политической и экономической конкуренции боятся не только статусного падения и утраты захваченных привилегий, но и преследования за свои прошлые деяния, как это уже случалось в некоторых транзитных странах...

Схема показывает, что пунктирная «кривая опасений» всегда выше реальных уровней извлечения ренты и выше самого пика «царя горы». Даже в случае гипотетического «спуска с холма», т.е. сдвига в сторону политической и экономической конкуренции, уровень опасений «победителей-монополистов» за свою судьбу и собственность все равно остается выше. (Это, кстати говоря, вариация одной из классических проблем, поднятых еще на ранних этапах транзитологических исследований, прежде всего применительно к латиноамериканским странам, получившая название «проблемы истязателя».)

### **Внутренние и внешние стимулы для повышения качества институтов и модернизации**

Остается пока без ответа поставленный выше вопрос о том, откуда могут взяться мотивы и стимулы для повышения качества институтов и модернизационных реформ в ситуации навязанной «царем горы» (это, понятно, собирательный образ) монополии на политическую и экономическую ренту? И, конечно, какие это институты?

Здесь нельзя не вернуться к проблеме заимствования новых институтов в ситуации распада институтов традиционного (коллективистского и иерархического) типа. Существует вполне авторитетное мнение о том, что сохранение традиционных институтов в странах Восточной и Южной Азии, а также на Ближнем и Среднем Востоке создает предпосылки для возможного в дальнейшем экономического подъема. И напротив, их распад в Латинской Америке, Африке южнее Сахары и в большинстве бывших советских республик обрекает эти регионы на неизбежное отставание в развитии<sup>31</sup>. Избегая обобщений, замечу тем не менее, что во всех успешных транзитных странах как демократизация, так и модернизация происходили посредством усвоения именно современных представительных институтов и повышения их качества (подотчетность, участие, конкуренция, транспарентность, контроль над кор-

рупцией, законопорядок и др.). Модернизация в XXI в. — это не догоняющая индустриализация второй половины XX в. (пусть даже в формате сингапурского рыбка «из третьего мира в первый»). Добавлю, что в зависших в своем транзите гибридных режимах и в новых автократиях персональному или коллективному «царю горы» вообще не нужны качественные институты — ни современные, ни традиционные. Нужны имитационные институты, обеспечивающие политическую и экономическую ренту.

Другой аспект проблемы — механизмы институционального заимствования, которые должны учитывать конкретные условия. Показательно, что в своих последних разработках Д. Норт, Дж. Уоллис, С. Уэбб и Б. Вайнгаст, как и другие ведущие институционалисты и политэкономы, предупреждают против прямолинейной трансплантации институтов развитых экономик и демократий в слабо подготовленное для этого «тело» транзитных стран<sup>32</sup>. Потому-то и предлагается концепция “*good enough governance*” (вместо “*good governance*”) в качестве критерия оценки качества институтов переходного периода.

В заключение несколько слов о мотивах и стимулах для модернизации, ключевым приоритетом которой является повышение качества институтов — посредством их замены или реформы. Политическая компаративистика эпохи «третьей» (и «четвертой») волны демократизации вполне достоверными эмпирическими способами выявила несколько возможных моделей инициирования реформ<sup>33</sup>:

Во-первых, «сверху» — в результате раскола правящих элит (характерные примеры — Испания после смерти Франко, СССР после прихода Горбачева).

Во-вторых, «сбоку» — в ходе возвышения новых элит (так было в самом конце 1980-х в Чехословакии, прибалтийских странах и др.).

В-третьих, «снизу» — под давлением различных оппозиционных сил и групп (Польша является едва ли не хрестоматийным примером).

В-четвертых, «извне» — под влиянием различных механизмов воздействия и влияния, от «принуждения» к демократии как альтернативе гражданским конфликтам и фактическому распаду государственности до требований к вступлению в ЕС и, наконец, более или менее осознанной реакции на политические, экономические, информационные, ценностные, институциональные и другие вызовы современного глобального мира.

Какие же модели актуальны для сегодняшней России? (Я сознательно абстрагируюсь от оценок, меня интересуют лишь возмож-

ные сценарии.) Раскол элит «наверху» в нынешней ситуации «царя горы» (особенно после 24 сентября 2011 г.) практически нереален. Появление альтернативных элит «сбоку» тоже не просматривается. Давление «снизу» (при всей важности сегодняшнего разнородного протестного движения и возможности альтернативных сценариев политического развития) пока что не дает оснований воспринимать его в качестве реального катализатора реформ.

Что же касается внешних факторов возможных модернизационных реформ (политических и экономических), то они заслуживают гораздо большего внимания. При этом абсолютно понятно, что о каком бы то ни было внешнем «принуждении» не может быть и речи — система «суверенной демократии» (пусть даже сам термин ушел в небытие) поставила тому прочные заслоны, подкрепленные поддержкой элит и масс. Но вот ответ на вызовы глобализации, транснационализации, членства в международных политических и финансовых организациях, новой информационной и коммуникационной среды, экологии и др. — это то, что придется принимать во внимание, чтобы пойти путем догоняющей, но постиндустриальной модернизации XXI в., а не оказаться на исторической обочине. Этот ответ возможен лишь как повышение качества институтов — их реформа или замена.

<sup>1</sup> Макаренко Б. Возможна ли в России модернизация? // *Pro et Contra*. 2008. Сентябрь — декабрь. С. 33 — 47; Гельман В. Тушик авторитарной модернизации // *Pro et Contra*. 2009. Сентябрь — декабрь. С. 51 — 61; Россия XXI века: Образ желаемого завтра. М.: ИНОСР, 2010; *Guriev S. and Zhuravskaya E. Why Russia is not South Korea* // *Journal of International Affairs*. 2010. Vol. 63. No 2. P. 124 — 139; Ясин Е. Приживется ли демократия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

<sup>2</sup> В частности, здесь используются результаты исследовательских проектов, осуществленных и осуществляемых при поддержке Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (при участии Д. Стукала, М. Миронюка, М. Ильина, Е. Мелешкиной, О. Харитоновой и др.), а также мои совместные разработки с Б. Макаренко.

<sup>3</sup> *Bratton M. and Chang E. State Building and Democratization in Sub-Saharan Africa: Forwards, Backwards, or Together?* // *Comparative Political Studies*. 2006. Vol. 39. No 9. P. 1059 — 1083; *Baek H. and Hadenius A. Democracy and State Capacity: Explaining a J-Shaped Relationship* // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. 2008. Vol. 21. No 1. P. 1 — 24; *Hanson J. Democracy and State Capacity: Complements or Substitutes?* // Paper presented at the annual meeting of the Midwest Political Science Association. Chicago, 2008. April 3 — 6; *Charron N. and Lapuente V. Does*

Democracy Produce Quality of Government? // *European Journal of Political Research*. 2010. Vol. 49. No 4. P. 443 – 470; *Fortin J.* A Tool to Evaluate State Capacity in Post-Communist Countries // *European Journal of Political Research*. 2010. Vol. 49. No 5. P. 654 – 686; *Fortin J.* Is There a Necessary Condition for Democracy? The Role of State Capacity in Postcommunist Countries // *Comparative Political Studies*. 2011. Vol. 20. No 10. P. 1 – 28.

<sup>4</sup> *Rustow D.* Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // *Comparative Politics*. 1970. Vol. 2. No 3. P. 337 – 363.

<sup>5</sup> *Linz J. and Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1996.

<sup>6</sup> *Fukuyama F.* The Imperative of State-Building // *Journal of Democracy*. 2004a. Vol. 15. No 2. P. 17 – 31; *Fukuyama F.* Liberalism versus State-Building // *Journal of Democracy*. 2007. Vol. 18. No 3. P. 10 – 13.

<sup>7</sup> *Moller J. and Skaaning S.-E.* Stateness First? // *Democratization*. 2011. Vol. 18. No 1. P. 1 – 24.

<sup>8</sup> *Tilly Ch.* Coercion, Capital and European States: AD 990 – 1992. Cambridge: Blackwell, 1990; *Van Crevelde M.* The Rise and Decline of the State. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

<sup>9</sup> *Полтерович В., Попов В.* Демократия, качество институтов и экономический рост // *Прогнозис*. 2006. № 3.

<sup>10</sup> Показательно в этом отношении уточнение, сделанное А. Хадениусом (2001): в современных условиях не любое государство является предпосылкой демократии и условием демократизации, а государство особого рода — «взаимодействующее государство» (*interactive state*), т.е. такое, которое развивается связи с обществом и отвечает на его запросы.

<sup>11</sup> *Tilly Ch.* Democracy. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2007.

<sup>12</sup> *Мельвиль А. Ю., Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю., Миронюк М. Г. и др.* Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО-Университет, 2007; *Melville A. with Polunin Yu., Ilyin M, Mironyuk M. et al.* Political Atlas of the Modern World. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.

<sup>13</sup> *Tansey O.* Democratization without a State: Democratic Regime-Building in Kosovo // *Democratization*. 2007. Vol. 14. No 1. P. 129 – 150.

<sup>14</sup> *Scheuerman W.* Postnational Democracies without Postnational States? Some Skeptical Reflections // *Ethics and Global Politics*. 2009. Vol. 2. No 1. P. 41 – 63.

<sup>15</sup> *Bratton M. and Chang E.* Op. cit.

<sup>16</sup> *Carbone G. and Memoli V.* (2011/2012). Does Democracy Foster State Consolidation? A Panel Analysis of the “Backwards Hypothesis”. URL: [http://www.sociol.unimi.it/papers/2012-04-19\\_G.%20Carbone%20e%20V.%20Memoli.pdf](http://www.sociol.unimi.it/papers/2012-04-19_G.%20Carbone%20e%20V.%20Memoli.pdf).

<sup>17</sup> *Fortin J.* Is There a Necessary Condition for Democracy? The Role of State Capacity in Postcommunist Countries // *Comparative Political Studies*. 2011. Vol. 20. No 10. P. 1 – 28.

<sup>18</sup> *Bratton M. and Chang E.* Op. cit.; *Charron N. and Lapuente V.* Op. cit.; *Fortin J.* A Tool to Evaluate State Capacity in Post-Communist Countries // European Journal of Political Research. 2010. Vol. 49. No 5. P. 654–686.

<sup>19</sup> Статистическая разработка осуществлена Д. Стукалом.

<sup>20</sup> Cingranelli-Richards Human Rights Data Project. URL: <http://ciri.binghamton.edu>.

<sup>21</sup> The Quality of Government Institute. URL: <http://www.qog.pol.gu.se/>.

<sup>22</sup> World Development Indicators / The World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>.

<sup>23</sup> Corruption Perceptions Index / Transparency International. URL: <http://www.transparency.org/research/cpi>.

<sup>24</sup> International Monetary Fund. Data and Statistics. URL: <http://www.imf.org/external/data.htm>.

<sup>25</sup> *Przeworski A.* Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

<sup>26</sup> *Schmitter Ph. with Wagemann C. and Obydenkova A.* Democratization and State Capacity // Paper for X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administracion Publica. Santiago, Chile, 2005. October 18–21.

<sup>27</sup> *Hellman J.* Winners Take All. The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions // World Politics. 1998. Vol. 50. No 2. P. 203–234.

<sup>28</sup> *Гельман В.* Россия в институциональной ловушке // Pro et Contra. 2010. Июль—октябрь. С. 23–38.

<sup>29</sup> *Волков В.* Силовое предпринимательство. М.: Летний сад, 2002.

<sup>30</sup> *Петров Н.* Обилие слабого государства // Pro et Contra. 2011. Сентябрь—октябрь. С. 51–66.

<sup>31</sup> *Попов В.* Пот, кровь и слезы // Эксперт. 2012. 14 мая.

<sup>32</sup> *Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С, Вайнгафт В.* В тени насилия: Уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М.: НИУ ВШЭ, 2012.

<sup>33</sup> Конкретные страновые примеры можно в изобилии найти в четырехтомном энциклопедическом справочнике «Политические системы современных государств» (М., 2009–2012), подготовленном в МГИМО-Университете в рамках проекта «Политический атлас современности».

## МИРОВЫЕ СТРАТЕГИИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Современная теория международного развития называет четыре главные структурные причины усиления неравномерной значимости национальных государств и национальных сообществ в системе мировых отношений: *глобализация, модернизация, интеграция и регионализация*. Неоднородность мирового политико-экономического пространства, напрямую связанная с ответными стратегиями ведущих держав, приводит к тому, что в различных пространственных сегментах мира, имеющих собственные формы эволюционирующей внутренней организации, каждый из этих процессов имеет свою скорость и форму протекания и соответственно по-разному влияет на региональную структуру, определяя своеобразие региональных подсистем международных отношений в рамках единой международной системы. Умение использовать преимущества региональной интеграции, приспособиться к глобальным процессам и определяет в конечном счете выбор моделей развития и стратегий тех или иных наций-государств (особенно великих держав) в современных условиях мировой взаимосвязанности, способствуя или препятствуя их подъему или упадку и в конечном счете определяя характер мировой системы отношений, сопряженность ее частей и направление развития.

Причинами усиления региональной динамики мировых процессов в последние десятилетия стали процесс «расслоения» великих держав, т.е. переход многих великих держав в «легковесную» категорию (*lite powers*), что означало существенное ограничение их намерений быть вовлеченными во внешние военные конфликты, а также процесс «делегирования ответственности» великих держав региональным державам в определенных регионах мира (сознательное или попустительское). Процессы глобального и регионального уровней стали разделяться исследователями (Б. Бузан и О. Уевер, Параг Ханна, Ян Цзэмянь, Шри Н. С. Сисодиа, Арвинд Гупта и др.) при помощи отнесения различных категорий ведущих акторов, доминирующих на том или ином уровне (супердержавы, государства-доминанты, великие державы, государства-лидеры, региональные державы, государства первого и второго и др. эшелонов), к различным категориям и определения механизмов их вза-

имодействия, а также путем анализа региональной динамики проблем безопасности в рамках региональных комплексов.

Великие державы (в другой терминологии — государства-лидеры), в отличие от сверхдержав и/или государств-доминантов, не обязательно обладают исключительными возможностями во всех сферах международной деятельности, однако их экономические, военные и политические возможности вполне достаточны для того, чтобы в краткосрочной или среднесрочной перспективе попытаться претендовать на статус супердержавы/государства-доминанта, пытаться форматировать или переформатировать мировой порядок и/или определяющим образом структурировать региональную подсистему<sup>1</sup>. Великие державы активно вовлечены в процесс формулирования повестки дня глобальной безопасности и могут действовать в нескольких регионах мира, при этом являясь реальными лидерами, по крайней мере в одном регионе, т.е. они активно участвуют в форматировании макрорегионального уровня. Различие терминологии связано с различным пониманием и различными градациями этой категории у разных исследователей в разных странах (в Китае употребляют термин «великие» (досл. «*garo*» — большие) государства. Он используется некоторыми российскими исследователями по аналогии с англоязычным термином «*the great powers*», распространенным среди американцев и англичан, которые в свою очередь выделяют «*the great powers*» — «старые» великие державы, т.е. страны Запада (США, Францию, Германию, Японию, Великобританию), и «*aspiring powers*» — новые «великие» («поднимающиеся») державы, стремящиеся изменить статус-кво в международной системе (Китай, Россию, Индию, Иран, Бразилию).

Подъем великих держав (иногда также используются термины «великие региональные державы», «новые великие державы» или «сверхкрупные страны»/«новые сверхкрупные индустриальные державы») происходит за счет того, что какие-то страны в силу определенных политических и экономических причин повышают свой статус в международной иерархии и/или за счет упадка бывших сверхдержав. Трансрегиональное сотрудничество — еще один способ повышения статуса в международной системе, «освоенный» странами «разного калибра»: США, Европой (разными европейскими странами в различной исторической последовательности), Израилем, Японией, Республикой Корея, в последнее время он активно осваивается и Китаем.

Региональные державы обладают значительными возможностями действовать в пределах своих регионов, определяя параметры региональной полярности, однако, как правило, не выходят на глобальный уровень, редко и, как правило, только в коалициях или интеграционных объединениях участвуют в проектах форматирования и переформатирования мирового порядка и редко успешно действуют в нескольких регионах, хотя иногда пытаются это делать (к примеру, война Великобритании с Аргентиной за Фолклендские острова).

В Европе, а потом в ЕС, развивающемся экономически и политически поступательно на протяжении последних 200 лет, модернизация и интеграция были и являются важнейшими факторами и стимулами внутреннего развития. Ни на одном континенте мира интеграционные процессы не идут с такой скоростью, не достигают такого объема и глубины. Даже мировой финансово-экономический кризис не смог затормозить эти процессы, а лишь ускорил проработку моделей дальнейшей «гибкой» и «разноскоростной» интеграции «ядра» ЕС на основе единой бюджетной политики и его трансформации из монетарного союза в фискальный, включая или исключая, в зависимости от экономических возможностей и политической целесообразности, нестабильные элементы из этих процессов. Несомненно, эти процессы влияют и на развитие Северной Америки. Сначала США выдвинулись из группы лидеров в безусловного лидера мирового экономического развития, предлагавшего в течение долгого времени эталон для решения экономических и политических проблем. Затем образование ЕС стимулировало появление в Северной Америке более конкурентных интеграционных моделей по типу НАФТА, а затем Транстихоокеанского партнерства, центрированных вокруг экономики США и, возможно, предлагающих более транспарентные условия сотрудничества, чем даже в рамках ВТО с ее 50-летними переходными периодами для ряда государств, позволившими им получать все преимущества от сотрудничества в рамках ВТО, не открывая свою экономику в равной степени для других участников этой организации. Регионализация, особенно продвигаемая какой-либо великой державой или несколькими великими державами, в свою очередь приводит к снижению региональных диспропорций, сближению темпов и уровня развития регионов, созданию предпосылок для дальнейшей интенсификации интеграционных процессов, в частности путем развития трансграничных «треугольников рос-

та» и трансграничного сотрудничества, что дает национальным обществам в лице наций-государств дополнительные стимулы для развития как на национальной, так и на региональной и межрегиональной основе.

До конца XX в. преобладающей в политической науке, хотя и активно дискутируемой, являлась точка зрения, в соответствии с которой анализ процессов, происходящих в западном мире, и влияния этих процессов на глобальные трансформации является основным предметом политологии и мировой политики. Начиная с XXI в. акцент политических исследований изменился: теперь стержневыми для следующих десятилетий мирового политического развития становятся вопросы о том, смогут ли державы западного мира построить свои демократические системы на основе открытого социального доступа; какие из крупных западных стран, региональных или великих держав смогут демополизировать пути перехода к такой системе, впервые реально освоенные в современном нам мире странами Запада, и предложить свои национальные варианты этой системы, а какие будут обречены на бесконечные циклы мобилизаций-стабилизаций, военных противостояний, периодических системных политических кризисов и развитие по кругу, без выхода на новый социально-политический и технологический уровень конкурентного развития, но с непременной необходимостью оборонять свою «осажденную крепость» от «внутренних и внешних врагов», чтобы «защититься» и объяснить своему населению, почему оно живет хуже, чем другие.

Политические и социально-экономические трансформации конца XX — начала XXI в. привели к тому, что современный мир вступил в такой этап своей эволюции, когда уже отнюдь не исключительно западные страны, как это происходило в XIX и XX вв., стали определять и сами параметры этой эволюции, и научные рамки ее осмысления. В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что любое объяснение современных международных политических и экономических процессов не может считаться полным без анализа их специфики в западных регионах мира, поскольку именно в этой части земного шара находится большинство участников международной системы, а именно национальных государств — членов международного сообщества. Такой взгляд на мир констатирует факт, что внешняя и внутренняя организация жизни в других макрорегионах и их составных частях — национальных государствах — может осуществляться иначе. Повышение эконо-

мической роли этих макрорегионов мира приводит к усилению их политической роли, что становится значимым предметом анализа мирополитических процессов в целом и взаимоотношений великих держав в частности.

На протяжении достаточно длительного времени теоретическое осмысление особенностей азиатских и африканских регионов с точки зрения сравнительно-политической перспективы заметно отставало от рассмотрения аналогичных процессов в западном мире, а роль Востока практически не учитывалась, считаясь второстепенной — прежде всего с точки зрения влияния на мировую политику, творившуюся великими колониальными, а затем великими ядерными державами. Из ядерных держав в начале второй половины XX в. на Востоке этим оружием обладала только КНР, демографически огромное, но до 1990-х годов экономически слабо воздействующее на мировую систему государство.

Подобная ситуация зачастую приводила к тому, что теоретические подходы, основанные на западных экономических реалиях, логике биполярного противостояния великих ядерных держав, а затем однобокой логике «победителей в холодной войне», автоматически считались применимыми ко всем остальным частям земного шара в полной мере, без их модификации либо с незначительными изменениями. Такая политика в итоге стала вызывать рост национализма разного рода, как конструктивного, так и деконструктивного и агрессивного, в незападных сегментах мира, а также существенные искажения на Западе понимания характера политических процессов в незападных регионах мира (как «отсталых» и обреченных вечно стремиться вдогонку за великими державами-лидерами), что породило соответствующее психологическое и вполне материальное (программы военной модернизации) противодействие. Искажения на уровне понимания вели не просто к «западоцентризму»/«европоцентризму», «востокоцентризму»/«китаецентризму», западному снобизму или антизападному радикализму, а к крупным просчетам и проблемам на уровне практики международного взаимодействия, свидетельством чему являются латентное неослабевающее противостояние России и НАТО, связанное с расширением НАТО на восток и разработкой систем ПРО ТВД, террористические акты «9/11», проблемы торговых и финансово-экономических дисбалансов, вызванных ростом производства в Китае и Азии, сложности в Ираке и Афганистане, различные оценки внутри мирового сообщества последствий вмешательства в ливий-

ские и сирийские события и др., а также внутренней политики в самих странах Запада (реакция на события «9/11», террористические акты, войну с «Аль-Каидой», волнения в Париже и Лондоне, «исламизацию» и «азиатизацию» Европы, появление партий «истинных европейцев», дело А. Брейвика и т.д.).

Основная проблематика сегодняшней мировой дискуссии о связи экономической и политической модернизации и влиянии этих процессов на мировое развитие и мировые стратегии держав вращается вокруг двух стержневых гипотез. В соответствии с первой экономической рост сопровождается, а с определенного момента и поддерживает появление устойчивых демократических форм модернизированной политической системы. Экономический рост, основанный на расширении поля экономического взаимодействия и взаимосвязанности, укрепляется единым модернизирующимся политическим систем. Концепция национального суверенитета трансформируется, предполагая контроль наиболее значимых параметров, а не абсолютно всех экономических, политических и социальных практик. Национальные государства становятся более открытыми, мир — тоже все более открытым, на чем основывается его поступательное развитие. Эта гипотеза подтверждается как количественными статистическими расчетами целой серии исследований экономистов и политологов (А. Пшеворски, М. Алварес, Х. А. Чейбуб, Д. Асемоглу, Д. Робинсон и др.), так и эмпирическими примерами. Этому взгляду соответствует политический лозунг «экономика предшествует политике» в его различных теоретических и практических вариантах, озвученных как политологами (С. Липсет, А. Пшеворски и др.), так и политиками (Дэн Сяопин, У. Клинтон, В. Путин и др.). В соответствии со второй гипотезой, подсказанной реальной жизнью и стихийно озвученной сначала политиками (В. Гавел, Л. Валенса), а затем в разное время политиками, экономистами и политологами (Б. Ельцин, Е. Гайдар, А. Чубайс, А. Мельвил), существует обратная причинная связь — для ряда трансформирующихся сообществ «политика может предшествовать экономике»: сначала нужно целенаправленно форсированными темпами модернизировать политические институты, невзирая на сопутствующую форсированную трансформацию национального суверенитета, а затем вследствие этого неизбежно ускорится экономическое развитие. В соответствии с этим предположением укрепляющееся политическое единство, основанное на общем понимании характера и направления мировых политических процес-

сов, неизбежно приведет и к экономическому расцвету. Укрепляющееся же политическое единство будет способствовать снижению национальной конкуренции, что и гармонизирует в конечном счете трансформируемые национальные суверенитеты. Эта гипотеза основана на теоретических предположениях, но также имеет некоторые частичные эмпирические подтверждения (опыт некоторых стран Азии, Африки и Восточной Европы). В то же время она интенсивно дискутируется и оспаривается, к примеру, в «больших странах» — России и Китае, что косвенно свидетельствует о роли в них фактора региональной специфики, в частности в связи с проблематикой трансформации суверенитета<sup>2</sup>. Соответственно центральной в мировой стратегии становится проблематика идеальной, т.е. наиболее конкурентной, модели экономического и политического устройства, приближения существующих к этой модели и степень допустимости региональной/страновой вариативности ключевых параметров. Понятны и прямая связь этих теоретических дискуссий с практикой внутривосточных трансформаций («подталкивание» vs «стабилизация») и их влияние на международные отношения, мировую политику, практическую дипломатию и выработку внешнеполитической стратегии.

В начале XXI в. ситуация в мире изменилась кардинальным образом: глобализирующийся мир стал как бы сжиматься, на первый план выходят проблемы новой, более тесной взаимозависимости природы и человека, людей, национальных сообществ, народов, стран между собой в процессе устойчивого поступательного развития, без решения которых само существование человечества становится проблематичным. В связи с этим и сами западные исследователи и политики сначала стали отмечать, а потом и объяснять новую тенденцию повышения роли стран Востока в мировой политике, пытаясь предложить новое целостное объяснение специфики процессов, происходящих в разных регионах мира. Возникла мировая дискуссия внутри взаимосвязанных наиболее открытых и продвинутых частей западного и восточного политического и интеллектуального сообществ, открытых для обсуждения новых тенденций (Э. Саид, А. Франк, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, А. Франк, П. МакНилл, Д. Лэндс, Е. Гайдар, Р. Капур, М. Махатхир, К. Махбубани, Хатами, Н. Фергюссон, Р. Нейсбит и др.), о роли региональных факторов в экономико-политическом развитии мира, хотя сам термин «региональный фактор», по крайней мере на начальной стадии дискуссии, и не употреблялся. Затем реальность нового века (со-

бытия «9/11» и мировой финансово-экономический кризис) заставила пересмотреть некоторые из догм казавшихся незыблемыми парадигмальных представлений прикладных общественных наук и обратиться к незападноцентричным, объективистским объяснениям мировых политических и экономических процессов<sup>3</sup>, пока все еще не представленным в виде целостных логически непротиворечивых объяснений. В соответствии с этой новой тенденцией, объясненной в исследовании Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста<sup>4</sup>, существуют три типа социального порядка: примитивный, естественный (в другой терминологии — ограниченный) и открытый. Примитивный социальный порядок сегодня в целом неконкурентоспособен, и сфера его распространения сокращается, оказываясь во все более суживающихся, депрессивных и отстающих региональных сегментах (точнее — фрагментах) мира. Существование естественного/ограниченного социального порядка проходит в свою очередь определенные временные этапы. Эти подтипы соответствуют разным временным этапам эволюционного развития национальных сообществ и обладают достаточной степенью своеобразия, что оказывает существенное влияние на способы и формы конфигурирования внутренней и внешней сфер жизни этих сообществ. Характер и этап развития порядка социального доступа, на котором находятся национальные государства, помимо других условий, существенным образом влияют на характер осуществляемой стратегии великих держав.

Сегодня примерно половина всех существующих государств принадлежит к государствам с естественным социальным порядком, практикующим ограниченный социальный и политический доступ. Кроме этого, существует и социальный порядок открытого доступа, который создали, активно поддерживают и развивают 25 государств. Круг государств с системой открытого доступа постепенно расширяется, и сегодня их количество приближается к 100. Этап самого значительного расширения государств с таким типом социального порядка пришелся на период после распада СССР. Государства с естественным и открытым социальными порядками активно конкурируют друг с другом на международной арене, причем форму и способы этой конкуренции определяют примерно 40–50 государств: 25–30 государств с открытым социальным порядком и 15–20 государств с естественным социальным порядком охранительного характера. По мере эволюционного развития человечества и технологий уничтожения жизни либо ее продления

формы этой конкуренции смещаются от военных, приводящих к неисчислимым людским и катастрофическим экономическим потерям, к невоенным, требующим все больших интеллектуальных ресурсов для разработки стратегий консенсусного, эволюционного, соревновательного развития. Остальные государства либо пользуются в той или иной степени порядком открытого доступа, импортируя соответствующие институты, либо не могут его построить в силу причин прежде всего внутреннего характера. К естественному социальному порядку (естественного доступа) принадлежит большее количество государств, но открытый социальный порядок (открытого доступа) создал более высокий уровень жизни, защитил его мощнейшим военно-политическим блоком, покоящимся на фундаменте высокоинтегрированной экономики, он быстрее реагирует на непредвиденные политико-экономические обстоятельства и активно расширяется. Этот социальный порядок является в целом более конкурентным и легитимным, поскольку основан на демократическом правлении, подразумевающим прямое участие народа в управлении через систему открытых и транспарентных выборов и строго оговоренную по срокам и процедурам периодическую ротацию политических и экономических управленцев. Он лучше гасит негативные внешние и внутренние импульсы, при экономических кризисах показывает меньшую глубину падения и отката назад, создал политические предохранители против возникновения системных кризисов и в силу этого стабильнее и в целом интенсивнее и быстрее развивается, создавая населению более благоприятные условия существования, основанные, по крайней мере последние 200 с лишним лет, на массивном внедрении интеллектуальных инноваций (социальных и технологических). В целом наш сегодняшний образ жизни и был создан странами, придумавшими в конечном счете сначала для самих себя систему открытого социального доступа, а затем предложившую ее другим в качестве социальной инновации.

Ранее считалось, что переход от естественного социального порядка к открытому в национальных сообществах происходит автоматически и спонтанно по мере экономического развития и повышения экономического благосостояния. Главное — только понять и осознать эту историческую закономерность (теория «демократического транзита» и «демократической воронки»), подобно тому, как в свое время была осознана и обоснована историческая закономерность неизбежности перехода всех стран от капитализ-

ма к социализму, а затем и к коммунизму во всемирном масштабе. В настоящее время часть американских и европейских исследователей и политиков стала считать, что построение системы открытого социального доступа есть некоторая спонтанная аномалия социальной эволюции, невозможная для повторения всеми странами в силу их интеллектуальной и социально-политической неготовности к этому. Параллельно возникло объяснение, в соответствии с которым в действительности переход части государств к системе открытого доступа имел свою собственную жесткую логику: императив экономического развития, основанного на создании рыночного пространства шире, чем территория национального государства, он требует трансформации национального суверенитета таким образом, чтобы обеспечивать контроль только ключевых параметров, без чего было бы невозможно как активное принятие извне инвестиционных, финансовых и торговых потоков, так и свое собственное расширяющееся экономическое проникновение на внешние рынки. Понимание этого императива потребовало трансформировать и развить теории национальной и международной безопасности и разработать национальные стратегии построения системы открытого доступа.

Учитывая основные тенденции развития человечества и принципиальную ограниченность природных ресурсов, логично предположить, что в усложняющихся внешних и внутренних условиях поступательного развития при наличии ядерного оружия выработка дальнейшей внешней и внутренней политики государств будет нуждаться в опоре преимущественно не на силовые методы, ограниченные оружием массового уничтожения всего человечества как биологического вида, а на умение договариваться с другими, т.е. во все более полном социальном консенсусе при одновременном внутреннем упорядочивании. В противном случае системные кризисы, военные противостояния и кровопролитные войны прошлого становятся неизбежными и мы вынуждены будем констатировать, что человечество по мере своего исторического развития ничему не учится и не воспринимает исторический опыт. Таким образом, в процессе трансформации социальных порядков национальных сообществ ключевую роль, судя по всему, играют не только естественно существующие (уровень экономического, политического, социального и правового развития конкретного общества), но и сформированные или формируемые факторы и разрабатываемые на их основе стратегии: определенный уро-

вень экономики нового, инновационного типа, понимание исчерпанности циклической модели развития, сознательный консенсус политических элит и общества по вопросу необходимости модернизации и эволюционной трансформации социального порядка и системы обеспечения правопорядка, гарантирующих эволюционную, но стабильную, безопасную и поступательную трансформацию и развитие общества без системных кризисов.

Постепенно, по крайней мере части наиболее продвинутых и парадигмально незашоренных исследователей, стало ясно, что рост межгосударственного взаимодействия на региональном и макрорегиональном уровнях в качестве значимой тенденции мирового развития, экономическая и политическая модернизация, открытый регионализм, регионализация и появление феномена макрорегионального и трансрегионального сотрудничества (трансрегионализма) — а именно с этими новыми глобальными тенденциями и соответствующими им внешнеполитическими стратегиями связано так же, как и в случае стран Запада на другом временном отрезке его развития, действительное повышение роли стран Востока в мировых процессах — определяют не только экономические, но также политические, социально-культурные и цивилизационные факторы, поскольку в каждом из региональных сегментов существует свой уникальный состав национальных государств с разными типами социального порядка. В связи с этим действительно на конкретном историческом этапе развития вероятен переход мировой системы к реальной полицентричной структуре со сложной конфигурацией взаимодействия Запад—Восток/Север—Юг, основывающейся на усилении политико-экономической интеграции внутри регионов, с появлением противоречий, связанных с необходимостью конкуренции и сотрудничества государств с разными типами социального порядка на пространственно сопредельных региональных сегментах, а также с одновременным развитием трансрегионального сотрудничества, которое, как и формирование наднационального политического пространства, приобретающего подлинно глобальный характер, но разной степени глубины, является в новых условиях специфической формой глобализации; с формированием на этой базе мировых центров (включая новые) разной степени конкурентоспособности и одновременно проявлением противоречий между ними — культурных, экономических, политических и иных. В ходе разрешения этих противоречий и при наличии системы глобального умелого управления происходит

дальнейшее развитие единого глобального пространства мировой системы в рамках эволюции и трансформации мировых порядков вплоть до перехода международной системы в новое над- и транснациональное качество. Такая постановка вопроса подразумевает переосмысление проблемы мирового лидерства и эволюцию и/или трансформацию его характера от военно-экономического к структурно-политическому, включая вариант коллективного трансрегионального лидерства и мирового регулирования (G-20)<sup>5</sup>, аналогичного, но не конгруэнтного ни по форме, ни по содержанию «концерту великих держав» XIX в., поскольку оно основано преимущественно на усилении новой тенденции наднационального и транснационального кооперативного взаимодействия в рамках формирующегося глобального пространственно-временного поля взаимосвязанности и взаимодействия, а не на военном балансировании различных государств и национальных сообществ и неформальных консультациях «центров силы», как это происходило во времена Венского конгресса.

Современные официальные парадигмы международных отношений, признавая необходимость сотрудничества, осознают эти процессы пока в основном только в рамках переосмысленного реализма и неореализма и плохо увязывают процесс мирового развития кооперативистского типа, требующего выработки новых способов и методов защиты своих национально-государственных интересов, с внешними и внутренними аспектами проблематики экономической и политической модернизации. Реальное политико-экономическое наполнение этого процесса, как стало ясно в ходе мирового финансово-экономического кризиса, сложнее и многомернее, а стремление к сотрудничеству и развитию, даже при желании укрепить и обезопасить свой суверенитет от внешних опасностей, превращается в превалирующую тенденцию начала XXI в., которую мировые террористические акты не только не подорвали, а еще более укрепили.

Связано это может быть с тем, что у государств, находящихся на разных временных этапах развития, охранительные тенденции и необходимость развития могут вступать в противоречие, поскольку на мнимые или реальные провалы в области национальной безопасности легко указать, а потом и наказать, а упущенные возможности для развития, которые в конечном счете могут привести и к провалам в области национальной безопасности, еще нужно сформулировать, а потом и объяснить их последствия. Очень часто

это можно сделать только спустя десятилетия и только при наличии достаточного количества специалистов более высокой квалификации, причем нередко процесс переосмысления происходит у другого поколения, когда можно безбоязненно указать на исторические ошибки, но поправить что-либо уже слишком поздно, так как время безвозвратно ушло и отставание непоправимо.

Появление реальной полицентричности и усиление регионализации на конкретном историческом этапе может как бы притормозить глобализацию, но это не обязательно означает усиление противоречий внутри мировой системы, чреватых войной или мировым катаклизмом, как считают представители теорий реализма, а наоборот, может свидетельствовать об ускорении процесса взаимозависимости и гомогенизации национальных государств внутри макрорегиональных комплексов, за которым последует новый виток трансрегионального сотрудничества и совершенствования системы глобального управления уже на основе сформированных макрорегиональных и трансрегиональных объединений разной степени конкурентоспособности и разной степени приспособляемости к мировым реалиям, если специально не подталкивать мир к военному противостоянию. Особенностью великих держав является их способность управлять этими объективно разворачивающимися мировыми процессами, т.е. ускорять или тормозить их ход. Не понимающие этих мировых тенденций национальные сообщества с их политическими элитами «выпадают» из основного потока мирового развития, вытесняются на периферию, в соответствии с грамшианской концепцией «культурного гегемонизма» подчиняют свое существование более совершенным, более универсальным заимствованным концепциям мирового развития или же вынуждены тратить все большие и большие (но все же ограниченные, а не беспредельные) национальные ресурсы, чтобы «поспеть за ходом истории», осуществить «модернизацию догоняющего типа», «противостоять внешнему влиянию», не «скатиться на обочину» всемирного исторического процесса, что приводит к истощению сил национального государства и его народа, к кризисам и/или национальным катастрофам.

Следует констатировать, что существующая переходная модификация мирового порядка, более современного по своей структуре и типу по сравнению с предшествовавшими ему в XIX и XX вв. Вестфальским, Венским, Версальским и ранним Ялтинско-Потсдамским, породившими в XX в. две мировые войны и распад сис-

темы стран Варшавского договора и СССР, оказалась достаточно эластичной. Несмотря на целую серию военно-политических и финансово-экономических кризисов и потрясений, последняя модификация мирового порядка устояла. Одновременно мировой порядок продолжил свою трансформацию эволюционным путем, в частности, путем политико-экономической модернизации государств, разновекторной и разноскоростной макрорегиональной и трансрегиональной интеграции, включая новые формы «мягкой интеграции» и формирования наднационального политического пространства, регионализации и открытого регионализма, перераспределения влияния между макрорегионами, трансрегионального сотрудничества и поиска новых политико-экономических моделей развития с целью основанного не на военном насилии, а на понимании политико-экономических закономерностей и социально-культурной специфики преодоления экономической неоднородности мира, вызвавшей в конечном счете мировой финансово-экономический кризис. Такая стратегия при правильном понимании закономерностей мирового развития позволяет максимально использовать преимущества взаимосвязанности, т.е. своей вписанности в мир, извлекать из этого максимум положительного для своей страны, влиять и переформатировать мировую систему неконфронтационным образом на основе формирования мирового консенсуса и консенсуса великих держав и одновременно интенсифицировать развитие своего национального государства. Один из самых ярких примеров этой модели — развитие Китая на протяжении последних 40 лет реформирования страны в соответствии с курсом Дэн Сяопина и характеристикой современной эпохи как «эпохи мира и развития». Китаю такая политика принесла максимум возможных выгод, и пока нет никакого основания считать, что насильственный слом существующего мирового порядка<sup>6</sup>, а не его эволюционная трансформация в новое более справедливое и совершенное качество, уменьшающее социально-экономическую дифференциацию, принесет Китаю, России, Индии, Бразилии, ЮАР, Ирану и другим национальным сообществам больше самостоятельности и выгод, чем бедствий, сложностей в развитии, возможных военных столкновений и деградации страны на фоне усложняющихся проблем.

В данном контексте особую актуальность приобретает вопрос о том, какие политико-экономические принципы определяют на современном этапе стратегии западных/восточных держав в от-

дельности и восточных регионов как единого целого, как эти общества реагируют на глобальные политические процессы; какие факторы в конечном счете определяют тенденции экономической и политической модернизации в странах Азии и Африки, как эти страны воспринимают политическую модель «экстралиберальной демократии американского типа», продвигаемую США в период президентства Дж. Буша-младшего и существенно переосмысленную и модифицированную Б. Обамой в ходе адаптации США к новой экономической и политической, а также ряд версий либеральной демократии в интерпретации разных стран Европы. Какие альтернативные модели политического и экономического развития (форм демократии и интеграции, цивилизационного или этнического национализма), в частности моделей незападной демократии, нелиберальной демократии и гибридных режимов, формируются на Востоке, который также несомненно пытается модернизироваться и интегрироваться. Иными словами, речь идет о закономерностях в процессах формирования глобальных регионов мира, о влиянии великих держав, а в конечном счете — пространственного и временного факторов на глобальные регионы мира и на мировую систему отношений.

Мировое лидерство обеспечивается не только сегодняшним уровнем экономического, технологического и политического развития, но и способностью продуцировать социальные инновации разного типа, как международные, так и регионально-национальные. Конкуренция на пути продвижения к новому, более совершенному технологическому и социальному укладу требует производства социальных, экономических и политических инноваций. Сумевшие обеспечить продуцирование не только технологических, но и социальных инноваций подтвердят свой существующий статус или станут новыми мировыми лидерами. Кроме того, возникает и целая серия абсолютно новой проблематики сравнительно-политического характера, связанной с трансформацией и переформатированием мирового политического пространства: насколько новые формы восточной демократии и интеграции альтернативны существующим эталонам, какова их экономическая и политическая перспектива? Могут ли они каким-то образом повлиять или как-то скорректировать вектор мирового развития?

Дело в том, что государства с порядком открытого доступа по взберовскому допущению монопольно контролируют легитимное применение насилия путем подчинения военных сил контролю

политической системы, гарантирующей смену власти в случае злоупотребления этим контролем. Эта способность основана на поддержке безличных отношений как внутри государства, так и в более широком масштабе<sup>7</sup>. Для физической защиты своего населения экономически самые развитые государства открытого социального доступа создали и самый мощный в мире военно-политический блок НАТО. «Военная сила» этого блока «политически» подкрепляет поддержку распространения системы безличных отношений в более широком масштабе и одновременно гарантирует защиту системы открытого социального доступа извне. Распространение безличных отношений и безличных международных институтов кооперационного развития в целом способствует уменьшению опасностей столкновения прежде всего между государствами с открытым социальным доступом («демократии не воюют»), но и одновременно, в том числе при ряде условий, и между государствами с разными системами социального доступа, ведь государства не разоружаются и продолжают поддерживать свою военную силу<sup>8</sup>. Такая постановка проблемы позволяет строить «обезличенные» концепции внешнеполитического взаимодействия и теории внешнеполитической деятельности государства, максимально «абстрагируясь» от идеологического фактора в мировой политике<sup>9</sup>. Но достижение договоренностей и взаимопонимания между государствами с открытым типом социального доступа и между государствами с открытым и естественным типами социального доступа, по-видимому, достигается значительно сложнее, требует больших усилий и является менее прочным.

Как стало ясно в самом начале XXI в., после террористических актов в столицах ведущих держав с системой открытого социального доступа и их ответных военных кампаний в Афганистане, Ираке и Ливии, на нынешнем этапе мирового развития существовавшая в переходный период после распада СССР система баланса государств с разными социальными порядками перестала существовать. Система баланса сначала поддерживалась наличием ядерного и военного паритета двух внеевропейских центров биполярности (СССР и США) международной системы европейского типа, логика которого подчиняла все другие интересы интересам поддержания этого паритета, поскольку в противном случае разразилась бы ядерная война. После распада биполярной системы Ялтинско-Потсдамский порядок начал эволюционно трансформироваться в новое качество, поскольку возникла потребность в новой, модифициро-

ванной системе мирового регулирования и поддержания мировой стабильности на основе контроля ключевых параметров, которые позволяют сохранять стабильность, но в то же время не препятствуют развитию. Процесс трансформации в целом зашел достаточно далеко, чтобы стать очевидным в связи с появлением новых негосударственных акторов мировой политики и происходящей эволюцией категории национального суверенитета, воспринимаемой достаточно болезненно во всех региональных сегментах мира (в ЕС — в связи с бюджетным дефицитом Греции, Италии, Португалии и Франции, в России и Китае — в связи с опасениями внешнего «подталкивания» этой эволюции, в Иране и КНДР — в связи с иракскими, ливийскими, сирийскими событиями и наличием жестко закрытых моноконфессиональных или идеологических режимов и т.д.), но одновременно он еще очень далек от своего завершения. В то же время эволюционная трансформация мирового порядка, а не его силовой слом, устраивает практически всех основных реалистически оценивающих действительность участников мирового процесса, так как позволяет, не рискуя жизнью своего населения и сохраняя существующий национальный уровень экономического развития, осуществлять конкуренцию моделей развития, т.е. использовать комбинации национальных, региональных, наднациональных и транснациональных факторов для поиска наиболее благоприятного и соответствующего своим национальным интересам места в международной системе, а заняв более благоприятное место, конструктивно участвовать в трансформации этой системы мировым сообществом максимально благоприятным для своей нации образом, затрачивая усилия в основном на переформулирование и коррекцию правил функционирования мировой системы, а не на затратные с точки зрения внутреннего экономического развития, демографического потенциала и часто также затратные, но малоэффективные в целом с точки зрения решения долгосрочных задач военно-силовые способы решения проблем. Великие державы играют в этом процессе ключевую роль, а при наиболее благоприятном развитии событий, собственном ответственном отношении к этому процессу и наличию консенсуса между ними становятся гарантами трансформации мировой системы в благоприятном для всего мирового сообщества направлении.

<sup>1</sup> Воскресенский А. Д. «Большая Восточная Азия»: Мировая политика и энергетическая безопасность. М.: Ленанд, 2006. С. 20; «Большая Восточ-

## Мировые стратегии великих держав

---

ная Азия»: Мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 17; см. также: Агеев А. И., Куроегов Б. В. Особенности применения методологии стратегической матрицы при прогнозировании развития государств. М.: Ин-т экономических стратегий, 2008; Шакеина Т. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. 2011. Май – август. Т. 9. № 2 (26). С. 29 – 39.

<sup>2</sup> Зиглер Ч. Различия в восприятии суверенитета США, Китаем и Россией // Сравнительная политика. 2012. № 1. С. 3 – 14.

<sup>3</sup> См., напр.: Pomranz K. The Great Divergence. China, Europe and the Making of the Modern World Economy. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2000.

<sup>4</sup> Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2011.

<sup>5</sup> Ли Син. Усиление роли G-20: Трансформация мирового порядка и внешняя политика Китая // Сравнительная политика. 2012. № 1. С. 23 – 26.

<sup>6</sup> Дискуссию см. в кн.: Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.

<sup>7</sup> Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Указ. соч. С. 71 – 72.

<sup>8</sup> См., напр.: Россия в полицентричном мире / Под ред. А. А. Дынкина и Н. И. Ивановой. М.: Весь мир, 2011. Разд. 1.2. Военно-политические аспекты. Гл. 5, 7, 8, 9.

<sup>9</sup> Кондратов А. И. Модель внешнеполитической деятельности государства. М.: Изд-во РАГС, 2010.

## **МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА**

В условиях поиска путей преодоления мирового финансово-экономического кризиса проблема международной конкурентоспособности государства, его экономики, жизнестойкости общества в целом становится все более значимой. Уровень международной конкурентоспособности страны отражает способность национальной экономики эффективно обеспечивать неуклонный прогресс благосостояния своих граждан. Во многих странах с развитыми и развивающимися рынками при разработке экономической стратегии развития экономики вопросам повышения конкурентоспособности отводится важное место, как и тем факторам, которые могут оказать влияние на укрепление международных позиций национальной экономики.

Задача повышения конкурентоспособности российской экономики и повышения позиции Российской Федерации в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса со 120-й в 2011 г. до 50-й — в 2015 г. и до 20-й — в 2018 г. сформулирована в Указе Президента России № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» от 7 мая 2012 г. Решение этой задачи опирается на выявление проблем, сдерживающих повышение конкурентных позиций российской экономики в глобальном измерении и поиск путей разрешения этих проблем в среднесрочном периоде.

Мировой финансово-экономический кризис выявил несоответствие уровня развития отраслей производственной инфраструктуры современным потребностям экономики и общества, которое наблюдается практически во всех странах мира. Стремление преодолеть сложившуюся ситуацию существенно обостряет конкуренцию между странами — в первую очередь в инновационной сфере, но при этом усиливается борьба как за инвестиции, так и на технологическом уровне при реализации инфраструктурных проектов, возрастают требования к трансферту технологий и их освоению. Анализ последнего доклада ВЭФ «*The Global Competitiveness Report 2011–2012*» позволяет сделать вывод

о необходимости наряду с решением внутренних проблем усилить внимание к внешнеэкономическим факторам, влияющим на модернизацию российской экономики. Согласно рейтингу ВЭФ (WEF) за 2011 – 2012 гг., Россия по Индексу глобальной конкурентоспособности (*Global Competitiveness Index — GCI*)<sup>1</sup> занимает 66-е место среди 142 стран и оказалась позади не только развитых стран, но и развивающихся (стран – членов БРИК). За период с 2005 г., когда методология расчета Индекса глобальной конкурентоспособности ВЭФ изменилась, Россия, находившаяся среди стран БРИК на третьем месте после Индии и Китая, ухудшила свое положение по отношению к Бразилии и переместилась на последнее место. За это время Китай, наоборот, вошел в тридцатку наиболее конкурентоспособных стран.

Следуя логике исследования в рамках, определенных ВЭФ, на конкурентоспособность экономики в большей степени влияет определенная группа факторов, имеющая наибольшее значение и больший удельный вес именно на этой стадии развития страны. Так, например, на ресурсной стадии развития преобладают (60%) базисные факторы, включающие наличие инфраструктуры в широком смысле, в том числе и правовой, обеспечивающей защиту интересов собственника, влияние государства на развитие бизнеса, наличие в стране и в мировой экономике макроэкономической стабильности, состояние здравоохранения и образования, не только обеспечивающих экономику квалифицированными и здоровыми кадрами и специалистами, но и позволяющих решать демографические проблемы. На факторы эффективности приходится 35%, а на факторы инноваций — лишь 5%, в то время как на стадии инновационного развития именно на факторы, которые способствуют инновационному развитию, приходится 30%. Страны, находящиеся между двумя из трех стадий, относятся к осуществляющим переход с одной стадии на другую.

В число критериев для определения рейтинга конкурентоспособности страны входят уровень ВВП на душу населения и доля первичных ресурсов в совокупном экспорте страны. При определении Индекса глобальной конкурентоспособности названные критерии дополняются статистическими данными ведущих международных организаций, таких как МВФ, Всемирный банк, ЮНКТАД и др. Для оценки качественных характеристик и для отдельных индикаторов данные формируются на основе опроса руководителей корпораций (табл. 1)<sup>2</sup>.

**Отдельные страны, относящиеся к разным стадиям  
экономического развития (выборочно)<sup>3</sup> в соответствии с докладом  
ВЭФ в 2011–2012 гг.**

<b>Стадия развития, ВВП на душу населения (долл.)</b>	<b>Страны</b>	<b>Важные условия кокуренто- способности</b>
Стадия 1. Экономика, движимая факторами производства (менее 2000)	Бангладеш, Боливия, Вьетнам, Киргизстан, Кения, Молдова, Пакистан	Базовые условия (60%) и факторы эффективности (35%)
Переход от стадии 1 к стадии 2 (2000 – 3000)	Армения, Азербайджан, Индонезия, Иран, Казахстан, Украина, Венесуэла	Базовые условия (от 40 до 60%) и факторы эффективности (от 35 до 50%)
Стадия 2. Экономика, движимая эффективностью (3000 – 9000)	Бразилия, Китай, Малайзия, Мексика, Россия, ЮАР, Турция	Базовые условия (40 %) и факторы эффективности (50%)
Переход от стадии 2 к стадии 3 (9000 – 17 000)	Чили, Хорватия, Эстония, Венгрия, Польша	Базовые условия (от 20 до 40%), факторы эффективности (50%) и факторы инноваций (от 10 до 30%)
Стадия 3. Экономика, движимая инновациями (более 17 000)	Австралия, Чехия, США, Франция, Финляндия, Германия, Израиль, Испания, Гонконг, Ю. Корея, Норвегия, Великобритания	Базовые условия (20%), факторы эффективности (50%) и факторы инноваций (30%)

Сравнение показателей, характеризующих стадию развития, на которой находится Россия, представленных в докладе Всемирного экономического форума — ВЭФ (*World Economic Forum — WEF*)<sup>4</sup>, за 2011 – 2012 гг. с аналогичными данными в докладе за 2008 – 2009 гг. показывает, что в результате замедления развития российской экономики под влиянием мирового финансово-экономического кризиса успешно начатый в предкризисный период переход от стадии, ориентированной на повышение эффективности, к стадии, на которой находится экономика стран, движимых инновациями, почти прекратился. Поскольку само значение индекса глобальной конкурентоспособности для России в течение последних трех лет

находится на неизменном уровне (в 4,2 из 7 баллов), рост составил 0,1 балла с 2005 г. Наряду с Россией, по представленным критериям, медленно меняются конкурентные позиции еще целого ряда стран (Аргентина, Барбадос, Бразилия, Венгрия, Латвия, Литва, Мексика, Оман, Польша, Республика Словакия, Тринидад и Тобаго, Турция, Уругвай, Хорватия, Чили и Эстония).

Признавая необходимость дальнейших реформ, российское правительство сформулировало свои цели по повышению конкурентоспособности по формуле «3 + 5»: три преимущества России и пять стоящих перед ней задач, требующих неотложного решения. К преимуществам относятся природные ресурсы, объем и темпы роста внутреннего рынка, а также наличие образованного населения. Пять неотложных задач, которые необходимо решать, включают: реформирование неэффективной и коррумпированной институциональной инфраструктуры; улучшение качества образования; стимулирование конкуренции для повышения эффективности; стабилизацию финансовых рынков и содействие доступу предприятий к источникам финансирования; а также совершенствование практики ведения бизнеса.

Тем не менее в субнациональном докладе «Ведение бизнеса в России — 2012» отражаются положительные изменения, произошедшие в нормах, касающихся регулирования предпринимательской деятельности на основе четырех стадий жизни бизнеса: регистрация предприятий, получение разрешения на строительство, подключение к системе электроснабжения и регистрация собственности. Выбор именно этих показателей обусловлен тем, что затрагиваемые ими сферы предпринимательской деятельности регулируются в т.ч. и местным законодательством и характеризуются различной практикой его правоприменения. Эксперты Всемирного банка отмечают положительную роль в создании малых и средних предприятий грантов и системы микрокредитов и обучения бизнесу, на развитие которых в 2010 г. было выделено 777 млн долл. Тем не менее малые и средние предприятия в России создают только 20% рабочих мест, что все же меньше, чем в Бразилии (25%), Турции (35%) или США (42%)<sup>5</sup>.

Сравнение результатов России за период 2006–2012 гг. показывает, насколько далеко она смогла продвинуться по направлению к наиболее эффективной глобальной практике используя опыт и достижения таких высокоорганизованных экономик, как Сингапур или Новая Зеландия (табл. 2). За последние семь лет Рос-

сия осуществила реформы в 9 из 10 сфер, рассматриваемых в исследовании «Ведение бизнеса».

Таблица 2

**Реформы по критериям доклада «Ведение бизнеса»  
за 2006–2012 гг.**

Показатель	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Итого
Регистрация предприятия	1	1						2
Получение разрешений на строительство			1			1		2
Подключение к электроснабжению							1	1
Регистрация собственности					1		1	2
Кредитование	1							1
Защита инвесторов								—
Налогообложение		1			1			2
Международная торговля	1						1	2
Обеспечение исполнения контрактов							1	1
Разрешение проблемы неплатежеспособности					1	1		2
Итого	3	2	1	—	3	2	4	

Среди наиболее значимых реформ называются положения об упрощении работы с заявками на предоставление разрешений на строительство в целях ликвидации почти половины требований на этапе до начала строительства, которые были приняты осенью 2011 г. Однако в результате этих положительных изменений организационного характера не снизилась коррупционная составляющая, которая наносит существенный ущерб инвестиционному климату в России.

В соответствии с Индексом восприятия коррупции (ИВК) за 2010 г., составленным *Transparency International*, Россия находится на 154-м месте среди 178 стран. Позиции России в 2010 г. ухудшились — 2,1 балла по сравнению с 2,2 балла в 2009 г. Впереди России в рейтинге оказались такие страны, как Пакистан, Зимбабве и Нигерия<sup>6</sup>.

Уровень коррупции повысился, поскольку уменьшилась степень прозрачности. По данным МВД России, с 2009 по 2010 гг. средний размер взяток вырос на 30% и достиг примерно 1000 долл. США, что приближается к размеру месячного оклада государственного чиновника<sup>7</sup>.

По результатам исследования предпринимательского климата в регионах России, затраты бизнеса на преодоление административных барьеров, включая взятки чиновникам, составили (в процентах от годовой выручки): в 2004 г. — 8,5%, в 2008 г. — 6%, в 2010 — 2011 гг. — 5%<sup>8</sup>.

Именно поэтому создание привлекательного инвестиционного климата для отечественных и иностранных предпринимателей является одной из важных задач, решению которой большое внимание уделяется в Стратегии экономического развития России на период до 2020 г. В условиях быстро меняющейся конъюнктуры на глобальных сырьевых рынках меры, предпринимаемые по улучшению условий для ведения бизнеса, становятся важным фактором привлечения иностранных инвестиций, вместе с чем увеличивается возможность получения новейших технологий и инноваций. По данным Росстата, наибольший объем иностранных инвестиций в Россию (на сумму 120,9 млрд долл.) поступил в 2007 г., что в 2,2 раза превысило их приток в предыдущем году<sup>9</sup>. Однако при возрастании рисков инвестирования в развивающиеся рынки в условиях мирового финансового кризиса приток иностранных инвестиций резко сократился и стал восстанавливаться только в 2011 г. По состоянию на начало 2011 г. накопленный иностранный капитал в экономике России составил уже 300,1 млрд долл., из которых примерно 40% было направлено в реальный сектор экономики. Однако в Бразилии, например, аналогичный показатель достигает почти 50%, в Китае — около 60%.

Причем основной приток иностранных инвестиций осуществлялся из мировых финансовых центров и офшорных юрисдикций (табл. 3).

Наряду с ростом инвестиций из Германии в последние годы Китай становится одним из ведущих торговых партнеров России. Многие китайские инвестиционные проекты реализуются в лесной промышленности, а также в сфере оптовой и розничной торговли и зачастую финансируются малыми предприятиями в Сибири и на Дальнем Востоке, при этом широко используется практика привлечения рабочей силы из Китая для реализации финансируемых ими проектов.

## Иностранные инвестиции в Россию в 2007 и 2011 гг.

Страна	2007 г.		2011 г.	
	Объем, млрд долл.	%	Объем, млрд долл.	%
Великобритания	26 328	21,8	13 104	6,9
Кипр	20 654	17,1	20 268	10,6
Нидерланды	18 751	15,5	16 817	8,8
Люксембург	11 516	9,5	4 682	2,5
Франция	6 696	5,5	4 353	2,3
Швейцария	5 340	4,4	91 827	48,2
Ирландия*	5 175	4,3	2 557	2,2
Германия	5 055	4,2	10 264	5,4
США*	2 839	2,3	2 773	2,7
Виргинские острова*	2 140	1,8	2 383	2,1
<b>Всего инвестиций</b>	<b>120 941</b>	<b>100</b>	<b>19 0643</b>	<b>100</b>

\* Данные по Ирландии и Виргинским островам за 2010 г., а по США — за 2009 г.

Источник: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gks.ru>.

Переход России к новой модели экономического роста на основе модернизации экономики и внедрения инноваций предполагает расширение источников финансирования экономики, в том числе и за счет привлечения прямых иностранных инвестиций. Но экономика сможет получить их в нужных объемах только при улучшении условий для размещения инвестиций по сравнению со странами, которые конкурируют с российской экономикой за привлечение иностранного капитала, поскольку следствием плохой деловой среды является нарастающий отток капитала. В 2008 г. в целом чистый вывоз капитала за рубеж составил 133,9 млрд долл. и приобрел характер «бегства капитала» как в легальной, как и в нелегальной формах. После некоторого замедления вывоз капитала по итогам 2011 г. достиг примерно 82 млрд долл., а в первом квартале 2012 г. — примерно 17 млрд долл.<sup>10</sup>. В целом за период 2008–2010 гг. нелегальная утечка капитала из России, фиксируемая платежным балансом, составила 116,5 млрд долл. Из страны ушли потенциальные инвестиции, размер которых эквивалентен почти 8% ВВП 2010 г. Это уже сопоставимо с объемом вывоза капитала за кризисный третий квартал 1998 г., когда он достигал более 90 млрд долл. Но причины вывоза капитала в кризисном 1998 г.

и в посткризисный период 2011 г. отличаются. Можно предположить, что падение цены европейских и американских активов в результате кризиса 2007—2008 гг. сделало их привлекательными для российских компаний, которые, вывозя капитал и покупая их, расширяют свое присутствие за рубежом. Так, например, российский Сбербанк в конце 2011 г. приобрел банковские активы в Европе, на рынках которой доминируют крупнейшие европейские банки. Четвертый по величине банк Австрии *Volksbanken* в конце прошлого года выставил на продажу свое подразделение *Volksbanken International*, ведущее бизнес в девяти странах Центральной, Южной и Восточной Европы — от Сербии до Украины. Предполагается, что вырученные средства пойдут на возвращение правительству Австрии большей части кредитов на общую сумму 1 млрд евро, полученных банком в 2009 г. на фоне мирового финансового кризиса<sup>11</sup>. Одновременно создание сети российских банков за рубежом является одним из важных условий для укрепления международного статуса российской валюты и внедрения ее в международный оборот через банки и международные валютно-кредитные и финансовые организации.

Экономический подъем, наметившийся в 2010 г. в мировой экономике, не исключает повторных дисбалансов на мировом финансовом рынке, поэтому наряду с улучшением инвестиционного климата предполагается создание и модернизация 25 млн высокопроизводительных рабочих мест к 2020 г., увеличение доли высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВВП к 2018 г. в 1,3 раза относительно уровня 2011 г.

Еще одним важным фактором повышения конкурентоспособности российской экономики является снижение зависимости от экспорта сырья и топлива, иначе при ухудшении конъюнктуры на мировых сырьевых рынках неизбежным станет замедление роста и сдерживание активности бизнеса<sup>12</sup>. О необходимости диверсификации российской экономики и повышения ее привлекательности для потенциальных инвесторов свидетельствовало сокращение объема ПИИ в 2008 г. в добывающие отрасли до 2,5 млрд долл. (по сравнению с 13,9 млрд долл. в 2007 г.), в то время как в 2007 г. на их долю приходилась примерно половина всех прямых иностранных инвестиций, с которыми поступали новые технологии и ноу-хау. Опыт преодоления предыдущих циклических кризисов показывает, что старый технологический уклад зашел в тупик, выход из которого связан с внедрением и использованием новых технологий.

Из опроса, проведенного экспертами компании «Эрнст энд Янг» в 2011 г. среди 205 иностранных компаний, имеющих бизнес в России, большинство инвесторов выделило три ключевые меры, которые нужно предпринять для улучшения восприятия инвестиционного климата в России: повышение эффективности законодательства и снижения коррупции (63%), снижение уровня бюрократии (53%) и повышение прозрачности системы регулирования предпринимательской деятельности (39%). Но при этом инвесторы в меньшей степени требуют улучшения транспортной инфраструктуры (1%), защиты окружающей среды (7%), НИОКР и инноваций (12%), системы образования (13%), а также культуры предпринимательства в России (15%)<sup>13</sup>, другими словами, иностранные инвесторы в первую очередь заботятся об условиях и сохранности своих инвестиций.

Важную роль в повышении привлекательности российской экономики для иностранных предпринимателей играют институциональные и нормативные преобразования. На улучшение инвестиционного климата России оказало серьезное влияние принятие ряда федеральных законов, и прежде всего Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 115 «О концессионных соглашениях» (с изменениями от 2 июля 2010 г.), а также Постановление Правительства Российской Федерации № 694 от 23 ноября 2005 г. «Об инвестиционном фонде Российской Федерации». Последовательное повышение суверенного кредитного рейтинга России в 2007 г., накануне кризиса, позволило иностранным инвесторам рассматривать российскую экономику как «островок стабильности». В условиях, когда американская экономика погружалась в рецессию, инвестиции в российскую экономику выросли в 2,2 раза по сравнению с 2006 г.

Целый ряд мер по улучшению инвестиционного климата был предпринят уже в условиях финансового кризиса, включая возобновление программы приватизации, в результате которой задание по мобилизации бюджетных поступлений на 2010 г. установлено в размере около 2,5 млрд долл. Для содействия реализации этой программе в закон о приватизации были внесены изменения, разрешающие участвовать в приватизации инвестиционным банкам и частным консультантам.

Важным этапом совершенствования институциональной базы финансового рынка стал Закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений

в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступивший в силу в 2011 г. На усиление конкуренции направлены поправки к закону «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (с изменениями на 2 февраля 2006 г.), затрагивающие розничную торговлю продуктами питания.

К числу наихудших факторов, все еще сдерживающих рост конкурентных позиций России в мире относятся: отсутствие защиты права собственности и неэффективная судебная система, коррупция, недостаток прямых инвестиций, необходимость повышения эффективности товарных рынков при чрезмерной роли государства в экономике, существующие неэффективные таможенные процедуры и ограничения на ПИИ, наличие торговых и административных барьеров, отставание с внедрением и трансфертом новых технологий, недостаточная развитость финансовой системы, низкая устойчивость и операционная эффективность банков (табл. 4).

Таблица 4

**Наихудшие позиции России по детализированным факторам индекса глобальной конкурентоспособности за 2010–2011 гг.**

№	Фактор	Рейтинг
1	Внедрение высоких технологий ( <b>Технологии</b> )	120
2	Прямые иностранные инвестиции и передача технологий ( <b>Технологии</b> )	120
3	Расходы на развитие АПК ( <b>Эффективность рынка товаров</b> )	121
4	Технологичность производств ( <b>Технологии</b> )	122
5	Инфляция ( <b>Макроэкономическая окружающая среда</b> )	125
6	Доля иностранного участия в экономике ( <b>Эффективность рынка товаров</b> )	126
7	Регулирования прямых иностранных инвестиций ( <b>Эффективность рынка товаров</b> )	127
8	Права частной собственности ( <b>Институциональные факторы</b> )	128
9	Административные барьеры ( <b>Институциональные факторы</b> )	128
10	Деятельность внутренних органов ( <b>Институциональные факторы</b> )	128
11	Деятельность банков ( <b>Развитие финансового рынка</b> )	129
12	Защита интересов частной собственности ( <b>Институциональные факторы</b> )	132

Окончание табл. 4

№	Фактор	Рейтинг
13	Таможенные барьеры ( <b>Эффективность рынка товаров</b> )	132
14	Степень информированности субъектов в экономике ( <b>Эффективность рынка товаров</b> )	132
15	Распространенность торговых барьеров ( <b>Эффективность рынка товаров</b> )	133

Источник: The Global Competitiveness Report 2011 – 2012 // World Economic Forum. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gcr.weforum.org/>.

Несмотря на существующие трудности, России за период 2000 – 2010 гг. удалось удвоить ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) и сократить разрыв с учетом производительности труда в США (с 75 до 60%). Так, в 2010 г. ВВП России на душу населения превысил 10 521 долл. (15 806 долл. по ППС), а среднегодовой темп прироста ВВП России в 2000 – 2010 гг., по данным Федеральной службы статистики, составил 5,5%<sup>14</sup>, что позволило сократить отставание от стран ОЭСР, но при этом разрыв по показателю ВВП на душу населения все еще составляет 47%. Однако сохраняется огромный разрыв в уровнях благосостояния населения России и стран ОЭСР, что объясняется более низким уровнем производительности труда (в России она в два раза ниже, а в инфраструктурных отраслях (транспорт, связь, государственное управление) — даже в три раза). При этом ежегодно, как отмечают эксперты исследовательской группы «Стратеджи Партнерс Групп», возрастала доля сектора государственного управления в общей занятости<sup>15</sup>. В то же время Россия отстала от стран-лидеров по уровню накопления инновационного потенциала, но пока находится в середине общего рейтингового списка, что создает хорошие предпосылки для перехода российской экономики на стадию инновационного развития. Но для этого необходимо не только внедрение технологических инноваций, но и решение инфраструктурных проблем, достижение макроэкономической стабильности, наращивание человеческого капитала.

Привлечению высококвалифицированных специалистов и международных экспертов по найму для работы как в особых экономических зонах (крупных инновационных центрах, таких как «Сколково»), так и в целом на российской территории должны помочь сделанные в мае 2010 г. поправки в закон об иммиграции.

Способствовать увеличению притока иностранного капитала в отечественную экономику и уменьшению теневого оттока рос-

сийского капитала должна проведенная в середине 2006 г. либерализация валютного законодательства. Однако наряду с прямыми инвестициями в российскую экономику поступают подверженные колебаниям портфельные и прочие инвестиции, в том числе и спекулятивного характера. Существенный приток капитала в предкризисный период способствовал раздуванию различных рыночных «пузырей» (фондового, недвижимости), сверхбыстрой кредитной экспансии, опирающейся на внешние займы банков, увеличению внешней долговой нагрузки российских компаний. Возрастающие потоки капитала усиливали давление на национальную валюту, что приводило к укреплению рубля и снижению конкурентоспособности отечественных производителей на международном и внутреннем рынках.

Несмотря на существенные преобразования, в России сохраняются ограничения, сдерживающие деловую активность иностранных инвесторов. Так, действующий закон ограничивает передачу прав собственности на землю иностранным гражданам, а также отсутствуют четкие правила в отношении слияний и поглощений. Существенными недостатками являются слабость финансового сектора и определенные ограничения в деятельности иностранного капитала в банковском секторе. Учитывая относительно невысокий уровень капитализации рынка капитала, составляющий 50–60% ВВП, российские корпорации привлекают необходимые ресурсы за рубежом, тем самым увеличивая корпоративную составляющую совокупного российского государственного долга. Сохраняются ограничения для иностранцев по учреждению предприятий массовой информации, созданию авиационных компаний. Установлен предельный потолок для участия иностранных компаний в газовой монополии «Газпрома» и энергетике.

Как показывает мировая практика, иностранные капиталы более охотно устремляются в страны с благоприятным инвестиционным климатом и устойчивым политическим режимом. Присоединение России к ВТО дает уверенность иностранным инвесторам в расширении в России практики ведения бизнеса на основе принципов свободной конкуренции. В то же время с момента присоединения России к ВТО у других членов этой организации появляется возможность предъявить России претензии, но одновременно и Россия получает возможность оспаривать меры, нарушающие нормы ВТО. Россия может предъявить претензии, например, по третьему энергетическому пакету ЕС в части принимаемых Литвой мер по разделению *Lietuvos dujos* («Газпром»); антидемпинговым

мерам в отношении труб (ТМК, ЧТПЗ), стальных тросов («Северсталь», «Мечел»), ферросплавов (ЧЭМК, «Мечел») и минеральных удобрений («Еврохим», «Акрон», «Уралхим») и т.д.

Однако для того чтобы выставить претензии и успешно разрешить спор, провести экспертизу решений апелляционного органа ВТО, необходимо глубоко изучать те возможности, которые дает умелое и альтернативное изложение статей ГАТТ/ВТО.

Важное место в повышении международной конкурентоспособности и переходе на инновационный путь развития российской экономики отводится финансовым условиям хозяйствования, включающим гарантии отсутствия серьезных экономических спадов и сбоев на валютно-финансовых рынках, поддержание стабильности банковской системы, выполнение бюджетных, налоговых обязательств, включая упрощение налогового законодательства в сфере инвестиций на рынке ценных бумаг. Важную роль должно сыграть совершенствование Закона о доступе в стратегические отрасли иностранного капитала. Новый Федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», вступивший в силу 29 апреля 2008 г., сделал более прозрачными условия доступа иностранного капитала в ресурсные отрасли, но при этом ограничил возможности их участия в инвестициях в добывающие отрасли.

В настоящее время мало способствует привлечению иностранных инвестиций состояние российского фондового рынка, капитализация которого сейчас составляет 1,04 трлн долл., что существенно ниже, чем у стран БРИК. По такому показателю, как отношение капитализации фондового рынка к объему ВВП, Россия с показателем в 66% уступает не только Великобритании (171%) и США (122%), но и Индии (106%), Бразилии (74%) и Китаю (70%). По причине несовершенства законодательства в финансовой сфере, слабой развитости института внутренних инвесторов возрастает зависимость от международных рынков капитала, на которые устремляются российские компании для размещения своих акций. Эта тенденция набрала силу в 2010 – 2011 гг. Так, например, в январе 2010 г. компания РУСАЛ осуществила IPO в Гонконге на сумму 2,2 млрд долл. По оценке Федеральной службы по финансовым рынкам, по итогам восьми месяцев 2011 г. российские корпорации разместили за рубежом ценных бумаг на 1,071 млрд долл., а размещение на отечественных фондовых площадках составило 1,021 млрд долл. Об угрозе

сворачивания российского фондового рынка свидетельствует тот факт, что компании-нерезиденты с российскими активами разместили ценных бумаг вне России на 3,157 млрд долл.<sup>16</sup>.

Важным фактором модернизации российской экономики и успешной реализации программы «Стратегии-2020» в интересах повышения международной конкурентоспособности является интернационализация рубля, о необходимости которой началась дискуссия в начале 2000-х годов после финансово-экономического кризиса в России в 1998 г. За введением полной конвертируемости рубля в июле 2006 г. следующим шагом по пути укрепления международных позиций рубля должно стать получение им статуса международной резервной валюты.

Постоянные резкие колебания курса американского доллара вызывают существенные опасения стран, имеющих самые крупные в мире официальные золотовалютные резервы, и их стремление расширить международные позиции своих национальных валют. Так, например, Китай встал на путь интернационализации своей валюты — юаня, приняв стратегию превращения его в мировую резервную валюту<sup>17</sup>. Несмотря на лидирующие позиции в мире по объему экспорта при снижении спроса на мировых товарных рынках в условиях мирового финансового кризиса положительный показатель вклада чистого экспорта Китая в его ВВП снизился с 2,5% в 2007 г. до -0,5% в 2010 г. Однако политика стимулирования внутреннего спроса позволила КНР не только сохранить высокие темпы экономического роста, но и продолжить наращивание золотовалютных резервов, достигших более 3 трлн долл.

Проявлением укрепления международных позиций юаня является его использование в международных расчетах с соседними странами, Мьянмой, Вьетнамом и Лаосом. С 2009 г. Россия и Китай используют в приграничной торговле национальные валюты, а с ноября 2010 г. на ММВБ осуществляются торги парой валют юань/рубль. В декабре 2011 г. Китай договорился с Японией об осуществлении взаимных расчетов по сделкам с использованием национальных валют. Несмотря на то что Китай подписал 14 соглашений о взаимном обмене валют, китайская валюта (юань) пока остается частично конвертируемой, что снижает ее зависимость от изменения курса ведущих свободно конвертируемых валют — доллара и евро — и сохраняет возможность регулирования ее курса.

На фоне роста совокупного объема операций на мировом валютном рынке за последние три года доля конверсионных опе-

раций с рублем в среднедневном обороте глобального валютного рынка почти удвоилась с 0,7% в 2004 г. до 1,3% мирового валютного рынка, достигнув 50 млрд долл. в 2008 г. А за последнее десятилетие на мировом валютном рынке *Forex* доля операций в рублях увеличилась в три раза — до 0,9% мирового рынка<sup>18</sup>. Можно предположить, что это увеличение в последние три года связано с ростом цен на энергоносители и отражает рост объема операций нерезидентов по страхованию валютных рисков на фоне повышения роста цен на нефть.

Независимо от формального статуса конвертируемой валюты важным условием для расширения использования рубля в международном обороте является поддержание его устойчивого курса и роста доверия к нему отечественных и иностранных хозяйствующих субъектов.

Наряду с постепенным увеличением рублевых операций на мировом валютном рынке примером признания рубля мировым сообществом стала торговля срочными рублевыми контрактами (фьючерсами) на Чикагской товарной бирже с апреля 1998 г. и акциями рублевых биржевых фондов на Осакаской бирже в Японии 12 сентября 2008 г. Это дает возможность нерезидентам страховать валютные риски при осуществлении операций на российском валютном рынке и получать доход от процентной прибыли, которая сопоставима с доходом от инвестирования в государственные облигации, номинированные в национальной или иностранной валюте. В то же время валютные спекулянты получили возможность в некоторой степени влиять на курс рубля.

Вместе с тем растет рынок ценных бумаг, номинированных в рублях, за счет размещения рядом западных банков и ТНК в России облигаций в рублях<sup>19</sup>. После полного погашения долгов России МВФ он сможет предоставлять другим странам кредиты в рублях<sup>20</sup>.

Важным условием придания статуса резервной валюты российскому рублю является возможность поддержания его стабильного курса на основе достаточного объема официальных валютных резервов, размер которых на 1 июня 2012 г. достиг 510,4 млрд долл.<sup>21</sup> и должен своевременно пополняться. В то же время, учитывая инфицирование российской экономики кризисными явлениями и падение цены на нефть, в 2009 г. происходило активное использование ЗВР, поэтому существует необходимость сохранить достаточный объем официальных золотовалютных резервов для выплаты по внешним обязательствам, а также осуществлять эффективное

управление ими. Известно, что в настоящее время Россия вошла в десятку крупнейших кредиторов США, долговая пирамида которой достигла более 14 трлн долл. По данным Банка международных расчетов, Россия является второй по объемам вложений в казначейские обязательства ФРС среди стран-экспортеров нефти. На первом месте находятся страны ОПЕК, а на третьем — Норвегия. Российский центральный банк и Министерство финансов России разместили официальные резервы в обязательства американского казначейства на сумму 60,2 млрд долл., но кроме этих активов золотовалютные резервы были инвестированы в бумаги американских ипотечных агентств (примерно на 113 млрд долл.). В условиях кризиса на мировом финансовом рынке правильным решением стал вывод российской валюты из ипотечных облигаций *Fannie Mae* и *Freddie Mac*<sup>22</sup>.

В России при некоторой утрате доверия к доллару в структуре российских золотовалютных резервов его доля на 1 января 2012 г. сократилась до 45,2%, евро вырос до 41,8%, а оставшиеся 13,0% дополняли фунт стерлингов и другие валюты<sup>23</sup>. Существенное преобладание в структуре российских международных резервов валютной составляющей увеличивает риск их обесценения. Следуя международной тенденции, Банк России увеличил золотой компонент международных резервов до 909,8 т (по состоянию на 1 июня 2012 г.). Учитывая, что с 2001 г. по 2011 г. цена на золото выросла в 5,8 раза, было бы целесообразно продолжить эту тенденцию.

Расширению интернационализации рубля могут способствовать меры по поддержке экспорта в российской валюте. В этих целях переход к политике снижения процентной ставки Центральным банком создал условия для повышения инвестиционной активности юридических лиц и предпосылки для разработки механизма технического перевооружения российской промышленности и наращивания экспортного потенциала конкурентоспособной продукции.

Таким образом, в условиях кризиса мирового финансового рынка сохранение конкурентных позиций российской экономики и переход на инновационный путь развития во многом определяется не только повышением привлекательности инвестиционного климата России, но и действиями российских монетарных властей, направленными на плавное изменение векторов валютной и финансовой политики при расширении форм участия России в международном разделении труда.

<sup>1</sup> Действующий Индекс включает 12 составляющих: институты, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здравоохранение и общее образование, высшее и профессиональное образование, эффективность товарных рынков, эффективность рынка труда, зрелость финансовых рынков, технологическая зрелость, размер рынка, зрелость бизнеса, инновации.

<sup>2</sup> С методикой анкетирования руководителей экспертами ВЭФ можно познакомиться в работе: *Browne C., Geiger T. The Business Executives' Insight into Their Operating Environment // The Global Competitiveness Report. 2010 – 2011. P. 57 – 65.*

<sup>3</sup> *The Global Competitiveness Report. 2011 – 2012. P. 9.*

<sup>4</sup> *The Global Competitiveness Report 2011 – 2012. Geneva: World Economic Forum, 2011.*

<sup>5</sup> Ведение бизнеса в России — 2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://russian.doingbusiness.org/reports/subnational-reports/russia>.

<sup>6</sup> «Индекс восприятия коррупции за 2010 год — результаты» (Corruption Perceptions Index 2010 Results), Transparency International. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.transparency.org/policy\\_research/surveys\\_indices/cpi/2010/results](http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/results).

<sup>7</sup> «Медведев рекомендует повысить штрафы за взятки в 100 раз». *Medvedev Recommends Raising Fines for Bribery a Hundredfold // Russia Today. 2011. Февраль.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rt.com/politics/medvedev-recommends-fines-bribery/>.

<sup>8</sup> Модернизация экономики России. Кардинальное улучшение инвестиционного климата. Ежегодный экономический доклад общероссийской общественной организации «Деловая Россия». М., 2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.deloros.ru/FILEB/doklad-2010.pdf>.

<sup>9</sup> Россия в цифрах. Официальное издание. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.infostat.ru>.

<sup>10</sup> См.: *Мегвегов Д. А.* Выступление в Магнитогорске. 30 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://itogi.ntv.ru/news/23221/>.

<sup>11</sup> [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.svobodanews.ru/content/article/24269358.html>, <http://www.weekjournal.ru/economics/news/20308.htm>.

<sup>12</sup> Рейтинги. Обзоры. Исследования. Конференции. Эксперт РА. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.raexpert.ru/>.

<sup>13</sup> Исследование инвестиционной привлекательности России. *Ernst & Young European Investment Monitor, 2011 год.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Russia-attractiveness-survey-2011-RU/\\$FILE/Russia-attractiveness-survey-2011-RU.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Russia-attractiveness-survey-2011-RU/$FILE/Russia-attractiveness-survey-2011-RU.pdf).

<sup>14</sup> [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [www/gks.ru](http://www.gks.ru).

<sup>15</sup> См.: Вопросы экономики. 2011. № 8. С. 17.

<sup>16</sup> См.: Бизнес-журнал. 2011. № 12. С. 90.

<sup>17</sup> Бу Ф., Пан Р., Ванг Д. Сможет ли юань стать мировой валютой? // ЭКО. 2010. № 12.

<sup>18</sup> По данным Банка России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [www.cbr.ru](http://www.cbr.ru).

<sup>19</sup> См.: Платонова И. Н. Международный статус рубля надо укреплять // Российский рубль: Перспективы превращения в мировую валюту. М.: Ин-т Европы РАН, 2008. С. 48.

<sup>20</sup> Профиль. 2004. № 45. С. 38.

<sup>21</sup> [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cbr.ru> (дата обращения 10 июля 2012).

<sup>22</sup> См.: Итоги. 2008. 25 августа. С. 26.

<sup>23</sup> О динамике международных резервов Банка России в 2011 – 2012 годах // Деньги и кредит. 2012. № 8. С. 17.

## ГЛОБАЛЬНЫЕ ДИСБАЛАНСЫ И ЗАДАЧИ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

### Суть проблемы

Одной из наиболее острых проблем мировой экономики в последние годы стала проблема глобальных дисбалансов. За последние два десятилетия страны Запада, являвшиеся ранее нетто-экспортерами товаров и услуг, столкнулись с ситуацией, когда их импорт стал превышать экспорт. Т.е. количество валюты, поступающей в страну в результате торговли, меньше количества, отдаваемого за импорт. Не говоря в целом об относительном снижении конкурентоспособности. Наиболее остро данная проблема стоит для США — с 70-х годов прошлого века не было ни одного года, когда их экспорт превышал импорт, но если еще в начале 1990-х годов отрицательное сальдо торгового баланса США было около 30 млрд долл., то в 2011 г. — 691 млрд долл., 5% ВВП<sup>1</sup>. Следствием этой проблемы является нарастание госдолга США. Так как за импорт нужно платить валютой, то страна постоянно увеличивает свой госдолг, составивший в 2012 г. 16 млрд долл., 102% ВВП, в том числе внешний госдолг составляет более 11 трлн долл., 72% ВВП США<sup>2</sup>. Долг — одна из причин мирового экономического кризиса 2007–2008 гг., при этом острота проблемы за последующие годы не снизилась. Кроме того, проблема глобальных дисбалансов позволяет и задать вопрос, действительно ли ряд развитых стран выигрывает от процесса глобализации экономики.

### Богатство уходит на Восток

Третий закон Ньютона гласит, что если где-то убыло, то в другом месте прибыло. В выигрыше оказываются страны ОПЕК (+ 451 млрд долл.), Германия (+ 202), Китай (+ 183) и Россия (+ 151)<sup>3</sup> (табл. 1). При этом если в 1990 г. размер суммарного внешнеторгового дефицита/профицита стран мира составлял менее 0,7% мирового ВВП<sup>4</sup>, то к настоящему времени увеличился до 2%, а в 2006–2008 гг. превышал 2,5%.

Таблица 1

## Страны/группы стран — основные участники проблемы глобальных дисбалансов в торговле, млрд долл., 2010 г.

Страна	Экспорт	Импорт	Сальдо	
Китай	1 578	1 395	<b>+183</b>	
США	1 278	1 969		<b>-691</b>
Германия	1 269	1 067	<b>+202</b>	
Другие крупнейшие страны Европы (Великобритания, Франция, Италия, Испания)	1 621	1 964		<b>-343</b>
ОПЕК	1 045	588	<b>+457</b>	
Япония	770	694	<b>+76</b>	
Россия	400	249	<b>+151</b>	
Другие страны БРИКС (Бразилия, Индия, ЮАР)	504	612		<b>-108</b>
<b>ИТОГО</b>			<b>+1 069</b>	<b>-1 142</b>

Источник: Расчеты автора по *International Trade Statistics 2011*. Geneva: WTO, 2011. P. 24.

В целом около 70% проблемы мировых дисбалансов объясняется выросшими ценами на ресурсы, но оставшаяся часть показывает рост конкурентоспособности экономики азиатских стран по сравнению с экономикой стран Запада. Частью проблемы является разница в паритетах покупательной способности валют стран. В частности, США оказывают сильное давление на Китай с целью ревальвации юаня. Однако в Азии слишком хорошо помнят итоги Соглашения Плаза 1985 г., по итогам которого Япония увеличила курс йены в 2 раза, чтобы не потерять доступ на американский рынок — но это привело к потере конкурентоспособности экспорта страны, бывшего основным драйвером роста, и к многократному снижению темпов прироста ВВП.

Если обратиться к экономической истории, то проблема глобальных дисбалансов, берущая свое начало на современном этапе истории с 1990-х годов, отнюдь не нова. Пожалуй, наиболее известным примером из прошлого являются опиумные войны между Китаем и западными державами 1839–1842 и 1856–1860 гг. В начале XIX в. доля Китая в мировом ВВП составляла около 30%. Китай имел огромное положительное сальдо внешней торговли с наиболее развитой экономической державой того времени — Великобританией (доля которой в мировом ВВП была около 5%), поскольку в Вели-

кобритании существовал большой спрос на китайские чай и шелк. При этом импорт Китая из этой страны был незначительным, в том числе из-за протекционизма. Решением для англичан стал экспорт опиума из колониальной Индии, который быстро распространился практически по всей территории Китая. Когда же китайцы решили прекратить ввоз, произошло две войны, по итогам которых Китай принял все правила торговли западных держав, а его развитие резко затормозилось (темпы роста ВВП в первой половине XX в. 0,6% ВВП в год). На Западе опиумные войны изучают в основном историки-синологи, но в Китае этот период истории не забыт. И то, что Западу удастся достичь компромисса с Китаем по снижению его значительного положительного сальдо, представляется маловероятным.

Кроме того, сейчас США и Китай взаимозависимы не только с точки зрения дисбаланса торговли, но и с точки зрения инвестиций — Китай является крупнейшим зарубежным держателем американского долга (табл. 2).

Таблица 2

**Крупнейшие страны-держатели американских гособлигаций**

Место	Страна	Объем облигаций, млрд долл.
1	Китай	1 164,3
2	Япония	1 119,3
3	Нефтеэкспортеры*	261,3
4	Бразилия	242,8
5	Офшорные центры Карибского бассейна	240,2
6	Тайвань	191,9
7	Швейцария	165,7
8	Россия	157,8

*Примечание.* \* По классификации Казначейства США: страны ОПЕК плюс Индонезия и Бахрейн.

*Источник:* Федеральная Резервная система США, данные на 15 августа 2012 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/Documents/mfh.txt>.

Проблематика глобальных дисбалансов — одна из ключевых в повестке дня G20, также она привела к некоторому усилению роли G20 относительно G8, поскольку без развивающихся стран ее не решить. Большое внимание этой проблеме уделяет МВФ. В июле Фонд выпустил «Пробный доклад по МЭО» (*Pilot External Sector Report*). В нем, в частности, предлагается выработать международный

стандарт для оценки максимально допустимого, с точки зрения влияния на мировую экономику, уровня колебаний валютных курсов, платежных балансов, золотовалютных резервов. Механизм многостороннего ограничения колебаний валютных курсов неоднократно применялся различными группами стран, например ЕС по итогам Маастрихтского договора для перехода к евро, поэтому внедрить его возможно. Однако то, что страны мира согласятся ограничивать положительное сальдо внешней торговли или добровольно сдерживать рост своих золотовалютных резервов представляется маловероятным. Кроме того, в качестве конкретных мер в докладе называется рост инфляции в Германии и ревальвация юаня. Однако эта рекомендация представляется сугубо академической: сложно себе представить, чтобы правительство Германии было готово пойти на увеличение инфляции.

Кроме того, сейчас США и Китай взаимозависимы: с точки зрения торговли для азиатской страны США — важный экспортный рынок, но если посмотреть на рынок капитала, то Китай является крупнейшим зарубежным держателем американского долга.

Одним из следствий положительного сальдо внешней торговли (и частью проблемы глобальных дисбалансов), на котором с целью экономии места не будем останавливаться подробно, является рост золотовалютных резервов «выигрывающих» стран и рост их суверенных инвестиционных фондов, финансовая мощь которых также вызывает опасения на Западе (крупнейшие фонды — в ОАЭ, Норвегии, Китае, Сингапуре).

### **Кейс: Россия. Может ли нефть быть слишком много?**

По размеру профицита внешней торговли товарами Россия делит вместе с Саудовской Аравией третье место в мире после Германии и Китая, являясь, таким образом, важным участником проблемы глобальных дисбалансов. Но далеко не всегда в истории страна, получавшая на каком-то этапе существенные доходы от экспорта ресурсов выигрывала в долгосрочном периоде и в целом. В экономической литературе подробно изучен феномен голландской болезни — при обнаружении и начале разработки в этой развитой стране в XX в. крупных запасов нефти на шельфе Северного моря вместо казалось бы естественного общего ускорения развития страны ускоренными темпами стали развиваться нефтянка и об-

служивающие отрасли. В них за счет других отраслей стали перетекать не только капитал, но и наиболее талантливые трудовые ресурсы, а развитие остальной экономики замедлилось.

С тех пор правительства стран мира накопили достаточно много макроэкономических инструментов, чтобы избежать «ресурсного проклятия» — перераспределение нефтяной ренты через бюджет за счет налогов (что с начала 2000-х годов, в отличие от 1990-х, в России делается достаточно эффективно), антициклическая политика и стерилизация нефтедолларов (что также делается за счет Резервного фонда). Постепенный переход к формированию бюджета исходя из десятилетней средней цены нефти также является одной из правильных, необходимых мер.

Однако в структуре российской промышленности четко проявляются черты голландской болезни. Структурная перестройка экономики осложняется и таким проявлением голландской болезни как значительный рост курса национальной валюты за несколько последних лет в результате избытка поступающей за экспорт иностранной валюты — в результате экономика страны, в отличие от 1990-х годов, во многих отраслях уже не может конкурировать по ценам с азиатскими производителями.

В современной истории мировой экономики известны два полярных кейса по странам, обладающим крупными в относительном масштабе запасами природных ресурсов — Ботсване и Науру.

В Ботсване в 1966 г. были обнаружены значительные запасы алмазов. Однако правительство приняло решение осуществлять государственные расходы не в зависимости от роста доходов в краткосрочном периоде, а исходя из долгосрочных ожиданий, а дополнительные расходы тратить на ЗВР. Ботсвана смогла избежать усиления курса национальной валюты, проводила политику сохранения или создания рабочих мест в обрабатывающей промышленности и сфере услуг, поскольку добывающая промышленность является капиталоемкой, а не трудоемкой и практически не создает роста занятости. За 1965–1989 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП составляли более 12,5%. Затем, при неблагоприятной конъюнктуре и снижении физических объемов экспорта стало происходить использование ЗВР, что помогло избежать резкого сокращения бюджета или же наращивания внешних заимствований. ВВП этой страны по ППС составляет 16 тыс. долл.

Противоположный кейс связан с одним из самых маленьких государств мира Науру. В 1906 г. здесь были обнаружены запасы фосфоритов. В 1968 г. остров получил независимость, а в 1970 —

1980-е годы Республика Науру с ВВП на душу населения в 13 тыс. долл. была одним из богатейших государств мира. Однако добыча фосфоритов стала падать: в 1970-е годы — 2 млн т, в 1985 г. — 1, млн т, в 2001 г. — 162 тыс. т, в 2003 г. была полностью прекращена. Предвидя истощение экспортных валютных поступлений, правительство вкладывало значительную часть выручки в недвижимость за рубежом и специальные фонды. Однако когда запасы фосфоритов подошли к истощению, оказалось, что мер государства было недостаточно. Сказался и рост численности населения с 3 тыс. человек в 1968 г. до 12 тыс. в 1980-е годы. В настоящее время безработица составляет около 90%, а основным источником доходов бюджета является финансовая помощь из Австралии.

В целом, отвечая на вопрос, вынесенный в заголовок параграфа, следует дать ответ, что нефти может не быть, а может и быть слишком много — это зависит от того, насколько эффективно с точки зрения будущего будут использованы нефтяные доходы. По данным ВР, объем нынешних разведанных запасов нефти России позволяет осуществлять добычу на нынешнем уровне еще в течение 23,5 лет<sup>5</sup> (хотя будут открываться новые месторождения, и этот срок несколько увеличится). Сможет ли Россия использовать нынешний период высоких цен на нефть для развития всей экономики и что для этого нужно?

### **Модернизация как естественная и приоритетная задача**

Политику модернизации и догоняющего развития проводили в XX в. и продолжают реализовывать сейчас многие развивающиеся страны — латиноамериканские, Турция, арабские нефтеэкспортеры, Китай и другие страны Восточной (в том числе Япония) и Юго-Восточной Азии. Последние — весьма успешно, и ряд стран (Япония, Корея, Сингапур) даже перешли в категорию развитых стран. Чтобы оценить влияние экономической модернизации на общество, достаточно вспомнить имена наиболее популярных лидеров стран Востока XX в. Мустафа Кемаль Ататюрк, Дэн Сяопин, Махатхир Мохаммад, Ли Кван Ю, шейх Дубая аль-Мактум — все они начали успешную модернизацию. Ключевым моментом является то, что наиболее результативными модернизации были не при развитии только инновационных технологий, а при участии в них широкого спектра отраслей промышленности — тогда и иннова-

ции эффективно абсорбируются в национальной промышленности. Это весьма актуально для России, обладающей емким, входящим в первую десятку в мире по размеру, внутренним рынком.

В Китае в 1998 г. сотрудник Академии наук Хэ Чуаньци предложил «теорию второй модернизации», означающей переход к экономике знаний. В соответствии с идеями второй (обгоняющей) модернизации с 2003 г. Китай переориентировал цели развития с обеспечения максимально быстрых темпов экономического роста на обеспечение именно качества экономического роста.

Нельзя не отметить, что и для наиболее развитой в технологическом плане страны мира, США, на повестке дня также стоят вопросы индустриализации, пусть несколько отличающиеся от задач развивающихся стран. Известный американский ученый и публицист К. Филлипс отмечает, что к финансовому кризису 2007 г. США подошли, имея долю финансового сектора в 20% ВВП (в то время как доля производственного сектора составляла только 12%), что четко показывает актуальность индустриализации и в США. А американский мыслитель Дж. Рифкин призывает к третьей индустриализации, основанной на эффективном энергосбережении по всей планете за счет возобновляемых источников энергии, а также обмене энергией по принципу, аналогичному Интернету.

Руководством нашей страны вопросу модернизации уделяется важное внимание, о чем в том числе свидетельствуют беспрецедентные в новейшей российской истории планы по вложению в госпрограмму вооружений и программу модернизации оборонно-промышленного комплекса 23 трлн руб. в ближайшие десять лет. *Но ключевым вопросом является обеспечение комплексной, всесторонней экономической модернизации.*

## **Конкурентоспособность российской экономики и задачи модернизации через призму внешней торговли**

Низкую конкурентоспособность многих отраслей российской экономики и одновременно симптомы голландской болезни демонстрирует структура внешней торговли страны. Чрезмерной представляется доля добывающих отраслей в российском экспорте. Согласно данным Росстата, 70% экспорта приходится на минеральное сырье, а суммарная доля всех «ресурсных» отраслей составляет 84% экспорта<sup>6</sup> (в 1985 г. — 66%) (табл. 3).

## Структура экспорта России

	1985	2011
Объем, млрд долл.	87,3	517
Минеральные продукты, металлы, драгоценности и изделия из них	60,2	81,5
Продукция химической промышленности, каучук	3,5	6,0
Машины, оборудование и транспортные средства	13,9	4,5
Лесоматериалы и целлюлозно-бумажные изделия	5,7	2,1

Источник: Россия в цифрах 2012. М.: Росстат. Табл. 26.12.

Сам по себе существенный экспорт ресурсов имеет и многие положительные последствия, например, государство смогло увеличить долю социальных расходов, приступить к перевооружению армии и др. Вопрос о приоритетности этих расходов по сравнению с инвестициями в развитие экономики является дискуссионным, и такая политика правительства поддерживается не всеми экспертами, но увеличение пенсий в первой половине прошлого десятилетия было не только вопросом нормального существования, но даже выживания нескольких миллионов человек нашей страны; расходы на оборону в условиях общей нестабильности в мире также являются необходимыми для стабильного развития государства. Разумеется, на повестке дня не может стоять вопрос об искусственном снижении экспорта ресурсов, поскольку поступающие в результате в страну средства являются одним из основных факторов сохранения набранных за последние 12 лет темпов развития.

Тем не менее Россия весьма асимметрично участвует в мировой экономике. Доля продукции машиностроения и химической промышленности — 4,5 и 6% экспорта, соответственно. В импорте доля продукции обрабатывающей промышленности — 81% (в том числе машиностроения — 48 п.п.), сельскохозяйственной продукции — 14%. Это показывает неэффективность структуры внешней торговли России, актуальность и необходимость задач модернизации отечественной экономики, основой которых является индустриализация.

Следует отметить, что подобная структура внешней торговли начала складываться уже в 1970-х годах и была только унаследована российской экономикой после распада Советского Союза. Однако в 1990-е годы структурные перекосы усилились. Решением этой ситуации может быть только всесторонняя модернизация

промышленности страны. Возможно, при существенном усилении протекционизма с целью снижения импорта.

Матрица инструментов, позволяющих осуществление модернизации, существует и может быть использована в российских условиях. Это активная промышленная политика — как через стратегическое планирование и создание макроэкономических условий, так и с разбивкой на отраслевую политику, через использование потенциала внутреннего рынка, увеличение доли на нем национальных производителей за счет их государственной поддержки. Причем это можно делать даже в рамках ВТО — например, при госзакупках или через субсидирование промышленности (вопросы, не решенные в рамках Дохийского раунда). Влияющими факторами являются уровень развития финансовой системы и степень ее ориентированности на финансирование роста приоритетных отраслей, контроль за тарифами естественных монополий, развитие инфраструктуры, в том числе транспортной. Снижение степени офшоризации экономики; повышение ресурсо- и энергоэффективности (с целевыми показателями), в том числе через промышленные стандарты; обновление фондов; рост производительности труда — все эти направления входят в матрицу необходимых мер.

## **Нефтедоллары как ресурс для модернизации**

В начале 1930-х годов для осуществления индустриализации, закупки за рубежом оборудования и технологий проводилась коллективизация с изъятием средств крестьянства, осуществлялась продажа культурных ценностей, в результате страна вышла на второе место в мире по размеру ВВП. Нынешний этап высоких нефтяных цен предоставляет России возможность осуществления модернизации с помощью имеющихся средств.

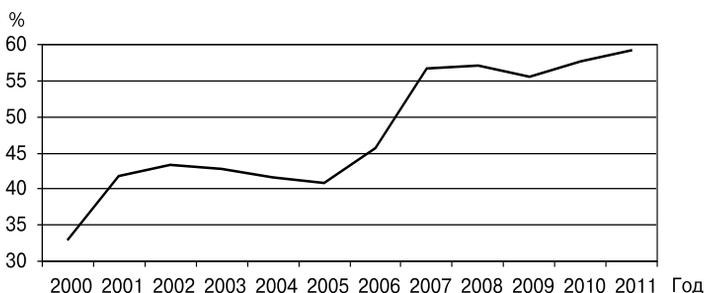
Большинство стран с крупным профицитом внешней торговли существенно нарастили в «нулевые» годы свои ЗВР или создали суверенные инвестиционные фонды (37 из 65 основных суверенных инвестиционных фондов созданы после 1999 г.). Однако мотивы, направленность и эффективность инвестирования государством золотовалютных резервов и средств суверенных инвестиционных фондов существенно различаются.

Анализируя зарубежный опыт, можно определить оптимальные подходы к инвестированию для нашей страны и дать оценку существующей политике инвестирования. В мировой практике распространены следующие варианты использования нефтедолларов крупными нефтеэкспортерами:

- для импорта товаров и услуг;
- для приобретения зарубежных активов на международных рынках капитала;
- для снижения госдолга, хотя это направление является менее распространенным;
- для импорта технологий.

Россия в 2000-е годы использовала нефтедоллары по первым трем направлениям. С начала XXI в.кратно увеличились накопленные зарубежные инвестиции как в Россию, так и из России (объем превышает 300 млрд долл., Россия входит в 15 крупнейших стран по размеру накопленных экспортированных ПЗИ и перешла на четвертую стадию в соответствии с классификацией *Investment Development Path* Дж. Даннинга). Кроме того, Россия практически полностью выплатила свой госдолг, аналогичную политику в отношении госдолга в этот период проводили Саудовская Аравия и Катар.

Но при этом все большая часть нефтедолларов «поглощается» импортом — этот показатель увеличился с 33% в 2000 г. до 59% в 2011 г. (см. график 1). Экспорт за 2000–2011 гг. вырос со 103 до 517 млрд долл., более чем на 80% рост был вызван повышением цен на ресурсы на мировом рынке, но импорт увеличивается еще более быстрыми темпами.



**Рис. 1.** Отношение импорта России к экспорту

*Источник:* Расчеты автора по данным Госкомстата (справочник Россия в цифрах за соответствующие годы).

В то же время в настоящее время оптимальным для России являлся бы четвертый вариант — импорт технологий, знаний, физического капитала, инвестирование в те зарубежные активы, технологии которых могли бы быть использованы для модернизации экономики и новой индустриализации. Нефтеэкспортеры Аравий-

ского полуострова уже следуют данной стратегии. Например, в принадлежащем правительству Абу-Даби суверенном инвестиционном фонде Мубадала создано 9 подразделений, в том числе специализирующиеся на аэрокосмических, информационно-коммуникационных, промышленных и др. технологиях. За последние годы Мубадала приобрела доли в авиапроизводителе Пьяджжо Аэро (Италия), разработчике технологий, используемых в самолетостроении Эс-Ар Техникс (США), производителе полупроводников Эдванс Микро Дивайсиз (США), создала совместное предприятие с Дженерал Электрик. Инвестиционное агентство Катара, помимо инвестиций в финансовый сектор и недвижимость, вкладывает средства в аэрокосмическую, автомобильную отрасли и строительство, например, с целью трансфера передовых технологий и ноу-хау была приобретена известная немецкая строительная компания Хохтиф<sup>7</sup>. Данные инвестиции напрямую влияют на изменение специализации стран в международном разделении труда.

### **Глобальные дисбалансы — настоящее, прошлое и будущее**

Возвращаясь к проблеме глобальных дисбалансов, в общем-то выгодных России и невыгодных Западу, основным вопросом является то, как долго продержится такая ситуация, поскольку она приводит к поступлению в экономику нефтедолларов. Более вероятно, что в среднесрочной перспективе она будет сохраняться. Сокращение дисбалансов могло бы произойти при следующих вариантах: а) снижение цен на ресурсы, б) мировой экономический кризис и сокращение экспорта из развивающихся стран на развитые рынки, в) переход мировой экономики на новый технологический уклад. С точки зрения глобальных дисбалансов именно в смене нынешнего пятого технологического уклада на шестой, основанный на нанотехнологиях, биотехнологиях, альтернативных источниках энергии, новой медицине и заключается «шанс» Западу. Смена технологических укладов в соответствии с теорией больших циклов Н. Д. Кондратьева происходит каждые 50–55 лет и на спаде предыдущего цикла сопровождается ростом конкуренции, так как все большее число игроков смогли наладить производство по существующим технологиям, более острыми кризисами, в том числе перепроизводства, ростом цен на ресурсы, так как они становятся востребованными все большим числом игроков — все эти процессы мы наблюдаем в последние годы. Начало шестого технологического

уклада, прогнозируемое на начало 2020-х годов, произойдет тогда, когда стоимость производства по новым, более совершенным, но пока остающимся дорогими технологиям, станет ниже производства по нынешним технологиям. Это приведет к ускорению роста мировой экономики, повышению производительности, высвобождению ресурсов.

Какой подойдет Россия к этому моменту, который будет сопровождаться не только технологическим рывком ряда стран, но и, вполне вероятно, снижением цен на ресурсы? И здесь также проявляются задачи модернизации и технологического перевооружения собственной промышленности, реализации активной промышленной политики, эффективной научно-технической политики.

На этом можно было бы закончить, если бы не одно ключевое «но». Следует учитывать, что на Западе экономическая и научно-техническая мысль активно работает над замещением нынешнего нефтяного энергетического уклада следующим, основанным на возобновляемых источниках энергии. В России, являющейся ресурсоэкспортером, объективно внимание сфокусировано не на этих вопросах, а на модернизации существующих отраслей и развитии таких инновационных технологий, как нанотехнологии. Однако недооценка, в том числе на уровне государственного геополитического и экономического прогнозирования и планирования, такого тренда как рост (вот-вот грозящий стать экспоненциальным) роли возобновляемых источников энергии по своим последствиям может быть сравнима с недооценкой советским правительством в 1960-е годы значения микроэлектроники и компьютеров.

<sup>1</sup> International Trade Statistics 2011. WTO: Geneva, 2012. P. 24. Приведена информация по торговле товарами. В торговле услугами у США положительное сальдо в 160 млрд долл. (Ibid. P. 26).

<sup>2</sup> United States Census Bureau. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.census.gov/foreign-trade/balance/c0004.html#1990>.

<sup>3</sup> Расчеты автора по International Trade Statistics 2011.

<sup>4</sup> *Obstfeld M.* The Current Account and Global Financial Markets // IMF Conference on “Analyzing (External) Imbalances”. Washington, 2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.imf.org/external/np/seminars/eng/2012/imbalance/pdf/obstfeld.pdf>.

<sup>5</sup> BP Statistical Review of World Energy. L., 2012. P. 6.

<sup>6</sup> Россия в цифрах 2012. М.: Росстат. Разд. 26.

<sup>7</sup> World Investment Report 2011. Geneva: UNCTAD, 2012. P. 56.

## **МНОГОСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ И МНОГОСТОРОННИЕ ИНСТИТУТЫ: ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ**

**М**ногосторонние отношения — это отношения, протекающие на международной арене, в которые вовлечено более двух государств и которые реализуются в форме специфических устойчивых институтов. В случае, если в отношении на международной арене вовлечены негосударственные субъекты из более чем двух государств, при этом эти отношения не имеют своей целью коммерческий интерес и получение прибыли и также протекают в форме специально созданных устойчивых институтов, эти отношения также являются многосторонними, но негосударственного характера.

*Институты, в рамках которых осуществляются многосторонние отношения, называются многосторонними институтами.*

Многосторонние институты в зависимости от их учредителей и участников делятся на межгосударственные (межправительственные) и негосударственные (неправительственные). При этом многосторонние институты каждого из этих двух типов могут привлекать (допускать) к своей деятельности субъекты друга типа. Более того, могут формироваться специальные органы и процедуры многосторонних институтов для такого взаимодействия. Например, с последней четверти прошлого века практика привлечения неправительственных институтов становится распространенной в ООН, региональных и субрегиональных организациях.

Существуют различные варианты типологизации многосторонних институтов — как сугубо по формально-правовым признакам, так и применяемые политологическим сообществом исходя из логики теорий, которой придерживается тот или иной автор. Думается, что можно предложить следующую схему типологизации, которая уже на протяжении многих лет используется в преподавании профильного курса в МГИМО.

Итак, многосторонние институты подразделяются на:

- международные организации;
- интеграционные объединения;
- параорганизации (клубы);

- международные режимы;
- временные (долгосрочные) многосторонние институты.

*Международные организации* — это наиболее распространенный, но все-таки частный тип многосторонних институтов, поэтому не следует использовать термины «многосторонние институты» и «международные организации» в качестве синонимов. Отличительными признаками международной организации являются наличие соглашения, учреждающего эту организацию, устава, четко очерченного круга участников, критериев членства, правил принятия решения, а также санкций за неисполнение обязательств.

При этом международные организации по правовому характеру учредителей и членов подразделяются на международные межправительственные организации (ММПО) и международные неправительственные организации (МНПО). По территориальному охвату эти международные организации могут иметь всемирный (глобальный), региональный и субрегиональный характер. Стоит заметить, что институционально-правовое разграничение региона и субрегиона весьма затруднительно. Так, например, ОБСЕ считается региональной организацией, СНГ, которое подпадает под территориальный охват ОБСЕ, также является региональной организацией, при этом ОДКБ, которая по своему составу меньше «большого» Содружества, тоже вполне законно претендует на статус регионального соглашения по смыслу главы VIII Устава ООН. С другой стороны, не вызывает сомнений субрегиональный характер таких организаций, как «привязанные» к морским бассейнам Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) или Совет государств Балтийского моря (СГБМ). По сферам деятельности международные межправительственные организации подразделяются на организации общей компетенции и секторальные (отраслевые), которые могут осуществлять свою деятельность в разных вышеупомянутых территориальных масштабах. Например, Африканский союз или Организация американских государств являются региональными организациями общей компетенции, а Европейская конференция министров транспорта — региональной секторальной организацией, в то время как Международная организация по кофе — секторальной организацией всемирного масштаба. Организации общей компетенции всемирного (глобального) масштаба, как правило, характеризуются как универсальные. Сам термин в этой ситуации подчеркивает и множество функций, и масштаб. Таких организаций в истории международных отношений всего две — Лига На-

ций в межвоенный период и Организация Объединенных Наций. Международные неправительственные организации (МНПО) могут иметь только секторальный (отраслевой) характер в силу того, что частные лица или национальные негосударственные структуры, как правило, не ставят перед собой задач всеобщего глобального регулирования, но только в конкретной сфере. В ситуации, если та или иная группа лиц или негосударственных структур будет претендовать на роль в глобальном регулировании универсального характера, сразу возникнет вопрос о легитимности таких притязаний. Очевидно, что с точки зрения современного международного права ответ на такие притязания будет отрицательным и может принять формы законного противодействия, как это происходит в отношении различных международных движений экстремистской направленности.

*Интеграционные объединения* по своей юридической природе близки к международным межправительственным организациям, более того, основополагающие договоры таких объединений, критерии членства, процедура принятия решений и санкции за нарушение согласованных установлений в них носят более четкий характер. Принципиальным элементом, отличающим интеграционные объединения от ММПО, является наличие делегированного суверенитета у органов/части органов интеграционного объединения, что предполагает верховенство их решений над национальными регуляциями в сфере деятельности интеграционного объединения. В случае с интеграционными объединениями органы, обладающие делегированным суверенитетом, называются наднациональными органами. Интеграционные объединения могут быть секторальными (или выступать таковыми только на первых этапах развития интеграции) или, так же как ММПО, — общей компетенции. Примерами секторальных интеграционных объединений были Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) и Европейское сообщество по атомной энергии, которые заложили основу нынешнего Европейского союза. С другой стороны, Европейское экономическое сообщество, созданное через шесть лет после ЕОУС и параллельно с Евратомом, изначально задумывалось как объединение общей компетенции. Подавляющее большинство современных интеграционных объединений имеет общую компетенцию, которая реализуется на разных уровнях — от зоны свободной торговли, таможенного союза, до экономического и валютного союза. Высший уровень — политический союз с наднациональными элементами — создан только в Европейском союзе.

*Параорганизации или клубы* — общее название для множества многосторонних институтов. Приставка «пара-» означает внешнее сходство с традиционной организацией. При ничуть не меньших устойчивости во времени, регулярности функционирования и понимании того, кто входит в состав того или иного «клуба», параорганизации, как правило, лишены основных (всех или нескольких) элементов, характерных для традиционных организаций — учредительного соглашения, устава, писанных критериев членства. Существуют клубы по сути межгосударственные — «Группа восьми», «Группа двадцати», БРИКС, Парижский клуб стран-кредиторов. Другие же клубы являются неформальными регулярными площадками для встречи ведущих политиков, государственных деятелей, бизнесменов и ученых с мировым именем. К таким клубам относятся Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия, Римский клуб, Лондонский клуб. По своей компетенции клубы также могут быть секторальными и общей компетенции. Как правило, все клубы функционируют в общемировом масштабе, с определенным смещением акцента в сторону евро-атлантического сообщества. Существует особый тип параорганизаций — международные регулярные форумы неправительственного характера, как правило, специализирующиеся в сфере экономики. Наиболее известным из таких форумов является Всемирный экономический форум в Давосе. Такие форумы, как правило, имеют координационные структуры, функционирующие между основными заседаниями, научные, программные комитеты, а также целый ряд публичных мероприятий, проводимых между основными заседаниями. Многосторонние отношения, развивающиеся в рамках параорганизаций, часто, особенно во франкоязычной литературе, называют дипломатией клубов.

Сложным типом многосторонних отношений являются международные режимы.

*Международный режим* — совокупность норм и институтов, регулирующих ту или иную сферу международной жизни. Международные режимы могут иметь сугубо технический характер — международный режим морского судоходства, режим международной торговли, гражданской авиации, и могут быть тесно связанными с политической сферой — режим нераспространения ОМУ, международный режим прав человека. Международные режимы, особенно имеющие давнюю историю, содержат как частно-правовые нормы, так и нормы международного публичного права (например, режим морского судоходства) и соединяют в себе многосторонние институты межправительственного и неправительственного ха-

рактера. Как правило, в международных режимах можно выделить один или несколько основных институтов и основополагающих документов — например МАГАТЭ и ДНЯО в режиме нераспространения ОМУ. Международные режимы склонны к разрастанию и восприятию ранее/параллельно существовавших механизмов и установлений. Так, режим нераспространения ядерного оружия фактически включил в себя нормы и институты, связанные с химическим и биологическим оружием, и стал режимом нераспространения оружия массового уничтожения в целом. В рамках многих режимов можно выделить несколько уровней регулирования — глобальный, региональный, реже — субрегиональный. Зрелость отдельных, более низких уровней позволяет сделать режим в конкретном его сегменте более четким и детализированным. Так, Всеобщая декларация прав человека признается большинством стран мира и региональными организациями в качестве основополагающего документа в гуманитарно-правовой сфере, но это не означает, что качество этого режима одинаково на всех континентах. Очевидно, что в Европе, где у него существуют институциональные опоры в виде Совета Европы, ОБСЕ, Европейского союза, режим прав человека эффективнее, чем там, где он базируется в основном на внешних нормах глобального уровня и не подкреплен региональными механизмами.

В последние три десятилетия стала складываться практика многосторонних отношений, которую, возможно, также стоит описывать в категориях международного режима. Речь идет о распространении норм интеграционных объединений на страны, не входящие в эти интеграционные объединения, но имеющие с ними договорные отношения. Эта практика приобрела устойчивый характер, прежде всего в отношениях ЕС со своими соседями. Наибольшее добровольное распространение норм ЕС характерно для стран, входящих в так называемое европейское экономическое пространство. Менее плотный режим экономического и социального регулирования ЕС характерен для средиземноморских и постсоветских соседей ЕС.

*Временные (долгосрочные) многосторонние институты* создаются для решения конкретной проблемы и существуют до момента решения этой проблемы или ее исчезновения в силу иных обстоятельств. Большинство временных институтов создается с целью регулирования конфликтов, снятия международной напряженности. Примерами таких институтов могут быть «ближневосточный квартал» и его предшественник — так называемый Мадридский мир-

ный процесс, созданные для урегулирования арабо-израильского конфликта. Деятельность временных многосторонних институтов являлась и является ключевым элементом международных усилий на постъюгославском пространстве, в ситуации вокруг Ирана, Северной Кореи, Афганистана. Преимущественная роль во временных институтах отводится не органам, которые носят, как правило, координационный характер, но процедурам.

Зачастую в качестве отдельного типа многосторонних институтов указываются *международные конференции*. В исторической ретроспективе это верно. Однако в современных международных отношениях, предельно институализированных и структурированных, международные конференции или являются элементом функционирования других вышеперечисленных многосторонних механизмов, в частности международных режимов, или могут выступать в качестве начальной фазы при создании новых многосторонних институтов, например, международных контактных групп. Использование термина «конференция» в названии постоянно действующего многостороннего института скорее является данью традиции или неким историческим обстоятельствам.

*Эволюция многосторонних отношений прошла несколько этапов*, при этом скорость изменений нарастала, а этапы по мере приближения к нашему времени становились все более сжатыми.

Появление прообраза современных многосторонних отношений можно отнести к 1815 г., когда решениями Венского конгресса был создан прообраз универсальной организации — Священной союз. Это был не просто военный союз, направленный против некоего противника, но институт ориентированный на поддержание определенных параметров международного порядка. *Первый этап развития многосторонних отношений* длился чуть более века — вплоть до завершения Первой мировой войны и создания Лиги Наций. Он вместил в себя появление предшественников современных международных организаций и режимов. Именно в это время появляются первые секторальные организации — Рейнская и Дунайская судоходные комиссии, Всемирный почтовый союз, Международный телеграфный союз, Международный метеорологический союз и др.; первые региональные организации — Панамериканский союз; первые неправительственные организации и движения — Красный Крест и ...Первый Интернационал. В результате сознательной политической воли в результате Гаагских конференций устанавливаются ограничения на средства и методы ведения войны — близкий прообраз современных режимов.

Вторым, весьма плодотворным с точки зрения институционального опыта становится *межвоенный период*, где главным достижением многосторонних усилий стала Лига Наций. Можно утверждать, что эта универсальная организация была полным историческим аналогом ООН. Более того, некоторые институты, созданные в рамках Лиги, унаследованы ООН и стали элементом ее системы — например, Международная организация труда (МОТ). Та же Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) имела «прямых предшественников» в рамках Лиги. Развитие новых отраслей промышленности, связи и транспорта вело к созданию действующих и поныне секторальных организаций и новых режимов — электросвязи, гражданской авиации и др, основы которых были заложены в межвоенный период. В этот же период начинает складываться пока еще примитивная практика защиты прав человека, появляются первые, в том числе неправительственные, механизмы оказания гуманитарной помощи. Плодотворными оказались усилия по созданию режима неприменения химического оружия, и найдены базовые принципы, связанные с контролем и сокращением обычных вооружений.

Период 1945—1961 гг. характеризовался становлением *базовых параметров современной системы многосторонних отношений* — появляется ООН. Нюрнбергский процесс становится прецедентом феномена международной уголовной юстиции. Создаются Бреттон-Вудские институты, ГАТТ. В силу идеологических причин подавляющее большинство экономических организаций в этот период являлись де-факто организациями стран Запада. Возникают современные региональные организации на других континентах — ОАГ, ЛАГ. Складывается представление о многосторонних усилиях по поддержанию мира и миротворчеству. Именно в этот период возникает новый тип многосторонних институтов — интеграционные объединения в Европе (ЕОУС, Евратом, ЕЭС). В целом происходит институализация европейского порядка, возникают ОЕЭС, Совет Европы, НАТО. Наша страна и ее восточноевропейские союзники накапливают опыт многостороннего взаимодействия в рамках СЭВ и ОВД.

1961—1973 гг. — кардинальным образом меняется международный ландшафт, на карте мира появляются освободившиеся страны Азии и Африки, которые не удовлетворены сложившейся системой многосторонних отношений. В дополнение к Бреттон-Вудским институтам появляются новые структуры в системе ООН — ЮНКТАД, ЮНИДО, в которых доминируют молодые го-

сударства. Деятельность Бреттон-Вудских институтов в результате Ямайских соглашений серьезно реформируется. Происходит корректировка режима международной торговли в пользу развивающихся стран — появляется Общая система преференций. Возникает в качестве серьезного политико-экономического инструмента Официальная помощь развитию. Развитые страны вынуждены находить свои собственные способы институциональной консолидации — на базе «заснувшей» ОЕЭС, появляется действующая и поныне ОЭСР, новые функции приобретает Банк международных расчетов. Европейские сообщества вводят механизмы координации финансовой сферы («валютная змея») и растут численно. Появляются новые очаги интеграции, в 1967 г. возникает АСЕАН. После Карибского кризиса 1962 г. становится очевидным необходимость всеобъемлющего регулирования в сфере ядерного оружия, начинает складываться современный режим контроля, ограничения и нераспространения ядерного оружия.

*Середина и вторая половина 1970-х годов* отмечены двумя важнейшими явлениями — полноценным началом работы параорганизаций, прежде всего «семерки», и включением энергетических вопросов в многосторонние отношения. ОПЕК принимает современные очертания, а страны—потребители энергоресурсов создают Международное энергетическое агентство (МЭА). Через механизм Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе начинается процесс формирования региональной организации на континенте.

*1980-е годы* отмечены взрывным ростом числа и активности неправительственных организаций. Они возникают в сферах борьбы за мир, европейскую безопасность, борьбы с апартеидом, защиты прав человека и охраны природы. Именно в этот период складывается современная практика взаимодействия ООН и других ММПО с неправительственными организациями. Для Бреттон-Вудских институтов наступает период сомнительного расцвета. МВФ и МБРР, руководствуясь идеологией экономического и политического либерализма (этот феномен впоследствии получил название «Вашингтонского консенсуса»), пытаются реформировать экономики развивающихся стран, прежде всего Латинской Америки. Эта практика потом будет применена для стран ЦВЕ и постсоветского пространства.

*1990-е годы* связаны с надеждами на усиление ООН в качестве центрального элемента многосторонних, да и в целом международных отношений. Своеобразной программой деятельности ООН становятся два знаковых документа — «Повестка дня для мира»

и «Повестка дня для развития». Параллельно возникают множественные планы, связанные с реформой ООН, в частности с 1994 г. начинается официальная дискуссия о реформе Совета Безопасности ООН.

Вступление постсоциалистических и постсоветских стран в многосторонние институты, ранее «зарезервированные» исключительно для стран Запада, ведет к укреплению и одновременно коррекции деятельности многих из них. В результате Уругвайского раунда ГАТТ преобразовывается в полноценную организацию — ВТО. После присоединения бывших соцстран и нового экономического гиганта — Китая ВТО становится ключевым звеном поистине глобального режима международной торговли. В 1990-е годы происходит взрывной рост числа многосторонних институтов регионального характера на постсоветском пространстве, в Центральной и Восточной Европе. Россия становится государством — инициатором подавляющего числа многосторонних проектов на постсоветском пространстве. В 1995 г. на основе СБСЕ формируется ключевая региональная организация «политической» Европы — ОБСЕ, которая географически охватывает и постсоветскую Азию. 1990-е годы характеризуются повышением роли региональных организаций, в том числе связанной с урегулированием конфликтов. В значительной степени в связи с постбиполярными конфликтами и проблематикой ОМУ вырабатывается современная практика временных многосторонних механизмов — контактных групп, в частности по бывшей Югославии. Феноменом 1990-х, продолжившим свое активное развитие и в 2000-е, становится проблематика международной уголовной юстиции. В многосторонних отношениях по-новому ставится экологическая проблематика. Возникает новаторский, хотя и не самый эффективный механизм Киотского протокола (1997 г.). Укрепляется многостороннее взаимодействие в правоохранительной сфере, более эффективным становится Интерпол, а также механизм противодействия преступлениями в финансовых сферах — ФАТФ. Успешно развиваются интеграционные объединения на Американском континенте (МЕРКОСУР, НАФТА), расширяется численный состав АСЕАН. В АТР происходит становление новых диалоговых механизмов, важнейшим их которых становится АТЭС. В этот период Россия стремится максимально подкрепить свой статус постоянного члена СБ ООН столь же значимым положением в системе многосторонних отношений в целом. Основные усилия сосредоточены на присоединении к «Большой семерке».

Последние десять—двенадцать лет система многосторонних институтов находится в поисках баланса между различными ее компонентами. Символом устойчивости и центральной роли ООН стал Саммит тысячелетия (2000 г.), а устремленность организации в будущее видна из Повестки дня XXI в. На фоне глобальной дискуссии о реформировании ООН преодолела собственный финансовый кризис и, следуя методу «малых дел», провела реформу механизмов связанных с защитой прав человека. Фактически сложилось взаимодополняющее взаимодействие между «Большой восьмеркой», ООН, многосторонними экономическими организациями. Парадоксальным образом «восьмерка» — классический клубный механизм — демонстрирует нарастающие тенденции к институализации и усложнению собственной деятельности. 2000-е годы отличаются более пристальным вниманием крупных развивающихся стран к многосторонним механизмам. Заметным игроком на евразийском пространстве становится ШОС. С участием Бразилии, России, Индии, Китая и присоединяющейся к ним ЮАР происходит становление нового клуба — БРИКС. В 2000-е годы Россия кардинально поменяла свой статус в отношениях с институтами финансовой сферы — Группой Всемирного банка, МВФ, Лондонского и Парижского клуба — она избавилась от статуса должника и объекта оказания финансовой помощи. Проведение в 2006 г. саммита «восьмерки» в Санкт-Петербурге и вступление России в ВТО в августе 2012 г. окончательно интегрировало ведущую мировую державу в систему многосторонних отношений. Одним из ключевых направлений деятельности многосторонних институтов с 2001 г. и до середины 2000-х годов становится противодействие международному терроризму. В связи с ростом цен на энергоносители, появлением новых игроков на международном рынке энергетическая проблематика активно возвращается в сферу многосторонних отношений. Создается Форум стран — экспортеров газа. В 2000-е годы продолжает усиливаться роль экологической проблематики и устойчивого развития в деятельности многосторонних институтов — важнейшими ее элементами становится Копенгагенская встреча по климату (2009 г.) и саммит «Рио + 20» (2012 г.). В значительной степени по инициативе «восьмерки» начинается реформа системы помощи/содействия международному развитию.

Расширение Совета Европы, НАТО и ЕС делает европейскую систему международных отношений еще более институционализированной. ЕС переходит в высшую стадию интеграции и в процессе взаимодействия со своими соседями создает специфические

режимы организации экономической и социальной сферы, основанные на нормах, принятых в Евросоюзе. В многосторонних отношениях особняком стоит вопрос НАТО. Альянс фактически сумел убедить международное сообщество, что он не просто военный союз и даже не региональное соглашение с правом поддержания мира и безопасности на территории, занимаемой странами-членами, но нечто большее и имеющее ценность для поддержания мировой безопасности. Экономический кризис пробудил к жизни созданный более десяти лет назад, но «уснувший» клуб — «Большую двадцатку». «Двадцатка» оказалась эффективным механизмом согласования интересов ведущих стран и с новой остротой встал вопрос об адекватности «старой» «восьмерки» реалиям современного мира.

Очевидно, что подробно рассказать о деятельности всех многосторонних институтов в рамках одной главы учебника невозможно. Деятельность многих из них освещается в других главах, ниже приводятся примеры многосторонних институтов, деятельность которых в современных условиях мирового экономического кризиса кажется наиболее актуальной. Кроме того, авторы посчитали важным более подробно познакомить читателя с относительно новой проблематикой международной уголовной юстиции.

## РОЛЬ ООН В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Создав в победном 1945 г. Организацию Объединенных Наций — единственный универсальный международный форум, члены мирового сообщества едва ли могли тогда представить, насколько насыщенной и интенсивной будет деятельность организации в начале XXI века. Окна расположенного в восточной части манхэттенского «мидтауна» небоскреба ООН, с одной стороны смотрящие на Ист-Ривер, а с другой — на Первую авеню, никогда не гаснут как в прямом, так и в переносном смысле. Как не знают перерывов, интервалов, выходных международные отношения, так не знает их и ООН — организация, призванная эти самые международные отношения регулировать. И делает она это вполне успешно и эффективно, несмотря на отдельные сбои и неудачи, за которыми зачастую стоят амбиции и гордыня конкретных государств, стремящихся поставить себя выше мирового сообщества и продемонстрировать всем и каждому, что для них закон в виде Устава ООН и общепризнанных норм международного права не писан. Во всяком случае, в определенных ситуациях.

Международная повестка дня, как это видно даже не искушенному в большой политике человеку, исключительно объемна и насыщена. Бывают периоды, когда в огромном здании ООН нет возможности найти свободный зал или комнату для проведения того или иного международного форума или встречи. В такие дни ооновский «большой дом» напоминает растревоженный муравейник, где множество людей — и члены официальных делегаций, и представители «гражданского общества», которые все активнее заявляют о себе в стенах всемирной организации, — перемещаются в различных направлениях по лабиринтам небоскреба либо в поисках нужного зала заседаний, либо — в перерывах между сессиями того или иного ооновского органа — для проведения «кулуарной работы», которая является одной из важных форм неформального согласования позиций различных делегаций.

Современная система международных отношений сложилась по итогам Второй мировой войны. Окончание холодной войны и прекращение на нынешнем историческом этапе глобальной конкуренции между двумя моделями организации общественных

отношений, безусловно, наложили свой отпечаток, но не привели к слову самой системы и даже необходимости ее фундаментальной ревизии. Не вызывает сомнений, что в последнюю пару десятилетий в построении международных отношений появились новые нюансы, акценты, однако принципы организации самой системы выдержали испытание и временем, и всевозможными катаклизмами. Это свидетельствует о том, что 67 лет назад была найдена, по сути, оптимальная константа, в общем и целом сохраняющая до сих пор свою непреходящую актуальность.

Существующая международная система напоминает многоступенчатую пирамиду, на вершине которой находится Организация Объединенных Наций. ООН обладает уникальной легитимностью и призвана оставаться, как записано в действующей Концепции внешней политики России, центром регулирования международных отношений и координации мировой политики в XXI в. Напомним, что ООН является универсальной по членскому составу и всеобъемлющей по объему компетенций международной организацией, объединяющей практически все страны мира (на данный момент членами ООН являются 193 государства). Устав ООН в свою очередь занимает центральное место в современном международном праве, играя роль своего рода прототипа всемирной конституции.

Следующий уровень составляют специализированные учреждения ООН и другие связанные с ней органы и структуры, среди которых выделим так называемую Группу Всемирного банка, а также Международный валютный фонд (МВФ), ЮНЕСКО, ЮНИДО, ИКАО, ВОЗ, МОТ, ВОИС и другие организации, даже аббревиатуры которых хорошо известны любому мало-мальски грамотному человеку.

Весомую роль на мировом торгово-экономическом поле играет Всемирная торговая организация (ВТО), объединяющая ныне 157 участников, включая 153 международно признанных государства. ВТО не является специализированным учреждением, но у нее существуют механизмы и практика сотрудничества с ООН. Цель ВТО заключается в либерализации международной торговли и регулировании торгово-политических отношений государств-членов. В августе 2012 г. после завершения 18-летнего переговорного марша членом ВТО стала Россия.

Региональные и субрегиональные организации, осуществляющие свою деятельность в соответствии с главой VIII Устава ООН, образуют отдельный структурный уровень системы междуна-

родных отношений. К классическим региональным организациям можно отнести, в частности, ОБСЕ, Африканский союз, Организацию американских государств. За ними следуют субрегиональные организации общей компетенции, в числе которых выделим СНГ, АСЕАН, а также организации, имеющие главным образом экономическую направленность, такие как ЕврАзЭС, ЭКОВАС, МЕРКОСУР и ряд других.

Интересно пронаблюдать эволюционное развитие Европейского союза, учрежденного в 1957 г. шестью западноевропейскими государствами как Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и в дальнейшем распространившего свою компетенцию на все основные сферы межгосударственного общения. В настоящее время ЕС включает 27 государств и продолжает развиваться в направлении создания конфедеративной модели, актуальность которой весьма рельефно подчеркивает продолжающийся вот уже четыре года волнообразный глобальный финансово-экономический кризис, особенно сильно затронувший именно зону Евросоюза.

К группе региональных и субрегиональных организаций естественным образом относится АТЭС — организация, объединяющая страны Азиатско-Тихоокеанского региона в интересах развития экономического сотрудничества. Одновременно АТЭС вполне можно охарактеризовать как трансрегиональную структуру, имеющую весьма представительный и по-своему экзотичный состав государств-участников, расположенных по обе стороны Тихого океана, — от США, России и Китая до Австралии, Вьетнама, Мексики, Перу и т.д.

Комментируя сентябрьский 2012 г. саммит АТЭС во Владивостоке, министр иностранных дел России С. В. Лавров подчеркнул в интервью РИА «Новости» следующее: «В России рассматривают председательство в форуме “Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество” как важнейшее направление курса по встраиванию в региональные интеграционные процессы, продвижению плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. Главная цель этой энергичной и кропотливой работы — создание необходимых внешних условий для модернизации и инновационного развития нашей страны, в том числе социально-экономического подъема Сибири и Дальнего Востока»<sup>1</sup>.

При этом обращает на себя внимание то, что российский министр, признав, что АТЭС — это «форум экономик», акцентиро-

вал возможность обсуждения на «полях саммита» в подходящем для этого формате проблемы кризиса в Сирии — самой насущной темы современной международной политической повестки дня. Это является дополнительным свидетельством свойственного современности тесного переплетения экономических и политических вопросов, их неразрывной связи в контексте обеспечения стабильности мирового развития.

В современном мире не утратили своих в чем-то системообразующих позиций военно-политические организации, наиболее известными из которых на сегодня являются НАТО и ОДКБ, хотя пик расцвета подобных структур явно пришелся на годы холодной войны. Даже Североатлантический альянс, долгое время после роспуска своего исторического антипода и противовеса в лице Организации Варшавского договора искавший свое «новое лицо» в мире, так, в сущности, его и не нашел, во многом застыв в традиционных для себя организационных и идейных рамках, несмотря на численное расширение и периодически обновляемые североатлантические стратегические концепции.

Особую группу составляют неформальные международные объединения государств. Будучи механизмом государственного диалога и сотрудничества, они создаются главным образом для совместного анализа проблем современного мира, выработки по ним общих позиций и принятия согласованных решений. Подобные неформальные объединения, особенно те из них, где представлены ведущие страны мира, зачастую оказывают весьма значительное влияние на мировые процессы. К их числу можно отнести «Большую восьмерку» (G-8), «семерку» (G-7), экономическую «двадцатку», возникшую в связи с глобальным финансово-экономическим кризисом, БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) и ряд других.

Можно прогнозировать, что экономические и диалоговые форматы будут в ближайшие годы весьма популярной формой объединения государств, причем конкретные конфигурации таких объединений могут оказаться неожиданными даже для искушенных в вопросах международных отношений экспертов.

Подытоживая, подчеркнем, что современная система международных отношений позволяет сосуществовать различным по форме, целям и задачам, принципам деятельности межгосударственным образованиям, каждое из которых находит в этой системе свое место. Их количество и многообразие, видимо, будут возрастать. При этом важно то, чтобы ни одна из международных структур не нару-

шала баланса всей системы, равновесие которой в решающей степени поддерживается благодаря существованию общепризнанной универсальной международной организации — ООН. Эта мысль, правда, в более решительных выражениях, содержится в размещенном на официальном сайте МИД России <[www.mid.ru](http://www.mid.ru)> документе «О позиции России на 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН», в п. 1 которого сказано: «Недопустимы попытки подрыва центральной роли ООН, в том числе через институционализацию параллельных и дублирующих форматов (в рамках так называемых «групп друзей», форумов и инициатив), обслуживающих политические интересы отдельного круга государств».

Критики ООН обычно приводят в качестве доказательства ее неэффективности нападение НАТО на СРЮ в 1999 г. и военную интервенцию США и ряда примкнувших к ним стран против Ирака в 2003 г., которые всемирная организация не смогла предотвратить. В этом контексте подчеркнем, что в указанных ситуациях виновата не ООН, а те государства — постоянные члены Совета Безопасности (прежде всего США), которые сознательно вышли за рамки международного права ради осуществления акций, которые им представлялись обоснованными, отвечающими их национальным интересам. В обоих случаях они отбросили принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности ООН, предпочтя действовать в духе нравов и обычаев доправовой эпохи.

Из той же серии и такие ситуации, когда резолюции Совета Безопасности ООН как главного органа, ответственного за поддержание международного мира и безопасности, используются отдельными странами для легитимизации внешнего, в том числе военного, вмешательства во внутренние дела суверенных государств в обход Устава ООН и оказания политического давления на «неудобные» кому-то режимы. Примеры подобного рода — у всех перед глазами. Это и в недавнем прошлом ситуация вокруг Ливии, ныне — вокруг Сирии, а в будущем, возможно, — вокруг Ирана.

В этих условиях как никогда важным становится признание всеми членами ООН, и прежде всего постоянными членами Совета Безопасности, безальтернативности многосторонних начал в мировой политике и формировании в этой связи объединительной повестки дня в международных отношениях для коллективного противостояния глобальным вызовам безопасности.

Особую актуальность в этой связи приобретает задача активизации совместных усилий по укреплению правовых основ в меж-

государственных отношениях, продвижению верховенства международного права в ООН, общего для всех толкования и применения международных договоров и решений ООН, включая резолюции Совета Безопасности.

По-прежнему востребованным остается курс на рациональное реформирование ООН, ее адаптацию к современным реалиям при сохранении межправительственной природы этой организации и незыблемости принципов ее Устава. Главная цель реформы Совета Безопасности ООН — придание этому органу более представительного характера без ущерба для его эффективности. При этом необходимо исходить из того, что при любом варианте реформирования СБ прерогативы его нынешних постоянных членов, и прежде всего право вето, ревизии не подлежат.

Оппоненты права вето обычно делают акцент на том, что его присутствие в Уставе ООН нарушает принцип суверенного равенства государств и тем самым ставит под сомнение демократичность главного органа ООН, отвечающего за мир и безопасность. При этом, критикуя право вето, никто пока не предложил никакой мало-мальски приемлемой альтернативы ему, способной хотя бы — для начала — сохранить нынешний уровень эффективности и оперативности Совета Безопасности. Как представляется, даже самые рьяные критики права вето все же отдают себе отчет в том, что его упразднение или ограничение создаст слишком много новых чрезвычайно острых проблем, в появлении которых не может быть заинтересовано ни одно ответственное государство. Другое дело, что сами постоянные члены Совета Безопасности своими действиями не должны давать поводов для новых нападков на свои уникальные прерогативы, являющиеся — в случае их правильного применения — бесценным инструментом в вопросах поддержания мира и безопасности. Постоянные члены Совета Безопасности ООН, на которых ориентируются остальные страны мира, призваны служить эталоном поведения на международной арене, четко и скрупулезно выполнять Устав ООН, другие нормы и принципы международного права.

В согласованности действий пятерки постоянных членов Совета Безопасности, основанной на взаимном учете интересов, строгом соблюдении ими норм и принципов международного права, — залог процветания ООН, сохранения ее позиций как стержня современной системы международных отношений. ООН нужна мировому сообществу сильной, эффективной, авторитетной орга-

низацией, а не «хромой уткой», способной вызвать к себе только сочувствие.

Именно вокруг ООН, а не каких-то альтернативных ей структур, должна выстраиваться новая архитектура глобального управления, основанная на понимании того, что в мире существует много игроков общемирового и регионального уровней, имеющих свои интересы, которыми нельзя пренебречь, и предполагающая непреложный учет принципов суверенного равенства государств и международной законности.

ООН по-прежнему крепка и обладает значительным ресурсом для дальнейшего эволюционного развития. Она имеет все необходимые возможности для успешной адаптации к реалиям современного мира — как нынешним, так и тем, которые могут возникнуть в будущем.

<sup>1</sup> Москва, 3 сентября 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [www.mid.ru](http://www.mid.ru).

## **ОТ РОМАНТИЗМА К РЕАЛИЗМУ В ЕВРОПЕЙСКОМ ИНТЕГРАЦИОННОМ РАЗВИТИИ**

**И**нтеграция — сложный, многоплановый, неоднозначный процесс. Всюду и всегда, вне зависимости от набора участников интеграционного проекта, его осуществление сталкивается с большим числом самых разнообразных трудностей и проблем. Оно идет зигзагообразно. От успехов к провалам. От бесконечных кризисов к их более-менее удачному сглаживанию. Разрешению. Преодолению.

Однако до последнего времени преобладали победные реликвии. Интеграцию представляли как чуть ли не линейный процесс. Как безусловный успех. Если и не панацеей от всех бед, то, во всяком случае, нечто очень похожее. Позволяющее снимать былые противоречия между нациями. Обеспечивать прогресс. Сбалансированный рост экономики. Высокий уровень благосостояния. Политическую и социальную стабильность и безопасность.

Лишь с недавних пор заявления и выводы критически настроенных исследователей перестали предавать анафеме. Выяснилось, что интеграция, даже в ее самых совершенных, просвещенных и продвинутых формах, неплохо уживается с экономической стагнацией. Безработицей. Свертыванием социальных программ. Что она может сопровождаться чрезмерной политизацией принимаемых экономических решений, чреватой грубыми ошибками и просчетами. С самыми негативными последствиями, от которых страдают фактически все. И население стран, вовлеченных в интеграционный процесс. И национальный бизнес. И соседи.

Исправлять же допущенные ошибки и отыгрывать назад, чтобы минимизировать потери от просчетов, очень непросто. Охвативший весь мир глобальный экономический кризис оставил страшные незаживающие раны. Они будут кровоточить еще очень и очень долго. Да и выход из него пока отнюдь не так убедителен, как хотелось бы. Среди его жертв оказались Европейский союз, еврозона, страны региона. Все они пережили особенно болезненный удар. И осуществляемый ими интеграционный проект послужил спасательным кругом лишь вначале.

Однако ни шельмовать достижения ЕС (их много, они по-настоящему весомы), ни перегибать палку, акцентируя внимание скорее на недостатках интеграции, нежели на ее достоинствах, нет никаких оснований. Нужен научно обоснованный, выверенный, сбалансированный анализ. Необходимо беспристрастно разобраться в том, что ввело ЕС в штопор суверенной задолженности, парализующей все усилия. Почему меры, предпринятые ЕС, не дали желаемой отдачи. Что не сработало в той модели интеграционного процесса, который выбрали государства-члены. Какие коррективы потребуются вносить в практическую политику всем тем, кто верит в интеграцию. Надеется на нее. Считает, несмотря ни на что, что за ней будущее.

Пора, вслед за Владимиром Маяковским, сказать: «Профессор, снимите очки-велосипед». Пусть непосредственные участники событий, «мобилизованные и призванные» кризисом, разъяснят логику своих действий. Пусть традиционные экзальтированные апологеты западноевропейской интеграции несколько потеснятся, отойдут в сторону и пропустят на подиум тех, кто воспринимает происходящее в ЕС со здоровой долей скептицизма.

Тогда мы сможем с уверенностью сказать: «Да. Эра романтизма в оценке классических интеграционных процессов и, в частности, западноевропейского интеграционного проекта ушла в прошлое. Наконец-то появилась возможность перестать все происходящее в ЕС рассматривать через розовые очки. Наступила эра реализма. Эра, когда все видится без прикрас. Когда “за” и “против” взвешивают по конечному результату, а не по заранее анонсированному прорыву в светлое будущее и всеобщее единение».

В предлагаемом вашему вниманию эссе разбираются лишь три из всего многообразия элементов, характеризующих эру реализма в оценке западноевропейского интеграционного проекта. Но они достаточно показательны и позволяют хотя бы схематично представить себе общую картину. Каждому из них посвящен отдельный раздел. Дал этим разделам символические названия, вызывающие вполне определенные ассоциации. Первый озаглавил, пользуясь тургеневскими образами, «Отцы и дети». Второй — более заземленно: «Мухи — отдельно, котлеты — отдельно». Третий — популярным советским лозунгом «Построение коммунизма в одной отдельно взятой стране».

Нынешнее отношение к Евросоюзу очень напоминает отношение молодого поколения к образу жизни предшествующего,

так хорошо описанное в романе. Есть революционный замах. Есть желание спать на гвоздях. Нигилизм. Стремление на все взглянуть по-другому. Иначе. Не так, как в прошедшие десятилетия. Все пересмотреть. Переиначить. Сделать с большим размахом. Более твердо. Последовательно. Решительно.

Но не очень понятно, что в действительности предлагается взамен тому, от чего призывают теперь отказаться. Чем это лучше. Какую даст отдачу. Чем будет полезно. Каковы предполагаемые издержки. И почему ими можно пренебречь. Почему раньше все возражали, не хотели, сопротивлялись. А теперь вдруг осознали, что нужно именно так, и никак иначе.

Буквально еще несколько лет назад Европейский союз рассматривался как эталон. Просто эталон. Или почти эталон совершенства. Да, он и сам навязывал себя всем остальным в качестве образца. Нормативистской силы. Примера для подражания. Центра, из которого исходят новые идеи, касающиеся внутреннего демократического развития государств. Господства права. Ценностных ориентиров. А равно международной повестки, включая устойчивое развитие, зеленую экономику, обусловленную помощь, спасение климата, вмешательство во внутренние дела тех или иных стран в целях защиты населения. И, вообще, оттуда исходят рецепты решения большинства глобальных проблем. В какой-то степени Евросоюз пытался осчастливить всех своих партнеров проекцией своего внутреннего развития на весь остальной мир. Или убедить конкурентов в том, что от этого все выиграют.

Те «благодатные» времена прошли. В нынешних условиях любые предложения, которые исходят от Европейского союза, воспринимаются критически. Опыт Европейского союза тоже оценивается несколько иначе, чем в прошлом. Одно дело, когда вы на коне и у вас все получается. Остальные завидуют. Думают, вот бы нам что-то подобное. Желательно в связке с теми, кто уже преуспел. Не получится — то хотя бы благодаря привилегированным отношениям со столь успешным и влиятельным интеграционным объединением. И совсем другое, когда все сыпется. Международная конкурентоспособность падает. Нужно всем давать разъяснения. Хуже — обращаться за помощью и пониманием. Так, все последние саммиты Россия—ЕС начинаются с попыток представителей Брюсселя убедить Кремль в том, что им предпринимаются достаточные и адекватные меры по преодолению кризиса суверенной задолженности, коллапса зоны евро не произойдет и от евро бежать не надо.

В этих условиях опыт интеграционного развития, накопленный Евросоюзом, все его свершения оцениваются отдельно, а нынешнее состояние ЕС отдельно. Все кому не лень заявляют о том, что основная угроза дестабилизации мировой экономики исходит именно от Евросоюза и что Брюсселю нужно срочно предпринять ожидаемые от него решительные меры. Дальше больше, поучают Брюссель. Выговаривают. Читают назидательные проповеди.

Складывается впечатление, что все крупнейшие мировые игроки, и не только они, радостно бросились спекулировать по поводу нынешних трудностей интеграционного объединения и сами же поверили в сказочки, распространяемые ангажированными экспертами и публицистами. Мол, Европейский союз слабеет. Он уже не тот, что раньше. Ему не угнаться за более молодыми, шустрými и амбициозными конкурентами. ЕС и входящие в него государства сдают позиции. С учетом демографической ямы, в которую они объективно проваливаются, превращаются в музей под открытым небом. Красивый. Богатый. Благополучный. Благоухающий. С тысячами великолепных, сказочных, красивейших экспонатов, но музей. То есть в нечто такое, куда другие будут приезжать, чтобы насладиться искусством, комфортом, познакомиться с историей. А вот возможность творить эту историю оставят за собой.

Много уничижительных соображений высказывается по поводу того, что ЕС, дескать, сам спровоцировал тот жесточайший кризис суверенной задолженности, который он сейчас переживает. Будь он порешительней, сумей вовремя прийти на помощь Греции, оказавшейся в преддефолтном состоянии, развитие событий пошло бы по принципиально иному сценарию. Чтобы спасти Афины до того, как на них накинудись валютно-финансовые спекулянты, а доступ к дешевым займам на открытом рынке оказался перекрыт, достаточно было нескольких десятков миллиардов евро. Теперь спасение обойдется ЕС и уже обходится в сотни миллиардов. Добавьте к этому распространение аналогичной «болезни» на соседей Греции по Средиземноморью — Испанию, Италию, Португалию (четверка, обозначаемая аббревиатурой ПИГС — свинья, в переводе с английского). И вообще, что это за мощнейшая экономическая группировка из 27 преуспевающих богатых государств, которая на протяжении уже нескольких лет демонстрирует полную неспособность вытащить из кризиса одного из слабейших своих участников. Нонсенс. Исключи другие страны Грецию пару лет назад из еврозоны быстро и решительно, никто бы уже не вспоминал какой-то там кризис суверенной задолженности.

Целый ряд инвектив связан с провалами ЕС в смежных областях внутренней политики и рисуемым другими якобы неопределенным будущим интеграционного объединения. Ведь, согласно прогнозным данным, публикуемым экономическими оракулами, пользующимися заслуженным международным авторитетом, включая, в том числе, и Евростат, ЕС не приходится рассчитывать на высокие темпы экономического роста. Низкими темпами на уровне буквально нескольких процентов ЕС придется расплачиваться за выход из кризиса суверенной задолженности на протяжении еще целого десятилетия. За это время конкуренты, развивающиеся намного более динамично, успеют сравняться с ЕС по многим показателям, оттеснить Брюссель и даже выйти вперед.

Необходимость же экономить, придерживаться бюджетной дисциплины, расплачиваться по долгам и т.д. существенно ограничит возможности для маневра и в социальной сфере. Жизненный уровень населения будет падать. В лучшем случае о его росте на некоторое время придется забыть. Масштабная безработица сохранится. Она будет зашкаливать. Социальное недовольство начнет прорываться наружу. Прежде всего от него пострадают мигранты, которым уготована роль громоотвода. Хотя на орехи достанется, конечно, и властям, и крупному капиталу. От терпимости, мультикультурализма, снисходительности к политическим, религиозным и иным меньшинствам придется отказываться. ЕС и страны региона ждет политическая радикализация и все более активное вовлечение в политический процесс крайне правых со всеми вытекающими отсюда не очень приятными последствиями. Они уже сейчас заметны невооруженным взглядом — посмотрите на итоги последних выборов во Франции, Бельгии, Нидерландах, Северной Европе. В общем, крокодиловы слезы проливаются охотно и в больших количествах. Безотносительно к тому, есть для этого реальные основания или нет.

Ведь, утерев их, можно приняться за самое приятное и сладостное. За то, чтобы поучать ЕС. Ставить ему в пример других. В частности, быстро растущие экономики. Советовать заняться реиндустриализацией и возвращением тех или иных производств, перенесенных в Азию, Африку и Латинскую Америку, обратно на свою территорию. Повышенное внимание уделять инновационному развитию. Больше тратить на научные исследования и разработки, создание и освоение новых технологий. Указывать, что решения надо принимать быстро, ответственно, воздерживаясь от того, чтобы перекла-

дывать бремя своих забот на чужие плечи. А такие речи слышны из самых разных уголков планеты. Из Вашингтона, Москвы, Пекина, Дели, Сингапура. На самом деле список гораздо длиннее.

Обычно корректные постоянный глава Европейского совета Херман ван Ромпей и председатель Европейской комиссии Мануэл Баррозу даже взбеленились. Коллеги, — повторили они несколько раз на различных пресс-конференциях, не зарывайтесь. Хватит. Достаточно. Сравните качественные и количественные показатели экономики, жизненного уровня населения, потенциала ЕС с тем, что есть у вас, и все встанет на свои места. И действительно, «хоронить» ЕС, сетовать по поводу того, что интеграционное объединение сдает позиции и его ждет незавидное будущее, явно преждевременно.

Во-первых, все страны, не входящие в ОЭСР, включая все быстро растущие экономики, сильно отстают от ЕС и его государств-членов по всем заслуживающим внимания параметрам. Доходам на душу населения. Уровню жизни. Благополучию. Развитости социальной сферы. Производительности труда. Технической и энерговооруженности. Тому, в какой степени экономика диверсифицирована. У кого сконцентрированы патенты на большинство значимых, с точки зрения мирового развития, технологий и ноу-хау. Кто осуществляет прорывные эпохальные научные проекты.

Во-вторых, качество жизни в еврозоне на порядок выше. Под углом зрения жилого фонда. Социальной защищенности населения. Накопленного странами богатства. Сглаживания противоречий между городом и деревней. Чистоты воды и воздуха. В целом охраны окружающей среды. Рукотворного ландшафтного, природного и любого другого разнообразия. Исторических, архитектурных и иных памятников и т.д.

В-третьих, за исключением распавшегося Советского Союза, никому и никогда не удавалось добиться такого единения ранее враждовавших между собой народов. Интеграционный проект, осуществленный государствами — членами Европейского союза, позволил им создать общее пространство в полном смысле этого слова. Общее пространство благополучия, стабильности и безопасности. Да и тот уровень солидарности в решении общих проблем, ставшей для ЕС нормой, никому в прошлом не удавалось продемонстрировать.

В-четвертых, Европейский союз и его государства-члены уже внесли серьезные коррективы в осуществляемый ими интеграци-

онный проект. В результате интеграции станет на порядок больше. Брюссель получит дополнительные полномочия. Наднациональные механизмы станут работать эффективнее. Из Брюсселя будут диктовать национальным государствам, в том числе и какую экономическую политику проводить, и как расходовать бюджетные средства. Причем под недремлющим оком все новых контролирующих органов. В целом закручивание гаек в том, что касается соответствия требованиям пакта стабильности, продолжится. Будет усилен также надзор за соблюдением дисциплины в финансовой и банковской сфере.

В-пятых, своих проблем хватает у всех мировых игроков, лезущих в критики и наставники Европейского союза. Суверенная задолженность стран ЕС не идет ни в какое сравнение с долгами, накопленными США или Японией. Коррупционированность китайской и российской экономики стала притчей во языцех. Во всех третьих странах разрыв между бедными и богатыми гораздо глубже, чем в ЕС. Абсолютно всем надо проводить болезненные структурные реформы. Всем предстоит модернизировать социальную сферу. А некоторым вообще только еще заняться ее созданием.

Общий вывод. Да, в оценках опыта ЕС и потенциала интеграционного проекта сейчас гораздо больше реализма, чем раньше. Но к оценке тех трудностей, с которыми столкнулся ЕС, следует подходить очень и очень взвешенно. Какое-либо шапкозакидательство недопустимо. Социально-экономическая модель, выпестованная ЕС, несовершенна. У нее много слабостей. Их нужно видеть. Обязательно. В ней много прорех. Но ничего лучшего никто и нигде на настоящий момент не предложил. Все полностью аналогично тому, что говорится по поводу демократических форм общественного устройства. Их эффективность низка. Недостатков — море. Но ничего лучшего на сегодня истории не известно.

Хотите чего-то другого, чего-то большего, тогда дайте ответ на все или хотя бы большинство из упоминавшихся выше вопросов. Вот они. Какая модель экономического развития лучше, нежели та, которая предлагается Европейским союзом? Какая модель построения общества по сравнению с неэффективной, устаревшей, никому не нужной демократией лучше, нежели эта демократия? Где эксцессы капиталистического общества более сглажены, чем в Евросоюзе? Где разрыв между простыми гражданами и элитой меньше, нежели в Европейском союзе? Пока они не прозвучат, мы с вами будем оставаться в логике противостояния отцов и детей,

когда новые поколения отвергают прежний опыт и прежние устои просто потому, что они прежние, а не по каким-то иным причинам.

Можно, конечно, учить ЕС, как ему жить дальше. Можно объяснить, каких стандартов ему следует придерживаться, в том числе в области защиты прав человека, прав потребителей, ограничения выбросов, темпа перехода на рельсы зеленой экономики, вмешательства в дела других стран и пр. Можно. Но лучше, по всей видимости, подтягиваться к этим стандартам, не забывая, естественно, о том, что кто конкурентоспособнее, тот и прав в конечном итоге.

Полемизуя по поводу настоящего и будущего Европейского союза, эксперты и политики, как у нас, так и за рубежом, склонны забывать о том, что ЕС крайне сложное социально-экономическое и политическое образование. Подходить к анализу процессов, разворачивающихся в ЕС, с традиционными мерками нельзя. Или, во всяком случае, крайне нежелательно. Мы можем прийти к заведомо ошибочным выводам. Поддаться соблазну «мерить среднюю температуру по больнице». Что означает этот образ, всем хорошо известно.

Итак, Европейский союз — это сверхсложная система многоуровневого управления. Она складывается из государственного управления на уровне всех субъектов, входящих в интеграционное объединение, со всеми присущими им спецификой и самобытностью, и наднационального управления. Они дополняют друг друга. Накладываются друг на друга. Находятся в постоянно меняющемся динамическом равновесии.

Какие-то функции и полномочия национальное государство передает на более высокий уровень. Какие-то обратно себе возвращает. При определенных условиях взаимодействие национальных и наднационального уровней управления дает синергетический эффект. При каких-то других достичь такого эффекта не получается. В тех или иных сферах человеческой деятельности в отношениях между ними превалирует тенденция к сотрудничеству со строгим следованием установленной иерархии. В других она уступает место соперничеству. В третьих движение вперед вообще оказывается заблокированным.

А ведь нужно еще учитывать крайне сложное устройство общественной жизни в государствах, сделавших ставку на объединение своих ресурсов и достижение согласованных целей. Плюс парламентское измерение многоярусного управления. Подключение социальных партнеров к процедуре формулирования политики, вы-

работки общих правил игры и принятия решений. Подтягивание гражданского общества и гражданских инициатив. Разнонаправленный лоббизм и много другого прочего.

Значит, нужно совершенно четко различать, кто за что отвечает. Что к чему относится. За что хвалить или ругать тот или иной уровень управления. Что «инкриминировать» институтам Европейского союза и самому ЕС, а что входящим в него национальным государствам. Какие претензии в связи с кризисом суверенной задолженности предъявлять и какому или каким слагаемым многоуровневого управления. Какие его элементы менять, модифицировать, совершенствовать, модернизировать и как, каким образом, в какой последовательности. Какие новые черты система многоуровневого управления, образующая ЕС, может или должна приобрести в результате реформ.

При таком подходе выясняется, что нынешний провал ЕС, утрата валютно-финансовой стабильности, лихорадка, охватившая биржи из-за неспособности правительств самостоятельно размещать суверенные заимствования под низкий процент на открытых финансовых площадках и, соответственно, своевременно обслуживать свои долговые обязательства, — это кризис не столько европейского интеграционного проекта, сколько национального государства в эпоху глобализации. Делается очевидным, что, прежде всего, отдельные государства-члены оказались не готовы к резкому изменению экономической конъюнктуры, вызванной глобальным экономическим кризисом, схлопыванию рынков, падению спроса и т.д., а не ЕС в целом. Хотя и он тоже. Национальные финансовые институты отдельных стран, системообразующие банки, инвестиционные фонды, страховые и прочие компании, а не ЕС в целом накопили колоссальное количество обесценившихся активов, вынудив национальные государства брать на себя их обязательства в целях спасения национальных финансовых систем. Экономика главным образом отдельных стран, а не ЕС в целом нуждается в ускоренном проведении давно назревших структурных реформ и коренной модернизации.

Осуществление европейского интеграционного проекта на предыдущем витке развития Европейского союза позволило ускорить экономическое развитие региона. Обеспечить трансграничный перелив современных технологий, политических, социальных, управленческих, информационных, производственных. Подтягивание относительно отсталых стран к уровню развития более передовых. Помогло расширить зону процветания, вовлечь в нее все

новые и новые страны, вне зависимости от того, в какой степени они были к этому готовы или этого «заслуживали».

Но оно не привело к созданию гомогенного экономического пространства. К унификации очень несхожих моделей экономического развития, используемых в разных странах. К выработке и осуществлению единой экономической политики. До кризиса такая задача не ставилась. Соответствующие полномочия у ЕС отсутствовали. По большому счету интеграционный проект на это и не был рассчитан. Ведь тогда бы речь шла уже не об интеграции, а, по сути, о тех или иных формах федерализации Европейского союза, утрате его субъектами характера независимых суверенных образований в гораздо большей степени, чем сейчас. Многими членами ЕС подобное развитие событий воспринималось и воспринимается по-прежнему как невозможное, нежелательное и недопустимое. В какой мере — другой вопрос.

В любом случае по состоянию на настоящий момент в масштабах континента используется с полдюжины различных модификаций европейской модели социально-экономического развития. Строятся несовпадающие типы социального государства, отличающиеся между собой по многим очень важным, узловым параметрам. Применяются индивидуализированные схемы вовлечения мигрантов в жизнь общества. Проводится экономическая политика, ориентированная на решение задач, специфических для каждого государства или групп государств. Учитывающая уровень их экономического развития, исторически сложившиеся традиции, менталитет, национальные особенности и предпочтения.

С некоторой долей условности можно говорить о германской модели социально-экономического развития или, иначе, модели, принятой в Германии и ряде тяготеющих к ней стран. Североевропейской или скандинавской. Британской. Средиземноморской. Модели, которая сформировалась за последние годы в странах Новой Европы. Ведь новички ЕС, будь то отдельные страны Центральной и Восточной Европы или страны Балтии, не ограничились тем, что взяли на вооружение трафареты догоняющего развития. Они сумели сыграть на опережение и заранее осуществить ряд насущных структурных и социальных реформ, долгие годы стоящих в повестке дня старожилов ЕС — таких, как в первую очередь Греция, Италия и другие страны Средиземноморья.

Так вот, кризис суверенной задолженности в той форме, в которой его переживает Европейский союз, вскрыл слабости и продемонстрировал сильные стороны различных моделей. Факти-

чески он означает фиаско средиземноморской вольницы, тренд к игнорированию национальной специфики и отказу от ее учета в качестве чего-то краеугольного и победу германской и северо-европейской модели над всеми остальными. Да, и как иначе можно охарактеризовать ситуацию, когда все остальные вручили Германии заботу о спасении и выживании зоны евро.

Превращение Германии, единственного европейского тяжеловеса, в «европейского тигра», восходящую экономику, столь же динамичную, как Китай, Индия и другие быстро растущие центры, произошло на наших глазах. Еще недавно Германию объявляли больным человеком Европы. Она пренебрежительно нарушала пакт стабильности ЕС. Казалось бы, впустую тратила десятки миллиардов евро бюджетных денег на переналадку хозяйственного механизма и обустройство своих восточных земель. Была парализована противостоянием федеральных и местных органов власти и управления, контролируемых конкурирующими политическими партиями. Не могла даже подступиться к осуществлению серьезных социальных и структурных реформ, требуемых жизнью. И, тем не менее, правящий класс Германии нашел в себе силы сплотиться, пойти на создание коалиционного правительства, вобравшего в себя представителей противостоящих политических партий, и запустил реформы. Судя по тому, насколько уверенно Германия встретила глобальный экономический кризис, справилась или справляется с его последствиями, подчиняет другие страны зоны евро своим экономическим интересам, наращивает экспортные поступления, они оказались успешными. Более того, именно они обеспечили Германии, германским фирмам, германской промышленности, германским товарам лидирующие позиции на европейском и мировом рынках. Это уже потом Германия, как пылесос, стала высасывать из других стран ЕС бегущие оттуда капиталы. Их сделалось на порядок выгоднее размещать и вкладывать именно здесь.

Коли так, давайте вместе посмотрим, в чем опыт Германии имеет универсальное значение. В чем он подтверждает или опровергает классические представления о факторах конкурентоспособности, рачительного и рационального ведения хозяйства. Каким императивам экономического развития, отстаиваемым Берлином, впредь придется следовать большинству стран континента. Назовем только главные, на многие из которых до сих пор в ЕС смотрели сквозь пальцы. Теперь ситуация меняется. Новым руководством Испании, Италии и всех тех, кто слишком сильно пострадал от

кризиса, они воспринимаются как своего рода катехизис. Эксплицитно или имплицитно (в зависимости от обстоятельств и политической конъюнктуры).

Для решения задач обеспечения конкурентоспособности необходимо повышать производительность труда. Иного не дано. Это определяющий фактор. От него зависит все остальное. Производительность труда на производстве. В сфере услуг. На отдельных предприятиях. В экономике в целом.

Для этого делать ставку на инновационный тип развития. На постоянное обновление основных фондов. Надежность институтов государственного управления и гражданского общества и их ориентацию на поощрение инновационного поведения как неотъемлемой части политической, экономической и бизнес-культуры. Стабильный рост капиталовложений в разработку и усвоение новейших технологий.

Сохранение и постоянную модернизацию национальной промышленности. Обеспечение ее достаточно весомого удельного веса в ВВП. Представления о том, что в постиндустриальном обществе значение материального производства падает, что наступает эра безраздельного господства сферы услуг, что она будет оттягивать на себя основную часть трудовых ресурсов, похоже, оказались ошибочными или неправильно понятыми. Точно так же как и представления о том, что для обеспечения социального мира и стабильности необходимо растворить рабочий класс в других слоях общества, перевести его на положение маргинала, сделать так, чтобы в силу своей малочисленности он не мог оказывать серьезного влияния на формирование и проведение экономической политики.

Сопоставление количественных показателей говорит само за себя. В странах Средиземноморья и Великобритании доля промышленного производства в ВВП упала до 11–16%. В Германии она на порядок выше. (Кстати, в Китае только в 2010-е годы она опустилась ниже 50%.) Отсюда и большая устойчивость германской экономики и способность абсорбировать высвобождающиеся трудовые ресурсы. Деиндустриализация в Германии не зашла так далеко, как у соседей. И проблема реиндустриализации не стоит так остро. Вот и получается, что тендер на переоснащение железных дорог Великобритании подвижным составом выигрывает «Сименс», а не английские фирмы.

Придание национальной экономике максимальной гибкости, чтобы происходил постоянный переток капиталов. Чтобы они ус-

тремлялись в наиболее перспективные отрасли — сейчас это зеленая экономика. В постоянном режиме поддерживалась здоровая конкуренция. Сохранялся низкий порог входа и утверждения на новых рынках. Неизменно снимались и демонтировались административные барьеры. Особенно такие коррупционные и создающие закрытые цеха, как чрезмерная плата за лицензию на те или иные виды деятельности.

Венчурный капитал был уверен в поддержке центральных и местных властей. Мелкие и средние фирмы пользовались безусловной защитой со стороны государства и могли рассчитывать на его помощь в плане доступа к государственным закупкам, длинным деньгам, осуществлению проектов в режиме государственно-частного партнерства. Ведь у крупнейших фирм лишь командные высоты. Основную ткань экономики создают именно они, мелкие и средние фирмы. За их эффективность, высокой вооруженностью новейшими технологиями, ориентированностью на лучшие образцы, конкурентоспособностью и способностью быстро адаптироваться к потребностям рынка следить нужно особенно пристально.

Рынок труда также обладал максимально высокой гибкостью. Чтобы вслед за перетоком капиталов обеспечивалась и соответствующая миграция рабочей силы. Как территориальная, так и межотраслевая. Чтобы излишки трудовых ресурсов можно было быстрее сбрасывать и, точно так же, легче находить квалифицированных работников, удовлетворяя тем самым растущие нужды в специалистах, владеющих новыми востребованными профессиями и профессиональными навыками. Чтобы эффективно работали механизмы стимулирования подготовки и переподготовки персонала и обучения именно тем профессиям, на которые есть спрос.

Вместе с тем рост заработной платы, социальных выплат и государственных расходов ни в коем случае не опережал рост заработной платы. Следовать этому золотому правилу многие страны ЕС вновь стали только после начала глобального экономического кризиса. В результате они и оказались в столь уязвимом положении. Прежде всего, Греция. Но также и все другие страны Средиземноморья.

Даже во Франции в нулевые годы рост заработной платы превышал возможности экономики страны, что привело в конечном итоге к падению ее конкурентоспособности по сравнению, в частности, с хозяйственным комплексом большого северного соседа и утрате высокого суверенного рейтинга, присваиваемого ми-

ровыми рейтинговыми агентствами. Только когда деваться было уже некуда, все пошло на осуществление мер жесткой экономии, включая сокращение числа государственных служащих, снижение заработной платы, уменьшение объема социальных выплат, повышение пенсионного возраста и т.д.

Германия же отважилась на то, чтобы навести у себя порядок заранее. Чуть ли не на десятилетие она заморозила рост заработной платы внутри страны и только после того, как в этом отношении произошла санация национальной экономики, вновь отпустила гайки. Рост заработной платы вновь пошел, но на прочной, здоровой основе, не угрожающей конкурентоспособности страны по сравнению с новыми экономическими гигантами Азии, где стоимость рабочей силы как фактора производства заведомо ниже.

Бюджетная дисциплина. Сбалансированный бюджет — не прихоть. В этом убедились все государства — члены ЕС. Он совершенно необходим для нормального, устойчивого, поступательного развития. Без надувания мыльных пузырей. Без неприятных сюрпризов и временных «пике». В то же время сбалансированный бюджет — не удавка на шее национальной экономики. В целях решения тех или иных краткосрочных задач государство должно иметь широкие возможности для маневра. Не для разбазаривания и проедания средств, а именно для маневра. Однако после решения тактических задач возвращение к норме обязательно. Только тогда можно избежать высокой инфляции. Это безусловный императив. Вся предыдущая история научила немцев, что высокая инфляция губительна для экономики.

Берлин усвоил урок. Другие нации — нет. Поэтому Германия навязала всем своим партнерам по ЕС новый базовый договор — соглашение о фискально-бюджетном союзе — в качестве юридически обязывающего инструмента, дополняющего и развивающего учредительные договоры ЕС. То есть такого инструмента, которому будет подчиняться все вторичное право интеграционного объединения. По которому будут жить все институты и органы ЕС. От контроля за соблюдением которого, жесткого, последовательного, порой даже принудительного, они не смогут уклониться.

В то же время спекуляции по поводу нового договора, получившие хождение в среде экспертного сообщества, не имеют под собой оснований. Документ содержит массу исключений и изъятий в отношении дерогации от следования его требованиям при особых обстоятельствах, что придает ему необходимую гибкость.

Однако дерогации только тактического характера без ущерба общей стратегии рачительного хозяйствования, под которой под давлением Германии подписались все государства — члены ЕС, кроме Великобритании и Чехии. Все, не только члены еврозоны, но и не входящие в нее страны.

Еще один штрих, касающийся гибкости. В соглашении о фискально-бюджетном союзе, на котором настояла Германия, нет ничего ортодоксального и с точки зрения мировой практики. Достаточно напомнить, что многие штаты Северной Америки живут по гораздо более драконовским правилам. Согласно принятому ими законодательству, утверждение дефицитных бюджетов вообще не допускается. Правда, они все равно залезают в долги, однако это уже совсем другое дело.

Приоритетность требования жить по средствам. Другим измерением данного требования является возможно более подробное и обстоятельное государственное регулирование финансовой сферы и банковской деятельности. И в докризисный период, и в настоящее время на мировой арене продолжается упорная борьба между двумя кардинально противоположными подходами к вмешательству государства в финансовую сферу. Соединенные Штаты выступали и выступают, хотя сейчас и в несколько завуалированной форме, за ее тотальную дерегуляцию. За то, чтобы проблемы, возникающие на рынке вторичных финансовых обязательств и при обороте деривативов, решал сам рынок. Они исходят из того, что свобода рук американским финансовым институтам выгодна. Им так легче использовать особую роль доллара в мировой торговле и беспрецедентную мощь стоящей за ними национальной экономики для извлечения прибыли и привлечения свежих капиталов.

У Германии совершенно другие установки. Берлин не испытывает никаких иллюзий по поводу последствий дерегуляции финансовой сферы. Он всегда считал и продолжает считать их потенциально катастрофическими. По его мнению, утрата контроля за рынком и оборотом деривативов открывает рынок Пандоры. Она ведет к экспансии паразитического капитала. Его преобладанию над инвестиционным. Неограниченному росту спекуляций. Усилению зависимости национальной экономики от внешних факторов. Постепенному удушению его реального сектора и производительной части сферы услуг. То есть несет опасность всему тому, что составляет стержень хозяйственного комплекса страны. Тому, на чем основывается успех германской модели социально-экономическо-

го развития. Тому, что определяет для немцев ценностные ориентиры.

Соответственно и в ЕС, и в G20 Берлин (танDEMом с Парижем) выступил неприкрытым лоббистом разработки и принятия таких правил игры в масштабах региона и мировой экономики, которые позволили бы решить как минимум следующие задачи. Поставить под государственный и международный контроль финансовую сферу. Ослабить зависимость национальной экономики от системообразующих финансовых учреждений. Сделать все страны подотчетными международному сообществу в плане раскрытия информации об общем состоянии их финансов. Привести бонусы и другие выплаты менеджменту банков и других финансовых компаний в соответствие с результатами их деятельности. Сформировать такую правовую среду, в которой финансовые спекуляции потеряли хотя бы часть своей привлекательности или, по крайней мере, сделались не столь выгодными. Ввести в этих целях налог на все или специфические финансовые транзакции.

Однако в G20 у Германии и тогда, когда она действует от своего имени, и тогда, когда выставляет вперед Европейский союз, много влиятельных оппонентов. Что-то из лоббируемого Берлином прошло, что-то нет. Да, и от достижения общего согласия до имплементации оказалась дистанция большого размера. В ЕС все вышло более споро. И в плане принятия новейшего наднационального законодательства, ужесточающего требования к банкам и другим финансовым компаниям, и в плане создания сетевых и наднациональных контрольных органов нового поколения.

Такова вкратце и очень схематично экономическая парадигма, которую остальные страны ЕС вынуждены были в значительной степени разделить с Германией в обмен на спасение предефолтных экономик отдельных стран региона, еврозоны и ЕС в целом. Она проливает дополнительный свет на специфику многоуровневого управления. Такое управление, безусловно, — шаг вперед по сравнению с простой корреляцией между государственным уровнем управления и договоренностями, достигаемыми на международном уровне.

Вместе с тем оно эффективно работает только тогда, когда государства, участвующие в интеграционном проекте, передают на наднациональный уровень суверенные полномочия (в данном случае в разработке и осуществлении экономической политики) в достаточном объеме. Достаточном для того, чтобы иметь возможность

быстро принимать необходимые решения. Выступать перед лицом новых вызовов единым фронтом. Принуждать отдельные (нерядивые) страны строго следовать достигнутым договоренностям, облаченным в норму права. Денно и ночью контролировать исполнение, имея для этого уполномоченные на то наднациональные органы. Тренд, который наметился в ЕС под влиянием глобального экономического кризиса и кризиса суверенной задолженности, состоит в движении Европейского союза и его государств-членов именно в этом направлении.

Проведенный ими «разбор полетов» показал: в том, что ЕС и страны региона переживают тяжелые дни, виноват не Союз, а государства-члены. Причина экономических неурядиц кроется в том, что они не следовали предписаниям проанализированной выше парадигмы. Ответственность за них должны нести не интеграция или излишние полномочия, делегированные на наднациональный уровень, а то, что государства-члены не передали «наверх» их в достаточном объеме. Вывод однозначен: надо идти дальше по пути углубления интеграции. Она не может иметь половинчатый характер. Интеграционные структуры и механизмы необходимо достраивать. И делать так, чтобы все страны четко следовали лучшим образцам.

Сканирование ситуации, сложившейся в ЕС, под углом зрения многоуровневого управления, таким образом, позволяет реабилитировать интеграционный проект. Более того, вопреки спекуляциям по поводу его провала и неминуемого заката Европы, вновь, в который раз акцентировать, как много он уже дал, продолжает и, скорее всего, будет давать реализующим его государствам. Даже в условиях кризиса ЕС сумел продемонстрировать, насколько жизненными являются выигрышные стороны этого проекта.

Так, хотя в частичной утрате управляемости национальных экономик виноваты отдельные страны, все остальные члены интеграционного объединения и ЕС в целом решились на то, чтобы спасти их, помочь им, вести их всем миром. Как бы это ни было тяжело и накладно. Какими бы рисками для других спасательная операция ни сопровождалась. Вряд ли кто-то возьмется оспаривать, что это и есть солидарность в действии. Не пустые призывы. Не формальные договоренности. Не бумажные заверения. А реальная практическая солидарность.

Хотя совместно разработанные, или согласованные, или одинаково проводимые меры по выходу из кризиса суверенной за-

долженности иногда очень похожи на поэлементный отказ от государства всеобщего благоденствия и кажутся очевидно недостаточными, их внутренняя логика на самом деле хорошо прослеживается. Все эти меры направлены на сохранение и консолидацию всех тех ценностей, на верность которым присягнул Европейский союз и его государства-члены, только на обновленной, более здоровой экономической основе. Затягивание поясов, увольнение избыточной армии чиновников, сокращение заработной платы и т.д. нужны для того, чтобы избавиться от нахлебничества в экономике, иждивенчества, процветания за чужой счет. В конечном итоге — для санации экономики. С их помощью решаются задачи по восстановлению баланса между производством благ и их потреблением, между тем, что люди, фирмы, страны зарабатывают, и тем, что они тратят. Какой-либо ущерб ценностям ЕС они не наносят. Напротив, необходимы для того, чтобы оградить их от возможного ущерба, который мог бы иначе нанести им глобальный кризис и кризис суверенной задолженности.

Хотя в адрес ЕС продолжает раздаваться бешеная критика в связи с тем, что он просмотрел проблемы Греции и вовремя не вытащил ее из преддефолтного состояния и сейчас по-прежнему затягивает с принятием давно перезревших решений, даже казус с Грецией имеет оборотную сторону. Он показывает, насколько тесно переплелись экономики стран еврозоны. Насколько общей сделалась судьба европейских стран. Насколько далеко зашло строительство единого экономического пространства, складывающегося из экономик стран, вовлеченных в интеграционные процессы.

Стоит в этом убедиться, как становятся понятными общая стратегия действий стран ЕС по выходу из кризиса и те идеологические императивы, которые положены в основу ее концептуального обоснования. Таких императивов сравнительно много. О тех из них, которые касаются государственного измерения многоуровневого управления, вкратце было сказано выше. Приведу буквально несколько примеров для того, чтобы проиллюстрировать императивы, относящиеся к верхнему этажу многоуровневого управления.

Максима номер один — достижения интеграции, завоевания интеграции, успех интеграции чрезвычайно весомы. Они имеют самодостаточную ценность. Это плацдарм, с которого можно двигаться дальше. Их ни в коем случае нельзя растерять ни при каких обстоятельствах. Забота об их сохранении и умножении относится

к высшим приоритетам. Поэтому, как бы ни были велики тяготы вытаскивания из кризиса пошатнувшихся экономик, на них нужно пойти. Даже если выигрыш не очевиден. Даже если риски не до конца просчитаны. Ставки слишком высоки. На кону стоит сам интеграционный проект, отождествляемый с будущим всех европейских стран, всего Европейского континента в целом.

Максима номер два — в самой критической ситуации поиски решений, которые устраивают всех, которые выгодны всем, которые могут принести наибольшую отдачу, должны продолжаться. Даже тогда, когда время поджидает. Ресурсов недостаточно. Кто-то считает, что ему выгодно отдельно (как, например, в случае с фискально-бюджетным союзом). Расчет делается не просто на *win-win* сценарий, при котором никто не проигрывает. Нет. Цель несколько иная. Должна ставиться задача отыскать такой сценарий, при котором каждый участник интеграционного процесса может максимизировать свой выигрыш. Благодаря этому общий выигрыш, как складываемое частных, не считая синергетического эффекта, оказывается на порядок более весомым. Или даже наивысшим. Применительно к списанию суверенных долгов отдельных членов ЕС речь идет (или шла) о нахождении приемлемого баланса интересов между спасаемыми экономиками, включая экономику еврозоны в целом, и кредиторами (читай — частными банками). Применительно к оказанию финансовой помощи отдельным странам — о балансе интересов между этими странами, ЕС в целом и Германией (плюс теми из государств-членов, кто также могли бы выступить в качестве доноров). Но — и это «но» дорогого стоит — каждый раз с учетом максимы номер один.

Наконец, максима номер три — любые взаимоприемлемые решения должны быть ориентированы в будущее, а не в прошлое. Повторение пройденного бессмысленно и не нужно. Возврата к деголлевским представлениям о Европе правительств не произойдет, какой бы неожиданно высокой популярностью ни пользовались крайне правые во Франции, взявшие на вооружение этот лозунг, и/или других странах. Так же как и отката от политического, валютного, экономического и фискально-бюджетного союзов обратно к зоне свободной торговли и простому согласованию внешнеполитических курсов, как до Маастрихтского договора, в поддержку чего ломают копыта неугомонные английские тори. Вернее, некоторая их часть. Дабы не связывать себе руки и оттенивать свою самостоятельность, они даже вышли из состава Европейской народной пар-

тии, объединяющей правые и правоцентристские силы региона. Правда, себе в убыток — для всех остальных это очевидно.

Допустимо лишь движение вперед. К все более глубокой интеграции. В этом состоит стратегическая цель ЕС, говорить о мнимом отсутствии которой стало к настоящему времени общим местом. Каждый новый кризис, тем более такой масштабный, как нынешний, — возможность сделать рывок в осмыслении интеграционных процессов, формулировании новых целей интеграции и осуществлении интеграционного проекта. Как раз сейчас эта возможность и реализуется Европейским союзом. Во всяком случае, ЕС и его государства-члены пытаются ее реализовать. Бог им в помощь!

Может быть, эти попытки сделаются несколько более смелыми и продуманными, когда в политическую и экономическую жизнь ЕС вольется новое поколение — те, кто вкусил от плодов мобильного общества. Те, кто получают высшее образование, путешествуя по ЕС, переезжая из страны в страну, добирая «кредиты» в самых разных университетах. Те, кому программа «Эразмус» позволила стать космополитами, гражданами Европы, а не только своего собственного государства. Те, кто мыслят масштабами континента и воспринимают его как свою Родину.

Много лет назад перед дилеммой строить коммунизм в одной отдельно взятой стране или уповать на перманентную победоносную революцию, революцию во вселенском масштабе, стояли большевики. Они сделали рациональный выбор. В исторически исключительно короткие сроки Советский Союз превратился в мощного индустриального гиганта, сверхдержаву, идеологического лидера, за которым потянулись многие другие. При этом СССР никогда не отказывался от ставки на то, что капиталистическая система станет своим собственным могильщиком.

Ответ, который до последнего времени давал Европейский союз на тот же самый вопрос, если под коммунизмом понимать всеобщее процветание и благоденствие, был очень похожим. Интеграционный проект нужен нам самим. С его помощью мы решим все внутренние проблемы и утвердимся на международной арене. Он превратит нас в бастион, крепость, непотопляемый авианосец. Все же остальные приглашаются следовать нашему примеру. Подражать нам. Усваивать наш опыт. Переносить его на свою почву. Воспринимать в качестве прообраза будущего мирового правительства и действовать соответственно.

Подобного рода мессианство на протяжении нескольких поколений воспринималось как вполне логичное и обоснованное. Дела

у ЕС шли по нарастающей. Успешность проекта не вызывала сомнений. СССР гонку проиграл. Альтернативных проектов не было. Все соседи выстраивались в очередь на вступление в интеграционное объединение.

Кризисы, регулярно переживаемые ЕС, на проводимом им экспансионистском курсе и мессианских претензиях никоим образом не сказывались. Каждый из них давал новый импульс интеграционным процессам. Помогал находить новые, нетривиальные решения. Способствовал углублению интеграции. Из кризисов ЕС выходил окрепшим, усилившимся, более конкурентоспособным. Результатом кризисов становилось «больше Европы», больше интеграции. До последнего времени...

Однако сейчас ситуация другая. Во-первых, вновь появился альтернативный проект. Им стал Шанхайский консенсус. Проникновение китайского капитала в различные регионы Азии, Африки и Латинской Америки, несмотря на крайне слабые стартовые позиции, оказалось значительно более эффективным, нежели разрекламированная помощь развитию, которую Запад всегда ставил себе в заслугу. Китайские деньги, рабочая сила и инженерный напор воплощаются в реальные стройки, производственные и инфраструктурные решения. Китай и остальные участники БРИКС дают другим развивающимся странам не назидания, которыми сначала потчуют своих клиентов бывшие колониальные державы, а то, что от них ждут в первую очередь, — шахты, школы, фабрики, дороги. В результате монопольные позиции на площадке содействия развитию и общеисторического мессианства, утвердившиеся за ЕС и США после развала СССР, пошатнулись.

Во-вторых, эталонный характер, всегда признававшийся за западноевропейской интеграцией, несколько поблек. Все увидели, что и ЕС сталкивается с немалыми трудностями. У него далеко не всегда есть готовые ответы. Принимаемые решения диктуются зачастую конъюнктурными и политизированными (политическими — одно, политизированными — совсем другое) соображениями. И в ЕС разрыв между богатым центром и не столь преуспевающей периферией очень велик. И в ЕС власть концентрируется в руках немногих. На поверку общие институты зачастую являются ширмой. Когда дело доходит до по-настоящему серьезных вещей, рычаги управления без обиняков берут в свои руки ведущие державы ЕС. У народа же вообще не спрашивают. Или спрашивают исключительно для проформы.

В-третьих, нынешний глобальный кризис по остроте и глубине своих последствий оказался не по зубам даже ЕС. Он вызвал разлад в стане интеграционного объединения. ЕС пришлось пожертвовать полновесным участием Великобритании в спасении зоны евро. Он породил сомнения в том, что ЕС удастся выйти из него, следуя былой формуле «больше Европы». Не исключено, что Союзу все же придется пойти по пути разноскоростной эволюции и создания внутри интеграционного объединения множества союзов с различной геометрией.

В-четвертых, ЕС ощутил, что «построение коммунизма в одной отдельно взятой стране» и у него не слишком получается. Его зависимость от внешнего мира сильно возросла. Зона евро вошла в спираль углубляющейся суверенной задолженности не только в силу действия объективных факторов, но и по причине неослабевающих атак со стороны мирового спекулятивного капитала. Сильно подорвали позиции зоны мировые рейтинговые агентства, начавшие наперегонки снижать как суверенные рейтинги многих стран ЕС, так и рейтинги их банков. Полностью взять на себя предоставление пакетов финансовой помощи Венгрии, Румынии и другим странам ЕС и еврозоны Брюссель и Берлин не решились. Они прибегли к дополнительным гарантиям МВФ. И создание почти триллионных «противопожарных» запасов на случай новой волны кризиса Берлин поставил в зависимость от выделения МВФ третьим странам дополнительных средств заимствования.

В-пятых, абсорбционные возможности ЕС и его государств-членов также оказались ограниченными. Еще до завершения «большого скачка» — включения в свой состав большой группы стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы ЕС испытал «усталость» от расширения. Против бездумного, скоропалительного, безграничного расширения выступил широкий спектр политических сил. Радикально изменились настроения обывателя. Заметными стали проявления ксенофобии, исламофобии и других фобий. Лозунги об искусственном сдерживании иммиграции, продвигавшиеся ранее в основном крайне правыми, были восприняты правящими партиями. Новая волна законодательных актов существенно ограничила свободу въезда и передвижения по ЕС экономических мигрантов из третьих стран. Повсюду появились труднопредолимые препоны на пути получения гражданства ЕС и его государств-членов. Переговоры о вступлении в ЕС Турции оказались фактически замороженными (на время председательства

Кипра в ЕС они вообще прекратились). В том числе по причине боязни включения в свой состав густонаселенной страны с (пока еще) другой культурой и религией. Идеи мультикультурализма, которых на протяжении десятилетий придерживались гранды ЕС и ЕС в целом, потерпели крах.

В-шестых, и, видимо, этим стоит ограничиться, ЕС пришлось признать очевидное. В эпоху глобализации для решения критически большого числа мировых проблем требуется объединение усилий с третьими странами и группами государств. Для решения проблем экологии и предотвращения дальнейшего изменения климата. Повсеместного становления общей культуры устойчивого развития и формирования широкой коалиции сил в поддержку утверждения зеленой экономики в масштабах планеты. Предотвращения сползания ведущих держав к политике протекционизма, чреватой схлопыванием внешних рынков, без которых нормальное функционирование экспортно ориентированных хозяйственных комплексов уже невозможно, и развалом мировой экономики. Регулирования миграции — ЕС уже давно начал обуславливать экономическое сотрудничество и помощь развитию требованиями к странам-получателям технического содействия самостоятельно сдерживать эмиграцию, бороться с организованной преступностью, коррупцией, отмыванием грязных денег, но это мало что дало.

Отсюда стремление ЕС и его ведущих государств-членов принуждать третьи страны, вне зависимости от сложившейся в них социокультурной среды, переходить на технические стандарты ЕС и включать в свое законодательство так называемый *acquis euro-reel*. Отсюда желание навязать всем странам через G20 выгодные им общие подходы и перераспределить ответственность за происходящее в мировой экономике. Отсюда настойчивость в продвижении на мировой арене своей политической и социально-экономической модели развития и тех ценностей, которые лежат в основе европейского интеграционного проекта и присущи ему.

Как мы видим, мечта о преуспевании и благоденствии в масштабах одного конкретного региона планеты так и осталась мечтой. Хотя еще совсем недавно казалось, что дела у Европейского союза идут очень неплохо. С «построением коммунизма в одной отдельно взятой стране» не получилось у СССР — не получается и у ЕС. Однако это не значит, что опыт интеграционного развития, накопленный ЕС, утрачивает свою ценность. Или что разработанные им рецепты интеграции можно «упрятать в стол», «положить пог-

лужбе в ящик» и забыть. Отнюдь. Напротив, уход от романтизма в восприятии интеграционных процессов и наступление эры реализма позволяют гораздо четче и яснее выделить те элементы или условия, которые делают интеграцию успешной, без соблюдения которых все скатывается лишь к имитации интеграции или ее насаждению сверху.

Назовем часть из них хотя бы тезисно с самыми лапидарными комментариями.

*Господство права и правовое поведение.* Для Европейского союза и государств-членов европейская интеграция — политический проект. Точно в такой же степени, как евразийская интеграция для Евразийского союза и входящих в него стран. Но в то же время и правовой. Сила ЕС, его успешность — в том, что политические решения облекаются в форму права и реализуются как правовые установления. То есть все заранее договариваются об общих правилах игры, а затем их придерживаются. Благодаря этому обеспечивается постоянное воспроизводство ситуации, когда к разным субъектам, вне зависимости от их места во властной иерархии, находящимся в одном и том же положении, применяются абсолютно одинаковые критерии и предъявляются абсолютно одинаковые требования.

*Правовая гармонизация.* Речь ни в коем случае не идет о том, чтобы стричь всех под одну гребенку, вне зависимости от исторического прошлого, национальных традиций, социокультурной специфики. Никто таким образом вопрос не ставит. Подобный подход был бы контрпродуктивным. Гармонизация как раз и противостоит унификации. Это типичное право результата. Как — оставляется на усмотрение национального государства. Важен итоговый результат — чтобы всюду было установлено сходное однотипное регулирование, обеспечивающее сходное однотипное поведение. Тогда сотрудничество и взаимодействие переводятся в качественно иную плоскость. Властные и иные органы, все субъекты правоотношений играют по одним правилам, движутся в одном направлении, а не просто договариваются о том, что они для этого будут делать.

*Правовая определенность.* Простым людям, бизнесу, государственным служащим — всем нужно четко знать, каковы установленные правила игры. Быть уверенными, что завтра они не будут радикальным образом отличаться от того, что есть сегодня. Что никто их произвольно менять не будет. Эти ожидания могут быть реали-

зованы только в условиях определенности права. Она имеет место там, где формальные договоренности и процедуры главенствуют над неформальными. Обеспечены транспарентность и доступ к информации. Закон есть закон, а судебное решение по степени обязательности приравнено к закону и не может пересматриваться в чрезвычайном порядке. Любые новации являются ожидаемыми. О них заранее, заблаговременно предупреждают, чтобы все успели подготовиться, прежде всего те, кого они могут касаться. С ними проводятся предварительные консультации. Их мнение учитывается. Если же что-то предпринимается в пожарном порядке, предусматривается компенсация. А когда правила нарушаются, государство, наднациональные институты и их конкретные представители несут ответственность.

*Высокое качество регулирования.* О характере законодательства ЕС часто судят по далекому прошлому европейской интеграции, когда подготавливаемые и принимаемые правовые акты были зачастую по определению туманными и обтекаемыми, и уже правоприменительная практика Европейской комиссии и Суда ЕС придавала им необходимую четкость, стройность и наднациональное звучание. С тех пор много воды утекло. Подход ЕС к качеству регулирования на каждом этапе эволюции интеграционного объединения становился все более требовательным. После падения кабинета Сантера, перехода Европейской комиссии к работе в соответствии с критериями деонтологии и завершения реформы гражданской службы ЕС качество регулирования было поставлено во главу угла их деятельности. Затем уже при Мануэле Баррозу Европейская комиссия утвердила целый комплекс процедур, неукоснительное следование которым должно было поднять качество разрабатываемых правовых актов ЕС и придать им системный характер. Наконец, Лиссабонский договор окончательно превратил *acquis europeen* в систему учредительных договоров, законов и подзаконных актов. Но успешность наднационального регулирования и в прошлом, и сейчас определяется прежде всего готовностью национальных физических и юридических лиц бороться против национальных властей, отказывающихся по тем или иным причинам следовать предписаниям права ЕС, обслуживающим их интересы лучше, нежели национальное законодательство.

*Социальное государство.* Европейская модель экономического развития, вне зависимости от всех ее модификаций, разобранных выше, подразумевает минимизацию пропасти между богатыми

и бедными, теми, кто имеет все, и теми, кто не имеет ничего. С ее помощью решаются задачи обеспечения социального мира, политической стабильности, вовлечения граждан в жизнь общества, искоренения бедности. На протяжении жизни нескольких десятилетий она ошибочно прочитывалась некоторыми как бездумное неограниченное потребление, нахлебничество и иждивенчество, возможность получать вспомоществование за счет других, за счет работающего и последующих поколений, ничего не делая. После кризиса и в результате кризиса ЕС проводит серьезную корректировку модели, принуждая всех к ответственному поведению и жизни по средствам. Другая цель корректировки — сбросить с ЕС и национального государства излишние и неоправданные обязательства, которые они, в любом случае, не могут выполнить.

*Конкурентные рынки.* Из общего правила всегда есть отдельные или относительно многочисленные исключения. Из этого тоже. Они касаются концессий, государственно-частного партнерства, предоставления общественно значимых услуг и некоторых других случаев, на которые требования справедливой конкуренции могут не распространяться. В остальном конкуренция является стержнем и обязательным условием нормального, рачительного, эффективного хозяйствования. Чем выше качество и ниже цена товаров и услуг, потребляемых обществом, тем оно богаче, тем больше у него возможностей для поступательного гармоничного развития. Эти задачи решает добросовестная конкуренция. Она же залог устойчивого развития, когда на производство товаров и услуг требуется все меньше невозобновляемых ресурсов и энергии. Как показал ход истории, никакие другие инструменты и механизмы в долгосрочной перспективе заменить свободную конкуренцию не в силах. Рано или поздно к ней все равно приходится возвращаться. В начале пути страны ЕС к общественно значимым услугам относили транспорт, энергетику и некоторые другие отрасли, внеэкономическое регулирование которых и подконтрольность властям стимулировали производство и потребление и обеспечили общеэкономический рынок. Впоследствии доминирующим трендом сделался поэтапный отказ от изъятий. Что это дает, лучше всего иллюстрирует переход ЕС к политике «открытого неба» в отношении пассажирских и грузовых авиаперевозок, позволяющий любым надежным авиатранспортным компаниям осуществлять полеты между неограниченным числом аэропортов в пределах интеграционного объединения.

*Сохранение за государством исключительно регулятивных функций.* Власть, конечно же, — отнюдь не «ночной сторож». Это сказочка для наивных барышень. Она определяет стратегию развития. Расставляет приоритеты. Осуществляет перераспределение заработанного среди членов общества. Оплачивает перспективные НИОКР. Борется с привилегиями. Предотвращает скатывание к ручному управлению. Проводит «спасательные» операции в гостиницу кризиса. Но она ни при каких обстоятельствах сама не занимается предпринимательской деятельностью и не допускает, чтобы ею занимались под ее прикрытием или от ее имени.

*Подчинение экономических решений политическим целям.* Рынок слеп, бездумен и бездушен. Им надо управлять. Как и во имя чего — определяет политическая стратегия. В свое время Франции и Германии нужно было выбраться из кошмарного порочного круга бесконечных войн и взаимного истребления — родился интеграционный проект. Потом преодолеть партикуляризм национальных экономик — ЕС совершил рывок от таможенного союза к единому рынку, пускай и незавершенному. Выяснилось, что экономики мало, — создал политический союз, слабый, рудиментарный, но тем не менее. После объединения Германии потребовалось подтвердить ее приверженность европейской интеграции — так появилась зона евро. Теперь на повестке дня стремительное продвижение к гораздо более тесному и многоплановому союзу, к сближению моделей развития, большей дисциплине и ответственности. Единственно, нужно отдавать себе отчет в том, что главенство политики при принятии экономических решений всегда повышает риски. Оно усиливает вероятность того, что оптимальные решения будут подменяться популистскими или односторонними решениями. Заставляет ориентироваться не на то, что реально требуется, а на то, что хочет та или иная лоббистская группировка.

Руководство ЕС и государств-членов уже наделало, по мнению весомой части экспертного сообщества, слишком много ошибок. Будем надеяться, что здравый смысл возобладает и ЕС удастся выбраться из омута рецессий, экономической стагнации и утраты отнесительной конкурентоспособности. У европейской интеграции слишком много сильных выигранных черт, которыми нельзя не воспользоваться.

Но для того чтобы ЕС вновь вышел на траекторию уверенного развития, важно покончить с романтическим самообманом и при-

## От романтизма к реализму в европейском интеграционном развитии

---

держиваться реалистического видения интеграции. Понимать, что на пути интеграции случаются не только приобретения, но и потери. Что принимаемые решения и практическая политика должны учитывать интересы не только участников интеграционного проекта, но и третьих стран. Тем более стратегических партнеров.

Тогда и внешняя политика ЕС в отношении России претерпит коренную трансформацию. Россия и ЕС должны быть вместе. Это один из обязательных выводов, который должен следовать из переоценки ценностей и признания того, что эра реализма в осуществлении европейского проекта действительно наступила.

## **РОССИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТАХ: РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО РЕСУРСА**

**П**роцессы интеграции представляют собой один из основных трендов мирового политического развития, который охватывает различные регионы мира и при этом имеет свою специфику в каждом из них<sup>1</sup>. В современных условиях изоляционизм заведомо снижает эффективность функционирования государства по множеству параметров — экономических, политических, социальных. Это хорошо видно на примере непризнанных или частично признанных государств: изоляция ведет к ограничению торговых контактов, затрудняет развитие экономических отношений, социально-гуманитарных связей и, разумеется, создает для них преграды на пути оказания влияния на региональные и глобальные международные отношения и мировую политику. Поэтому государства активно стремятся включаться в интеграционные процессы.

Существуют различные подходы к пониманию интеграции. Нередко интеграция отождествляется с глобализацией<sup>2</sup>. Представляется, что важно все-таки разграничивать оба процесса. Интеграция подразумевает сближение именно государств, что фиксируется в международных договорах, и представляет собой межгосударственный процесс в отличие от глобализации. Отдельные люди, негосударственные акторы и т.д. интегрируются, условно говоря, вместе с государством.

В отличие от интеграции глобализация не предполагает межгосударственных договоров, хотя они и могут появляться в тех или иных областях.

Второе важное различие двух процессов — интеграции и глобализации — заключается в том, что обычно негосударственные акторы не рассматриваются при анализе интеграционных процессов или по крайней мере оказываются на периферии исследовательского внимания. В процессах глобализации негосударственные транснациональные акторы, напротив, по многим параметрам являются локомотивами их развития. Соответственно они изучаются при анализе процессов глобализации.

Несомненно, глобализация, делая межгосударственные границы прозрачными, стимулирует процессы интеграции. Но в то же время порождает и противоположный процесс, поскольку негативные моменты, сопровождающие открытость границ, заставляют граждан выступать не только против глобализации, но и против интеграции. В этом смысле интеграционные и глобализационные процессы являются взаимосвязанными.

Пространство Советского Союза при значительном культурном разнообразии экономически, политически и идеологически было сильно интегрировано. Несмотря на это, процесс дезинтеграции прошел очень быстро. Создание СНГ было направлено как раз на сохранение интеграционного пространства.

Условия интеграции на пространстве бывшего Советского Союза значительно отличались от тех, с которыми пришлось иметь дело европейцам после окончания Второй мировой войны. В то же время именно европейская модель развития интеграционных процессов была во многом взята в качестве ориентира. Она и сегодня нередко продолжает выступать своеобразным эталоном развития интеграционных процессов.

Однако в отличие от Европы середины XX в. постсоветское пространство, во-первых, интегрировалось после дезинтеграции, что, с одной стороны, обеспечивало хорошие условия для дальнейшего развития интеграционных процессов, а с другой — прошлое наследие создавало им препятствия.

Во-вторых, на постсоветском пространстве Россия объективно заняла некое «центральное», ключевое положение, что было обусловлено географически, правопреемственностью СССР и рядом других причин. И это также создавало сложности в развитии интеграции. В то же время в Европе при развитии интеграционных процессов не было государства, которое в сравнении с остальными обладало бы столь значительно превосходящими ресурсами и возможностями. На постсоветском пространстве Россия же выступила как наиболее сильное звено. В этом плане проведение аналогий российских интеграционных процессов скорее уместно с Американским континентом, чем с Европой. А там интеграция идет значительно более медленными темпами по сравнению с европейскими процессами. В то же время имеется много других отличий интеграции на постсоветском пространстве.

В-третьих, обладание Россией огромными ресурсами сделало ее в значительной степени самодостаточной, что могло негативно

восприниматься другими государствами и порождало подозрение в том, что Россия скорее заинтересована в оказании политического влияния на соседей, чем в реальном сотрудничестве.

В-четвертых, важным фактором изменений на постсоветском пространстве стали большие различия в культурном, конфессиональном, экономическом и др. развитии государств, образовавшихся на территории бывшего СССР, чего в таких масштабах не было в Европе. В результате векторы развития образованных на постсоветском пространстве государств оказались крайне разнообразными, порой диаметрально противоположными.

В-пятых, важен и общий контекст мирового политического развития. Если в середине XX столетия, когда началась европейская интеграция, глобализация с ее трансграничностью только зарождалась, то в конце XX — начале XXI в. глобализационные процессы проявились со всей отчетливостью. Это породило определенную «разорванность» регионального пространства. Экономические, социальные и другие контакты стали сразу выходить на глобальный уровень, часто минуя процессы региональной интеграции и параллельно усиливая тем самым центробежные силы постсоветского пространства.

Наконец, процессы на постсоветском пространстве во многом характеризовались хаотичностью, созданием параллельных структур и образований.

Все это в итоге привело к возникновению сложностей с развитием первого интеграционного образования, появившегося на территории бывшего Советского Союза, — СНГ. Как следствие были предприняты действия по более последовательной и постепенной интеграции, среди которых следует особо выделить образование в последние годы Таможенного союза и проекта Евразийского союза, объединивших Россию, Беларусь и Казахстан.

Изначально, после распада СССР и формирования СНГ, акцент в развитии интеграции был сделан прежде всего на экономической сфере. Эта тенденция продолжилась и позднее, в том числе и при создании Таможенного союза и Евразийского союза.

Причин такого особого внимания к экономическим вопросам несколько. Во-первых, вновь образованные государства на территории бывшего Советского Союза нуждались в финансировании и социальной сферы, и военной, а этот ресурс можно получить только за счет развития экономики. Во-вторых, классическая модель интеграции, примером которой стал ЕС, также предполагала

начинать интеграционные процессы с экономики. Наконец, идеологическая основа, связывающая ранее пространство СССР, исчезла. Более того, она была отвергнута на официальном уровне во вновь образованных государствах. Экономическая сфера воспринималась как относительно мало идеологизированная.

В целом представляется, что акцент, сделанный на экономике при развитии интеграции на постсоветском пространстве, оказался правильным выбором. Однако можно и нужно было больше внимания уделить социально-гуманитарной сфере, и прежде всего науке и образованию. Почему?

Наука в значительной степени «космополитична», особенно это касается точных и естественнонаучных дисциплин. В меньшей степени «космополитизм» свойствен образованию, но если учесть тесную связь образования и науки (особенно высшего образования), то понятно, что развитие образования не может осуществляться «анклавно», без связи с образовательными системами других государств. Создание и развитие Болонского процесса хорошо демонстрирует данный факт. Именно отставание в экономической и научно-технической областях побудило европейцев к реформированию сферы высшего образования и развитию Болонского процесса, который в итоге в 2010 г. привел к формированию европейского пространства высшего образования<sup>3</sup>.

Кроме того, образовательное и научное пространство в СССР (впрочем, как и многие другие) было, как отмечалось, очень хорошо интегрировано. Преподавание велось по единым стандартам (нормам) во всех университетах, и человек, получивший диплом в области, например, медицины в небольшом региональном городе, изучал те же дисциплины, что и тот, кто учился в Москве. Разумеется, можно говорить о качестве образования в разных вузах, о наличии или отсутствии научных школ и т.п., но в целом образование в Советском Союзе было единым. Наконец, учебная литература в СССР для вузов издавалась на русском языке, что также создавало условия для интеграции высшего образования.

И если после дезинтеграции СССР в производстве сохранились по крайней мере некоторые связи, что было обусловлено экономическими соображениями, то в сфере образования и науки они оказались в значительной степени разрушены. Система повышения квалификаций, предполагающая регулярные стажировки в ведущих центрах СССР для преподавателей высшей школы и научных работников, перестала действовать. Финансовые условия сразу

после распада не позволяли продолжать и развивать стажировки даже в пределах России. Свое негативное влияние оказали идеологические факторы, особенно явно они проявились в отношениях с прибалтийскими государствами. Хотя оставались долгое время прежними некоторые связи и отношения, например, система аттестации научных кадров и др.

Россия продолжала принимать на обучение студентов из стран СНГ. В 2004/05 учебном году студенты из СНГ в российских вузах составляли 36,6%, уступая по количеству студентам из стран Азии, Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки, которых было 52%<sup>4</sup>. И это при том, что уровень владения русским языком в странах СНГ значительно превосходит его в других регионах.

Было решено при обучении иностранных граждан в большей степени ориентироваться на страны бывшего Советского Союза. В Концепции государственной политики Российской Федерации в области подготовки кадров для зарубежных стран, принятой в 2002 г., сказано, что задачей подготовки кадров для зарубежных стран в российских вузах является «усиление роли России как главного образовательного центра в СНГ»<sup>5</sup>.

Эта же линия была продолжена в более поздних документах. В Концепции экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011 — 2020 гг. называются государства, занимающие приоритетные позиции в сфере образования: «Особое внимание уделяется поддержке соотечественников, созданию условий для эффективного строительства Союзного государства; укреплению ЕврАзЭС как ядра экономической региональной интеграции. Развитие отношений с Европейским союзом как одним из основных торгово-экономических и внешнеполитических партнеров...»<sup>6</sup>.

Отрицательно на интеграции в области образования на постсоветском пространстве сказалась разновекторность развития государств, образованных на территории бывшего СССР. Так, прибалтийские страны сразу переориентировались на Европейский союз. Латвия, Литва и Эстония вступили в Болонский процесс с момента его возникновения в 1999 г. (Россия присоединилась к Болонскому процессу в 2003 г.), рассматривая это как шаг на пути к Европейской интеграции<sup>7</sup>. Государства Центральной Азии стали ориентироваться в большей степени на развитие собственных систем образования. При этом Казахстан в 2010 г. присоединился к Болонскому процессу. Ни одно другое государство Центральной Азии не входит в Болонский процесс. Вне Болонского процесса оказалась и Беларусь.

Включенность в единое общеевропейское образовательное пространство позволяет решить или по крайней мере смягчить ряд проблем, которые существуют между государствами на постсоветском пространстве. Один из примеров — отношения России с прибалтийскими государствами, в частности с Латвией, в связи с русским языком. Россия и Латвия — государства, которые присоединились к Болонскому процессу. Болонский процесс предполагает за время обучения овладение кроме родного другими европейскими языками. Для большинства населения Латвии таким языком может быть русский. По данным переписи 2000 г., 81,2% населения Латвии владеют русским языком<sup>8</sup>.

В то же время Латвия является членом Евросоюза. На саммите Россия—ЕС в Петербурге в 2003 г. высшее образование было названо составной частью сотрудничества России и стран Европейского союза. На саммите Россия—ЕС, прошедшем в мае 2005 г. в Москве, был подписан документ, получивший название «Дорожная карта» по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты, который направлен на конкретизацию ранее достигнутых договоренностей и предусматривает, в частности, «поддержку сотрудничества, направленного на сближение систем присвоения степеней высшего образования посредством поощрения сотрудничества на уровне подготовки магистров и присвоения общих или двойных дипломов»<sup>9</sup>.

За счет хорошего знания русского языка населением Латвии она имеет конкурентное преимущества по сравнению с другими членами ЕС (возможно, за исключением Литвы и Эстонии) и может активно сотрудничать с Россией в рамках Болонского процесса. Язык не является препятствием для стажировок преподавателей и студентов из Латвии в России, научных обменов. Несколько сложнее обстоят дела с аналогичными поездками российских студентов в Латвию, где обучение ведется на латышском языке. Но и здесь возможны решения, так как в Латвии существует ряд программ на английском языке.

Кроме того, Россия, Латвия, а также другие государства, образованные на территории бывшего Советского Союза, после распада во многом заново стали выстраивать высшее образование в социально-экономической области. Это касается различных аспектов, в том числе создания новых учебных дисциплин, перестройки методологической базы исследования, изменения финансирования и управления университетами. Так, в советский период вообще

отсутствовала такая учебная дисциплина, как политология, практически не готовили специалистов по международным отношениям за пределами Москвы и т.п. За 20-летний период произошли изменения в области управления и финансирования университетов: появились частные университеты, стала возможной работа по проектам на основе грантов и т.п. Обмен опытом в создании и развитии новых учебных дисциплин, форм образования (государственное, частное) и т.п. между государствами на постсоветском пространстве может быть весьма полезен.

Сфера высшего образования может также служить своеобразным мостом развития отношений между Россией и ЕС. И здесь вновь особая роль принадлежит государствам Прибалтики в силу наличия в прошлом общих моментов развития.

В свою очередь Казахстан, например, одновременно с развитием европейского направления в области образования развивает и более широкий спектр сотрудничества. Так, в 2009 г. был открыт Назарбаев университет, ориентированный на тесное сотрудничество с университетами не только Европы, но и США, Сингапура и др.<sup>10</sup>. Данный факт хорошо иллюстрирует процесс, связанный с глобализацией. Университет включается одновременно и в интеграционные процессы на основе подписанных межправительственных соглашений, что происходит в условиях Болонского процесса, и в процессы глобализации путем поиска партнеров за пределами своего региона и заключения междууниверситетских соглашений.

Таким образом, социально-гуманитарный ресурс обладает огромным потенциалом для развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Этот ресурс способен не только повлиять на социально-гуманитарную сферу, но и стимулировать интеграционные процессы в других областях, в частности в экономике. Контакты, установленные на студенческом уровне, уровне экспертов, в дальнейшем становятся мощным звеном международных связей. Сказанное не означает, что необходимо переориентироваться с экономической на социально-гуманитарную интеграцию. Речь идет о необходимости более внимательного подхода к возможностям использования социально-гуманитарного ресурса для развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Разумеется, социально-гуманитарный ресурс не ограничивается сферой образования. Например, похожие процессы, хотя не столь явно выраженные (в этих областях нет аналогов Болонского процесса), можно проследить в сфере здравоохранения, культуры.

В целом представляется, что использование социально-гуманитарного ресурса может стать одним из важнейших направлений дальнейшего развития интеграционных процессов на пространстве бывшего Советского Союза.

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Байков А. А.* Сравнительная интеграция. М.: Аспект Пресс, 2012.

<sup>2</sup> Одним из примеров такого отождествления является определение глобализации как «процесса всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>.

<sup>3</sup> Декларация о Европейском пространстве высшего образования, Будапешт—Вена. 12 марта 2010 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://bologna-centr.at.ua/PDF/2010\\_Budapesht.pdf](http://bologna-centr.at.ua/PDF/2010_Budapesht.pdf).

<sup>4</sup> *Арефьев А.* Сколько людей говорят и будут говорить по-русски // Демоскоп Weekly. 2006. № 251 — 252. 19 июля — 20 августа. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema04.php>.

<sup>5</sup> Концепции государственной политики Российской Федерации в области подготовки кадров для зарубежных стран. 18 октября 2002 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/conception/>.

<sup>6</sup> Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2001 — 2010 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.russia.edu.ru/information/analit/official/3783/>.

<sup>7</sup> *Никифоров. Н. В.* Болонский процесс в образовательных системах Латвии, Литвы и Эстонии // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2009. № 4. С. 34 — 48.

<sup>8</sup> Русский язык в Латвии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruslatvii.ru/>.

<sup>9</sup> «Дорожная карта» по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2005/05/87950/152819.shtml>.

<sup>10</sup> Официальный сайт Назарбаев университета. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.nu.edu.kz/portal/faces/main?\\_afLoop=509084345920689&\\_afWindowMode=0&\\_afWindowId=null#%40%3F\\_afWindowId%3Dnull%26\\_afLoop%3D509084345920689%26\\_afWindowMode%3D0%26\\_adf.ctrl-state%3D7uac24ia9\\_56](http://www.nu.edu.kz/portal/faces/main?_afLoop=509084345920689&_afWindowMode=0&_afWindowId=null#%40%3F_afWindowId%3Dnull%26_afLoop%3D509084345920689%26_afWindowMode%3D0%26_adf.ctrl-state%3D7uac24ia9_56).

## **ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СНГ: ВКЛАД РОССИИ**

Экономическое взаимодействие стран СНГ характеризуется противоречивым сочетанием интеграционных и дезинтеграционных процессов. Причем первые в основном сводятся к мероприятиям по институциональному оформлению сближения без стимулирования микроэкономических факторов.

С момента распада Союза ССР наряду с принятием решений о воссоздании в той или иной форме общего экономического пространства национальные хозяйства стран Содружества, в частности наиболее сильных в экономическом смысле государств, стали развиваться дивергентно, в русле сознательного экономического обособления. Россия, формально призывая к сохранению кооперационных связей, судя по принимавшимся документам, сосредоточилась на радикальной экономической реформе без «груза союзных республик». В Киеве также полагали, что, избавившись от директивного спуда политики союзного центра, Украина сможет создать привлекательную в инвестиционном отношении экономическую модель («стать второй Францией»). Беларусь и Казахстан, которые, между прочим, не стремились к экономической независимости в рамках Союза, после распада СССР были вынуждены в срочном порядке выстраивать новую экономическую структуру. Так или иначе с начала 1990-х годов каждая из бывших республик попыталась самостоятельно включиться в мирохозяйственные связи.

В 1990-х годах все члены Содружества столкнулись с резким падением ВВП. По мнению профессора Массачусетского технологического института Оливье Бланшара, основной причиной сжатия внутреннего продукта стал «процесс дезорганизации», вызванный кумулятивной фрагментацией производственных связей между предприятиями. Производственные цепочки, включавшие множество предприятий, распались, после того как самые жизнеспособные из них с наступлением экономической либерализации получили

возможность выстраивать торговые связи на стороне. Как следствие, возникла виртуальная экономика, которой были свойственны неплатежи и бартер, сдерживавшие экономический динамизм, и которая разделила всех хозяйствующих субъектов на победителей и аутсайдеров, — ситуация, невозможная в условиях командной экономики. Новые условия выявляли изъяны менеджмента предприятий, парализованных непривычностью ситуации, и порождали роковую череду просчетов и ошибок.

Сокращение взаимных связей наглядно выразилось в падении межстранового товарооборота. Только за первое десятилетие после распада СССР (1991 — 2001 г.) объем взаимной торговли сократился со 138 млрд до 59 млрд долл., т.е. в 2,3 раза, а суммарный ВВП стран Содружества — примерно в 2 раза. Для России процесс хозяйственной дезорганизации в масштабах бывшего всесоюзного рынка подразумевал полную перестройку внешнеэкономических потоков. Если в начале 1990-х годов во внешнеторговом обороте России доля государств СНГ составляла 60%, то в 2001 г. — уже 18%. При этом качественно изменился характер связей. *Если ранее преобладала кооперация производства, то к началу XXI в. — простой обмен товарами, который характерен для начальной формы развития внешней торговли.* И это при том, что СССР представлял собой высокоинтегрированное пространство.

На разъединение также «работали»:

- формирование самостоятельных макроэкономических режимов суверенных постсоветских государств со своими налогово-бюджетными, валютными и таможенными механизмами;
- обнаружившаяся неравномерность распределения экономического потенциала, сглаживавшаяся согласованной политикой Госплана в годы существования Союза ССР.

Тем не менее к началу 2010-х годов по-прежнему сильна комплементарность (взаимодополняемость) национальных экономик, унаследованная от советских времен: технологическая модернизация в ряде отраслей даже не начиналась.

*Во-первых*, без кооперации с 10 государствами СНГ Россия может выпускать около 67% прежних объемов продукции, а другие страны — члены Содружества — еще меньше: Казахстан — 48%, Украина — до 33%, Белоруссия — 16%, Азербайджан — 15%. Особенно значительны кооперационные связи в машиностроении. Автозаводы в Запорожье, Луцке, Львове и Краматорске (Украина)

работают, используя поставку узлов и деталей из России (Ярославский моторостроительный завод). Основными потребителями этих машин являются российские нефтяники, лесозаготовители, строители. На Украине из российских комплектующих собираются автомобили «Волга», «Газель», УАЗ. Прочные кооперационные связи остались в судостроении: Россия сотрудничает с предприятиями Украины, Беларуси, Казахстана. В авиастроении — с предприятиями Киргизии, Узбекистана, Казахстана, Белоруссии, Украины.

*Во-вторых*, неоспорим интегративный эффект взаимосвязей стран СНГ в поставках сырья. Россия поставляет в страны Содружества многие виды сырья, особенно топливно-энергетические ресурсы. Кроме России только Азербайджан, Туркменистан, Казахстан и Узбекистан могут полностью обеспечить свои потребности в топливе и энергии за счет собственного производства, а также экспортировать энергоносители. Остальные члены СНГ завозят из России от 80 до 100% потребляемого топлива.

*В-третьих*, к сближению парадоксальным образом подталкивает и феномен «негативной селекции»: экономика государств СНГ слабо подготовлена к интеграции в рамках мирового хозяйства из-за неконкурентоспособной продукции своих производств. *Товары, выпущенные на базе устаревших технологий, могут быть востребованы только на своем рынке — рынке государств СНГ.*

*В-четвертых*, фактором облегчения экономического обмена выступает эффективность транспортно-коммуникационных систем, которая в СССР была в несколько раз выше, чем в США и Китае. По железным дорогам перевозили половину всех грузов и четверть пассажиров общемирового объема. По территории СНГ проходит самый короткий сухопутный и морской (через Северный Ледовитый океан) путь из Европы в Юго-Восточную Азию, где сегодня набирают силу и экономическую мощь страны Азиатско-Тихоокеанского региона. По мнению экспертов, пространство Содружества может получать большие прибыли от эксплуатации своих транспортно-коммуникационных систем, осуществляя связь между странами Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Добавим к этому, что, помимо сложившейся системы железнодорожных и морских путей, страны СНГ имеют еще в пределах своей общей территории единую энергетическую систему, единую систему газоснабжения, единую водно-транспортную систему морей и рек европейской части бывшего пространства СССР.

*В-пятых*, интегрирующую роль играют схема миграционных потоков в СНГ, замкнутая на России, и объективно возникающий запрос на усиленное регулирование социально-экономических и трудовых отношений в связи с этим. Россия стала вторым по величине реципиентом трудовых мигрантов в мире. Большинство из них приезжают в Россию из стран СНГ, например Грузии, Таджикистана, Молдавии. По данным западных изданий, каждый третий мужчина в Молдавии работает в России. Это дало основание аналитикам сформулировать провокационный тезис: если и существуют однозначно фиксируемые процессы экономической интеграции между странами СНГ и России при центральной роли последней, то они происходят на рынке труда. В 2007 г. совокупный заработок трудовых мигрантов из СНГ составил 8 млрд долл. Часть этих средств была репатрирована в страны происхождения, став фактором накопления капитала в соответствующих государствах.

О необходимости экономической интеграции на бывшем пространстве Советского Союза говорилось с самого момента образования СНГ. Документы о создании Содружества предполагали создание (а точнее — удержание) единого экономического пространства, общей валюты и согласованной финансовой политики.

Однако цели и концепция финансово-экономической интеграции существенным образом менялись в ходе постсоветской трансформации, что нашло отражение в принимавшихся в большом количестве документах, основная часть которых была разработана в России. По предмету регулирования и направленности инициатив их можно поделить на три категории. Они охватывают период с 1991 г. до начала процессов «дифференциации» СНГ, когда под эгидой Содружества стали складываться суб- и трансрегиональные блоки с узким кругом участников.

*Первый этап. Проекты 1991 г.:* Договор об Экономическом союзе, подготовленный заместителем руководителя Комитета по управлению народным хозяйством СССР Г. Явлинским, Е. Ясиным и М. Задорновым; Конвенция о создании Экономического сообщества, подготовленная Фондом экономических и социальных реформ под руководством С. Шаталина; Предложения по организации экономического взаимодействия суверенных государств, подготовленные под руководством заместителя председателя

российского правительства Е. Сабурова; Договор об учреждении Межреспубликанского экономического сообщества, подготовленный группой независимых экспертов.

*Второй этап. Документы 1992 — начала 1995 г.:* Соглашение о принципах таможенной политики 1992 г.; Соглашение о сотрудничестве в области внешнеэкономической деятельности 1992 г.; договоренности 1992 г. о сохранении единой денежной системы (переговоры не завершились принятием формального документа); Договор о создании Экономического союза 1993 г.; Соглашение о практических мерах по созданию рублевой зоны нового типа 1993 г.; Соглашение от 15 апреля 1994 г. о зоне свободной торговли и формировании таможенного союза; пакет документов о создании «платежного союза» от декабря 1994 г.; Договор о создании единого экономического пространства Центральной Азии 1994 г.; Соглашение о валютно-финансовом сотрудничестве от 21 января 1995 г.

*Третий этап. Документы 1995–1996 гг.:* Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Белоруссия 1995 г.; Соглашение о Таможенном союзе России, Белоруссии и Казахстана 1995 г.; Договор между Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях 1996 г.; Договор об образовании Сообщества России и Белоруссии 1996 г.

Реальные формы интеграции при этом продолжали разрушаться. Уровень взаимозависимости устойчиво снижался. На смену производственному кооперированию пришел простой товарный обмен, представляющий собой минимальную степень экономического сближения.

*Объективная особенность экономической конфигурации постсоветского пространства — очевидное доминирование России.* На Российскую Федерацию приходится 72% совокупного регионального валового внутреннего продукта (в сопоставимых ценах), 76–77% нефте- и газодобычи, 67–68% суммарного экспорта товаров и услуг (2010 г.).

После распада СССР Россия проводила крайне непоследовательную экономическую политику в отношении своих партнеров по СНГ. Принятые решения в преобладающем большинстве (86,5%)

случаев не применялись во взаимной экономической практике. Уже в конце 1995 г. было признано, что практически все проекты, а также институты, нацеленные на экономическую интеграцию в СНГ, не справились с задачами, для решения которых они были созданы. Среди них можно назвать такие амбициозные, как Евразийское объединение угля и стали, Межправительственный совет по нефти и газу, Межправительственный совет по промышленной политике, Межгосударственный комитет по военно-экономическому сотрудничеству, Межгосударственный валютный комитет и Межгосударственный комитет. Наиболее чувствительным ударом по идеалам общего экономического пространства стран СНГ стала денежная реформа в России 1993 г., когда сознательно была разрушена рублевая зона. (Интересно, что сейчас Москва прилагает огромные усилия для того, чтобы придать российскому рублю статус резервной валюты в СНГ.) Реальные формы интеграции при этом продолжали разрушаться. Уровень взаимозависимости устойчиво снижался.

Единственное реальное достижение в области интеграции в рамках Содружества того периода — *двусторонние* соглашения о свободной торговле между Россией и отдельными странами СНГ. Они предусматривали осуществление взаимной торговли без ввозных таможенных пошлин и применения количественных ограничений.

Инициатива создания *многостороннего* регионального интеграционного объединения формата, отличного от рамок СНГ, исходила в 1994 г. от президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. В 1995 г. между Беларусью, Казахстаном, Киргизией и Россией в результате была образована первая версия Таможенного союза. В мае 2000 г. президент России В. В. Путин выступил с инициативой преобразования Таможенного союза в новую международную экономическую организацию — Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). По новым правилам, дополнявшим существующие между странами двусторонние соглашения о свободной торговле, экспорт российских товаров в страны ЕврАзЭС (к этому объединению позднее присоединились Таджикистан и, с оговорками, Узбекистан) освобождается также от обложения вывозными таможенными пошлинами, а в другие государства Содружества — не освобождается. Исключением является рассчитываемая особым образом экспортная пошлина на поставки российской нефти в Белоруссию.

Для стран, не входящих в ЕврАзЭС, но имеющих двусторонние соглашения с Россией, режим свободной торговли с Россией

действует с изъятиями. Список таких товаров меняется ежегодно (табак и табачные изделия, алкогольные напитки, сахар). Больше всего торговых барьеров на взаимопоставляемые товары между Россией и Украиной (в 2009 г. на Украине действовали или находились в стадии рассмотрения 14 защитных (антидемпинговых) процедур в отношении российских товаров, в России — 6 в отношении украинских товаров).

Помимо институциональных аспектов интеграции, до конца 1990-х годов влияние Москвы на постсоветском пространстве в сфере реальных экономических процессов обеспечивалось за счет заниженных цен на углеводороды и предоставления льготных кредитов, часто безвозвратных по определению. Особое значение практически для всех стран СНГ приобрел вопрос трудовой миграции граждан этих стран в Россию.

С началом 2000-х Москва провозгласила переход к рыночным отношениям внутри Содружества. В марте 2005 г. российское правительство объявило о повышении цен на газ для Белоруссии (потом оно было отсрочено на год), в сентябре того же года — для Грузии, в ноябре — для Армении и Молдавии, в декабре — для Азербайджана и Украины. Новые цены на газ сделали многие отрасли производства в странах СНГ малорентабельными или нерентабельными.

Начиная с 2006 г. Россия стала прикладывать усилия к созданию энергетического рынка на постсоветском пространстве. На сочинском саммите в 2006 г. лидеры ЕврАзЭС достигли договоренности по этому проекту. Предполагалось, что мощности по добыче углеводородов России, Казахстана, Туркмении и Узбекистана будут объединены с транзитными возможностями Украины и Беларуси. «Газпрому» отводилась роль основного координатора проекта. Россия стала системно поддерживать идею приобретения российским газовым монополистом активов в газовых предприятиях стран СНГ. Однако и Беларусь, и Украина этому сопротивлялись, даже в форме создания совместных предприятий, а Туркмения и Узбекистан сформулировали цель диверсифицировать свою энергетическую политику путем переориентации поставок на европейский рынок и Китай. Первая ветка газопровода из Туркмении в Китай вступила в строй в декабре 2009 г. Газпром потерял монополию на транспортировку газа из Центральной Азии.

В этих условиях стало казаться, что страны СНГ сумели найти свое нишу в мировом разделении труда и рынок России перестает

быть для них приоритетом. У властных элит стран постсоветского пространства появились иллюзии, что возможно подключение их стран к различным программам ЕС. Однако мировой экономический кризис 2008–2009 гг. сломал те системы экспорта, которые страны СНГ выстраивали долгое время. Спрос на сырье и продукцию первого передела (которые составляли львиную долю экспорта стран СНГ) обвалился, мировые финансовые организации стали относиться к кредитным запросам стран СНГ с откровенным опасением. Соседи России по Содружеству были вынуждены экстренно искать пути восстановления утраченных позиций на российском рынке. В этой ситуации Москва смогла, пусть и с некоторым опозданием, отреагировать на изменение экономической ситуации на постсоветском пространстве.

*Примером такой политики может служить принятие в рамках ЕврАзЭС Плана совместных мер по преодолению последствий мирового финансового кризиса и создание Антикризисного фонда этой организации.* Российская сторона согласилась внести большую часть капитала создаваемого фонда — 7,5 млрд долл., Казахстан — 1 млрд долл. Предполагается, что средства фонда пойдут в виде стабилизационных кредитов и кредитов на закупку товаров и услуг внутри ЕврАзЭС. За счет кредитов фонда можно будет покрыть недостаток в оборотных средствах предприятий, а ведь именно дефицит оборотных средств стал серьезно тормозить восстановление производственной кооперации в Содружестве.

На начало 2010-х годов Евразийское экономическое сообщество представляет собой двухуровневую структуру: часть стран — Белоруссия, Казахстан и Россия — создали Таможенный союз (ТС). С 1 января 2011 г. ТС начал функционировать, в июле вступил в действие общий Таможенный кодекс. В 2012 г. объявлено о создании единого экономического пространства трех государств, включая формирование общего энергетического и единого транспортного пространства.

Это — главное изменение в экономической регионализации постсоветского пространства за последние годы. Другие страны ЕврАзЭС — Киргизия и Таджикистан — сотрудничают с «таможенной тройкой» и по мере достижения готовности могут подключиться к ТС в качестве полноправных либо ассоциированных членов.

Валовой внутренний продукт трех стран суммарно оценивается в 2 трлн долл., их общий товарооборот — в 900 млрд. Таможенный союз, снимая лишние расходы, позволяет лучше использовать этот совокупный потенциал. Впредь товары российского, белорусского и казахстанского производства, обращающиеся на общем рынке в 170 млн потребителей, освобождаются от наценок в виде пограничных пошлин и сборов. Причем пошлины устанавливает наднациональный орган — комиссия Таможенного союза. Ее решения не требуют одобрения на национальном уровне.

Многие принципы формирования ТС и Единой экономической политики (ЕЭП) были выработаны в процессе функционирования Союзного государства России и *Беларуси* (СГРБ). СГРБ стал своеобразным локомотивом экономической интеграции не только в рамках ЕврАзЭС, но и на всем постсоветском пространстве. В адрес Союзного государства высказано очень много критики, и эта критика совершенно справедлива. Однако факты говорят о том, что создание Союзного государства дало положительные результаты, прежде всего в экономической области. Создано порядка 5 млн рабочих мест, товарооборот вырос до 35 млрд долл., граждане России и Беларуси получили равные социальные права на территории друг друга.

Правда, СГРБ имеет две характерные особенности, делающие этот эксперимент едва ли воспроизводимым где-либо еще. *Во-первых*, российско-белорусская экономическая интеграция пока не столько развивается в соответствии с хозяйственно-рациональными расчетами и потребностями, сколько является следствием политических инициатив руководства России и Белоруссии, учитывающих прежде всего геополитическую и военно-стратегическую составляющие союза двух стран. *Во-вторых*, поскольку Россия проводит курс на либеральные в своей основе рыночные реформы, а Белоруссия предпочитает реформировать свою экономику под жестким государственным контролем, интеграционные процессы между ними развиваются медленно, противоречиво, а многие из провозглашенных начинаний так и остаются декларациями о намерениях. По данным представителя белорусского президента в исполнительных органах Союза Белоруссии и России Василия Довгалева, 90% из 1300 правовых актов, заключенных между союзниками, пока что «не работают».

Вместе с тем о комплексности сотрудничества свидетельствует интенсивность взаимодействия по военно-технической линии. В этой области страны шагнули далеко вперед. Теперь каждая из сторон обязалась передавать другой вооружение и технику в той же комплектации, в какой она использует ее в собственных вооруженных силах. Следует иметь в виду также, что Госдума ратифицировала соглашение между Россией и Беларусью о совместной охране воздушной границы Союзного государства и создании Единой региональной системы ПВО (2009). Президент Белоруссии особо подчеркнул обязательства республики, уже ратифицировавшей это соглашение.

Реальные контуры обретает объединенная транспортная система двух стран. Брест с Минском и Москвой, а также Минск с Санкт-Петербургом будут соединены автострадами. Планируются дальнейшая модернизация автомобильной дороги М-1 Брест—Москва, реконструкция трассы М-9 Минск—Санкт-Петербург. Предполагается довести до международного уровня трансконтинентальную магистраль, соединяющую Брест, Минск и Москву с Дальним Востоком.

В 2010 г. были подведены итоги сотрудничества ученых двух стран: белорусско-российская комиссия по межакадемическим премиям назвала суперкомпьютер «СКИФ» лучшим совместным научным проектом по итогам 2009 г. Готовится совместный запуск российского и белорусского космических спутников. Активно участвуют предприятия двух стран в работе созданного Международного инновационного центра нанотехнологий. За последний год активизировалось сотрудничество белорусских деловых партнеров с российскими регионами — от Смоленска до Владивостока. Достигнуто соглашение о сборке белорусских автобусов «МАЗ», а также тракторов «Беларусь» (около 150 единиц ежемесячно) на Бузулукском механическом заводе в России. Этот контракт с Минским тракторным заводом способствовал увеличению объемов производства в два раза и значительному росту рабочих мест. Нарастают объемы торгового обмена и обмена технологиями между Минской и Архангельской областями. Сегодня товарообмен между этими регионами оценивается в 19 млн долл.

Выгодное предложение поступило от руководства Минского станкостроительного завода оборонному «Севмашпредприятию» — провести ремонт импортного станочного парка, а впоследствии заменить его станками «союзного» производства.

Крупный совместный проект намечается и в лесопромышленном секторе. На территории Ставропольского края уже действуют около 10 совместных предприятий с участием белорусского капитала. Если раньше существовала цепочка посредников, то теперь продукция, как договорились обе стороны, будет поступать напрямую — в совместные торговые дома.

Ситуация в российских и белорусских регионах свидетельствует об эффективности и взаимной выгоде сотрудничества сторон в рамках Союзного государства.

Важный экономический партнер России — *Казахстан*. В нем действует около 300 крупных совместных российско-казахстанских предприятий, поэтому двусторонний торгово-экономический оборот даже в кризис достигал 5,5 млрд долл.

Именно Россия и Казахстан лидируют (в соотношении 70 к 30%) на рынке слияний и поглощений в СНГ. Наиболее совершенными проектами экономического сотрудничества являются совместные разработки России и Казахстана в сфере энергоресурсов. Еще в 2008 г. была достигнута договоренность о разработке крупнейшего месторождения на Каспии — «Курмангазы». Совместное российско-казахстанское предприятие будет добывать нефть, запасы которой эксперты из Астаны оценивают свыше 1 млрд т. Совместная работа с равными долями капитала и участия предстоит также еще на двух каспийских месторождениях — «Хвалынском» и «Центральном».

Активно работает компания «ЛУКОЙЛ» в Казахстане, наращивая свои активы. Так, недавно она консолидировала 100-процентную долю в месторождении Каракудук — Мангистауская область. К тому же «ЛУКОЙЛ» совместно с «Казмунайгазом» вложил 3 млрд долл. в шельфовый нефтяной проект в казахстанском секторе Каспия. К слову сказать, компания уже инвестировала в экономику этой республики более 1,5 млрд долл.

Весьма активно развивается кооперация между Россией и Казахстаном в золотодобыче. Компания «*KazakhGold*» испытывает трудности с модернизацией, в связи с чем производство золота упало на 18%. Российская «Полюс золото» предложила свои технологические услуги, войдя в долю по золотодобыче.

Разворачивает свою деятельность Евразийский банк развития, созданный Россией и Казахстаном два года назад, зримые черты обретает транспортный союз, что поможет реализации транзитного потенциала ЕврАзЭС.

Говорить о перспективах экономической интеграции на постсоветском пространстве невозможно без определения позиции *Украины*, второй по объему экономики Содружества. Украинская сторона часто подчеркивала, что относится к будущему СНГ весьма скептически (украинская Верховная Рада так и не ратифицировала Устав СНГ), в ЕврАзЭС Украина имеет только статус наблюдателя. При этом украинские представители и в СНГ, и в ЕврАзЭС крайне активно работают в тех отраслевых объединениях, которые представляют конкретный интерес для Киева. После избрания президентом Украины Виктора Януковича у России появились надежды, что новая власть в Киеве в той или иной мере начнет процесс сближения с ТС. Виктор Янукович достаточно быстро разрушил эти иллюзии. «Присоединение Украины к Таможенному союзу России, Белоруссии и Казахстана сегодня невозможно, поскольку экономические принципы и законы ВТО не позволяют этого», — заявил Виктор Янукович.

Украина с 1994 г. при всех президентах и премьерах добивается от России создания в СНГ зоны свободной торговли без изъятий и ограничений. Вряд ли члены ТС согласятся на создание подобной ЗТС с Украиной, поскольку в этом случае будет потеряна основная идея единого таможенного пространства — единство ввозных таможенных пошлин для всех участников интеграционного объединения.

Реальным компромиссом в стабилизации этого аспекта отношений может стать заключение Договора о свободной торговле между государствами Содружества. Подписать этот договор намерены государства — участники Таможенного союза (Белоруссия, Россия, Казахстан), а также Армения, Молдавия, Таджикистан, Киргизия и Украина. Договор о зоне свободной торговли подразумевает практически полную отмену импортных пошлин. Экспортные пошлины предполагается «зафиксировать на том уровне, на котором они сейчас находятся». Разрабатывается положение о свободе транзита товаров, будет также создан «наднациональный арбитраж для разрешения торговых споров по примеру ВТО».

Жизнеспособность формируемого Таможенного союза и Единого экономического пространства во многом будет определяться решением двух принципиальных задач: реальной интеграцией на микроуровне, с вовлечением в этот процесс максимально широкого круга хозяйствующих субъектов, малых и средних предприятий; а также значительным оживлением и развитием хозяйственных

связей между двумя полюсами ТС — Белоруссией и Казахстаном. Сейчас более половины товарооборота между двумя этими странами приходится всего на 4 товарные группы, причем импорт из Белоруссии составляет лишь 1% общего импорта Казахстана. Актуальная задача для участников ТС — создать интеграционные стимулы по линии Белоруссия—Казахстан через разработку специальных механизмов содействия хозяйственным связям двух государств и при активной роли России.

Анализ товарооборота стран СНГ позволяет зафиксировать следующую тенденцию: чем больше страна обеспечена сырьевыми ресурсами, тем скорее она отходит от России и начинает переориентировать свою экономическую деятельность на дальнее зарубежье. Объединяют прежде всего высокие технологии. Если же теми или иными странами не достигнут определенный уровень технико-экономического развития, то их объединение не имеет экономической основы. Страны, входящие в эти «объединения», производят низкотехнологичный продукт, а главное — выпускают одно и то же. Вместо того, чтобы взаимно дополнять друг друга, они, наоборот, ищут путей диверсификации потребителей своей товарной номенклатуры. Ведущие страны СНГ производят однотипные товары, причем в основе своей — сырьевые. Высокотехнологичную продукцию они приобретают в дальнем зарубежье. Отсюда — отсутствие экономической мотивации интеграции.

В этом контексте роль России высока и продолжает расти. Ей принадлежит технологическое лидерство. Данное обстоятельство предопределяет ее ведущую роль в стимулировании интеграционных процессов на постсоветском пространстве в дальнейшем.

## **«АРАБСКАЯ ВЕСНА»: ВРЕМЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ ФЕНОМЕНА**

Задержавшаяся на Арабском Востоке весна смела одни казавшиеся стабильными ближневосточные режимы и раскачала другие. В наборе причин, вызвавших столь масштабный протест, называют наличие законсервировавшихся и загнивших авторитарных режимов, отсутствие гражданских свобод и социальных лифтов (все более болезненное для модернизированной части населения), увеличивавшийся разрыв в доходах между наиболее обеспеченной властной верхушкой и остальной частью населения, ставшую системным фактором коррупцию, бедность, слабость социальной политики. К этому можно добавить неэффективность управления, экономическую стагнацию, слабое развитие производительных сил при зависимости от нестабильных, но относительно доступных внешних источников накопления.

При внимательном ретроспективном взгляде протестные движения на Арабском Востоке не кажутся абсолютно новыми или неожиданными. Регион, при всех различиях между эпохами, уже переживал периоды похожих всплесков активности, выхода масс народа на улицы и осуществленных или инспирированных им глубоких изменений, будь то в ходе борьбы с колониальной зависимостью, с прогнившими монархическими и компрадорскими режимами, за идеалы арабского национализма, внутренних конфликтов или же войн с метрополиями, соседями (ирако-иранская война) и Израилем. Как известно, в ряде стран велись вооруженные революции за национальное освобождение (Алжир в 1956 – 1962 гг., Южный Йемен в 1963 – 1967 гг.). Волной массовых движений был охвачен арабский мир в 1950 – 1960-х годах (тот период иногда даже называют «арабской холодной войной»), и, скажем, революция 1958 г. в Ираке была для мира не меньшей неожиданностью, чем нынешние перевороты. На излете «шестидневной войны» 1967 г. автору этой статьи, в ту пору студенту Каирского университета, довелось самому участвовать в мощной ночной демонстрации египетской молодежи все на той же площади ат-Тахрир в поддержку президента Египта Гамаль Абдель Насера, потребовавшей от него продолжить руководство страной.

Другая протестная волна прокатилась по арабскому миру в конце 1980-х годов. Можно вспомнить и волну демонстраций против режима в Иордании в 1955—1957 гг., и многолюдные «хлебные бунты» 1977 г. в Египте. В 2000-х годах произошел новый взрыв уличного активизма. Это, в частности, протестные марши племен против правительств Кувейта и Иордании, рабочие забастовки в Тунисе, Алжире и особенно в Египте. 6 апреля 2006 г. двадцать тысяч рабочих объявили забастовку в главном центре текстильной промышленности Египта Махаллат аль-Кубра, которую известный журналист Марван Бишара считает поворотным пунктом в истории протестного движения в стране<sup>1</sup>.

Даже мобилизация участников протестных движений с помощью коммуникационных, информационных технологий не является абсолютно новой. В ходе «арабской весны» было использовано несколько традиционных и новых средств мобилизации, во-первых — мечети, где для совершения молитвы собираются огромные массы людей, а по пятницам читаются проповеди, во-вторых, уже почти ставшее традиционным средством телевидение, особенно оказывающий огромное воздействие на аудиторию катарский канал «Аль-Джазира», в-третьих, такое общераспространенное средство коммуникации, как мобильные телефоны, наконец, в-четвертых, Интернет и социальные сети. Конечно, в не столь отдаленном прошлом не было Интернета, да и телевидение было не так широко распространено, как в наше время. Но были мечети, а роли нынешней «Аль-Джазире» американский автор Марк Линч справедливо уподобил роль египетской радиостанции «Саут аль-Араб» («Голос арабов») эпохи Насера, по призыву которой люди выходили на улицы многих арабских городов<sup>2</sup>. Однако теперь, в отличие от прошлого, любые происходящие в регионе события благодаря новым коммуникационным технологиям тут же становятся известными практически всем. Это, однако, не исключает возможности дезинформации и манипуляции общественным мнением в интересах тех или иных влиятельных игроков.

Нет необходимости повторять, что все те причины, которые привели к событиям «арабской весны», существовали в регионе и до нее. Но правящим в арабских странах режимам в течение десятилетий удавалось погашать волны недовольства даже в том случае, когда оно было связано с важнейшими элементами общеарабской идентичности (например, защита палестинского дела). А что же изменилось в 2011 г.? Как нам кажется, сыграл свою роль накопительный, аккумуля-

муляционный эффект, усугубленный новыми моментами, в первую очередь — генерационным. А о том, что динамичная и активная молодежь, в том числе и хорошо образованная, сегодня составляет основную часть населения стран региона, хорошо известно.

Глубокие перемены в арабском мире, вызванные мощной волной протестных движений, привели к серьезным изменениям сложившейся расстановки сил на Ближнем Востоке и во внутриполитическом развитии затронутых Арабской весной государств. Ключевые региональные и внерегиональные игроки пересматривают прежние политические приоритеты, стремясь не упустить контроля над формирующимися новыми тенденциями в развитии обстановки, и одновременно появляются линии напряжения в казавшихся ранее незыблемыми альянсах. При этом отдельные участки региональной политической арены выглядят неуправляемыми и подверженными хаосу.

Социально-политические причины, вызвавшие взрыв недовольства в Тунисе и Египте, были налицо и в других странах. Часть правительств довольно быстро извлекла уроки из происшедших событий и начала проводить реформы, которые были призваны погасить недовольство населения, обеспечить стабильность. Это, в частности, можно сказать о двух лишенных богатых запасов углеводородов монархиях — Иордании и Марокко. В Сирии произошел раскол общества на сторонников режима и его противников, вступивших в острое противостояние. Триада баасистской идеологии — единство, свобода и социализм — потеряла свою привлекательность для значительной части населения, а монополия партии Баас на власть и ее методы управления страной стали для нее неприемлемым анахронизмом. К этому надо добавить непропорциональное применение насилия со стороны властных структур государства. Однако ориентация оппозиционеров на модель вооруженного мятежа с целью безоговорочного свержения режима и их отказ от политического диалога при мощной внешней поддержке в конечном счете не оставляли Дамаску иного выбора, кроме силового подавления мятежа.

Арабские события при всей их схожести остаются абсолютно разнородными и по составу действующих сил, и по провозглашенным ими целям, и по результатам революционных выступлений. Неправоммерно ставить знак равенства между тем, что произошло в Египте, Ливии, Сирии, Йемене, на Бахрейне. В Ливии имело место повстанческое движение племен, на Бахрейне — восстание притес-

няемой конфессиональной группы, в других государствах — протест населения одного из регионов страны против сосредоточения властных и экономических ресурсов в руках населения другого, окрашенный или не окрашенный межконфессиональными и внутриконфессиональными противоречиями.

Социальные движения в арабском мире развивались на волне мирового экономического кризиса, который, несмотря на попытки властных структур обеспечить дотации для наиболее обделенных слоев, тяжело отразился на материальном положении большинства населения. В самой сложной ситуации оказалась образованная молодежь, лишенная возможности найти себе применение. Именно эта самая динамичная и современная часть общества стала главной движущей силой и идеологом народных выступлений в Тунисе и Египте. Не беднейшие традиционные слои, привыкшие к своей бедности и не способные сформулировать цели и задачи революции, а образованный класс вышел на авансцену наиболее развитых арабских государств, потянув за собой совершенно иные по социальным и культурным характеристикам группы и движения как у себя на родине, так и в соседних государствах.

Практически все охваченные изменениями страны этого региона вследствие происшедших событий оказались сейчас на этапе болезненного перехода от традиционно авторитарных политических систем к новым, пока еще не сформировавшимся способам правления, в них идет переосмысление прежних светских и религиозных ценностей, сопряженное с поисками новой национальной идентичности в меняющемся мире.

Масштабное военное противостояние, ставшее результатом борьбы оппозиции с режимами в Ливии и Сирии, заострило вопрос о легитимности, допустимости и условиях вмешательства во внутренние конфликты внерегиональных сил, в том числе с декларируемой гуманитарной целью защитить гражданское население. Уроки Ливии поставили перед Россией достаточно много вопросов. Они были восприняты как свидетельство возросшего влияния военной силы и реализовавшейся тенденции к интервенционизму со стороны многих стран Запада. Объективный анализ происшедшего показал, что санкционированные Советом Безопасности ООН действия по установлению «бесполетной зоны» трансформировались здесь в открытое военное вмешательство во внутренний конфликт на стороне одной из конфликтующих партий. Это вмешательство фактически и обеспечило победу ливий-

ских оппозиционных сил, но она лишь частично стабилизировала ситуацию, вызвав широкие репрессии и рост сепаратизма. Зверская внесудебная расправа над Каддафи одной из групп повстанцев при прямом попустительстве, а то и соучастии европейских военных никак не соответствовала декларированным идеалам демократии, свободы и справедливости.

Взвешенная позиция России и Китая, поставивших во главу угла идею посредничества и понуждения сторон к национальному диалогу, дала режиму шанс на проведение реформ и остудила пыл тех, кто требовал немедленной смены режима Б. Асада под угрозой вооруженного вмешательства. Поддержка Москвой плана урегулирования, предложенного посланником одновременно и ООН, и ЛАГ Кофи Аннаном, свидетельствовала о том, что Россия подходит к проблеме без предвзятости, исходя из принципа уважения суверенитета и задачи не допустить разрастания начавшегося внутреннего вооруженного конфликта в масштабную региональную войну с внутриконтинентальным компонентом, а также иностранного военного вмешательства. Россия фактически добилась того, что при принятии новой резолюции Совета Безопасности ООН по плану Кофи Аннана в ней уже был призыв ко всем, а не к одной стороне прекратить акты насилия.

К сожалению, уже на тот период внешнее вмешательство во внутрисирийский конфликт фактически имело место. Оно выразилось в переброске боевиков в страну из-за рубежа, содействии соседних государств в боевой подготовке отрядов оппозиции, в первую очередь — так называемой Свободной сирийской армии (ССА), поставкам им вооружений. Боевые действия в такой ситуации достигли широких масштабов, сопровождаясь многочисленными жертвами с обеих сторон и внушительными разрушениями. Динамика развития событий была крайне негативна, партия Баас, в течение полувека обеспечивавшая управление занимающей важное стратегическое положение страной с разнородным населением, более трети которого принадлежит к меньшинствам, стала терять свои позиции. Армия и силы безопасности, выступающие на стороне режима, измотанные многомесячными действиями в городах, в существующей обстановке не могли обеспечить быстрое наведение порядка, а жертвы среди мирного населения не способствовали его консолидации, хотя большая часть народа опасалась возможных перемен, жестокой мести со стороны экстремистов и наемников и воцарения в стране хаоса.

В то же время было очевидно, что и после изнурительных боев режим пока сохранял значительный запас прочности и был способен противостоять давлению. Армия и силы безопасности в подавляющем большинстве держались сплоченно. Насильственная же смена власти, к которой призывали внешние акторы, была чревата новым, более масштабным кровопролитием и гражданской войной, которая наверняка может вылиться за пределы страны и принять крайне опасный характер затяжного суннитско-шиитского конфликта.

Летом 2012 г. шла постепенная эскалация иностранного вмешательства во внутрисирийский конфликт, причем со стороны не только региональных, но и западных держав. 19 августа газета *Sunday Times* сообщала о том, что британская разведка передает данные о передвижениях и действиях сирийских вооруженных сил, которые она получила через две британские базы на Кипре, боевикам ССА: «Данные британской разведки о передвижениях сирийских войск позволили мятежникам нанести по ним чувствительные удары, в том числе с помощью засады на армейскую колонну из 40 танков»<sup>3</sup>. В августе ССА получила информацию о том, что к Алеппо двигаются две колонны правительственных войск, что помогло ее боевикам в битве за Алеппо. Официальный представитель мятежников сообщил, что их силы в Алеппо также получили снимки, сделанные с американских спутников и переданные им ЦРУ через Турцию. Он также заявил: «Мы получаем разведывательную информацию о российских кораблях, которые заходят на базу в Тартусе, независимо от того, доставляют они оружие или нет. Нас информируют и о визитах китайских и иранских кораблей»<sup>4</sup>.

Собственно говоря, суннитско-шиитские противоречия, подогреваемые геополитическими амбициями региональных и глобальных центров силы, и так достигли высокого накала. Достаточно привести в пример такой парадоксальный факт, как поддержка правительством Ирака режима Б. Асада, который, будучи светским баасистским режимом, являлся столь же явным идеологическим антиподом нынешнего режима в Ираке, находящегося под контролем религиозных партий, как и ненавистный им свергнутый режим Саддама Хусейна. Однако конфессиональная близость алавитского меньшинства, правящего в Сирии, и шиитского большинства, господствующего в иракском правительстве, оказалась выше всех разногласий. Резкое обострение отношений между различными

конфессиональными общинами и сектами в Ливане в результате эскалации насилия в Сирии также демонстрировало всю опасность разрастания этого конфликта. Кстати, сам необычайно высокий уровень враждебности к сирийскому режиму со стороны правителей суннитских аравийских монархий, вовсе не являющих миру эталоны демократии, объясняется тем, что Дамаск рассматривается как главная опора в арабском мире их основного шиитского соперника — Ирана.

На фоне событий «арабской весны», обострения сирийского кризиса и тревожной ситуации вокруг Ирана арабо-израильский конфликт, который в течение десятилетий был ключевой проблемой Ближнего Востока, как бы стал отходить на второй план. Среди консервативной части западного, в первую очередь американского, истеблишмента усилились настроения негативизма в отношении признанного всем международным сообществом проекта создания независимого палестинского государства как единственно возможного пути решения главного вопроса ближневосточного конфликта. Один из претендентов на кандидаты в президенты США от Республиканской партии Ньют Гингрич заявил, что палестинцы вообще являются «придуманной нацией». Их просто нет, они часть арабов.

В самом начале «арабской весны» я писал о том, что ее конечным результатом может быть почти повсеместная замена светских националистических режимов исламистскими. Но исламистские организации в результате свободного волеизъявления арабского электората столь бурно ворвались в политическую жизнь, что это заставляет еще более углубленно рассмотреть всю массу сопряженных с исламизацией Большого Ближнего Востока явлений и последствий. Сегодня события Арабской весны впору назвать «великой исламистской революцией». Тунис, Египет, Марокко, Ливия, Кувейт, на подходе Йемен, возможно — Сирия, и этот список может в перспективе оказаться неполным.

Некоторые российские аналитики рассматривают выход на политическую арену в арабском мире исламистов как результат некоего заговора Запада, прежде всего — США, что, на мой взгляд, не имеет серьезных оснований. Однако нельзя не видеть того обстоятельства, что США давно стали выстраивать отношения с умеренными исламистами, в первую очередь организациями «Братья-мусульмане», а в ходе событий «арабской весны» поддержали их, рассчитывая улучшить испорченные отношения с исламским

миром. Отдельные американские аналитики давно допускали возможность развития «демократизации» Ближнего Востока по исламистскому сценарию. Еще в 2004 г. в работе «Исламский парадокс» бывший высокопоставленный сотрудник нелегальной разведки ЦРУ Рейл Герект высказал мысль о том, что демократия придет на арабский Ближний Восток через «шиитских клириков или суннитских фундаменталистов, а не вестернизированных мусульманских либералов или вестернизированных диктаторов, идущих путем Мустафы Кемала Ататюрка»<sup>5</sup>. Многие в Вашингтоне исходили из того, что либеральная прозападная демократия на Ближнем Востоке невозможна, а выступающие за нее силы обречены на то, чтобы оставаться на обочине политической жизни: «Сильные либеральные демократические движения не получили развития в арабском мире, а исламски ориентированные получили»<sup>6</sup>.

Сама идея «исламского демократического движения» представляется многим на Западе, да и на Ближнем Востоке, пугающей. Однако обращение исламистов к демократическим ценностям для свержения секулярных диктаторских режимов стало не исключением, а правилом. Если раньше исламисты мечтали о революции, создавали подпольные ячейки, уничтожали своих политических оппонентов, то сегодня мейнстримные исламисты, как полагали сторонники этой возобладавшей точки зрения, большинство из которых произошли от египетских «Братьев-мусульман», делают ставку на выборные стратегии. Иначе говоря, расчет американских аналитиков, поддерживавших и в какой-то мере инспирировавших исламистскую революцию, строился на концепции «электоральной исламской демократии». Примечательно, что в книге «The Wave» («Волна»), написанной в октябре 2010 г., т.е. до начала «арабской весны», Герект фактически предсказал победу исламистов в Египте, заметив, что именно в этой стране исламисты «хорошо покажут себя при любом свободном голосовании», а решающим годом для этого назван 2011 год. Еще более примечательно, что второй страной, где исламистам предстоит победить в результате свободного электорального волеизъявления населения (правда, не в 2011 г., а несколько позднее), автором был назван Алжир.

Замечу по этому поводу, что наиболее сложным испытанием для исламистов в их приверженности демократии станет ситуация, когда им будет грозить электоральное поражение, а не победа. Уступят ли они власть, мирно уйдя в оппозицию? Не будем забывать о том, что, по убеждению «Братьев-мусульман», победа в мирной

борьбе за власть дарована им Богом. Какое влияние это окажет на их поведение? И действительно ли готовы исламисты (конечно, умеренного, просвещенного толка) жить по правилам светского государства или они, вопреки всем заявлениям, все равно будут преследовать свою главную цель — создание исламского государства?

Конечно, не стоит преувеличивать значение доктринальных разногласий в отношениях между различными фракциями политического ислама. Именно потому, что это ислам политический. Однако и игнорировать их было бы неразумно. Между тремя основными течениями исламистов — «Братьями-мусульманами» (и близкими к ним структурами), салафитами и джихадистами — существуют достаточно серьезные противоречия. Джихадисты на своих сайтах осуждают и «Братьев-мусульман», и салафитов за участие в выборах и декларирование приверженности исключительно мирным методам борьбы за власть. При этом и внутри каждого из этих течений велико разнообразие взглядов и интерпретаций исламского вероучения. К примеру, египетских «Братьев-мусульман» объединяют представление об исламе как всеобъемлющей идейной системе, принятие политического плюрализма и элементов демократии, а также отказ от насилия как средства политической борьбы. Однако представители различных школ внутри «Братьев-мусульман», например, по-разному смотрят на так называемый *турас* (все наследие исламских ученых прошлого): «модернисты», последователи Мухаммада Абдо и основателя движения Хасана аль-Банни, вместо *тураса* призывают руководствоваться Кораном и Сунной, практикуя *иджтихад* (собственные юридические заключения), а традиционалисты (базирующиеся на подходах ученых аль-Азхара) полностью опираются на *турас* и четыре мазхаба суннизма.

Следует заметить, что египетских исламистов всех направлений объединяет негативное отношение к тому, чтобы в исламском государстве — а именно таковым они считают Египет, который собираются построить (место в нем христианского меньшинства — вопрос особый), — не было бы места продаже алкогольных напитков или азартным играм, а женщины-мусульманки соблюдали бы исламский дресс-код.

Тот факт, что исламисты по-разному смотрят на те или иные установления шариата, которые по сути определяют жизнь человека, уже в краткосрочной перспективе, как мне кажется, будут оказывать немалое влияние на взаимоотношения между различными исламскими группировками. Сошлюсь на пример модернизатор-

ского подхода к исламу со стороны одного из египетских авторов. В феврале 2012 г. в опубликованной выпускаемой активистами египетской революции газетой «Майдан Миср» («Каирская площадь») статье под названием «Секулярная сущность ислама» Ясир Абу Ауф утверждал, что само понятие «исламского общества» бессмысленно, в отличие от самой политической мотивации, основанной на мусульманской вере<sup>7</sup>. «Ислам — религия без Церкви, без заместника над верующими и официального толкователя Писания и вероучения, без официальной догмы и официального Божественного Законодательства», — подчеркивает автор. Соответственно у мусульман нет никаких авторитетов, которые навязывали бы ему ту или иную интерпретацию постулатов вероучения. В этом контексте (оговариваясь, что речь идет о суннитской традиции) автор призывает, к примеру, понимать аяты Корана, посвященные осуждению и наказанию, не буквально, а творчески, относясь к ним как к источнику вдохновения, а не как к юридической норме. Ведь Коран, говорит он, был ниспослан кочевым арабам и поэтому использовал понятия и образы, соответствовавшие их культуре, не являясь сводом жестких юридических правил, причем эти предписания изложены в самой общей форме. Из этого, считает автор, должен сегодня исходить «мусульманин, который верит во вселенский характер своей религии и свободы его Священного Писания от оков времени и места».

К примеру, пишет Абу Ауф, Коран предписывает отрубать руку вору и воровке, но воровство бывает разным — от кражи нескольких монет бедняком до кражи миллионов с помощью электронного трансфера, а подобное наказание является одинаково бесчеловечным и бесповоротным (пересмотрев приговор, руку обратно не пришить). Значит, это предписание нельзя понимать буквально. То же самое относится к битью не повинующихся мужу жен, когда другие средства воздействия исчерпаны: буквально понимать это означает, будто мусульманину свыше дано предписание совершить жестокое по современным моральным стандартам действие. Нет сомнения и в том, что нельзя юридически воспринимать содержащееся в Коране и предписание хорошо обращаться с рабами и наложницами, так как это означало бы, будто священная книга санкционирует давно осужденное человечеством рабовладение.

В сложившихся условиях для российской науки и экспертного сообщества чрезвычайно важно постоянно анализировать процессы, идущие на Ближнем Востоке и во всем исламском мире. Убе-

речь наше мусульманское сообщество от влияния инородных для него концептов, а также от втягивания его в чужие идейно-политические войны, угрожающие не только гармоничному сосуществованию конфессиональных и этнических групп в нашей стране, но и самому благополучному существованию мусульман, — задача, которую предстоит решать и государству, представляющему интересы всех групп населения страны, и самим мусульманам.

<sup>1</sup> *Bishara M.* The Invisible Arab. N.Y.: Nation Books, 2012. P. 104.

<sup>2</sup> *Lynch M.* The Arab Uprising. N.Y.: Public Affairs, 2012. P. 33 – 34.

<sup>3</sup> [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://twitter.com/Sky-News/status/236924407728177152/photo/1/large>.

<sup>4</sup> Ibid.

<sup>5</sup> *Gerecht R. M.* Islamic Paradox. N.Y., 2004. P. 85.

<sup>6</sup> *Gerecht R. M.* The Wave: Man, God and the Ballot Box in the Middle East. Stanford: Hoover Institution Press, 2011. P. 50.

<sup>7</sup> *Абу Ауф Ясир.* Аль-Джаухар аль-ильмани лиль-ислам // Майдан Миср. № 1. 2012. С. 12 – 13.

М. Ю. Дубовикова

## **СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОБЫТИЙ В ИРАКЕ И ЛИВИИ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ**

«Системный кризис 90-х годов прошлого века в России тяжело сказался на ее ближневосточной политике, резко ограничив средства и возможности ее осуществления»<sup>8</sup>. На данный момент Ближний Восток и Северная Африка, иными словами, — Большой Ближний Восток, исходя из Концепции внешней политики России, не занимает главенствующего места в геополитических интересах Российской Федерации, однако минимизировать его стратегическую роль для мира и для России, в частности, нельзя.

Регион, богатый природными ресурсами, сложный по своему составу и проблемам, рассадник международного терроризма и глобальной нестабильности занимает особое место в мире. Положение России на Ближнем Востоке как сочетает в себе «советское прошлое», так и выражает интересы современной России, ищущей новые пути освоения ближневосточного региона. С одной стороны, имеется наследство, оставшееся от Советского Союза, в виде тесных и дружественных (в прошлом — союзнических) отношений с рядом арабских стран. Среди них — Египет, Сирия, Ливия, Йемен, Ирак. С другой стороны, внешняя политика сегодняшней России исходит не из идеологических соображений, встроенных в рамки блокового противостояния, а национально-стратегических.

Происходящие в настоящее время социально-политические потрясения в регионе, «арабская весна» в первую очередь, ударили по уже имеющимся связям на межгосударственном уровне со странами, с которыми на протяжении уже долгого времени у России были стабильные и дружественные отношения, — с Ливией и Сирией. Унаследованное Россией советское партнерство со странами Ближнего Востока терпит значительное сокращение по мере переустройства внутривосточной жизни в этих странах.

Стоит при этом отметить, что отношения России с Ираком и Ливией нельзя назвать или отнести к стратегически важным. От взаимоотношений с этими государствами ни в советскую эпоху, ни сейчас не зависела ни судьба СССР/России, ни геополитические

позиции на международной арене. Для России эти страны — одни из дружественных в регионе, который вызывает и стабильно повышенное беспокойство, и постоянный интерес с точки зрения как вопросов безопасности, так и энергетических ресурсов.

Однако искусственно умалять значимость этих двух стран во внешней политике России в регионе не является разумным хотя бы потому, что эти государства на данный момент, да и в историческом прошлом межблокового противостояния, оставались объектами борьбы за влияние. А тогда в контексте своего рода модификации концепции «распространения демократии» (1994, Лэйк), концепции «смены режимов» (2002, К. Райс) и сейчас, в контексте разворачивающихся событий в регионе, политики стран Запада в отношении глобальных региональных трансформаций, роль не только региона, но и самих государств оказывается особенно значимой.

Особая проблема заключается в том, что трансформация в обоих случаях — в Ираке и в Ливии, особенно болезненная для интересов России, произошла при непосредственном участии внешних акторов, в качестве которых выступали западные государства. Россия во многом из-за такой экспансионистской политики теряет свои геостратегические позиции в регионе и в мире, учитывая глобальную значимость Ближнего Востока и Северной Африки. Ее позиции как государства-борца с терроризмом также оказываются подорванными.

Академик Е. М. Примаков отмечал, что те позиции, которые занимала Россия в регионе, и связи с рядом государств оказывали особое влияние на процесс борьбы с терроризмом<sup>9</sup>. Теряя эти связи, Россия теряет свои преимущества и дополнительные возможности обеспечения собственной безопасности.

Более того, действия некоторых стран Запада ставят под угрозу возможность дальнейшего присутствия России в регионе, поскольку под влиянием трансформаций, подчас деструктивного вмешательства внешних игроков, формируется среда, потенциально препятствующая дальнейшему активному участию Российской Федерации в процессах, происходящих на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Итак, России всегда было важно иметь союзников на Ближнем Востоке — и в эпоху межблокового противостояния, и в настоящее время. И хотя в какой-то степени причины этого интереса в регионе эволюционировали со времен холодной войны, однако определенные черты, безусловно, были унаследованы. России важно

сохранять присутствие на Ближнем Востоке. Однако, как показала практика, ей это удастся с большим трудом. Один из таких примеров — Ирак.

С 1996 г., когда Ирак стал участником программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие», было подписано множество двусторонних контрактов на общую сумму в 4 млрд долл. На сотрудничество с Ираком приходилось 60% общего объема кооперации России с арабскими странами. По состоянию на 2002 г. «российские компании контролируют уже треть рынка экспорта иракской нефти»<sup>10</sup>. Всего на тот момент шло обсуждение нескольких крупных проектов на сумму около 30 млрд долл. Российские дипломаты прикладывали максимум усилий в качестве посредников между Ираком и западными державами, занимающими по отношению к нему очень жесткую и радикальную позицию, вводившими против режима Саддама большое количество санкций. В огромной степени подобная активность обуславливалась экономическими интересами России. В частности, тогдашний министр иностранных дел Игорь Иванов в разговоре со своим американским коллегой Колином Пауэллом заявил, что очередные санкции являются крупной угрозой российским экономическим интересам и что Россия не позволит им пройти через Совбез.

Можно сказать, что это были первые признаки появления у России четкого понимания своих интересов и осознания острой необходимости их защищать и отстаивать, а также противодействовать силам, которые могут их попортить, тем более в регионе, который на протяжении всей холодной войны был местом столкновения двух блоков. Но на тот момент в этом вопросе Россия была вынуждена идти на торг с США, ибо именно от последних зависело, будут ли иметь силу заключаемые с Ираком контракты.

Россия предпринимала усилия, чтобы смягчить имидж Ирака и режима Саддама Хусейна на международной арене, наладить диалог между враждующими сторонами. «Резкие обострения ситуации вокруг Ирака в ноябре 1997 — 1998 гг. из-за конфликтов Багдада со Спецкомиссией ООН едва не привели к широкомасштабным военным ударам по Ираку силами США и Великобритании. Их удалось избежать благодаря активным усилиям российской дипломатии, включая обращения к президенту С. Хусейну»<sup>11</sup>. Несмотря на то что конфликт был фактически разрешен, это не помешало в 1998 г. британской и американской авиации без видимых причин подвергнуть бомбардировке иракскую территорию<sup>12</sup>.

В целом позиции России были еще слишком слабы, чтобы оказывать противодействие и влиять на принятие внешнеполитических решений на Западе.

Предлогом вторжения в Ирак был факт — как впоследствии оказалось, ложный и подтасованный, — наличия у иракского режима оружия массового поражения (ОМП). Вообще, необходимо отметить, что перед операцией Соединенными Штатами была по сути проведена целая агитационная кампания, нацеленная на демонизацию Ирака и правящего режима. И хотя в итоге она была провалена — большинство стран Запада, даже члены НАТО, выступили против вторжения и не поддержали инициативу США, это ничуть не помешало осуществлению задуманного американцами при содействии части своих союзников.

Практически параллельно с обвинениями в сокрытии ОМП появляются лозунги «распространения демократии» и свержения режима Саддама Хусейна. Ко всему прочему в мировом сообществе возникают обоснованные подозрения в нефтяной подоплеке проводимой операции, в результате которой российским геополитическим и экономическим интересам был нанесен колоссальный урон. Россия потеряла множество контрактов на сумму свыше 4 млрд долл., а в совокупной стоимости (т.е. с учетом предполагаемой выгоды за срок действия контракта) свыше 40 млрд долл.

Сейчас, по прошествии уже более 8 лет, Россия, стремящаяся отстоять титул великой державы, в состоянии побороться за восстановление и укрепление отношений с Ираком. Первые сдвиги в сторону возвращения былых взаимоотношений начали происходить еще в 2008 г., когда тогдашний «министр финансов А. Кудрин объявил о списании Россией 65% государственного долга (т.е. 12 млрд долл.) в обмен на предоставление возможности осуществлять инвестиции в иракскую экономику»<sup>13</sup>. В 2009 г. был подписан контракт «ЛУКОЙЛа» в партнерстве со «Статойлом» на разработку нефтяного месторождения «Западная Курна-2».

Однако существуют совершенно определенные препятствия, которые ни в коей мере не зависят от России. Сложность заключается в тех проблемах и катаклизмах, которые имеются в самом Ираке. Проблемы, находившиеся в состоянии статической стабильности при жестком репрессивном подавлении и управлении Саддама Хусейна, дали о себе знать с новой силой после американской кампании. В частности, это шиитско-суннитская и курдская проблемы. Ко всему прочему, на территории Ирака развернули

свою деятельность террористические организации, в частности, «Аль-Каида». По словам А. Б. Подцероба, еще в 2004 г. официальные российские представители констатировали, что «Ирак превращается в очаг международного терроризма, в то время как до войны на территории Ирака не было террористов»<sup>14</sup>.

Недостаточно продуманная операция в Ираке привела к тому, что существующие проблемы и противоречия обрели еще более резкие черты, выражающиеся в непрекращающемся обмене террористическими актами между шиитами, суннитами и иракским Курдистаном, который фактически автономен и крайне условно подчиняется Багдаду. А в нынешнем состоянии Ирак, ко всему прочему, становится еще и полем деятельности «Аль-Каиды», что усложняет внутреннюю ситуацию в стране и общее положение дел в регионе. Очевидно, что ситуация будет неуклонно двигаться в сторону дальнейшей деградации из-за неэффективности руководства страны и сил безопасности, а также активизации деструктивных сил в регионе в целом в контексте комплексной региональной нестабильности.

Нет сомнений, что реабилитация вооруженной силы как механизма урегулирования международных проблем беспочвенна. Ирак является тому весьма ярким примером. С помощью вооруженного вмешательства внешние силы могут свергать режимы, разрушать существующий в государстве порядок, однако последствия подобных действий оказываются во многом крайне плачевными как для объекта милитаристского воздействия, так и для его соседей, региона и партнеров. Вооруженное вмешательство не способно решить тонкие проблемы, существующие в том или ином государстве, но, наоборот, может их разжечь с новой силой.

В условиях такой сложной внутрисударственной ситуации и неблагоприятного инвестиционного климата российским компаниям крайне сложно и дискомфортно приходиться на иракский рынок, но именно расширение экономического партнерства и взаимодействия является стимулом для укрепления партнерских отношений на других уровнях.

Более того, сейчас идет реальный процесс торможения кооперации даже по такому важному треку, как энергетическое взаимодействие. Недавно проходил второй тендер, на котором иракское руководство выставило на продажу 12 месторождений. Единственная российская компания, которая купила одно месторождение (всего было продано 2 из 12) — «ЛУКОЙЛ». Как в кулуарах объ-

ясняли «нефтяники», — «ждем арабскую весну»<sup>15</sup>. Совокупность внутренних противоречий, на которые наслаиваются деструктивные игроки и тенденции извне приводят к полному усугублению политического, социального, экономического и др. климата внутри страны, и отпугивает потенциальных инвесторов, в т.ч. российских.

В связи со всем вышесказанным необходимо особо подчеркнуть, что, несмотря на положительные сдвиги в двусторонних отношениях, еще рано говорить о восстановлении отношений с Ираком до уровня прежних лет. И сама возможность восстановления подобных отношений при нынешнем положении дел кажется крайне сомнительной в контексте «арабской весны» и возможной эскалации внутригосударственной ситуации в Ираке в ближайшее время. И здесь уже проблема заключается не в позиции западных игроков и их политике. Сейчас они тоже испытывают значительные трудности и так же, как и Россия, не могут преодолеть негативный экономический и политический климат. Сложность кроется именно в проблемах сугубо внутригосударственных и внутрирегиональных, что делает процесс возвращения утраченных когда-то Россией отношений, связей и позиций значительно более трудным и длительным.

Ситуации с Ливией и с Ираком при всей своей непохожести имеют вместе с тем очень много общего. На протяжении приблизительно 16 лет отношения между Россией и Ливией развивались по достаточно позитивному сценарию, хотя, как и в случае с Ираком, определенными препятствиями в развитии и углублении отношений служили санкции ООН, действовавшие в период 1992 — 2004 гг.

В 2000 г. вступило в силу соглашение о сотрудничестве в электроэнергетике и нефтегазовой сфере, что повысило привлекательность Ливии для России. Настоящим прорывом в развитии отношений можно считать 2008 г., когда состоялся первый визит в Ливию российского президента В. Путина, в ходе которого был подписан немалый пакет соглашений и деклараций, а также списан ливийский долг перед Россией, составлявший 4,5 млрд долл. После подписания официальных соглашений состоялось подписание значительного числа контрактов с российскими предприятиями, чья активность не утихала, а присутствие не сокращалось вплоть до известных событий.

Отношения с Западом, напротив, носили крайне напряженный характер. Были известны факты непосредственной причастности Ливии к целому ряду терактов (взрыв *Boeing 747* над Локерби,

взрыв самолета DC-10 в воздушном пространстве Нигера и др.), поддержки террористических группировок. С 1992 г. против Ливии были введены санкции ООН, запрещающие ввоз в страну целого ряда грузов и предполагающие замораживание ливийских счетов в зарубежных банках. В 2002 г. Ливия была отнесена к «оси зла», несмотря на определенные позитивные импульсы, исходившие от ливийской стороны. С 2003 г. ввиду изменения внешне- и внутриполитического курса Ливии, который окончательно приобрел новые черты и стал значительно более понятным и приемлемым для Европы и США, отношения между Триполи и Западом обнаружили закономерную и четкую тенденцию к потеплению.

В 2011 г. Ливия стала еще одной страной — после Туниса и Египта — в цепи арабских социально-политических волнений. Но если в Тунисе и Египте обошлось без открытого вооруженного вмешательства Запада, то в случае с Ливией ситуация приняла иной оборот. Изначально акции протеста носили далеко не мирный характер и подавлялись жестко, с применением оружия, а позже и с привлечением иностранных наемников и армии. Это вызвало шквал критики со стороны мирового сообщества, которая в итоге закончилась резолюцией № 1973 СБ ООН, гибкой по форме и содержанию, дающей, согласно заявлению С. Лаврова, свободу интерпретации<sup>16</sup>. И, действительно, реальная трактовка резолюции оказалась далекой от кажущегося миролюбивого русла объявленной «бесполетной зоны». В результате военной операции в виде воздушной поддержки повстанческих сил режим Каддафи был свергнут.

Россия в очередной раз понесла экономические потери. Военно-промышленный комплекс потерял, по приблизительным подсчетам, не менее 4 млрд евро. Наши нефтегазовые компании («Татнефть», «Газпром») понесли также значительные убытки, оценку которым пока никто не берется дать. В проигравших и «РУСАЛ», который должен был совместно с ливийцами строить грандиозный энергометаллургический комплекс. Потери РЖД (строительство сети железных дорог) составили 2,2 млрд евро. Общие потери пока никто не подсчитывал, но, вполне вероятно, цифра будет сопоставима с той, что была в случае с Ираком. Сложности с подсчетами вызваны тем, что пока неясно, сохранится ли преимущество новых властей Ливии в том, что касается соблюдения обязательств по контрактам, подписанным свергнутым руководством страны.

После падения режима Каддафи ситуация в стране стала развиваться в соответствии с самыми негативными сценариями. К влас-

ти пришли исламисты, началась кровопролитная резня с признаками геноцида, сопровождаемая межплеменными столкновениями. Страна демонстрирует также признаки распада — к примеру, намерение провозглашения независимости Бенгази. Нынешнее правительство не в состоянии осуществлять контроль над всей территорией страны. Малонаселенная и при этом крайне разрозненная, оспариваемая различными племенами и народностями, Ливия представляет собой сложный узел противоречий и противоборства, который в условиях потери сдерживающего начала в лице полковника Каддафи может поставить под угрозу не только региональную, но и международную безопасность. Подобное развитие событий отягощается фактом активизации террористических группировок, что не исключает превращения Ливии в очередной оплот международного терроризма.

Исходя из вышесказанного следует отметить, что воздушная интервенция в Ливию и ее последствия могут и уже фактически заморозили все имеющиеся внешнеполитические и торгово-экономические возможности и привели к потере Россией важного партнера в регионе.

Очевидно, что Ирак и Ливия имеют определенную общую фактуру — режимы в них пали в результате интервенции Запада под лозунгами «продвижения демократии», хотя подтексты имеют разную базу. В обоих случаях Россия потерпела колоссальные убытки в денежном эквиваленте. В современном мире, когда экономика играет подчас ключевую роль в международных отношениях, несомненно, что Россия понесла и политические потери в лице двух ценных союзников в стратегически значимом регионе, из которого Россия вытесняется Соединенными Штатами и другими государствами Запада.

Оба кризиса показали, что современные международные отношения переживают фазу становления новой реальности в регулировании мировых процессов. При этом возрастает роль именно военно-политического вмешательства, нарушающего существующие принципы международного права, во внутренние дела государств. Сравнение двух ситуаций показало, что отрицательные последствия для России несет как открытое выступление против подобных действий (как в случае с Ираком), так и формат сотрудничества в рамках Совета Безопасности при недостаточной готовности отстаивать свои права и интересы.

Западные игроки Совета Безопасности в определенной степени заманили Россию в своего рода «ловушку» международного права. Запад понимал на момент принятия решения, что без голоса РФ в Совбезе ООН осуществить намеченное невозможно, что является признаком признания возрастающей геополитической мощи государства.

Стоит подчеркнуть, что ни Ирак, ни Ливия никогда не были стратегическими партнерами России. Однако события, развернувшиеся вокруг этих двух стран за последнее десятилетие, нанеся значительные удары по российским позициям в регионе, сделали ситуацию в Сирийской Арабской Республике стратегически важной для российской внешней политики, что объясняется целым рядом причин — от геостратегических (единственный оставшийся стабильным, удобный и надежный союзник в арабском мире с минимальным количеством разногласий; ПМТО в порту Тартус) до вопросов борьбы с распространением исламизма и др.

Учитывая стремление укрепить свой авторитет на международной арене, совершенно очевидно, что Россия придерживается и будет придерживаться достаточно жестких позиций в случае с Сирией, не позволяя допустить повторения событий, которые своими последствиями могут нанести непоправимый ущерб региональной стабильности и своей собственной безопасности.

<sup>1</sup> Баталов Э. Я. Начало XXI в.: Мир без полюсов, мир без глобального лидерства // Лидерство и конкуренция в мировой системе. Россия и США / Отв. ред. А. Д. Богатуров, Т. А. Шаклеина. М.: КРАСАНД, 2010. С. 42.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же. С. 45.

<sup>5</sup> Шаклеина Т. А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991 – 2002). М.: Ин-т США и Канады РАН, 2002. С. 171.

<sup>6</sup> Виктор Кременюк. Россия вне мирового сообщества. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twelfth/005.htm>.

<sup>7</sup> Концепция внешней политики Российской Федерации, 2008 г.

<sup>8</sup> Вавилов А. Захват Ирака: Причины, последствия, перспективы // Обозреватель. 2008. № 10. С. 96 – 106.

<sup>9</sup> Примаков Е. М. Мир после 11 сентября и вторжения в Ирак. Екатеринбург, 2003. С. 189.

<sup>10</sup> Россия—Ирак: Выбор приоритетов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20020122/57206.html>.

## Сравнительный анализ событий в Ираке и Ливии: последствия для России

---

<sup>11</sup> Российско-иракские отношения. Оценка МИД РФ. Хроника противостояния в Ираке: Сб. аналитических материалов / Центр стратегических оценок и прогнозов. М., 2010.

<sup>12</sup> *Подцероб А. Б.* Россия и кризисные ситуации вокруг Ирака: История и современность // Вестник МГИМО.

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> Интервью посла РФ в Тунисе А. Б. Подцероба журналу «Аль Хакаик» // Аль-Хакаик. 2004. 26 – 30 июня. С. 1.

<sup>15</sup> Эксперт на «круглом столе»: «Трансформации в арабском мире и последствия для России». 2012. 8 июня.

<sup>16</sup> *Лавров С.* Резолюция по Ливии позволяет кому угодно делать что угодно // РБК. 2011. 1 июля. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://top.rbc.ru/special/libya/01/07/2011/603471.shtml>.

## **КРЕАТИВНОСТЬ ДИПЛОМАТИИ: ИМПЕРАТИВ МЕЖДУНАРОДНОЙ СРЕДЫ**

**Д**олжна ли меняться дипломатия, ее структуры и методы? В этом обычно сомневаются те, кто современную дипломатию представляет себе как нечто весьма традиционное, окутанное флером таинственности и элитарности. Подобную иллюзию питает поведение некоторых дипломатов, которые и сегодня упорствуют в сходстве с вождями племени, гордо вышагивающими с перьями на голове (так писал в своих мемуарах один итальянский дипломат в отставке). Но все меняется с головокружительной быстротой. Ярые неолiberaлы вопрошают: нужны ли нам дипломаты, если бизнесмен с бизнесменом и так могут договориться, минуя неизбежную бюрократическую волокиту во внешнеполитических ведомствах? На заре нашего века молодые люди с восторгом аплодировали Збигневу Бжезинскому, когда он предложил отдать за ненадобностью здание американского посольства в Лондоне под студенческое общежитие. Мир бизнеса упорно переманивает наиболее талантливых выпускников, обещая не сравнимую с государственной зарплату. Теоретики игр на мировом рынке гарантируют небывалый выброс адреналина и возможность разбогатеть здесь и сейчас (если, конечно, повезет).

*Демократизация и кризисы.* На этом фоне дипломатическая служба окончательно демократизируется и готова распахнуть двери перед всеми (даже женщинами!). Надо лишь выдержать конкурсные испытания и более или менее уметь изъясниться на иностранном языке. С другой стороны, если вам захотелось поработать в посольстве, совсем не обязательно становиться дипломатом. Ныне востребованы специалисты разного профиля, и в некоторых представительствах карьерные дипломаты составляют лишь 15–20%.

Кризисы последних десятилетий еще более обострили проблему. На хроническое недофинансирование и бюджет, не выдерживающий никакого сравнения с бюджетами силовых ведомств, постоянно жалуются главы внешнеполитических служб, даже таких солидных, как Госдеп. В министерствах иностранных дел не

прекращается процесс «оптимизации». Утратив положение «монопольного стража» государственных интересов, современные дипломатические ведомства вынуждены проявлять небывалую гибкость в изыскании новых прежде всего менее затратных форм и методов работы. В Европейском союзе вообще непонятно, стоит ли тратить деньги на двусторонние отношения, или же ограничиться общеевропейскими дипломатическими структурами. Предусмотренное Лиссабонским договором изменение механизма голосования и соответствующая Общая внешняя политика и политика безопасности вполне может способствовать отказу от традиционных двусторонних посольств.

Проекты экономии средств многочисленны. Норвежцы не первый год обсуждают, а иногда и прибегают к старой практике посольств *ad hoc*. Действительно, зачем тратить огромные средства на содержание посольства, аренду здания, обслуживающий персонал, когда посол, сидя в собственном министерстве, может общаться с иностранными коллегами по Интернету, а выезжать в страну, где он аккредитован, только в экстраординарных случаях? Желающие могут последовать примеру некоторых латиноамериканских стран. Те направляют за рубеж совместное (от трех стран) посольство, причем посол ежегодно меняется путем ротации.

Главную боль дипломатам доставляют и участвовавшие саммиты. Личные симпатии и антипатии президентов и премьер-министров, неожиданные эмоциональные заявления нередко ставят в нелегкое положение даже искушенных профессиональных дипломатов. Один российский посол когда-то задумался, не превращаются ли дипломаты в простых официантов и метрдотелей, ведь функции посольства во время визита на высоком уровне чаще всего сводятся к заказу гостиниц и авиабилетов, обеспечению транспорта и питания. Видимо не случайно еще в 1925 г. известный французский дипломат Жюль Камбон засомневался по этому поводу. Демократия, сказал он, всегда будет нуждаться в президентах и министрах, но будет ли она нуждаться в дипломатах?

Теснят профессионалов и неправительственные организации. Они все настойчивее заявляют о себе в мировой политике, участвуют в переговорах, иногда ставят палки в колеса государственным деятелям и дипломатам.

Но главным вызовом обернулись для дипломатии высокие технологии. Дипломаты любят рассказывать, как пару веков назад от американского посла в Испании почти два года в Вашингтон не

поступало никаких сведений. Подождем еще годик, предложил Томас Джефферсон, но если посол так и не даст о себе знать, напишем ему письмо. Несколько десятилетий спустя появление телеграфа произвело революцию. Впервые получив телеграмму, английский премьер лорд Палмерстон воскликнул: «Все, это конец дипломатии!»

О конце дипломатии снова заговорили совсем недавно — в связи со скандальными публикациями *WikiLeaks*. Секретная переписка дипломатов стала достоянием гласности. Встал вопрос, можно ли сохранить конфиденциальность в киберпространстве. На конференции, посвященной проблемам секретности, один американский дипломат остроумно высказал довольно парадоксальное предложение. В супермаркетах, заявил он, иногда заранее закладывают в расходы стоимость товаров, которые обязательно будут разворованы. Вычислить убытки просто, ведь процент воров в обществе достаточно стабильный и не такой большой, в любом случае ставить видеокамеры и охрану гораздо дороже. То же и с дипломатией. Все равно время от времени кто-то впадет в соблазн продать секреты. Предложение дипломата-радикала — вообще отказаться от дорогостоящих шифротелеграмм и общаться по дешевому Интернету.

На пятки дипломатии агрессивно наступают и СМИ. Рассказывают, как в свое время премьер-министр Канады Пьерр Трюдо предложил заменить все дорогостоящее министерство иностранных дел подпиской на «Нью-Йорк Таймс». Премьеру показалось, что корреспонденты газеты лучше осведомлены о событиях, чем авторы дипломатических депеш. СМИ в электронном варианте стали еще более серьезными соперниками посольств, ведь они напрямую поставляют информацию из горячих точек в реальном времени. А новые социальные сети, которые способны не только сообщать о событиях, но и влиять на их развитие? В результате все чаще высокопоставленные дипломаты вынуждены подключаться к социальным сетям и там отстаивать свои позиции.

*Дипломатия защищается.* Дипломаты готовы к контрнаступлению. По мере развития электронной революции возникают все новые и новые возможности. Госдеп по прошествии десятков лет со дня закрытия американского посольства в Тегеране решил учредить в столице Ирана виртуальное веб-посольство — без предварительного восстановления дипломатических отношений (ведь не принята пока Венская конвенция о дипломатических сношениях в киберпространстве). Правда, и иранские власти, пользуясь от-

сутствием такой конвенции, спустя несколько часов после появления в Интернете веб-посольства наглухо заблокировали сайт.

Противостоя вызовам, государства взяли на вооружение публичную дипломатию. Это некий синтез ценностей, пропаганды и технологий маркетинга, благодаря чему правительства надеются воздействовать на общественное мнение других стран, удачно сформировать собственный имидж, завоевать симпатии и изменить настроения международной общественности. Дипломаты теперь «выходят из тени» и призваны выступать в самых разных аудиториях, оттачивая искусство дискутировать, убеждать и переубеждать.

Развивать публичную дипломатию, не выезжая из собственной столицы, — еще более привлекательная идея. На пространстве *second life* министерство иностранных дел Швеции отстроило свой Шведский дом. Виртуальное здание — полная копия шведского посольства в Вашингтоне. Ленточку на торжественной церемонии открытия разрезал лично министр иностранных дел Карл Бильдт (т.е. его аватар). Для посетителя (т.е. его аватара) посещение посольства не представляет никаких трудностей. Вам на помощь приходит аватар персонала, который, легко взлетая с вами на нужный этаж, ведет вас в тот самый зал, где хранится интересующая вас информация о Швеции. В таких виртуальных посольствах можно поучаствовать в семинарах, послушать лекции, а можно за деньги арендовать помещение для проведения собственных встреч и конференций. Неутомимые виртуальные дипломаты готовы вас обслуживать круглые сутки. При желании любое министерство иностранных дел может купить участок земли или даже целый остров в этом 3D-пространстве и открыть там свое представительство.

*Так что же будет с дипломатией через сто лет?* В ходе исторического развития исчезли дипломатические модели античности, канула в прошлое модель средневековой дипломатии Ватикана, одно воспоминание осталось от посольских приказов. Такая же участь может постигнуть и современную модель с ее громоздкими внешнеполитическими ведомствами и постоянными двусторонними дипломатическими представительствами. Не избежать трансформации модели межгосударственной многосторонней дипломатии. Уже меняются и продолжают меняться параметры интеграционной дипломатии. Даст о себе знать и постоянно расширяющаяся сеть т.н. парадипломатических субнациональных представительств. По всей вероятности, поле дипломатии значительно расширится.

Можно пофантазировать и выдвинуть предположение, что в XXII в. дипломатическими будут считаться отношения между самыми разнообразными акторами: гуманитарными, коммерческими, религиозными, гендерными. Такое будущее предстает как некое воспоминание о прошлом. Например, в Средневековье дипломатами становились посланники городов, графств, княжеств, герцогств и королевств и просто феодалов. Видимо, и в будущем даже в отношениях между небольшими группами людей, осознавшими свою суверенность и на этой почве конфликтующими, всегда найдется почва для дипломатии. Такая радужная перспектива откроет простор для деятельности дипломатических академий, школ, институтов и дистанционного (желательно платного) обучения. Ведь в таком будущем каждый вынужден изучать искусство переговоров, протокол и приобретать навыки сбора и анализа информации (возможно, опять за свой счет).

Итак, модели дипломатии могут меняться, но дипломатия как непреходящее искусство мирно разрешать возникающие конфликты, видимо, будет существовать вечно, а талантливые аналитики и умелые переговорщики будут всегда востребованы.

## **СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА — КОНТЕКСТ ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ**

**К**онцепция стратегической культуры, как представляется, может оказаться весьма полезной при анализе внешнеполитической стратегии и деятельности государств. В современной теории международных отношений она рассматривается в двух аспектах: во-первых, как контекст принятия стратегических решений; и, во-вторых, как познавательная парадигма.

Известный специалист по дискурсу-анализу Т. А. Ван Дейк пишет, что контекст может быть определен как структура систематически релевантных дискурсу свойств социальной ситуации<sup>1</sup>. В основе рассмотрения стратегической культуры как контекста лежат две основные гипотезы: 1) исследователи исходят из того, что поведение государств в предшествующие периоды оказывает сильное влияние на современные и будущие возможности и варианты их поведения на международной сцене, а это в свою очередь предполагает выяснение вопроса о том, как именно данные государства действовали в прошлом; 2) еще одна гипотеза опирается на представления государств и народов о самих себе, или иначе — на идентичность или национальный характер, предполагающих predisposedness к определенному типу политического поведения.

Можно сказать по-другому: исследование дискурса стратегической культуры осуществляется благодаря интегрированному социальному подходу, предполагает включение ее структуры в широкий социальный и культурно-исторический контекст. Историческое сознание, как известно, представляет собой «совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присутствием и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демократических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей»<sup>2</sup>. При этом для стратегической культуры наибольший интерес представляет не столько философско-теоретический уровень общественного сознания, сколько реально функционирующее сознание, выражен-

ное в позициях конкретных людей, т.е. его социологический срез. Историческое сознание впитывает в себя и важные, и случайные события, отражает информацию, полученную через школы и университеты, СМИ, художественную литературу, искусство и утверждающих в обществе определенные представления об истории и роли в мировом сообществе данного народа и страны в целом.

В отличие от исторического сознания историческая память более избирательна. Она как бы «выбирает» наиболее значимые события и их интерпретацию, другие события либо игнорирует вообще, либо вписывает в какой-то часто искаженный контекст, персонифицирует произошедшее, преувеличивает или, наоборот, преуменьшает его значение, причем делает это не хронологически, а в связи с настоящим и будущим. В конце концов, мир представлений есть в той же мере история, как и сама история. Поэтому даже ложная память есть элемент и фактор истории одновременно. При этом, говоря словами французского философа Мишеля Фуко, мы используем определенные структуры (такие как литература, политика, философия, наука, по существу сформировавшиеся лишь к XIX в.), как «ретроспективную гипотезу, допущение игры формальных аналогий или семантического подобия»<sup>3</sup>. Или, если выразиться более афористично: «Еще не существующее вторгается в пределы уже несуществующего и видоизменяет его»<sup>4</sup>. Кроме того, британский историк Дж. Тош указывал на то, что вырывание фактов из контекста — одна из основных характеристик массового исторического сознания<sup>5</sup>. Обыденное сознание все же воспринимает исторические факты в определенном контексте, но это неотрафлексированная, часто искаженная контекстуальность.

Следует принимать во внимание и осознанное навязывание монументальной истории со стороны власти, которая как бы предполагает, что события не уникальны, а повторяемы, что позволяет широко пропагандировать примеры великих деяний, для того чтобы утверждать возможность их повторения и вдохновлять своих подданных или сограждан на подвиги.

Важно также принимать во внимание различия между коллективной и индивидуальной памятью. Коллективная историческая память, указывает С. Крейн, поддерживает живой опыт индивидов внутри групп, так как индивидуальное переживание нельзя вспомнить без отсылки к социальному контексту; и «каждое самовыражение исторического сознания является выражением коллективной памяти не потому, что оно совершенно точно разделяется

всеми другими членами коллектива, но потому, что именно этот коллектив делает его артикуляцию возможной, потому, что историческое сознание само стало элементом исторической памяти»<sup>6</sup>.

Неудивительно поэтому, что аналитики, использующие понятие стратегической культуры как инструмент оценки поведения государств на международной сцене, стремясь избежать ложной, провоцирующей неверные основания решений интерпретации, часто обращаются к исторической социологии. Можно согласиться с утверждением известного кембриджского профессора Джона Данна: «...Политическое мышление по своей природе исторично, оно появилось в определенном времени и пространстве, и его нельзя понять, если не учитывать обстоятельств того, как оно возникло и развивалось. Размышлять о нем как об абстрактном процессе, как о манипулировании набором понятий — значит не понимать того, что представляет собой политическое мышление»<sup>7</sup>.

Некоторые исследователи, однако, продолжают работать и с более традиционными концепциями, которые можно объединить под рубрикой «национального характера». Хотя оба подхода датируются первой половиной XX столетия, разница заключается в том, что историческая социология обрела широкое научное признание, в то время как исследования национального характера так и остались крайне спорными, если не сомнительными. Почему?

В самом деле, исследователи «национального характера» довольно редко рассматривали объект своего интеллектуального любопытства под этим именем. Причина заключается в том, что «национальный характер» в качестве концепции в прошлом воспринимался как имеющий непосредственную связь с евгеникой и расизмом и соответственно был изрядно дискредитирован. Систематическое научное изучение национального характера фактически началось в период Второй мировой войны, будучи стимулированным фондами, с помощью которых правительство США стремилось приобрести операциональные знания национальных характеров противников — немцев и японцев. В результате произошло нечто аналогичное отождествлению актера с исполняемой им ролью. Отсюда — негативная коннотация термина, имеющего в целом дурную научную репутацию в академическом сообществе. Поэтому его даже часто избегают упоминать, хотя подобно большинству других политических концепций он многозначен, неточен и противоречив, что само по себе не является столь уж большим грехом. В ранних работах этого направления были выявлены корни

национального характера, то, как именно они проявляются в культуре, языке, религии, обычаях, процессах социализации и интерпретации общих воспоминаний. Кроме того, стало понятно, что в дискуссии о национальном характере исключительно важную роль играет этничность, что привлекло внимание исследователей к проблемам, связанным с этнопсихологией.

Однако концепция не ограничивалась только этим. Важное значение имела также такая социально-психологическая переменная, как «модальная личность» (статистическое положение для выражения личности, часто появляющиеся среди членов конкретного общества). Эти идеи по сей день представляют определенный аналитический и исследовательский интерес.

Однако как только исследователи перешли от «национального характера» к «национальной идентичности», удалось восстановить научную респектабельность подхода. Более того, концепция быстро вошла в новейшую интеллектуальную моду. По существу, вопреки требованиям «бритвы Оккама» («не следует умножать сущности без необходимости»), произошла замена одной «сущностно оспариваемой концепции» на другую\*. Нечто аналогичное имело место и с понятием глобализации, которое пришло на смену универсализации как категории, которая с точки зрения западных исследователей имела слишком сильный марксистский привкус. Однако это была не просто замена. Подобно «глобализации» «идентичность» приобрела ряд дополнительных характеристик, которых не было у первоначальных концепций, в том числе и у национального характера.

«Национальная идентичность, — пишет М. Гиберно, — это коллективное чувство, в основе которого лежат вера в принадлежность к одной и той же нации и согласие в отношении боль-

---

\* Понятие «сущностно оспариваемых концепций» было введено шотландским политическим теоретиком Уолтером Гэлли еще в 1956 г. Он предложил этот термин для облегчения понимания и применения некоторых абстрактных, качественных и оценочных положений — от «искусства» до «социальной справедливости», с которыми исследователи постоянно встречаются в сфере эстетики, политической философии, философии истории и философии религии. — См.: *Gallie W. B. Essentially Contested Concepts // Gallie W. B. Philosophy and the Historical Understanding*. L.: Chatto and Windus, 1964. P. 157–191. «Сущностно оспариваемые концепции» предполагают наличие согласия в отношении общего смысла сложносоставных абстрактных категорий при несогласии в том, какая именно интерпретация является наилучшей, т.е. своего рода согласие о несогласии, или предполагаемая принципиальная открытость для конкуренции теоретических точек зрения.

шинства атрибутов, которые делают ее отличающейся от других наций»<sup>8</sup>. Идентичность имеет психологическое, культурное, историческое, территориальное и политическое измерения. Уточним, что *психологическое измерение* относится к сознанию, формирующему группу, основывающемуся на близости, объединяющей тех людей, которые принадлежат к данной нации. *Культурное измерение* определяется как ценности, убеждения, язык и практика конкретной нации. *Историческое измерение* обращено к тому факту, что нация гордится своими древними корнями и интерпретирует их как признак устойчивости, силы и даже превосходства. Относительно исторического измерения можно привести цитату из фундаментального труда отечественных историков: «Функции исторического знания на протяжении, как минимум, последних трех веков модифицировались и усложнялись, но все же можно за всем многообразием задач истории увидеть один инвариант — это обеспечение идентичности. Смена моделей историописания была, как правило, связана с кризисами идентичности»<sup>9</sup>. *Территориальное измерение* подвергается все большим «вызовам» со стороны глобализации, но продолжает сохраняться вокруг семьи, работы и административных структур. Наконец, *политическое измерение* национальной идентичности проистекает из ее отношения к современному национальному государству, устремленного по определению к лингвистической и культурной гомогенизации все более разнообразного в этническом и культурном отношении населения. Идентичность выходит за рамки национальной и сегодня уже многие авторы пишут о региональной (например, европейской), космополитической или даже глобальной идентичности.

Это отнюдь не новые явления и процессы. Даже название формирующейся нации в истории не всегда было существенным. Так, «Декларация независимости» США провозглашена от имени «народа», не имевшего на тот момент названия. Хосе Марти, начавший с Перу свое движение по освобождению от господства Испании, назвал его жителей «перуанцами», распространив это наименование также и на индейские общины, не говорившие по-испански. Немаловажное значение имеет, таким образом, стимулирование идентичности «сверху», причем лидеры отнюдь не обязательно должны принадлежать к титульной нации. Революцию на Филиппинах в 1890-е годы возглавил Хосе Рисаль, имевший отчасти испанское, отчасти тагальское, китайское и, возможно, даже

японское происхождение; он начинал свою карьеру как писатель, видевший себя в перспективе в качестве европейской знаменитости. Не сумев удовлетворить свои амбиции в Испании, он начал активно выступать за идею особого происхождения филиппинцев, сыгравшую затем важную роль в освободительном движении<sup>10</sup>.

Однако идентичность, понимаемая таким образом, скорее продукт современности. В истории немаловажную роль играла легитимность монархий. Так, Австро-Венгрия аккумулировала народы под знаком легитимности имперской власти. То же относится к Британии, Испании, Португалии, Германии и России. Некоторым исключением была Франция, однако тоже до определенных пределов. Завоевания 1880—1905-х годов, преимущественно в Африке, в сущности явились продолжением достигнутого во времена легитимных монархий. Особенностью тех государств было отсутствие устойчивых границ. Они даже в ряде случаев не нуждались в постоянной столице. Наиболее влиятельный правитель в Европе XVI в. Карл V, пребывал в движении почти всю свою жизнь.

Не было также необходимости в идентичности монарха с управляемым народом. Именно поэтому королева Виктория состояла в родстве со всеми правящими домами в Европе — Виттельбахи правили в Афинах, Гогенцоллерны — в Бухаресте и Берлине, Габсбурги — в Вене и Мадриде, Бурбоны — в Мадриде и Париже, Романовы — в Санкт-Петербурге и т.д. Именно отсутствие четко фиксированной национальности делало имперское правление возможным. Это было связано с тем, что правитель имел только один высший авторитет — Бога. Однако для постмонархических режимов стало характерным создание, расширение или сохранение империи во имя нации, расизм стал сущностно необходим. Стало быть, новый суверен должен был обладать совершенно другим характером, ибо его легитимность обеспечивалась не Богом, а самозданным благом Нации.

Национальное государство было первой исторической политикой, для которой Будущее стало основанием, пишет Бенедикт Андерсон. Говоря словами Уолтера Бенджамина, она была устремлена не к Судному дню и никак не связана ни с раем, ни с адом. Эта форма правления подразумевала будущих французов или американцев, которые как будто бы стояли рядами, ожидая приглашения на конкретную территорию. Народ в трансцендентном смысле, в смысле Общей воли Руссо, всегда есть Благо. Подспудно допускалось, что нынешнее положение народа не вполне удовлетворительно<sup>11</sup>.

Наиболее существенный вклад в исследование проблем транснациональной идентичности внес конструктивизм.

Проблема, которая возникает в этой связи, заключается в том, каким образом политические элиты конструируют транснациональные сообщества ради обеспечения международной безопасности с помощью сотрудничества, несмотря на типичное поведение в ситуации анархии в международных отношениях. Конечно, конструирование сообщества в анархической среде — это не новая тема, к ее анализу уже раньше пытались подойти представители теории интеграции и еще более ранних форм либерального анализа. Однако конструктивистский подход открыл новые возможности: подобно индивидам, государства формируют множественные идентичности, и некоторые из них более адекватны, чем другие, в тот или иной момент времени. Идентичность вырастает из взаимодействия с «другими». Когда у государства есть общие, разделяемые характеристики, у них есть особенные черты в отношениях, они обладают сильной и весьма позитивной взаимозависимостью, весьма вероятно, что они смогут сформировать транснациональную идентичность, утверждает, например, такой известный международник-конструктивист, как Александр Вендт<sup>12</sup>. В рамках такой идентичности они создают нормы, другие границы поведения и цели; в таком контексте государства развивают узнаваемые роли и сотрудничество, часто с помощью институциональных устройств.

Разумеется, столь сложный феномен, как транснациональная идентичность, в процессе своего формирования вынужден преодолевать и сопротивление внутренних идентичностей своих членов, и последствия суверенной автономии, и анархии среды. Поэтому она складывается постепенно, пошагово. Скорость формирования сообществ безопасности существенно различается.

Самоидентификация, таким образом, предполагает не только определенную изначальную предзаданность, но и сознательный выбор человека или группы людей. Соответственно процесс идентификации не всегда приводит к достижению истинной идентичности. Культура в целом раскрывается во всей полноте «в глазах другой культуры» (М. М. Бахтин), или, иначе, на основе оппозиции «свой/чужой», определяющей этническую, конфессиональную, социально-классовую принадлежность человека или социальной группы. Мифологическая составляющая играет в этом процессе особенно значимую роль. Коллективно выраженная особенность, отличие от «других», разделяющая «своих» и «чужих», зачастую

представлена в национальных идеологиях — тем самым мы выделяем еще один параметр для исследования стратегической культуры.

Кроме того, в ландшафте контекста заметное место занимают «нормы» как «коллективные ожидания поведения акторов в соответствии с предполагаемой идентичностью»<sup>13</sup>. А это в свою очередь определяет необходимость выделить постоянные факторы, влияющие на формирование и видоизменение этих норм.

Еще один весьма важный феномен в процессе изучения стратегической культуры как контекста — теория так называемой «зависимости от пути» (*path dependency*)\*. В 1985 г. П. Дэвид и Б. Артур опубликовали небольшую статью по вопросу о стандарте клавиатур печатающих устройств, когда почти случайный выбор приводит к постоянному воспроизводству не лучшего, а привычного (*QWERTY*-эффект). Вряд ли можно было предположить, что это положит начало теории, которую отечественные экономисты Р. Нуреев и Ю. Латов назовут «новейшей экономической историей»<sup>14</sup>. Речь идет об институциональной инерции, которая мешает выбирать, конструировать и экспортировать институты. Именно в этом заключается причина неэффективных, но устойчиво сохраняющихся стандартов. Смысл этой теории в том, что «возможности выбора, который делается “здесь и сейчас”, жестко детерминированы выбором, сделанным “где-то и когда-то раньше”<sup>15</sup>. Если интеллектуальные предшественники теории (например, Д. Норт) исследовали, «как становятся возможными институциональные инновации», то сторонники «зависимости от пути», наоборот, поставили вопрос о том, «почему институциональные инновации далеко не всегда возможны»<sup>16</sup>.

Со временем теория «зависимости от пути» становилась также все более интересным направлением для исследователей стратегической культуры. Это было связано с тем, что в целом антиструктуралистская эпистемология данной теории предполагала обращение к культурному происхождению и характеру выбора, который делает то или иное государство в силу имеющихся культурных переменных. Это позволило более точно акцентировать внимание на истории формирования внешней политики и политики безопасности. Иначе говоря, выбор, сделанный в прошлом, продолжа-

---

\* В отечественной литературе название теории часто звучит как «зависимость от предшествующего развития», что не вполне точно, поскольку утрачивается идея не просто прошлого вообще, а сделанного когда-то сознательного выбора, возможно, даже ошибочного, предопределившего дальнейшее развитие.

ет ограничивать возможности государства в будущем. В теории «зависимости от пути», с точки зрения формирования стратегической культуры как контекста, наибольшее значение имеют два параметра: во-первых, временная обусловленность и, во-вторых, вероятность или случайность того или иного события. Дело в том, что теория не предполагает зависимости от «исходных условий», скорее она фиксирует точки разрыва, существенно изменяющие формируемое будущее. Это и есть «случаи», запускающие новые инерционные механизмы, означающие либо сотрудничество, либо воспроизводство конфликта и несогласия<sup>17</sup>. Тем самым стратегическая культура фактически неотделима от истории страны, другое дело, что она существенно отличается от традиционного обращения к хронике как череде последовательных событий, связанных причинно-следственными отношениями.

Рассмотрим теперь, что представляет собой стратегическая культура как способ познания мира. Между стратегической культурой как контекстом и как познанием много общего. Тем не менее имеется как минимум одно различие, которое следует упомянуть, и оно обращено к «ядру» исследовательской практики. Если главная проблема с рассмотрением стратегической культуры как контекста — это размытость, нестрогость используемых концепций, то представление о ней как познании, наоборот, обеспечивается существенно большей ясностью дефиниций. Речь идет о зависимых и независимых переменных. При рассмотрении этой проблемы нам может помочь традиция, возникшая в политической науке, а именно в исследовании «политической культуры».

Следует признать, что подобно стратегической культуре политическая культура также представляет собой совокупность разнообразных дефиниций. Один из критиков даже писал, что существует столько же смыслов политической культуры, сколько и политологов, проявивших к ней интерес<sup>18</sup>. Тем не менее, в отличие от стратегической, политическую культуру уже удалось в большей степени операционализировать.

Появление этой концепции в политической науке произошло в результате того же самого междисциплинарного процесса, который привнес культуру в сферу интересов специалистов по стратегии. Первоначальный импульс этому процессу также придали антропологи. Наконец, в середине 1950-х годов, т.е. примерно за два десятилетия до появления «стратегической культуры», «политическая культура» обрела свое содержательное наполнение благода-

ря Г. Алмонду и С. Вербе. Они определили политическую культуру как совокупность «верований и ценностей общества, связанных с политической системой»<sup>19</sup>. Политическая культура, уточняли они свою мысль, означает приверженность ценностям демократических принципов и институтов, идеям морали и применения силы, правам человека и коллектива, а также определенные склонности к представлениям о роли страны в мировой политике. Она формируется благодаря «интерпретативным кодам», включающим язык, ценности и убеждения.

Практически с самого начала возникли трудности с определением дефиниции «политическая культура». Развернулась дискуссия по поводу того, должна ли она означать «обобщенную личность» народа, или историю коллективности, или вообще представляет собой нечто иное. Поскольку с решением этого вопроса на том этапе так и не удалось справиться, к концу 1960-х годов интерес к политической культуре был на время утрачен.

Хотя эмпирические социологические модели политической культуры в эти годы становились все более сложными, теоретические аспекты проблемы оказались в некотором небрежении. Критики концепции называли ее эпифеноменом, обвиняли подход с позиции политической культуры в весьма субъективной оценке реальности и в преувеличении значения ее эвристического потенциала. Как следствие, интерпретативные аргументы культурного характера вышли из моды — особенно на фоне бихевиоральной революции в социальных науках. Хотя концепция сохранилась в исследованиях международников-регионалистов, интерес к ней в целом стал довольно маргинальным. Тем не менее вопрос о том, как выявить политические различия между странами, продолжал оставаться актуальным.

Примерно в этот же период появился новый элемент в дискуссиях политологов вокруг проблемы включения «культуры» в международно-политические исследования, предопределивший будущее возрождение интереса к концепции политической культуры. Этим элементом стал *символизм*. События возвышаются до уровня исторической значимости, превращаясь в символы исторической группы. Традиция объединяет исторические сведения с символическими интерпретациями. Она не сообщает «голые факты», а преподносит разуму события через их символическое преобразование.

Символизм помог реконцептуализации политической культуры двояким образом.

С одной стороны, он позволил разрешить проблему «уровня анализа», которая была поставлена еще в ранних работах Алмонда. Хотя изучение эмпирических данных в отношении политической культуры обладало определенной ценностью для представлений о перцепции и психологическом состоянии индивидов, оно не могло дать «полезное знание» относительно когнитивных паттернов коллектива. Индивиды, разумеется, обладают личностными качествами, но только в отношении коллективов можно сказать, что они владеют культурой. Трудность заключалась в том, каким образом перейти от индивидуального к коллективному уровню анализа. Именно эту проблему и удалось разрешить с помощью символов.

С другой стороны, символизм позволил теоретикам изучать социальные идеи индивидов и, как выразился известный специалист в этой области Лоуэлл Диттмер, «транслировать смыслы от одной личности к другой, несмотря на огромные расстояния во времени и пространстве». По его мнению, инструменты такой трансляции включают, но не сводятся к воображаемому и метафорам, будучи идентичными тому, что поэт Томас Элиот называл «объективными коррелятивами», а именно механизмами для эффективного выражения чувств. С этой точки зрения символы становятся «хранилищем широко распространенных интересов и чувств». И, по Диттмеру, задача тех, кто будет использовать политическую культуру, может быть не чем иным, как систематическим научным анализом *ключевых* символов общества<sup>20</sup>.

Возрождение интереса к политической культуре связано прежде всего с изменениями в международной системе, вызванными окончанием холодной войны, несмотря на то что политическая культура противоречила идеям сторонников рационального выбора и теории игр, претерпевшим новый взлет в 1980–1990-е годы. Политическая культура получила признание в «пакете» — через междисциплинарные исследования, увязывающие культуру с политикой. Так, Энн Свидлер предложила довольно сложную модель связи между культурой и поведением государств на международной сцене через культурную «стратегию действий». Она дала довольно широкое определение культуры как состоящей из «символических смыслов, включая верования, ритуальные практики, формы искусства, церемонии, а также неформальные культурные практики, такие как язык, слухи, истории и повседневные житейские ритуалы»<sup>21</sup>. Опираясь на аргументы Алмонда/Вербы и Парсон-

са, она доказывала, что стратегии, диктуемые интересами, — важные предпосылки государственного поведения.

Политическая культура может быть рассмотрена на трех уровнях: 1) когнитивном (познавательном), включающем эмпирические и причинно-следственные убеждения; 2) оценочном, охватывающем ценности, нормы и моральные суждения; и, наконец, 3) экспрессивном, или аффективном, касающемся эмоциональных привязанностей, паттернов идентичности и лояльности, таких как родственность или, наоборот, антипатия или безразличие. Таким образом, даже если в силу каких-то причин стратегическая культура не может быть использована как независимая переменная, она обуславливает наше представление о стратегии, подобно тому, как политическая культура обуславливает политический выбор.

Из сказанного выше становится очевидным, что стратегическая культура как познание может стать «дорожной картой» для исследовательской программы.

Большинство исследований стратегической культуры предполагает преемственность в поведении государств. Уроки прошлого, по мнению авторов, служат фильтрами для любого нового исследования проблемы. Тем не менее в последние годы все чаще начали появляться работы, в которых допускается возможность изменения уже самой стратегической культуры с течением времени. Это — заслуга главным образом исследователей дискурсов во внешней политике.

При каких условиях происходит изменение стратегической культуры? По мнению Джеффри Лантиса, два основных условия могут быть ответственны за «стратегические культурные дилеммы». Во-первых, внешний шок может существенно поколебать имеющиеся убеждения и подорвать веру в исторические традиции; к его причинам относятся, например, драматические события с травмирующими последствиями, такие как революции, войны, глубокие экономические кризисы и т.д., т.е. события, вызывающие глубокий психологический стресс, запускающие процесс ресоциализации, предполагают поиски компромиссов между разными группами, формирующими новые политико-культурные ориентации. Во вторых, это может произойти, когда приоритетные положения в стратегической мысли приходят друг с другом в прямой конфликт, например, когда страна, последовательно поддерживающая демократию и стремящаяся к минимизации военного вмешательства, сталкивается с таким «вызовом» демократии, который

требует быстрого и крупномасштабного военного «ответа»<sup>22</sup>. Следовательно, стратегические культурные дилеммы определяют новые направления внешней политики.

Конструктивизм, таким образом, способствовал возрождению интереса к идейным основаниям политики национальной безопасности. Однако все еще остается множество лагун в исследовательской программе. В осмыслении нуждаются, например, проблемы создания теоретически прогрессивных моделей на основе концепции стратегической культуры, выход за пределы линейности в становлении стратегической культуры, вопрос о ее универсальности, а также уточнение связей между внешними и внутренними факторами политики безопасности.

Если конструктивизм представлял собой парадигмальный вызов структурному реализму, то большинство сторонников стратегической культуры ставили перед собой значительно более скромную цель — «вернуть культуру назад», в исследование национальной политики безопасности. Фактически эти исследовательские традиции более схожи между собой, чем можно предположить. Ученые могут работать для того, чтобы преодолеть барьеры интеграции между двумя этими подходами в более продуманную модель формирования, воплощения и изменения стратегической культуры. Некоторые исследователи утверждают, что один из этих барьеров — это определенный уровень оборонительности со стороны неореалистов, которые считают, что культуралисты (и конструктивисты) просто стремятся дополнить неореализм.

Наконец, конструктивизм направил свое внимание на идейные переменные, вдохновил исследователей стратегической культуры третьего поколения. Однако возникает вопрос — насколько далеко могут зайти исследователи стратегической культуры, в то же время сохраняя ее легитимность? Следует быть более аккуратными, сохраняя и теории среднего уровня, иначе результаты исследований начинают вызывать сомнения в их адекватности.

<sup>1</sup> *Van Deijk T. A. Text and Context of Parliamentary Debates // Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse / Ed. by P. Bayley. Amsterdam: Benjamins, 2004.*

<sup>2</sup> *Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru>.*

<sup>3</sup> *Фуко М. Археология знания. Киев: «Ника-центр», 1996. С. 24.*

<sup>4</sup> Савельева И. М., Поletaев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 308.

<sup>5</sup> Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 11 – 32.

<sup>6</sup> Цит. по: Образы времени и исторические представления. Россия. Восток. Запад / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Круг, 2010. С. 15.

<sup>7</sup> Данн Дж. Политическая философия — будущее человечества // Русский журнал. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.russ.ru/lay>.

<sup>8</sup> Guibernau M. The Identity of Nations. Cambridge: Polity Press, 2007. P. 11.

<sup>9</sup> Образы времени и исторические представления. Россия. Восток. Запад / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Круг, 2010. С. 25 – 26.

<sup>10</sup> Anderson B. To What Can Late Eighteenth-century French, British, American Anxieties Be Compared? Comment on Three Papers. AHR Forum // American Historical Review. October 2001. Vol. 106. No 4. P. 1284.

<sup>11</sup> Ibid. P. 1285.

<sup>12</sup> Wendt A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. Spring 1992. Vol. 46. P. 391 – 425.

<sup>13</sup> The Culture of National Security: Norma and Identity in World Politics / Ed. by P. Katzenstein. N.Y.: Columbia University Press, 1996. P. 54.

<sup>14</sup> Нуреев Р., Латов Ю. Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты // Истоки: Из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. М.: ГУ ВШЭ, 2007. С. 228.

<sup>15</sup> Латов Ю. В. Теория зависимости от предшествующего развития в контексте институциональной экономической истории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3. № 3. С. 36.

<sup>16</sup> Там же. С. 37.

<sup>17</sup> Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology // Theory and Society. August 2000. No 29. P. 507 – 548.

<sup>18</sup> Reisinger W. The Renaissance of a Rubric: Political Culture as Concept and Theory. // International Journal of Public Opinion Research. Winter 1995. No 7. P. 328 – 352.

<sup>19</sup> Almond G., Sidney V. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Boston: Little, Brown, 1965. P. 11 – 14.

<sup>20</sup> Dittmer L. Political Culture and Political Symbolism // World Politics. July 1977. No 29. P. 552 – 583.

<sup>21</sup> Swidler A. Culture in Action: Symbols and Strategies // American Sociological Review. April 1986. Vol. 51. No 2. P. 273.

<sup>22</sup> Lantis J. S. Strategic Culture: From Clausewitz to Constructivism // Strategic Insights. October 2005. Vol. IV. No 10.

## ПОЛИЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ — ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Современный мир являет перемены столь разительной глубины и так спрессованные во времени, что нередко не успевающие адаптироваться к ним люди воспринимают все как виртуальную реальность, существующую и развивающуюся параллельно с постоянно сокращающимся привычным пространством индустриального бытия. Поток преобразований, захвативший все человечество, несет его в будущее, не считая, однако, все на своем пути, а отступает там, где сталкивается с гранитом фундамента жизнеустойчивости людей, ищет обходные пути, образуя острова и оазисы традиционной жизни, создает иллюзии попятных движений, но все же всегда устремлен к творению нового социального и исторического бытия.

Поэтому нельзя не согласиться с А. Неклессой в том, что события, меняющие наш мир, входят в него через потрясения ума и души. «Живя на разломе исторических эпох, — пишет он, — мы вряд ли ясно представляем всю его головокружительную глубину. Тем более скрыт от нас за горизонтом времени истинный облик Града будущего. Значительная часть сегодняшних рассуждений на эту тему окажется, скорее всего, досужими домыслами или, в лучшем случае, миражом, кривым зеркалом, искажающим невидимый ландшафт. Слишком уж велик диапазон перемен. Но размышления о данном предмете все же не совсем бесплодны. Да и неизбежны они. Чем более грозные знаки прочитываются в окружающем мире, тем настойчивее наши попытки заглянуть за горизонт, прорвать полупрозрачную пелену времени. И то, что удастся узреть сквозь прорехи, еще сильнее подогревает любопытство»<sup>1</sup>.

Мысленные прорывы человечества за горизонты исторического времени всегда основывались на расшифровке тех явлений, процессов, островков будущего, которые обычно присутствуют в настоящем бытии и смысл которых затуманивается устойчивостью традиций и жизненной рутиной. И лишь те, кому удается проникнуть в логику взаимоположения друг к другу этих элементов «настоящего будущего», «удается узреть сквозь прорехи» грядущее,

т.е. распознать вектор развития Истории, чаще трактуемого нами как мировое развитие. И хотя «проектов будущего» создано множество, тем не менее вопрос о приоритетных направлениях мирового развития постоянно оставался едва ли не главным в научных дискуссиях по крайней мере последней четверти XX в. и начала XXI в., так как его концептуализация столкнулась с необходимостью уточнения общих представлений о мире, о движущих силах и пределах его развития, о роли технического и социального прогресса, соотношения национальных и глобальных интересов, сохранения принципов и норм международных отношений и т.д.

Познавательный процесс при этом осложнялся по крайней мере обстоятельствами четверного рода:

- во-первых, неготовностью современного обществоведения к решению подобных задач, так как оно оказалось неадекватным масштабам и сложности встающих перед людьми проблем;
- во-вторых, осмыслением сдвигов в мировом социуме в конце XX столетия как одного из уникальных случаев переходности в истории человечества, своеобразного «марш-броска», прорыва в его качественном состоянии;
- в-третьих, мощным вторжением комплекса глобальных опасностей в жизнь и без того противоречивого мира;
- в-четвертых, столь же дискуссионным, как и раньше, оставался вопрос о соотношении стихийных, не зависящих от человека, и субъективных начал в определении или созидании будущего.

В самом общем виде можно утверждать, что научная мысль в этой связи варьировалась в соответствии с двумя моделями возможного будущего мироустройства — возникновением унифицированного глобального социума и складыванием единой общечеловеческой цивилизации, представляющей собой систему всех жизнеспособных локальных цивилизаций. Сторонники первого подхода основывали свои суждения на том, что нынешний и последующие этапы мирового развития уже определяет и будет направлять глобальная революция, которая пронизывает все сферы общественного развития, но в первую очередь — область отношений человек—общество—природа<sup>2</sup>. Многие исследователи стали акцентировать проблемы возникновения мирового гражданского общества, мирового правительства, приоритетности общечелове-

ческих ценностей, формирования «глобального человека» (*homo globalis*) и т.д. В частности, А. Г. Мильбанк, выступавший под псевдонимом Р. Фольк, одним из первых стал утверждать, что глобальное общество может утвердиться, «если будут восприняты как реальность общность судьбы всех людей и их единение во времени и пространстве, выстроенное на основе биологического импульса для всех человеческих групп — выжить и процветать»<sup>3</sup>.

Для других возникновение единой планетарной цивилизации означало не слияние ныне существующих локальных человеческих общностей в целостную идентичность, а появление нового качества в результате складывания мировой системы цивилизаций. И здесь уместно, как представляется, отметить три момента. Во-первых, мир отнюдь не был изначально обречен на европоцентризм своего прогресса и всеобщей истории. А. Г. Франк, объясняя причины, почему историческое развитие пошло по пути «монополярной» евроцентристской, а не «мультиполярной» трансформации, выделяет среди них:

- поворот Китая в период династии Мин (XV век) к тщательной самоизоляции;
- действия морских держав Западной Европы, завоевавших Америку и «впрыснувших» ее золото в процессы первоначального накопления капиталов для последующего рывка в виде индустриальной цивилизации<sup>4</sup>;

Во-вторых, единый мир в категориях системного подхода — это сокупность взаимодействующих, взаимосвязанных, самоорганизующихся в процессе постоянной эволюции человеческих социумов, где в первом случае подобная общность — это человечество, во втором — государства, общества, культурные пространства и т.д. Мир как система — это человечество в движении, когда его составные части переплетены все более и более многочисленными и пересекающимися связями, а импульсы системы достигают практически каждого живущего на Земле человека. Это «мир миров», по определению М. Гефтера, который, демонстрируя безусловные тенденции к глобализации многих сторон своего современного бытия, тем не менее постулирует устойчивое сохранение культурного многообразия в человеческом сообществе, так как «именно исторически сложившиеся культуры национальных и социальных общностей представляют собой главный источник, из которого личность черпает жизненные смыслы, образующие основу ее самосознания,

выстраивающие иерархию ее ценностей и норм, духовное содержание ее бытия»<sup>5</sup>.

В-третьих, нельзя считать достаточно обоснованными и утверждения ряда мыслителей, что на стадии постиндустриализма преодолевается трагическая несовместимость Запада и Востока в киплинговском их понимании, что на этой стадии развития происходит некий синтез между евроатлантической цивилизацией и другими восточными культурно-цивилизационными образованиями. Подразумевая под Западом принцип личностный, а под Востоком — коллективистский, сторонники подобной точки зрения исходят из того, что в настоящее время начинает «исчезать “геосоциокультурная дуальность” мира, так как происходит “великий западно-восточный синтез”, т.е. “размывание” пространственной локализации этих двух принципов»<sup>6</sup>. Но синтез в сфере культуры проявляется не просто в плодотворящем и плодотворном междивизиационном взаимодействии, а в появлении прежде всего носителей новой культуры с качественно иными, чем у вступающих в контакт субъектов, структурами ценностей. С этой точки зрения современная действительность вряд ли дает основания для утверждений о западно-восточном синтезе как реальном феномене или процессе.

Представляется, что единая планетарная цивилизация в принципе не может быть каким-либо синтезом, ибо она по природе своей возникает явлением, феноменом полицентричным. В ней действуют глобального размаха тенденции унификации и дивергенции, ее ценностная система может носить лишь интегративный характер, соединяя через подсистемы начала как западного, так и восточного миров, но не растворяя, не синтезируя их друг в друге или друг с другом, а скорее актуализируя, динамизируя в каждой из них существующие ценности, способные благоприятствовать постиндустриальному развитию. К. С. Гаджиев, пытаясь раскрыть, как он пишет, наиболее существенные черты становящейся всепланетной цивилизации, прибегает к аналогии с головным мозгом человека, состоящим, как известно, из двух симметричных полушарий, но составляют нераздельное единство<sup>7</sup>.

Сейчас уже мало кто сомневается в том, что мировой порядок, построенный на взаимодействии исключительно только суверенных национальных государств и на балансе их сил, серьезно подвергнут сомнению со стороны других субъектов международных отношений. «Акторы вне суверенитета», и не только транснациональные корпорации и банки, но и прежде всего цивилизации ак-

тивно участвуют в международной жизни, настойчиво заявляют о своих правах и серьезно меняют всю сферу общения между народами и их государствами. Не в последнюю очередь благодаря этому от международных отношений «отпочковывается» новая научная дисциплина — мировая политика.

В современных российских исследованиях более четко и последовательно, чем в западной политической литературе, стал проводиться водораздел между изучением международных отношений в узком их понимании и аналитикой мировой политики. Так, П. А. Цыганков пишет, что если международные отношения в значительной степени связываются с анализом межгосударственных взаимодействий, то мировая политика смещает акцент на ту роль, которую играют в формировании международной среды нетрадиционные акторы, не вытесняющие, однако, государство как главного участника международного общения<sup>8</sup>.

М. М. Лебедева, автор первого изданного в России учебника «Мировая политика», очерчивая предметную область новой дисциплины, писала, что она «действительно вырастает из международных отношений» и «занимается анализом политической системы мира». Задавшись вопросом, применим ли термин «международные отношения» к новой современной реальности, российская исследовательница приходит к выводу, что все же весь комплекс политических процессов на мировой арене лучше описывается термином «мировая политика»<sup>9</sup>.

Отталкиваясь от наиболее содержательных наработок в области мирополитической теории, А. Д. Богатуров сформулировал наиболее разностороннюю в отечественной науке концепцию мировой политики в виде семи тезисов. В последнем из них он, в частности, утверждает, что оптимальным вариантом взаимоотношений наук о международных отношениях и мировой политике видится их равноположенное развитие как сопредельных субдисциплин в будущем и школ анализа сегодня. Вместе они обе предстают как субдисциплины международно-политической науки<sup>10</sup>.

В настоящее время принято считать, что в исследовании международных отношений преимущественное внимание обращается на межгосударственные проблемы, в то время как в мировой политике изучается деятельность более широкого круга акторов. Последняя иногда трактуется как международные отношения эпохи глобализации, когда в них активно вторглись «акторы вне суверенитета». Мировая политика как новая научная дисциплина связана не толь-

ко с разного рода глобализационными явлениями, но и с возрастанием места и роли цивилизаций в мировом развитии, в судьбах человечества. В настоящее время все большее число аналитиков исходит из того, что именно взаимодействие цивилизаций (будь то через стратегии их представляющих государств или имманентно присущую им *soft power*) будут определять основные тенденции и главные коллизии развития мира в XXI в.

В зафиксированных мировой историографией характеристиках цивилизаций присутствуют три момента, которые повторяются во всех без исключения трактовках данного феномена:

- цивилизационная действительность есть некий вольный или невольный процесс взаимного соотношения человеческого контроля над окружающей средой и человеческого самоконтроля;
- противопоставление цивилизаций и их адептов чему-то или кому-то другому;
- присутствие в цивилизационной действительности определенного единства человеческой мысли и практики<sup>11</sup>.

Подобное обстоятельство отнюдь не помешало складыванию двух, казалось бы, альтернативных, но вместе с тем объективно тяготеющих друг к другу трактовок категории «цивилизация». «Между обеими трактовками термина “цивилизация”, — отмечали Е. Рашковский и В. Хорос, — при всех их расхождениях, существовала некая творческая взаимодополняемость, “разделение труда”. Если первая трактовка, исходившая из линейно-европоцентристских идейных предпосылок, пыталась осмыслить и утвердить идею единства человечества (у этой идеи было множество исторически обусловленных псевдонимов — прогресс, вестернизация, модернизация, интернационализм, социализм и т.д.), то вторая трактовка особо настаивала на структурном и содержательном своеобразии больших пространственно-временных человеческих массивов, на неизменности их внутреннего опыта»<sup>12</sup>.

К исходу XX в. наметилось постепенное схождение двух школ цивилизационных трактовок. Процессы социокультурной агрегации и самооформления больших групп людей стали восприниматься как нечто универсальное, общечеловеческое, но по-разному интерпретируемое в различных регионах и странах. По мнению Ш. Н. Эйзенштадта, цивилизационная реальность, связанная со стремлением структурно и символически упорядочить человеческий жизненный мир, коренится в некоторых базисных характе-

ристикях человеческого бытия и даже в некоторых биологических аспектах человеческой природы, в том числе и подспудных, нередко вырывающихся наружу, чаяниях перемен<sup>13</sup>.

Цивилизационная теория также стала склоняться к выводу, что поиски отдельными группами людей и государствами собственного социокультурного и политического места в мире имеют смысл и продуктивны лишь тогда, когда направлены не на жесткое противостояние миру, а на развитие процессов многосторонней коммуникации между ними. Поэтому теория цивилизаций стала в настоящее время одним из самых авторитетных научных аргументов среди тех, что используются для обоснования и интерпретации мировой истории и мировой политики:

- С. Хантингтон в этой связи определял цивилизации как наиболее высокую форму культурной общности людей, как «самые крупные человеческие племена», которые все активнее начинают влиять на международные отношения;
- согласно Ф. Броделю, цивилизации представляют собой «культурный ареал», «собрание культурных характеристик и феноменов» определенной социальной общности людей<sup>14</sup>;
- И. Валлерстайн определял цивилизации как «особую взаимосвязь мировоззрения, обычаев, структур и культуры», которая образует своего рода историческое целое и сосуществует с другими разновидностями этого феномена<sup>15</sup>.

В большинстве из имеющихся определений цивилизации это понятие, так или иначе, сопрягается с понятием культуры. Е. Рашковский и В. Хорос попытались провести демаркацию «этих двух пересекающихся понятий». «Нам представляется, — констатировали соавторы, — что различие между ними двоякое — в объеме и в содержании: культура — это все поле интеллектуального и духовного поиска, весь комплекс смыслов, ценностей, имеющих хождение в том или ином обществе; цивилизация — это “оплотневшая”, кристаллизовавшаяся культура, “осевшая” в некоторых долговременных ценностях, мыслительных парадигмах, прошедших тест на прочность, на длительность, на некоторую усредненность и, стало быть, на широкую транслируемость во времени и пространстве. Кроме того, “цивилизация складывается не только из ценностей, но и институтов, что подчеркивает факт укорененности соответствующих элементов культурного наследия в социуме”»<sup>16</sup>.

В то же время цивилизации, как отмечают многие их исследователи, выполняют несколько взаимосвязанных функций. Прежде

всего, они несут в себе начало объединения, универсальности и претендуют на эталон универсальности на фоне других человеческих общностей. Вместе с тем цивилизации обеспечивают преемственность в исторической эволюции, механизмы, скрепляющие общность. Сейчас принято считать, что цивилизации проявляли и продолжают проявлять себя как некая стратегия выживания, стратегия самоорганизации человеческого времени-пространства и огромных человеческих общностей. Ясно, что подобная, веками разрабатывавшаяся стратегия не могла не накладывать свой отпечаток на весь характер цивилизационного становления и развития мира, в первую очередь на международные отношения и мировую политику.

Многие зарубежные и отечественные ученые в последние два-три десятилетия предпочитают пользоваться цивилизационным подходом к анализу политических и исторических фактов и процессов, так как он избавляет их от необходимости отдавать дань экономической или материальной обусловленности деятельности человека, а выдвигает на первый план его самого, его потребности, знания, умения, культуру, идеологию. Цивилизационный подход обрел как бы «второе дыхание» после публикации известной статьи С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?», которая получила столь значительный общественный резонанс, что через 3 года ее идеи легли в основу новой книги этого ученого. Американский социолог и политолог продемонстрировал высокую эффективность цивилизационного подхода в области исследования и обобщения опыта развития всемирной истории и международных отношений. Теоретически воссоздавая «предположительную картину будущего» XXI в., он постулировал:

- противоречия между цивилизациями важны и реальны;
- цивилизационное сознание людей и народов нарастает;
- столкновения между цивилизациями придут на смену идеологическим и другим формам конфликтов в качестве преобладающей формы глобального противоборства;
- международные отношения, исторически являвшиеся прежде всего «игрой» в рамках западной цивилизации, будут все больше девестернизироваться и превращаться в сферу, где незападные цивилизации станут выступать активными действующими лицами;
- эффективные международные институты в области политики, экономики и безопасности будут складываться скорее внутри цивилизаций, чем между ними;

- конфликты между группами, относящимися к разным цивилизациям, будут более частыми, затяжными и кровопролитными, чем конфликты внутри одной цивилизации;
- вооруженные конфликты между группами, принадлежащими к разным цивилизациям, станут наиболее вероятным и опасным источником мировых войн;
- главной осью международной политики станут отношения между Западом и остальным миром;
- в ближайшем будущем основным очагом конфликтов будут взаимоотношения между Западом и рядом исламско-конфуцианских стран<sup>17</sup>.

Обосновывая свою «цивилизационную парадигму» современных международных отношений, С. Хантингтон исключал из цивилизаций так называемые расколотые страны, которые не имеют однозначной цивилизационной ориентации. Для России подобная расколотость, по мнению автора, проявлялась в том, что элита стремится привязать страну к евро-атлантической цивилизации, а народ упрямится в своем «азиатстве». «Если русские, — выносил вердикт американский ученый, — перестав быть марксистами, не примут либеральную демократию и начнут вести себя как россияне, а не как западные люди, отношения между Россией и Западом могут стать отдаленными и враждебными»<sup>18</sup>.

Ясно, что без известного обновления национально-цивилизационной идентичности российское общество не будет достаточно интегрированным и устойчивым, способным отвечать на современные вызовы постиндустриальной революции. Но ведь главное в национальной идентификации — культурные ценности, цивилизационные коды, т.е. все те же ценности, которые суть продукт национального развития, а не заимствованы извне. Ценности живут в душах людей, которые добровольно себя с ними отождествляют, что и определяет, в конечном счете, национальную идентичность. Поэтому претензии Хантингтона по отношению к россиянам оказывались не только чрезмерными, но и объективно неисполнимыми.

Неизбежность «столкновения цивилизаций» обосновывалась С. Хантингтоном «цивилизационными шоками», которые проявляются на двух уровнях — нижнем, между группами смежных культур, соприкасающихся друг с другом по линиям цивилизационных разломов, и верхнем, между государствами, принадлежащими к разным цивилизациям. Мир XXI в., как полагает этот автор, будет

состоять из различных цивилизаций, которые должны будут научиться сосуществовать друг с другом<sup>19</sup>.

Дж. Розенау, анализируя международную среду и основные направления мирового развития, сформулировал концепцию фрагментации, подразумевая под этим термином сочетание процессов интеграции и фрагментации. По его мнению, фрагментация предполагала формирование и укрепление блоков и союзов национальных государств в виде сложных иерархических систем, которые должны были вести борьбу за скудеющие ресурсы. Он считал, что фрагментация политической карты мира как процесс образования новых национальных государств станет перманентной в эпоху глобализации. Глобальные рынки будут разделены между этими группировками (цивилизациями. — М. А.) в ходе локальных конфликтов, которые ООН не сможет предотвратить, разделив тем самым судьбу Лиги наций.

«Интеграция и раздробленность, глобализация и локализация — это взаимодополняющие процессы. Точнее, это две стороны одного процесса: процесса перераспределения суверенитета, власти и свободы действий в мировом масштабе, катализатором (но ни в коей мере не причиной) которого стал радикальный скачок в развитии технологий, связанных со скоростью. Совпадение и переплетение синтеза и раздробленности, интеграции и распада отнюдь не случайно, и изменить эту ситуацию уже невозможно», — считал известный британский исследователь З. Бауман<sup>20</sup>. Сценарий «локализации» предполагает консолидацию этнических и цивилизационных образований на основе фундаменталистских идеологий, проводящих политику культурной изоляции как суррогатной формы культурной и социальной нетерпимости. Это сделает невозможным, по мнению этого автора, формирование глобальной цивилизации, так как в экономике будут доминировать тенденции восстановления традиционных (автаркических) способов ведения хозяйства, в том числе и под флагом защиты окружающей среды и необходимости экономии природных ресурсов. Сосуществование широкого спектра коллективистских идентичностей (трайбализм, фундаментализм, национализм, экологизм), отличающихся друг от друга степенью радикализма, заведомо должно было породить ситуацию культурного плюрализма, постоянно нарушаемую притязаниями на исключительность отдельных форм социальной идентификации, т.е. войнами.

В сфере культуры такого мира реализуются мегатенденции изоляции, обусловленные стремлением к самосохранению различ-

ных культурных ареалов с их партикуляристскими системами ценностей. Однако, как отмечал З. Бауман, «локальность в глобализируемом мире — это знак социальной обездоленности и деградации. Неудобность локализованного существования усиливается тем, что в условиях, когда общественные пространства отодвинулись далеко за рамки “локальной” жизни, понятие локальности теряет свой смыслообразующий потенциал, все больше попадая в зависимость от направляющих и объясняющих действий, которые на локальном уровне не поддаются контролю»<sup>21</sup>.

Как бы то ни было, но современные глобализационные процессы и вызываемые ими изменения в международных отношениях выдвигают в центр любых мироцелостных теорий межцивилизационный полилог, в том числе и в облике мировой политики. Наибольший интерес в этой связи вызывают концепции, разработанные У. Ганнерсом и Ш. Айзенштадтом. Первый из них сформулировал теорию глобальной ойкумены как региона постоянного культурного взаимодействия, обмена информацией и перевода феноменов одной культуры на язык другой. По его мнению, глобальная ойкумена постоянно расширяется, сохраняя сложную асимметричную структуру «множественного конгломерата с различными специализированными и региональными центрами», которые эволюционируют в разных направлениях.

Глобализация, по Ганнерсу, сможет развиваться в 4-х направлениях, среди которых наиболее предпочтительным был бы сценарий «созревания», или глобализации без вестернизации. В таком случае в глобальной ойкумене мог происходить действительно равноправный диалог и реальный обмен информацией между крупнейшими культурами. В этом диалоге происходил бы процесс «гибридизации» культур, в результате чего все они превращались в сложные синтетические образования, в которых «глубинные ритмы локального наследия переплетаются с транснациональными мотивами»<sup>22</sup>. Ганнерс предупреждал и о возможности других сценариев — в духе унифицирующей мир вестернизации, которые с неизбежностью приведут в тупик «культурного империализма». «Глобальная гомогенизация», как он пишет, может свершаться либо в варианте «сатурации», когда периферийные культуры, впитывая в себя культурные образцы Запада, постепенно исчезают, либо в форме «периферийной коррупции», предполагающей поглощение периферией западных культурных элементов лишь самого низкого уровня — рэпа вместо Бетховена, вестернов вместо трагедий Шекспира и т.п.

Ш. Айзенштадт присоединился к сценарию «созревания», также выбрав путь глобализации без вестернизации. Изучая историю и современность полилога цивилизаций, он пришел к выводу, что процесс гибридизации культур в поле межкультурных взаимодействий действительно является всеобщим, глобальным. Современные культуры кристаллизовались путем отбора, т.е. трансформации значительного количества традиций, символов, институтов — как национальных, так и заимствованных у других цивилизаций. Глобализация, таким образом, как он утверждает, не исключает, а подразумевает развитие вариативности, поскольку именно в ней содержится потенциал для дальнейшего развития человечества<sup>23</sup>.

В конце XX в., перед угрозой экологической катастрофы, человечество осознало огромную ценность многообразия альтернативных путей своего развития. Запас изменчивости в культуре, в том числе и в политической культуре, позволил перейти от экономикацентричной, «объясняющей» политической методологии к культуросоциологической, «понимающей» теории политики, в том числе мировой политики. Поиски универсалий «прогрессивного» общественно-политического развития в этой связи уступили место культуросоциологическому исследованию специфики цивилизационных идентичностей, в результате чего цивилизационная парадигма в теории мирового развития стала ведущей, оттесняя на второй план государственную парадигму. Это особенно заметно в трудах по глобальной геополитике, все уверенней заявляющей о себе в современных научных изысканиях, связанных с международными отношениями и мировой политикой<sup>24</sup>. И все же, беря на вооружение цивилизационные подходы С. Хантингтона, современные исследователи не должны проходить мимо суждения Н. Я. Данилевского: «Большой клятвы не могло быть наложено на человечество, как осуществление на Земле единой общечеловеческой цивилизации»<sup>25</sup>.

Отечественные ученые при обсуждении проблемы полярности современного международного порядка почти всегда акцентируют внимание на:

- «фобиях Запада в отношении России»;
- необоснованности расширения НАТО «на восток»;
- выборе Запада в пользу односторонней системы европейской безопасности;
- необходимости пресечь линию США на подрыв ООН и т.д.

Эксперты СВОП в одном из своих докладов отмечали в целом соблазн Запада использовать слабость РФ, приведя в действие традиционные механизмы экспансии. Они констатировали:

- дестабилизирующие положения новой стратегии НАТО;
- сохранение западными политическими элитами прежних стереотипов геостратегического мышления;
- преувеличение роли военной силы в современных международных отношениях.

Перспективы глобальной демократии и расширения гражданского общества многим российским ученым представляется труднодостижимыми и отнюдь не неизбежными. Вместе с тем ими подчеркивается двойственная природа западной цивилизации, совмещающей в себе культурную самодостаточность со все более явным стремлением к несвойственной другим цивилизациям культурной экспансии. В их трудах подчеркивается и то обстоятельство, что методы имперского господства, заметные в политике США как мирового лидера, несовместимы с принципами глобального демократического миропорядка. «Течение истории, развитие международных отношений показывают, — отмечал академик А. В. Торкунов, — что представления об универсальности западных, точнее, американского культурно-ценностного поля, весьма далеки от реальности сегодняшнего дня»<sup>26</sup>.

Многие из российских авторов достаточно осторожно относятся к концепции многополярности, которая, по их мнению, в условиях глобализации вряд ли может укрепить стабильность международных отношений. Большинство исследователей и экспертов подчеркивают необходимость вовлечения Российской Федерации в процессы глобальной экономической интеграции и сотрудничества с Западом при одновременном отстаивании собственных национальных интересов<sup>27</sup>. Видимо, именно поэтому критика российских ученых в адрес Запада, касающаяся его позиции в отношении глобального миропорядка, выглядит гораздо более сдержанной по сравнению с той, которую можно обнаружить среди западных ученых.

Так, известный французский политолог Пьер Аснер писал в этой связи: «...То, что рассматривается на Западе как прогресс универсалий и, в частности, права человека, в глазах большей части остального человечества выглядит как освящение произвола и западной, в особенности американской, мощи, которая разит там, где она считает нужным. И, не соблюдая больше традиционных границ суверенитета, погружает сама себя в состояние варварства»<sup>28</sup>.

И. Рамоне, в свою очередь, считает, что операция НАТО в Косово стала кануном нового глобального порядка. По его мнению, экономическая глобализация — господствующая черта постбиполярного периода — теперь была дополнена первой попыткой воплощения глобального стратегического проекта в области безопасности. «Во имя гуманитарного вмешательства, ставящегося отныне превыше всего, НАТО без колебаний нарушает два важнейших запрета международной политики: государственный суверенитет и устав Организации Объединенных Наций», — утверждал Рамоне. Согласно ему, черты глобального миропорядка, на создание которого была направлена новая стратегия Запада, проявились в приоритете принципа «нулевых потерь», ставшего для западного мира абсолютным императивом при проведении гуманитарных операций<sup>29</sup>.

И все же, казавшееся еще совсем недавно неодолимым наступление Запада по всем направлениям — экономическому, политическому, военному, интеллектуальному, — выдыхается или уже остановлено и поворачивается вспять контрмерами его «незападных» жертв. К началу XXI в. западная часть современного мира выработала собственные стандарты самовосприятия, их опыт развития девальвировал ценности западной цивилизационной модели и продемонстрировал оригинальные формы его самоотнесения с «вызовами истории». Культурно-цивилизационная экспансия Запада породила мощный процесс девестернизации других цивилизаций, где происходит возврат к собственным корням, к тому же в самой евроатлантической цивилизации вызвав к жизни явные признаки «ориентализации».

Строго говоря, в условиях мирового развития, определяемого научно-технологической революцией современности, информационные общества могут складываться в двух альтернативных вариантах:

- в монологическом варианте, связанном с претензией одной из мировых культур, в нашем случае — западной, — выступать в роли глобального эталона, вытесняющего все остальные;
- и в диалогическом варианте, означающем, что будущий духовный облик мира и его глобальную систему формируют все великие мировые культуры на основе партнерского обмена и консенсуса по поводу некоторых базовых ценностей, необходимых всему человечеству<sup>30</sup>.

Сегодня миру явно навязывается первый вариант, основанный на софизме: частное выдается за всеобщее, глобальное. Однако тот

глобальный мир, в который втягивается современное человечество, является слишком сложным для того, чтобы он мог быть исчерпывающим образом объяснен и описан на языке какой-то одной культуры или цивилизации, даже самой развитой. Только реализация диалогического варианта формирования глобального сообщества народов может привести к освобождению глобализации от гегемонистских деформаций ее нынешнего этапа. Как представляется, демократический глобальный порядок можно создать лишь при условии, когда не один только западный цивилизационный регион сохранит свою идентичность, а все мировые культуры и цивилизации получат возможность на партнерских основаниях участвовать в формировании глобального миропорядка, накладывая на него печать своего цивилизационного опыта и своих интересов. С. Хантингтон два десятилетия тому назад акцентировал внимание на отмечавшихся в международной жизни фактах межкультурных конфронтаций, и это было и актуальным, и важным научным открытием. Но было бы большой ошибкой не замечать и не изучать и противоположную тенденцию — рост интереса различных цивилизаций друг к другу, к разного рода формам их взаимодействий.

«Будущий мир, — писал А. Дж. Тойнби, живший до эпохи глобализации, — не будет ни западным, ни незападным, но унаследует все культуры, которые мы заварили в одном тигле». Особую роль Запада он видел в том, что Западу «было предназначено... совершить что-то не просто для самого себя, но для всего человечества» — возвести «строительные леса, внутри которых все ранее разбросанные общества построили бы одно общее». Иными словами, Тойнби предвосхищал перспективу, что возводить на «строительных лесах» всемирное здание будут и другие цивилизации<sup>31</sup>. И в этом случае «глобализация может трансформироваться в конструктивное взаимодействие цивилизаций, их информационное и духовное взаимообогащение»<sup>32</sup>.

Если прав В. О. Ключевский, определив, что «закономерность исторических событий обратно пропорциональна их духовности», то смысл прихода человека в наш мир может заключаться, по всей видимости, в том, чтобы наименее вероятные события — Добро, Порядок, Красоту, — делать все более вероятными. Человечество сможет взять под контроль мировое развитие только в том случае, если признает, что субъектами глобального информационно-постиндустриального реформирования должны стать все мировые цивилизации — западноевропейская, восточно-христианская, му-

сульманская, индо-буддистская, конфуцианско-буддистская, латиноамериканская, японская и другие. Их сотрудничество — равновеликих, равнополезных и равнопригодных для обеспечения устойчивого продвижения к лучшему будущему, — способно гарантировать человечеству его бессмертие.

Мир современных цивилизаций — это театр, не имеющий режиссера, где все актеры претендуют на главные роли и предлагают для постановки собственные пьесы. Чтобы жизнь человечества не завершилась драмой, цивилизации обречены на полилог и продуктивное мирное взаимодействие, организующим механизмом и индикатором которого призвана стать мировая политика.

<sup>1</sup> Неклесса А. Конец цивилизации, или конфликт истории // МЭиМО. 1999. № 5. С. 74.

<sup>2</sup> Ягогин Г. А. Предисловие к русскому изданию книги Д. Медоуз и Дж. Рандер «За пределами роста». М., 1997. С. 7.

<sup>3</sup> Falk R. Exploration at the Eagle of Time. The Prospects for World order. Philadelphia, 1992. P. 198.

<sup>4</sup> Франк А. Г. Смещение мировых центров с Востока на Запад // Латинская Америка. 1993. № 2. С. 8.

<sup>5</sup> См. выступление Г. Дилигенского на круглом столе «Актуальные вопросы глобализации» // МЭиМО. 1999. № 5. С. 56.

<sup>6</sup> Кантор К. М. Россия и Запад: Взаимодействие культур // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 44 — 45.

<sup>7</sup> Гагжиев К. С. Конец евроцентристского мира и новая конфигурация геополитических сил. М., 1993. С. 35.

<sup>8</sup> Цыганков П. А. Мировая политика: Содержание, динамика, основные тенденции // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 131 — 141.

<sup>9</sup> Лебедева М. М. Структура проблематики мирополитических исследований // Мировая политика: Теория, методология, прикладные исследования. М., 2005. С. 219.

<sup>10</sup> Богатуров А. Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Мировая политика: Теория, методология, прикладные исследования. М., 2005. С. 197 — 206.

<sup>11</sup> Подробнее см.: Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 38.

<sup>12</sup> Рашковский Е., Хорос В. Мировые цивилизации и современность // МЭиМО. 2002. № 1. С. 37.

<sup>13</sup> Эйзенштадт Ш. Основы и структура цивилизационного устройства общества // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. М., 1998. С. 102.

<sup>14</sup> Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV — XVIII вв. М., 1986. Т. 1. С. 541 — 546.

<sup>15</sup> Wallerstein I. The Modern World System. N.Y., 1974 — 1980. Vol. 1, 2.

<sup>16</sup> *Рашковский Е., Хорос В.* Мировые цивилизации и современность. С. 37.

<sup>17</sup> *Huntington S.* If not Civilization, What? // *Foreign Affairs*. 1995. No 5. Vol. 72. P. 189–190.

<sup>18</sup> *Ibidem.*

<sup>19</sup> *Ibid.* P. 146.

<sup>20</sup> *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 100–101.

<sup>21</sup> Там же. С. 11.

<sup>22</sup> *Hannerz U.* Notes on Global Ecumene // *Public Culture*. 1989. No 1. P. 65–75.

<sup>23</sup> *Eisenstadt S.* A Reappraisal of Theories of Social Change and Modernization // *Social Change and Modernity*. Berkly, 1992. P. 424.

<sup>24</sup> Подробнее см.: Глобальная геополитика // Под ред. И. И. Абылгаиева, И. В. Ильина, И. Ф. Кефели. М., 2010. С. 41–45.

<sup>25</sup> *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 426.

<sup>26</sup> *Торкунов А. В.* По дороге в будущее. М., 2010. С. 43.

<sup>27</sup> *Богомолов О. Т.* Вызов мировому порядку // Независимая газета. 2000. 27 января; *Голук Ю. В., Карасев В. И.* Почему даже демократическая Россия не устраивает «свободный» Запад? // *Международная жизнь*. 1999. № 3; *Дилigentский Г. Г.* Глобализация: Перспективы демократии // *Полития*. Осень 1999. № 3; *Лапкин В. В.* Универсальная цивилизация: Болезнь роста и ее симптомы // *Полития*. Осень 1999. № 3.

<sup>28</sup> *Hassner P.* Fin des certitudes? Choc des identites: un siecle imprevisible. — *Ramses* 2000. L'entr e dans XXI-e siecle. P., 2000. P. 47.

<sup>29</sup> *Ramonet I.* Nouvel ordre global // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.monde diplomatique.fr/dossier/ft/monet/12177.html>.

<sup>30</sup> Подробнее см.: *Ильин И. В.* Глобалистика в контексте политических процессов. М., 2010. С. 113–143.

<sup>31</sup> *Тойнби А. Дж.* Цивилизации перед судом истории. М.; СПб., 1995. С. 66.

<sup>32</sup> Восток—Запад—Россия: Сб. статей. М., 2002. С. 63.

А. В. Шестопал, М. В. Силантьева

## **МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. «МЯГКАЯ СИЛА» КУЛЬТУРНЫХ МОДУЛЯТОРОВ**

Вопрос о «мягкой силе» сегодня — один из приоритетных во всем мире. На Совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации за рубежом внимание к этому поистине стратегическому ресурсу было привлечено в выступлениях президента РФ В. В. Путина и министра иностранных дел С. В. Лаврова. В них подчеркивалось, что для российских международников вопрос о форсированном освоении «новых технологий» в продвижении интересов своей страны является особенно важным.

Нынешние лидеры России отмечали, что «мягкая сила» позволяет решать задачи дипломатии, опираясь на достижения «не только в материальной, но и в духовной культуре, интеллектуальной сфере»<sup>1</sup>. Особое значение в этой связи приобретает русский язык — тот «носитель», без усиленной поддержки которого трудно говорить об укреплении позиций России в области экономического сотрудничества, политических контактов, поддержки россиян за рубежом и в пределах нашего Отечества<sup>2</sup>.

### **1. Кто является субъектом межкультурной коммуникации?**

Современные модернизационные процессы представляют собой, как известно, сложное многоуровневое взаимодействие различных подсистем культуры (в данном случае под «культурой» понимается социокультурный организм), маркированных теми или иными акцентами в системе ценностных предпочтений. Подобные акценты принято связывать с историческими «типами» (Данилевский) культур; или же напрямую — с конкретными социокультурными организациями. Таким образом, акторы межкультурной коммуникации могут рассматриваться как минимум двойко, и разница в нюансах оказывается достаточно существенной. Если под «организмом» на сегодняшний день все еще понимается национальное государство (выступающее — по крайней мере, на уровне правового поля — как субъект международно-правовых отношений); то «типы» выступают как довольно размытые геополитические образования, имеющие во внутренней структуре близкие ценностные плат-

формы и при этом не составляющие неизбежного, раз и навсегда данного монолита. В любом случае «доминантой» и точкой отсчета всегда выступает конкретный социокультурный организм — недаром «локальные типы» Данилевского—Шпенглера получили свои названия в соответствии со страноведческими и регионоведческими терминами.

В свою очередь, межкультурная коммуникация распределяется как во *внешнеполитическом* пространстве (и тогда «игроками» этого поля выступают национальные государства как ее макроакторы), так и в пространстве *внутриполитическом* (в этом случае речь идет о больших и малых социальных группах, а также социальных институтах и отдельных организациях — представленных, разумеется, конкретными людьми).

Стоит отметить, что свою специфику процессам жизнедеятельности социокультурных организмов придают глобализационные тенденции во всем их многообразии, включая глокализацию. Стремление макроакторов межкультурной коммуникации к большей открытости парадоксально совмещается с трендами изоляционизма; а политические страсти выражают себя по всему спектру предпочтений — от стремления к суперинтеграции до сползания к даосской модели «пусть границу соседнего государства обозначает поющий петух», сводящей макроактора к малой социальной группе или даже отдельной «ячейке общества» (как правило, кланового типа).

Не следует, однако, забывать, что реальными агентами межкультурной коммуникации являются реальные люди, представляющие собой не только носителей определенных ценностей (в этом случае от личностного фактора легко было бы абстрагироваться), но выступающие как свободные «единицы» социальной активности, способные «начинать цепь причинения с себя» (Кант).

**2. Специфика модернизации в современных условиях.** В связи с темой, избранной для обсуждения, важно отметить, что нынешняя фаза модернизации давно перешагнула порог наивной веры в индустриальное и постиндустриально-информационное могущество как панацею от всех бед. В то же время основание подобного «самопревосхождения» — достижение рядом стран по-настоящему высокого уровня модернизации своих социально-экономических, социально-политических и социокультурных подсистем. Именно это и позволяет им «превзойти» самих себя в «постиндустриальном» типе организации. Отсюда — хрестоматийный вывод о том,

что социальное пространство подобных обществ действительно претерпевает в наши дни радикальные трансформации, в том числе социопсихологического плана.

Известно и то, что страны, чья экономика включена в глобализационные процессы по принципу «догоняющей» модернизации, также не остаются в стороне от подобных трансформаций. В определенном смысле можно утверждать, что модернизация их социально-политического и социокультурного блоков протекает на несколько порядков быстрее, чем собственно социально-экономическая модернизация (индустриализация и соответствующая ей реорганизация социальной жизни).

Заметную роль в указанном процессе играет интенсификация функционирования всей совокупности коммуникативных сетей, связанная с ускоренным технологическим развитием, — идет ли речь о транспорте грузов или о «транспорте» информации; о перемещении людей или о перемещении идей и ценностей. Коммуникативный процесс, таким образом, по праву приобретает название «межкультурной коммуникации» — интенсивного многоаспектного взаимодействия культурных форм, представляющих различные, иногда несоизмеримые виды социокультурных организмов.

Определенная часть подобных взаимодействий представляет собой стихийное взаимовлияние соприкасающихся подсистем между культурами различных типов (или, если использовать несколько иной подход, между различными социокультурами организмами). Другая часть межкультурных коммуникаций связана с более или менее продуманными стратегиями влияния — партнерского и непартнерского типов. По логике, партнерство предполагает «мягкое», ненасильственное взаимовлияние; его антипод — напротив, применение того или иного вида явного либо скрытого насилия. Однако *фактически* навязывание собственных культурных форм в качестве доминантных присутствует в любом виде сколько-нибудь серьезного взаимодействия, партнерского в том числе. «Мягкая сила», таким образом, — необходимый компонент, активизирующий механизмы развития плодотворных контактов с учетом неизбежности лоббирования интересов каждой из сторон при решении конкретных проблем, в связи с которыми имеет место взаимодействие.

«Кто отказывается содержать своих солдат, в конце концов содержит чужих», — эта старая мудрость легко проецируется на современное поле социокультурного взаимодействия: «кто отка-

зывается лоббировать свои интересы, в конце концов работает исключительно на реализацию интересов контрагентов». Конечно, можно говорить и о «хитрости мирового разума», который, если верить Гегелю, позволяет в виде окончательного результата получить что-то такое, чего никто не ожидал. А иногда даже и не предполагал. Однако существование строго определенной зоны ответственности для людей, явно относящих себя к культуре конкретного типа и представляющих интересы конкретной социокультурной группы, требует от «межкультурных коммуникаторов» способности отдавать себе отчет в своих действиях: чьи, какие именно интересы ты представляешь в процессе коммуникации? Честная констатация фактов позволяет уточнить границу «мягкости», о которой идет речь. Такая граница не может выходить за рамки стратегических интересов своего государства и своего народа (что, кстати, в современном мире далеко не всегда совпадает), — идет ли речь о политическом, экономическом или культурном взаимодействии; однако не может и откровенно отрицать базовые ценности контрагентов. В последнем случае «мягкое» воздействие переходит в фазу насилия и таким образом перестает быть «культурно корректным».

**3. «Культурные модуляторы» как исследовательская проблема.** Итак, допустимые параметры взаимного учета интересов предполагают «ценностные вторжения» в условно чужое социокультурное пространство, — ведь именно таким путем происходит его культурное «освоение», без которого культуры действительно оставались бы абсолютно несоизмеримыми и в этом смысле полностью неконтактными. Другое дело, что определение приоритетов в процессе взаимодействия должно подвергаться строгому расчету, позволяющему оценить шансы собственной позиции по отношению к позиции контрагента. Очевидно, что коммуникативные транзакции в этом случае можно направленно ориентировать на тот или иной тип коммуникации, оптимально соответствующей избранной стратегической линии поведения. Очевидно также, что не всегда доминирование с применением активного лоббирования своей позиции является искомым оптимальным вариантом. Нередко выжидательная позиция, позволяющая «расцвести всем цветам», приносит эффект значительно быстрее и с меньшими потерями (так называемая «азиатская дипломатия»).

Учет ценностных «фундаментов» культур, определяющих те или иные стратегии и тактики поведения их представителей в кон-

кретной ситуации, таким образом, — необходимый компонент эффективной межкультурной коммуникации, имеющей своей целью конкретные деловые результаты.

«Артподготовка» для подобного взаимодействия — *межкультурная коммуникация, не имеющая видимой прагматической цели*, коммуникация «сама по себе», партнерство с целью узнавания.

В этом ряду можно выделить два ключевых направления взаимодействия. Во-первых, научное и любительское исследование «чужих» культур (от этнографических экспедиций до прямых разведывательных операций на территории других государств). Во-вторых, так называемая «народная дипломатия», охватывающая сегодня не только сферу спорта, туризма и связанных с ними бытовых контактов, но также широко распространившаяся в области образования<sup>3</sup>, здравоохранения и других международных контактов профессионального уровня.

Говоря об исследованиях двух указанных областей в культурологическом аспекте, необходимо понимать: подобные исследования должны, несомненно, опираться на знание фактической конкретики — реальной жизни реальных социокультурных организмов, включая знание живого разговорного языка, функционирования социальных институтов, специфики невербальной коммуникации и многого другого. Описания феноменологического типа, фиксирующие ключевые особенности (как и заметные изменения) такого рода фактов — основа современной **культурологии** (включая *лингвокультурологию*, что особенно актуально для исследовательской площадки МГИМО (У)). Вместе с тем нельзя забывать, что любое феноменологическое описание в то же время претендует на выраженное «сканирование» *сущности* происходящего. Если обратиться к исследованию межкультурной коммуникации, под такой сущностью следует понимать живую жизнь конкретных *культурных форм*, чьи метаморфозы составляют ядро внутренней жизни культур. Эта задача не решается вне контекста культурологической феноменологии, но вместе с тем не сводима к ней, представляя собой «дело» отдельной дисциплины — **философии культуры**. Философия культуры, таким образом, — попытка обоснованной реконструкции сущностных взаимодействий современных культур с точки зрения движения культурных форм, опирающаяся на использование релевантной методологии (феноменология, философская компаративистика, герменевтический анализ,

аксиология, современная антропология, религиоведческий анализ, этнопсихология, теория коммуникации в контексте неориторики XX в., цивилизационный подход, теория управления, социология, конфликтология, геополитика и т.д.).

Обращаясь к конкретным прагматическим результатам подобных исследований, следует подчеркнуть их «выход» на решение важнейших практических задач, включая задачи делового плана и даже задачи хозяйственные. Давно известно, что знание партнера способствует лучшему пониманию и ускоряет достижение возможных договоренностей. Успехи на этом поприще этнопсихологии и деловой этики предполагают углубленные исследования «аксиологических фундаментов» культур, их духовной аксиоматики и тенденций их трансформации во времени. «Свежие» данные такого рода — необходимое условие успешной коммуникации в любой сфере. Однако знание основ, трансформирующихся чрезвычайно медленно и представляющих собой «несущие конструкции» «своей» и «чужой» культуры, — не менее важный компонент, необходимый для ориентации в деловых отношениях с представителями иных культур. Отдельная тема — ценностные «мутации», являющиеся следствием современных миграционных процессов.

При этом рефлексия по поводу «сильных» и «слабых» сторон собственной культуры — также мощный фактор, позволяющий модулировать активность любого профиля — от делового до политического — с помощью «мягкой силы». Как следствие, развитие исследований в области межкультурной коммуникации невозможно вне развития культурологических и философско-культурологических штудий, включающих в качестве важнейшей составляющей изучение собственной культуры.

**4. Философско-культурологическая школа МГИМО (У) — теория, практика и прагматика.** Перспективы исследовательской площадки МГИМО (У) с учетом приведенных подходов огромны — как в силу наличия богатого спектра специалистов указанных профилей, так и в силу специфики «производственного процесса» нашего вуза. Он предполагает, с одной стороны, наличие (прежде всего, в студенческой аудитории) представителей различных культур. С другой — знание преподавательским коллективом нюансов межкультурной коммуникации в образовательном пространстве, бизнес-транзакциях, взаимодействиях

в международно-правовом пространстве, международных исследовательских проектах и т.д.

Развитие названного направления видится перспективным и в силу «ужесточения» конкурентной борьбы в современном образовательном пространстве, в том числе и международном, о чем сегодня говорят ведущие специалисты в данной области. Повышение конкурентоспособности нашего вуза — один из значимых результатов усилившегося в связи с открытием по решению Ученого совета МГИМО в 2012 году в Университете аспирантуры по культурологии (специальность 24.00.01 — история и теория культуры) и философии культуры (специальность 09.00.13 — философская антропология и философия культуры), наращивания исследовательского потенциала в данной области.

Важно, что наш университет обеспечен высококвалифицированными исследовательскими и педагогическими кадрами в данной области, способными вести научную деятельность, поддерживающую преподавательские усилия, включающую студентов в обсуждение и изучение актуальных для их будущей профессиональной деятельности проблем. Нарботанный опыт в данной сфере позволяет не только укомплектовать учебный процесс по новым специальностям кадрами различных профилей (от специалистов в области мировой культуры и литературы до философов, журналистов, историков, лингвистов, социологов, экономистов, психологов, правовиков и т.д.), но также развивать междисциплинарное научное направление совместными силами профессорско-преподавательского состава и студентов.

Одна из задач, поставленных сегодня руководством страны, — приток инвестиций в Россию. Ее решение должно опираться на «мягкую силу»<sup>4</sup>. Это не может быть достигнуто без точного знания культурологических особенностей межкультурной коммуникации и учета конкретных сущностных моделей развития современных локальных культур. Личностный фактор, определяющий, между прочим, и степень погруженности человека в данную проблематику (как и готовность считаться с ней при принятии решений), — важнейшая составляющая того «человеческого капитала»<sup>5</sup>, без которого невозможно говорить о какой бы то ни было коммуникации. Тем более — успешной.

<sup>4</sup> Путин В. В. Россия в меняющемся мире: Преемственность приоритетов и новые возможности // Вестник МГИМО. 2012. № 4 (25). С. 11.

## Межкультурная коммуникация. «Мягкая сила» культурных модуляторов

---

<sup>2</sup> Лавров С. В. Русский язык — инструмент нашего влияния. Ответы министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова на вопросы руководителя Россотрудничества К. И. Косачева в его авторской программе на радио «Голос России» // Вестник МГИМО. 2012. № 4 (25). С. 14.

<sup>3</sup> Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО. 2012. № 4 (25). С. 85—92.

<sup>4</sup> Власти РФ взялись за работу над имиджевыми ошибками. Москва, 3 сентября, РИА Новости. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.mail.ru/politics/10109360/> (дата обращения 03.09.2012).

<sup>5</sup> Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал: В 5 т. Т. 1. Роль идеологии в модернизации России / А. И. Подберезкин. Моск. гос. ин-т международных отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 3—6, 11—14.

## СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Политический класс можно считать пасынком политической науки: несмотря на значительное число посвященных изучению ядра политического класса — политических элит — работ, исследование политического класса в отечественных научных работах остается «белым пятном», а в зарубежных публикациях — редким гостем. Данная статья в эскизном плане очерчивает контуры изучения данного объекта в сравнительном ракурсе.

Обращаясь к определению политического класса в наиболее общем плане, можно сказать, что это сообщество лиц, профессионально работающих в сфере политики. Иначе говоря, *политический класс есть сообщество людей, живущих «для политики» и «за счет» политики*<sup>1</sup>, что существенно отличает их от *политиков «по случаю»* (политическое участие которых носит эпизодический характер) и от *политиков «по совместительству»* (занимающихся политикой в случае необходимости, что, однако, не превращает политику в их основную сферу деятельности)<sup>2</sup>.

Как большинство иных сфер деятельности, политика предполагает внутреннюю функциональную специализацию и определенную иерархию. Родившись как сфера стихийной конкуренции относительно доступа к жизненно важным ресурсам и привилегированным статусам, по мере развития социально-политических институтов и функциональной дифференциации она трансформировалась в сложносоставную и сложноорганизованную область.

Важным элементом данного исторического процесса стало обретение государством права на легитимное насилие, что предполагало изъятие инструментов принуждения у политических конкурентов государства и их концентрацию в руках тех, кто стоял на вершине государственной пирамиды. Этот процесс был повсеместным в мире; особенностью западной версии данного процесса было то, что отмеченной экспроприации предшествовало существование прототипов современного политического класса в лице

людей, которые находились на службе не только у князя, но также в других центрах власти<sup>3</sup>.

Исторически формирование политического класса было неразрывно связано с процессом становления важнейших политических институтов. Естественным приоритетом среди них являлось государство, соответственно ядром политического класса — протополитической элитой — становились властители, обретшие государственную (или протогосударственную) власть благодаря либо физическому насилию (война), либо наследственным привилегиям, либо их сочетанию, позже — финансовому состоянию. Потребность властей в аппарате властвования определила тот факт, что исторически первым типом политического класса стал управленческий аппарат, в задачи которого входила реализация принятых высшей властью решений в области внутренней и внешней политики. Поскольку власть традиционно включает как формальные, так и неформальные институты, на ранних этапах политической истории участие в управлении принимал также ближний круг советников, помощников и т.п. Значение политического окружения определялось непреложным фактом: «Успех вождя полностью зависит от функционирования подвластного ему человеческого аппарата»<sup>4</sup>.

Результатом борьбы различных социально-политических субъектов (конфигурация которых в различных регионах мира была разнообразной) стала внутренняя диверсификация государственных институтов и формирование ветвей государственной власти (выделение законодательной и судебной). Соответственно в рамках законодательных и судебных институтов складывались новые категории участвующих в управлении (депутаты парламентов, судебный корпус, аппараты парламентов и судов); возникали и расширялись вспомогательные категории вовлеченных в данную деятельность лиц (журналисты и т.п.). При этом абсолютное большинство парламентариев в прошлом принадлежало к категории тех, кто жил «для политики», поскольку работа депутатов либо не финансировалась централизованно, либо материальное обеспечение было недостаточным.

Внутренняя диверсификация ветвей власти и постепенная активизация общественной активности во взаимоотношениях с государственными органами стала источником формирования групп, реализовавших социальную потребность во взаимодействии и коммуникации государства и негосударственных протополитических и политических образований — персоналистских клик, клиентельных групп, аристократических кружков, групп интере-

сов и давления, журналистов, технических помощников; на более зрелых этапах социально-политического развития — общественно-политических движений и политических партий.

Анализ исторического процесса профессионализации политики, проведенный М. Вебером, показал, что в прошлом прототипы современных профессиональных политиков появились в ходе борьбы князей с сословиями на службе у первых, и позволил идентифицировать основные категории политического класса, составившие его основу в историческом прошлом, — клирики, грамматики, придворная знать, джентри, юристы<sup>5</sup>. К этому перечню необходимо добавить, что в тех странах, в которых существовали парламенты или их прообразы, неотъемлемой частью политического класса были члены парламента.

Принципиально важным рубежом эволюции политической сферы в Европе стало принятие ограничивающих права монархий конституций, становление публичной политики как сферы, не тождественной административному управлению, и формирование публично-политических институтов — парламентов (в тех странах, где их прежде не было, и укрепление их политического положения там, где они возникли ранее), общественных и политических движений, политических партий, негосударственных СМИ и других негосударственных акторов. Дифференциация политических акторов и их выход за пределы административного управления сопровождалась развитием профессионализации данной сферы. После появления институционального государства в дополнение (или на смену) прежним типам профессиональных или полупрофессиональных политиков пришли политические журналисты, партийные чиновники, профсоюзные лидеры, лоббисты. Усиление профессионализации политики сопровождалось и повышением качества управленческой бюрократии. Эпоха формирования современного государства стала периодом постепенного складывания рациональной бюрократии в развитых странах.

Значительное расширение избирательного права в конце XIX — начале XX в. и развитие института выборов дали импульс формированию новых групп, профессионально занятых обеспечением избирательных кампаний, предлагающих свои услуги политикам либо за материальное вознаграждение, либо в расчете на получение выгодных должностей.

Исторический процесс профессионализации политической сферы сопровождался не только функциональной дифференциацией, но также диверсификацией типов работающих в данной

сфере лиц. Базовыми типами стали идентифицированные Вебером «политический предприниматель» и «чиновник»<sup>6</sup>: если первый рассматривает свою деятельность в категориях *инвестиции* — *доход* с пониманием рискованности предпринятых политических вложений, то второй рассчитывает на *фиксированное жалование* (сотрудник управленческого аппарата, партийный функционер и т.п.). Доминирование того или иного типа определено страновой спецификой. Так, типичной фигурой для политического класса США является «политический предприниматель», тогда как в Германии костяк политического класса составляли (и в значительной мере составляют) дисциплинированные чиновники и партийные функционеры, работающие на окладе.

Каковы современные подходы к пониманию политической профессионализации? *Политическая профессионализация* — многоаспектный феномен, не просто поддающийся интерпретации<sup>7</sup> в силу многосоставного характера политического класса, включающего функционально отличные категории лиц, которые должны соответствовать различным профессиональным стандартам. Методологическим основанием подхода к анализу политической профессионализации может быть понятие профессионализации, сложившееся в рамках социологии науки. Так, Д. Бивер и Р. Розен предложили следующее определение: «Профессионализация характеризует динамический организационный процесс, который способствует объединению индивидуумов в группы в соответствии с определенными качествами и свойствами — качествами как исключаящими из состава группы, так и способствующими включению в нее. Таким образом, профессионализация определяет правила, права и алгоритмы доступа, способствует сплочению индивидов в группу индивидов и выделению группы из большого общества»<sup>8</sup>.

В качестве референтной для анализа процесса профессионализации может быть рассмотрена концепция аккумуляции преимуществ Р. Мертона: аккумуляция преимуществ происходит тогда, когда индивидуум или группа обретают ресурсы и вознаграждения, в возрастающем масштабе способствующие их обогащению и соответственно обеднению тех, кто не имеет доступа к данным благам. Независимо от критериев получения ресурсов и вознаграждений, а также независимо от их характера — аскриптивного или меритократического — процесс способствует формированию элиты и, в конечном счете, производит четко дифференцированную систему стратификации<sup>9</sup>.

Исходя из этих теоретических предпосылок Х. Бест предлагает следующие принципы анализа профессионализации политической сферы: 1) наиболее релевантным подходом к изучению политической профессионализации и формированию политического класса является исследование последующего за режимными изменениями периода (который обычно сопровождается полной или частичной заменой прежней элиты); 2) политическая профессионализация невозможна без определенной стабильности политических карьер; 3) политический класс не может состояться без определенного контроля над его составом и ротацией, происходящей помимо ухода по естественным причинам; 4) политический класс не может состояться без формирования определенных отличающих его черт и неформальных «входных» критериев, которые отличают инсайдеров от аутсайдеров<sup>10</sup>.

Еще одной попыткой идентифицировать политический класс была предложенная Й. Мизелем *С-формула* «*consciousness, coherence, conspiracy*» («сознание, сплоченность, кооперация») <sup>11</sup>. Представляется, однако, что эта концепция очевидно переоценивает степень сплоченности политического класса: последний настолько разнороден, что говорить о его сплоченности чрезвычайно трудно.

Иной подход предлагает известный немецкий исследователь К. фон Бойме. Если кратко суммировать позицию К. Фон Бойме, то она такова: политический класс как понятие шире, чем термин «политическая элита», поскольку включает также заднескамеечников. С другой стороны, он уже, поскольку политическая элита включает также таких неправительственных акторов, как администраторы, медиаперсоны и лидеры групп интересов<sup>12</sup>.

Аргументация фон Бойме имеет целый ряд важных характеристик, однако представляется, что эта позиция относительно соотношения политического класса и политической элиты как представляющих собой частично пересекающиеся круги, нуждается в уточнении.

Позиция К. фон Бойме справедливо подвергалась критике в литературе также в связи с тем, что, используя термин «государство», он имел в виду «партийное государство», т.е. модель западноевропейской политики XX в., в которой рекрутирование политических акторов монополизировано политическими партиями. Между тем данная модель не является универсальной.

Полагаем, что структура политического класса представляет собой концентрические круги, окружающие ядро, в качестве которо-

го выступает политическая элита. Последняя являет собой много-  
составное образование, включая высший эшелон исполнительной,  
законодательной и судебной властей; участвующих в политике вли-  
ятельных предпринимателей; немногочисленных в современном  
обществе представителей аристократии; экспертов высокого уров-  
ня; немногочисленных влиятельных представителей медиасферы.  
В качестве «спутников», располагающихся на окружающих ядро  
орбитах, выступают различные категории политического класса:  
управленческая бюрократия среднего уровня — центральная, ре-  
гиональная и местная; политические эксперты; политические кон-  
сультанты; политические технологи; партийные функционеры;  
профессиональные лоббисты; высший эшелон групп давления; по-  
литические журналисты. Доминирование той или иной категории  
определяется политической конфигурацией государства (формой  
правления, политической системой, политическим режимом), ис-  
торическими традициями политического развития. Знание состава  
политического класса информативно: оно многое может дать для  
понимания сущности политического режима. При этом границы  
самого политического класса размыты, а грани между отдельны-  
ми его категориями предельно подвижны. Общность политичес-  
кого класса и политической элиты определяется их локализацией  
в сфере политики; в качестве критерия их различения выступают  
их функции в процессе принятия решений: политическая элита  
является непосредственным субъектом принятия решений, тогда  
как в задачи политического класса входит сопровождение этого  
процесса.

Очевидно, что для полноценного функционирования полити-  
ческой сферы в профессиональном формате необходимо наличие  
определенных предпосылок. Й. Борхерт предположил, что в ка-  
честве структурных предпосылок политической профессионали-  
зации выступают следующие: надежные источники дохода (пар-  
ламентская зарплата, позиция в партийном аппарате, лоббистская  
деятельность и т.п.); реалистичность шансов иметь постоянную  
работу в сфере политики; наличие иерархий политических по-  
зиций и возможность карьерного продвижения — либо в рамках  
института (партии, парламентского комитета), либо за счет ме-  
жинститутской вертикальной мобильности (включая должности  
в исполнительной власти, парламенте, партийном аппарате, груп-  
пах интересов, на локальном, региональном, национальном и над-  
национальном уровнях)<sup>13</sup>.

Существенная внутренняя функциональная и социальная дифференциация политического класса определяет специфику профессионализации входящих в состав политического класса категорий.

Наиболее детально концепт профессионализации артикулирован применительно к парламентариям вследствие публичного характера их деятельности и пристального общественного внимания к ней. Дж. Сартори идентифицирует в качестве параметров профессионализации парламентария такие качества, как необходимые профессиональные навыки, длительность депутатского статуса (время нахождения в парламенте) и изменение статусной позиции парламентария, обеспечивающее дистанцирование депутата от базового социального профиля.

Борхерт уточняет индикаторы профессионализации парламентариев, которые, с его точки зрения, включают: время, в течение которого суточная оплата становится постоянной зарплатой; срок, за который зарплата повышается до профессионального уровня (последний следует уточнить); введение пенсий для депутатов<sup>14</sup>.

В данном контексте представляют значительный интерес методологические подходы, разработанные в рамках реализации масштабного мегапроекта «Парламентское представительство в Европе. 1848 – 2012 гг.», в орбиту которого было вовлечено более двадцати европейских стран. Автор настоящей статьи выступала руководителем российской части проекта, посвященной изучению особенностей российской парламентской традиции и персонального состава депутатского корпуса Государственной думы Федерального собрания РФ. Руководителями данного проекта Х. Бестом и М. Коттой предложены следующие четыре параметра профессионализации парламентариев в современном обществе: получение мандата на всеобщих выборах; опора в большинстве случаев на организационную и/или финансовую поддержку партий; рассмотрение депутатской деятельности на постоянной основе в качестве источника дохода и относительная независимость политика от социального происхождения и системы лояльностей, им продиктованных: профессиональный парламентарий не должен быть зеркальным отражением представляемой общности<sup>15</sup>.

Кроме того, на наш взгляд, профессионализация современной парламентской деятельности включает в себя три измерения: технологическое, институциональное и метафизическое. Технологическое измерение профессионализации предполагает способность депутатов к осознанию, артикуляции и агрегированию интересов

избирателей, наличие у них навыков законотворческой и публичной политической деятельности, а также владение технологиями политического маркетинга, менеджмента и коммуникации. *Институциональное* измерение фиксирует роль законодательной власти как институционального канала рекрутирования общенациональной политической элиты. *Метафизический смысл* профессионализации состоит в превращении парламента в инструмент реализации национальных интересов данной государственной общности, отличных от корпоративно-партикулярных интересов представленных в парламенте групп и самих депутатов.

<sup>1</sup> Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Политиздат, 1990. С. 653.

<sup>2</sup> Там же. С. 656.

<sup>3</sup> Там же. С. 651.

<sup>4</sup> Там же. С. 702.

<sup>5</sup> Там же. С. 662–664, 667, 675.

<sup>6</sup> Там же. С. 652.

<sup>7</sup> Х. Бест называет его даже «несколько эфемерным». См.: Best H. *Elite Continuity and Elite Circulation after System Disruption: The East German Case in Comparative Perspective*. P. 18.

<sup>8</sup> Beaver D., Rosen R. *Studies in Scientific Collaboration. Part I: The Professional Origins of Scientific Co-Authorship* // *Scientometrics*. 1978. No 1. Vol. 1. P. 66–67. См. также: Best H. *Op. cit.* P. 18.

<sup>9</sup> Zuckerman H. *Scientific Elite. Nobel Laureates in the United States*. N.Y., 1971.

<sup>10</sup> Best H. *Op.cit.* P. 19.

<sup>11</sup> Meisel J. *The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the Elite*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1958.

<sup>12</sup> Beyne K. *Klaus von*. The concept of political class: A new dimension of research on elites? *West European Politics*. 1996. 19:1. P. 71–73. См. также: Beyne K. *von*. *Die Politische Klasse im Parteienstaat*. Frankfurt: Suhrkamp, 1993.

<sup>13</sup> Borchert J. *Professional Politicians: Towards a Comparative Perspective* // Borchert J., Zeiss J. (eds.). *The Political class in advanced democracies*. Oxford University Press, 2003. P. 7–8.

<sup>14</sup> Borchert J. *Professional Politicians: Towards a Comparative Perspective* / Borchert J., Zeiss J. (eds.) *The Political class in advanced democracies*. Oxford University Press, 2003. P. 8.

<sup>15</sup> *Parliamentary Representatives in Europe 1848–2000* / Best H., Cotta M. (eds.). Oxford: Oxford University Press. P. 494, 524.

## **КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Сторонники концепции политической культуры утверждают, что она обращает внимание на важность символических и идейных аспектов политики, позволяя объяснить те причины политических действий и формы политического поведения, которые трудно поддаются анализу с помощью других теоретических и концептуальных подходов. Вместе с тем, зачастую именно этот факт является поводом для критики концепции политической культуры как «остаточной категории, используемой в удобных случаях для анализа того, что не может быть объяснено более точными и конкретными факторами»<sup>1</sup>. Более того, данная концепция критикуется также за ряд методологических проблем, связанных «во-первых, с концептуализацией политической культуры, во-вторых, с ее операционализацией и, в-третьих, с возможностями использования полученных результатов для объяснения политических явлений и процессов»<sup>2</sup>.

Таким образом, в политологическом дискурсе политическая культура является часто используемым, однако столь же регулярно оспариваемым понятием, что обуславливает необходимость его уточнения, а также рассмотрения «сильных» и «слабых» сторон концепции политической культуры. В данной работе будут прослежены идейные основания и история складывания данной концепции, рассмотрены различные подходы к исследованию политической культуры, приведена аргументация критиков политической культуры как инструмента политологического анализа, а также обращено внимание на особенности российского академического дискурса о концепции политической культуры и российской политической культуре в целом.

### **Истоки концепции политической культуры**

В той или иной степени проблемы и вопросы, охватываемые концепцией политической культуры, затрагивались философами с самых первых опытов размышления о политической жизни. Так, древнегреческие философы Платон и Аристотель полагали, что распространение в обществе различных ценностных ориентаций

влияет на характер складывающихся политических систем и режимов. Аристотель связывал стабильность политического развития с существованием среднего слоя граждан, имеющего собственные ценностные приоритеты и сторонящегося различных крайностей<sup>3</sup>.

Также представляют интерес идеи, высказанные французским философом эпохи Просвещения Шарлем Луи Монтескье. Во-первых, он предположил, что законы политической жизни разных стран можно объяснить их природными особенностями и историческим опытом: «От различия в потребностях, порождаемого различием климатов, происходит различие в образе жизни, а от различия в образе жизни — различие законов»<sup>4</sup>. Во-вторых, он указывал на связь форм и принципов правления: так, при монархической форме правления основным принципом должна являться честь, при республиканской — добродетель, а при тиранической — страх<sup>5</sup>. Последователь Монтескье, автор книги «Демократия в Америке» Алексис де Токвиль, также «изучал климат, религию, законы, принципы политического управления, обычаи и нравы американцев, постаравшись через описание сочетания данных факторов <...> передать общий дух наступающей новой демократической эры»<sup>6</sup>.

Первым, кто употребил словосочетание «политическая культура», считают немецкого философа Иоганна Готфрида Гердера, изучавшего феномен наций, характер которых, по его мнению, определяется такими факторами, как природная среда, климат и география, а наиболее важными характеристиками являются наличие собственного языка, культуры и «духа»<sup>7</sup>. Не менее важный вклад в формирование современного понимания концепции политической культуры внес Жан-Жак Руссо, рассматривавший общественный договор как отказ индивидов от индивидуальных интересов в пользу интересов всего общества, воплощенных в реализуемой верховной властью Общей воле. При этом гарантией социальной солидарности в такой ситуации призвана выступать «гражданская религия» — убеждения, символы, ритуалы и институты, устанавливающие и поддерживающие чувство коллективной принадлежности и мобилизующие общество на достижение определенных политических целей<sup>8</sup>.

Сходную проблематику затрагивал в своих работах французский социолог Эмиль Дюркгейм, исследовавший вопросы коллективного сознания и общественной солидарности. Дюркгейм полагал, что гарантией стабильного развития любой группы или общества в целом является наличие общего сознания — совокуп-

ности верований и чувств, разделяемых их членами. Такое коллективное сознание есть «нечто совсем иное, чем частные сознания, хотя оно осуществляется только в индивидах. Оно — психический тип общества, тип, имеющий свой способ развития, свои свойства, свои условия существования»<sup>9</sup>. Эти идеи, высказанные Дюркгеймом, стали одной из теоретических основ концепции политической культуры как системы символов и значений, связанных с осуществлением политической власти.

Наконец, значительное влияние на развитие политологии как науки в целом и складывание концепции политической культуры оказал немецкий ученый Макс Вебер, исследовавший феномен политической легитимности — положительной оценки, принятия населением власти, признания ее правомочности, права управлять и согласия подчиняться<sup>10</sup>. При этом «признается, что социокультурные нормы должны как-то отражать реальную политическую ситуацию, но и политическая власть, чтобы ей подчинялись, в свою очередь, должна соответствовать принятым в обществе культурным нормам»<sup>11</sup>.

## **Разработка концепции политической культуры**

Изначально на исследованиях культуры сфокусировались антропологи, а затем на стыке ряда гуманитарных наук сформировалась особая дисциплина, получившая название «региональные исследования» (*area studies*). Акцент на взаимосвязи между особенностями культуры и личностными характеристиками индивидов был сделан Брониславом Малиновским и Францем Боазем, рассматривавшими культуру в качестве динамических систем, существующих в определенном географическом, историческом и других контекстах<sup>12</sup>. Также заметный вклад в культурные исследования внесли ученицы Боаза — автор опубликованной в 1934 г. книги «Модели культуры» Рут Бенедикт и Маргарет Мид. Для описания уникальных конфигураций различных элементов культуры Бенедикт использовала понятие «этнос культуры», включая в него особенности множества сфер общественной жизни — социальных отношений, политики, экономики и других<sup>13</sup>.

Важный шаг вперед в исследовании психологии политической деятельности был сделан Гарольдом Лассуэлом, который заявлял о необходимости различения институтов и организаций

и действующих в их рамках индивидов, которые в своем поведении могут руководствоваться как предписанными им ролями, так и своими личными мотивами, при этом подменяя ими интересы общества<sup>14</sup>. Описывая же черты личности людей, склонных к демократическому стилю управления, он указывал на свойственное им сочетание доброжелательного отношения к другим людям, ориентацию на ценностный плюрализм, а также высокий уровень общественного доверия<sup>15</sup>.

Холодная война способствовала сохранению актуальности изучения специфики авторитарных и демократических режимов. Каковы причины того, что в одних странах граждане могут свободно выбирать политических лидеров и оказывать влияние на принятие политических решений, в то время как в других действуют репрессивные государственные институты? В поисках ответа на этот вопрос американские политологи Габриэль Алмонд и Сидней Верба разработали концепцию политической культуры. Как писал в своей статье «Сравнительные политические системы» Алмонд, «Каждая политическая система встроена в особую систему ориентаций по отношению к политическим действиям. Я полагаю, что эту систему можно называть политической культурой»<sup>16</sup>. При этом Алмонд подчеркивал, что типы политической культуры универсальны и могут быть схожими в разных государствах и обществах, а также разграничивал понятия политической культуры и общей культуры, признавая существование между ними определенной взаимосвязи, но в то же время обращая внимание на автономность политической культуры как сферы ценностных ориентаций в области политики<sup>17</sup>.

Наконец, в 1963 г. была опубликована книга Габриэля Алмонда и Сиднея Вербы «Гражданская культура: Политические ориентации и демократия в пяти странах», в которой была изложена концепция и типология политических культур, а также проведен их сравнительный анализ в нескольких странах. Алмонд и Верба в значительной степени опирались на теоретические и методологические разработки своих предшественников. Например, идеи Макса Вебера оказали влияние на представления о трех возможных измерениях политических ориентаций: рациональном, оценочном и бессознательном, первое из которых включает в себя различные концепции и модели политической жизни, а также идеологии, второе — политические ценности и моральные нормы, а третье — чувства и страхи, проявляющиеся в политическом поведении<sup>18</sup>.

Кроме того, в концепции политической культуры проявилось стремление сочетать положения структурного функционализма

и бихевиоризма — двух наиболее авторитетных в середине XX в. парадигм социальных наук. Согласно структурно-функциональному подходу, который использовал для анализа социальных процессов американский социолог Толкотт Парсонс, существование стабильного социального порядка обеспечивается наличием социальных институтов, определяющих нормы, ценности и ориентации индивидов. С другой стороны, бихевиористы полагали, что не менее важную роль в социальной жизни играют психологические факторы и индивидуальные особенности поведения людей. Алмонд и Верба же признавали как существование определенных культурных моделей на уровне групп и обществ, так и роль внеинституциональных факторов, влияющих на политические предпочтения граждан<sup>19</sup>.

В своем основанном на опросах общественного мнения исследовании политических установок граждан в США, Великобритании, Германии, Италии и Мексике Алмонд и Верба избрали в качестве «идеальных» типов политической культуры три ее формы: приходскую, подданническую и культуру участия<sup>20</sup>. Приходская форма политической культуры характеризуется индифферентностью индивидов по отношению к политике, низкой политической активностью, отсутствием возможностей влиять на политическую жизнь. Подданнический тип политической культуры обуславливает большую степень политической социализации граждан, наличие у них представлений о существовании множества политических ролей и функций, однако при сохранении среди большей части населения политической пассивности и ограничении каналов влияния на правительство. Наконец, культура участия — это культура активной заинтересованности граждан в политике, хорошей информированности о политических событиях и процессах, а также стремления участвовать в деятельности политических институтов<sup>21</sup>.

По результатам своей работы Алмонд и Верба установили, что политические культуры Италии и Мексики можно отнести к приходскому типу, в Германии доминирует подданнический тип, а США и Великобританию отличает распространенность в обществе активистских установок. Вместе с тем, авторы исследования пришли к выводу, что идеальные формы политической культуры нельзя встретить в реальности в их чистом виде — политические культуры различных обществ обычно сочетают в себе различные элементы и установки. Более того, наиболее благоприятным для развития демократии является не активистский, а смешанный тип

политической культуры, который Алмонд и Верба охарактеризовали как «гражданскую культуру», в рамках которой «многие граждане могут быть активными в политике, однако многие другие играют более пассивную роль подданных. <...> Смешение позиций, характерное для гражданской культуры, полностью “подходит” для демократической политической системы. Оно по многим своим параметрам наиболее соответствует такой смешанной политической системе, какой является демократия»<sup>22</sup>.

Таким образом, основная заслуга Алмонда и Вербы заключалась в попытке анализа политической культуры в качестве переменной, оказывающей влияние на особенности складывания политических систем и функционирования политических режимов. Политическая культура рассматривалась ими как относительно однородный и лишь в редких случаях подверженный значительным изменениям с течением времени комплекс установок и убеждений, лежащих в основе политической жизни обществ.

### **Исследования политической культуры**

Развивая концепцию Алмонда и Вербы, исследователи обратили внимание на различные измерения политической культуры. Натан Лейтес, Дэниел Белл и Роберт Патнэм в своих работах изучали политические элиты, особенности групповой самоидентификации политиков, личностные факторы политического лидерства — эта область исследований получила название «политические культуры элит»<sup>23</sup>. На стыке политологии, антропологии и истории были написаны работы, посвященные «этническим политическим культурам»<sup>24</sup>, а также было проведено различие между политическими культурами, складывающимися на национальном уровне, и субкультурами различных общностей и групп.

В своей книге «Американский федерализм: взгляд из штатов», опубликованной в 1966 г., политолог Даниэл Элазар предпринял попытку сравнить политические культуры американских штатов, выделив три типа исторически сформировавшихся политических ориентаций их жителей: «моралистическую» культуру Новой Англии, «индивидуалистическую» культуру Среднеатлантического региона и «традиционалистскую» культуру южных штатов. В дальнейшем в течение нескольких десятилетий Элазар продолжал работать над типологией политических культур, стремясь учесть различные варианты сочетания их элементов<sup>25</sup>.

Важный вклад в развитие представлений о политической культуре внес американский антрополог и социолог Клиффорд Гирц, отвергнувший доминировавшее в первой половине XX в. толкование культуры как цельной модели и предложивший ее более динамичное понимание, основывающееся на понятии «социального действия»<sup>26</sup>. Подход Гирца получил название «символической антропологии» и заключался в анализе символических аспектов социальной жизни и особенностей индивидуального восприятия значений социальных действий: «Ориентация в социальном пространстве предполагает наличие неких систем смыслов (своеобразный культурологический эквивалент социологического понятия “ориентации”), конструируя которые мы опираемся на предшествующий культурный опыт»<sup>27</sup>.

Гирц рассматривал идеологию как социально сконструированную «культурную систему», определяющую специфику осознания людьми своих интересов, их политические взгляды и принципы, которыми они руководствуются в своем поведении. «Гирц подчеркивал, что идеология — это общий контекст событий, поведений, институтов и процессов, а не причина (как предполагали идеалисты) или производная (как считали материалисты и бихевиористы) от социальной жизни, включая сферу политики»<sup>28</sup>. Политическая культура при этом трактовалась как уникальная система значений, особая символическая структура, сложившаяся в результате конвергенции различных элементов культуры<sup>29</sup>.

Будучи неоднозначно принятой в политологии, концепция политической культуры нашла отклик в сообществе историков, для которых «культура была “сложносоставным целым” социальной жизни»<sup>30</sup> и которые «не требовали научной строгости от заимствованной ими концепции»<sup>31</sup>. Политическая культура оказалась удобным инструментом описания существовавших в прошлом политических настроений, интеллектуальных традиций и идеологических дискурсов. Постепенно были найдены и точки соприкосновения с альтернативными объяснительными инструментами: исследователи приходили к выводам, что «культурные, институциональные и структурные факторы не вытесняют друг друга, а оказывают совместное влияние на политический процесс»<sup>32</sup>, а «конфликта между культурным подходом и теорией рационального выбора нет, потому что предпочтения акторов являются культурно предопределенными»<sup>33</sup>.

Новое содержание концепции политической культуры придал социолог Рональд Инглхарт, выступивший с теорией об изменении

культурных норм и ценностных ориентаций в странах с высоким уровнем благосостояния и демократии. Проводя сравнительные межстрановые социологические опросы, Инглхарт пришел к выводу, что переход к постиндустриальной экономике и рост материального благополучия ведет к качественным социальным изменениям, в результате которых «ценностные приоритеты сдвигаются от стремления к обеспечению экономической и физической безопасности к акценту на индивидуальное самовыражение и качество жизни»<sup>34</sup>. В политической сфере это выражается в том, что «люди с большим вниманием начинают относиться к таким вопросам, как демократическое участие в принятии политических решений, охрана окружающей среды и социальная справедливость»<sup>35</sup>, становятся толерантнее по отношению к другим группам и готовы активно отстаивать свои права перед государством<sup>36</sup>.

Также значимый вклад в понимание значения и роли политической культуры в политической жизни внес американский политолог Роберт Патнэм, разработавший концепцию «социального капитала». В своих книгах «Чтобы демократия работала: гражданские традиции в современной Италии» и «Боулинг в одиночку: упадок и возрождение социального капитала в Америке» Патнэм обратил внимание на важность горизонтальных социальных связей, межличностной коммуникации и общественного доверия для успешного демократического развития. Выявляя причины различий в общественной поддержке и эффективности функционирования региональных правительств в Италии, Патнэм пришел к выводу, что одним из ключевых факторов, определяющих качество государственного управления, является наличие «укорененных традиций гражданского вовлечения — явки на выборах, чтения газет, членства в хоровых обществах и литературных кружках, благотворительных и футбольных клубах»<sup>37</sup>.

Наконец, еще одна попытка изучения политического значения культурных факторов связана с именем Самюэля Хантингтона, выдвинувшего в 1990-е годы концепцию «столкновения цивилизаций», а также выступившего в роли соредактора опубликованной в 2000 г. книги «Культура имеет значение: как ценности определяют прогресс человечества». По мнению Хантингтона, в мире после окончания холодной войны «фундаментальные причины конфликтов больше не ограничиваются идеологическими и экономическими факторами. Источником раскола человечества и большей части конфликтов становится культура»<sup>38</sup>. При этом общества со сходными культурами

стремятся к большей интеграции, в то время как значение цивилизационных различий усиливается, и наиболее интенсивный характер приобретают конфликты, разгорающиеся на границах цивилизаций — «наивысших культурных объединений и обладающих общей идентичностью сообществ, определяемых на основании таких элементов культуры, как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификации людей»<sup>39</sup>.

Таким образом, политическая культура является важным измерением политической жизни государств и обществ. Политическая культура находится в динамическом взаимодействии с другими политическими явлениями и способна прямым или опосредованным образом влиять на ход политических процессов. И хотя точное эмпирическое верифицирование специфики политической культуры не всегда возможно в связи с нематериальной природой этого феномена, политическая культура может и должна изучаться в политической науке наряду с другими факторами, определяющими особенности политических отношений в обществе.

Политическая культура неоднородна — она всегда состоит из множества элементов, а также можно выделить ее различные структурные составляющие — ориентации по отношению к политической системе в целом, ориентации по отношению к текущей политике, ориентации по отношению к процессу принятия политических решений и ориентации по отношению индивида к себе как субъекту политики<sup>40</sup>. Значение политической культуры обуславливается функциями, которые она выполняет в политической жизни. Политическая культура способствует формированию групповой идентификации и интеграции, облегчает политическую социализацию и коммуникацию, а также задает рамки нормативного регулирования политического поведения<sup>41</sup>.

<sup>1</sup> *Formisano R.* The Concept of Political Culture // *The Journal of Interdisciplinary History*. 2001. No 3. Vol. 31. P. 399.

<sup>2</sup> *Машнова О. Ю.* «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе // *ПОЛИС. Политические исследования*. 2006. № 5. С. 107.

<sup>3</sup> *Доватур А. И.* Политика» Аристотеля // *Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 38–52* // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Polit/aristot/intro.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/intro.php).

<sup>4</sup> *Монтескье Ш. Л.* О духе законов // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.montesk.info/article/pro.html>.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> *Стрежнева М. В.* Политическая культура в различных интерпретациях: анализ специального понятия // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5. С. 141 – 154. С. 143.

<sup>7</sup> *Хейвуг Э.* Политология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 132 – 133.

<sup>8</sup> *Olick J., Omelchenko T.* Political Culture // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. 2nd ed. N.Y.: Gale Group, 2007. P. 300.

<sup>9</sup> Цит. по: *Добренков В. И., Кравченко А. И.* История зарубежной социологии. М.: Академический проект, 2005 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://sbiblio.com/biblio/archive/dobrenkov\\_istorija/](http://sbiblio.com/biblio/archive/dobrenkov_istorija/).

<sup>10</sup> *Пугачев В. П.* Политология. Указ. соч. С. 81.

<sup>11</sup> *Стрежнева М. В.* Указ. соч. С. 145.

<sup>12</sup> Там же. С. 489.

<sup>13</sup> *Лурье С. В.* Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1998 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/History/Lyrie/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lyrie/index.php).

<sup>14</sup> *Pye L. W.* Op. cit. P. 490 – 492.

<sup>15</sup> *Olick J., Omelchenko T.* Op. cit. P. 301.

<sup>16</sup> *Almond G.* Comparative Political Systems // *The Journal of Politics*. 1956. No 3. Vol. 18. P. 396.

<sup>17</sup> *Ibid.* P. 396 – 397.

<sup>18</sup> *Стрежнева М. В.* Указ. соч. С. 149.

<sup>19</sup> *Olick J., Omelchenko T.* Op. cit. P. 301.

<sup>20</sup> *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии // *Гражданское общество в России*. Электронная библиотека. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond\\_Verba.pdf](http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf). В оригинале эти типы политической культуры охарактеризованы как «*parochial*», «*subject*» и «*participant*». В различных переводах на русский язык встречаются также термины «парохиальная», «подданическая», «локальная» политическая культура для определения ее первого типа, «пассивная», «традиционная» — второго, и «активистская», «активная» — третьего.

<sup>21</sup> *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры (I) // *Полития*. 2010. № 2 (57). С. 135 – 136.

<sup>22</sup> *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии...

<sup>23</sup> *Pye L. W.* Op. cit. P. 501 – 502.

<sup>24</sup> *Formisano R.* Op. cit. P. 397.

<sup>25</sup> *Gendzel G.* Op. cit. P. 231.

<sup>26</sup> *Гурц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://sbiblio.com/biblio/archive/girc\\_interpretacija/](http://sbiblio.com/biblio/archive/girc_interpretacija/).

<sup>27</sup> *Малинова О. Ю.* Указ. соч. С. 110.

<sup>28</sup> *Gendzel G.* Op. cit. P. 235.

<sup>29</sup> *Olick J., Omelchenko T.* Op. cit. P. 302.

<sup>30</sup> *Gendzel G.* Op. cit. P. 233.

<sup>31</sup> *Ibid.* P. 239.

<sup>32</sup> *Formisano R.* Op. cit. P. 403. См. также: *Elkins D., Simeon R.* A Cause in Search of Its Effect, Or What Does Political Culture Explain? // *Comparative Politics*. 1979. No 2. Vol. 11. P. 127 – 145.

<sup>33</sup> *Pye L. W.* Op. cit. P. 506.

<sup>34</sup> *Inglehart R., Baker W.* Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. 2000. No 1. Vol. 65. P. 22.

<sup>35</sup> *Стрежнева М. В.* Указ. соч. С. 151.

<sup>36</sup> *Inglehart R.* Globalization and Postmodern Values // *The Washington Quarterly*. 1999. No 1. Vol. 23. P. 223.

<sup>37</sup> *Putnam R.* Social Capital and Public Affairs // *Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences*. 1994. No 8. Vol. 47. P. 8.

<sup>38</sup> *Huntington S.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*. 1993. No 3. Vol. 72. P. 22.

<sup>39</sup> *Ibid.* P. 24.

<sup>40</sup> *Пугачев В. П.* Указ. соч. С. 476 – 477.

<sup>41</sup> Там же. С. 477 – 478.

## **КНР: ПОПЫТКА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ**

Осенью 2012 г. начнется очередная смена поколений на партийном уровне. XVIII съезд КПК утвердит ключевые фигуры в партийном руководстве — прежде всего, нового Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина. Из нынешнего состава Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК останутся только Си Цзиньпин и Ли Кэцян. Остальные 7 членов этого органа покинут его. На государственном уровне обновление продолжится в 2013 – 2014 гг., после очередной (весенней) сессии Всекитайского Собрания Народных Представителей (ВСНП). Эксперты называют кандидатуру и будущего премьера Госсовета КНР — Ли Кэцяна, вместо нынешнего — Вэнь Цзябао. Новые лица возглавят ключевые министерства, ВСНП и другие структуры.

Фигура нового Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина, которому в 2012 г. исполнилось 59 лет, вызывает в мире большой интерес. К власти придет человек, родившийся после 1949 г., уже в «новом» Китае. Человек, формирование которого как политика пришлось не на годы великой дружбы с СССР, не на разрушительный период культурной революции, а на эпоху «реформ и открытости», когда Китай начал продвижение в мировые лидеры.

В связи с обновлением китайского руководства возникает естественный вопрос о том, как и на каких принципах будет дальше строиться внешняя политика нового поколения руководителей, появятся ли новые акценты и направления в этой политике?

### **Геополитические сценарии**

В настоящее время в китайской геополитике присутствуют два ключевых компонента, которые находятся в определенном (скрытом) противоречии друг другу. С одной стороны, сохраняют свою силу базовые внешнеполитические принципы Дэн Сяопина, заложенные в 1990-е годы, — «не присоединяться», «не высовываться», «проявлять сдержанность и скромность» и др.

С другой стороны, после выхода в 2010 г. Китая на второе место в мире (после США) по показателю ВВП (по текущему валютному

курсу) в размере 5,9 трлн долл., на фоне других зримых успехов страны, часть внешнеполитических положений великого реформатора стала не столь актуальна. В китайском политическом руководстве и экспертном сообществе появилась потребность в разработке и приятии новых идей и подходов, в условиях общего изменения качества и масштабов китайской внешней политики.

Подобные «нестыковки» (между традиционными подходами и новыми китайскими реалиями) активно исследуются китайскими и российскими учеными, занимающимися проблемами внешней политики КНР и международных отношений. Причем часть китайских наработок уже политически адаптирована и заявлена руководством КНР, что свидетельствует о достаточно быстрой и эффективной «вертикальной» связи между «первой» (официальной) и «второй» (экспертной) дорожками в Китае. В обобщенном виде китайские ученые разработали следующие положения, взятые на вооружение руководством:

- идея «глубинных изменений в международной ситуации», которая объективно требует определенной перенастройки китайского внешнеполитического механизма;
- идея создания «гармоничного мира». Данный концепт имеет как внешнеполитическую направленность — развитие гармоничных отношений КНР со странами ближнего и дальнего окружения, так и внутривнутриполитическое содержание — формирование «гармоничного общества» в самом Китае;
- идея «совместного развития» — по замыслу китайских политиков процессы развития и модернизации должны протекать «параллельно» во всех странах. В идеале, не должно быть «перекосов» или развития одних стран за счет других. Подобное, «совместное развитие», в свою очередь, создаст дополнительный эффект взаимной заинтересованности в партнерстве и сохранении стабильности;
- идея «совместной ответственности» — здесь просматривается попытка Китая дистанцироваться от американской модели ответственности, половину которой (в рамках G-2) США хотели возложить на Китай;
- идея «активного участия» — в данном тезисе содержится скрытый посыл о смене акцентов в китайской внешней политике, переходе к более активному позиционированию в мире как на двустороннем, так и в многосторонних форматах — в рамках ООН, ШОС, РИК (Россия—Индия—Китай),

БРИКС, АСЕАН + 1, АСЕАН + 3, треугольника «Китай—Южная Корея—Япония» и др.

КНР стремительно расширяет географию своих национальных интересов. Так, если раньше термин «добрососедство» в китайской политологии трактовался как отношения КНР с 14 сопредельными государствами, то сегодня все чаще встречается его расширительное толкование — «большое соседское окружение Китая». В данное понятие входят не только приграничные страны, но и государства всей Центральной Азии, Южной Азии, Юго-Восточной Азии, Западной Азии и АТР, включая США, Австралию, Новую Зеландию. И терминологически, и политически здесь явно просматривается тенденция расширения географических рамок китайской региональной внешней политики.

Расширение происходит не спонтанно, а согласно некоей китайской «глобальной повестке», которая находится в стадии разработки, постоянно дополняется новыми пунктами. Но уже сегодня можно обозначить часть этой повестки:

- борьба Китая с мировым финансовым кризисом и формирование новой мировой финансовой архитектуры;
- более активное участие КНР в противодействии нетрадиционным вызовам и угрозам;
- активный экономический и политический выход Китая на рынки стран Латинской Америки, Африки, Центральной (постсоветской) Азии и др.;
- вхождение КНР в проекты географически отдаленные от нее, но в глобальном плане перспективные и важные — проект освоения Арктики, Северного морского пути, участие в реализации энергетических и транспортных проектов в районах Ближнего Востока, Тропической Африки, Латинской Америки и др.;
- активное участие в новых международных структурах — ШОС, РИК, БРИКС.

## **КНР и глобальная ответственность**

Китайское руководство рассматривает глобальную ответственность прежде всего через призму укрепления собственной безопасности, независимости и суверенитета. Одновременно, вопреки чаяниям западных политиков, китайское понимание глобальной ответственности не связано с желанием Китая взять на себя часть «гре-

хов за дела США» и разделить с ними пополам мировую ответственность. Китайский вариант такого понимания — это прежде всего ответственность за судьбы своего собственного, более чем 1,3-миллиардного населения, а уже потом за судьбы остального мира.

Одновременно меняется отношение КНР к своему облику (имиджу), который все более рельефно приобретает черты будущей сверхдержавы. Подобная трансформация обусловлена хорошо известными причинами, прежде всего колоссальными экономическими результатами КНР за 30-й период реформ.

Проецируя успехи внутренних реформ на динамику изменения «облика» Китая, многие в мире воспринимают КНР уже как состоявшуюся «сверхдержаву» либо как государство, которое в ближайшее время станет таковым.

Оценивая степень и качество «готовности» Китая к данному «титлу» в настоящее время, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на огромную совокупную мощь и феноменальные достижения в реформировании экономики, КНР по ряду параметров социально-экономического развития, уровню вооружений пока не сможет сегодня и в ближайшем будущем реально выйти на этот уровень.

В частности, исходя из уровня ВВП на душу населения, Китай сегодня не входит пока даже в первую сотню государств мира. Данная характеристика будет сохраняться на ближайшую (2012 – 2017 гг.) перспективу. Стратегически, в среднесрочной перспективе, КНР, в рамках реализации доктрины создания общества «средней зажиточности», планирует радикально изменить этот параметр (ВВП на душу населения) и подняться в мировом рейтинге к середине XXI в.

Другой объективный критерий — уровень военно-стратегических потенциалов (ракетно-ядерного компонента, количество стратегических носителей, ядерных подводных лодок и пр.). В сравнении с ведущими государствами мира (США и РФ) по данному показателю китайский уровень пока несопоставим, он на порядок меньше, чем в США и России. Военная доктрина Китая носит оборонительный и достаточный характер.

Третий показатель, по которому Китай также значительно отстает, — уровень социальных стандартов жизни населения (развитость пенсионной системы, здравоохранения, социальных пособий и пр.).

## **Китай — параметры будущей сверхдержавы**

Некоторые отставания совершенно не означают, что Китай не ставит долговременных, амбициозных задач — стать сверхдержа-

вой. Наоборот, сегодняшние нерешенные внутренние проблемы мотивируют его на их скорейшую ликвидацию и выход на новый глобальный уровень. Конечный вариант этой модели пока неясен. Китаю не походят ни современная американская, ни бывшая советская модели, не годится и опыт Британской и других колониальных империй. Исходя из анализа нынешних китайских процессов, тем не менее, можно дать некоторые предварительные параметры.

В будущей модели китайской сверхдержавы, скорее всего, усилятся элементы синтеза рыночных механизмов и государственного регулирования. При этом политика «мягкой силы» может принять системный и масштабный характер, как некий компенсатор силовой политики, характерной для классических «великих держав».

Значительно усилится национально-патриотическая мотивация населения и правящих элит. Данный процесс имеет «две стороны медали» для КНР. Одна сторона, позитивная, — формирование в китайском обществе объединяющей идеи «возрождения китайской нации». Другая сторона — формирование достаточно опасных для китайского руководства и Китая в целом националистических настроений и взглядов. На сегодняшний день национализм не стал доминирующим и системным явлением.

Просматриваются также: а) сохранение и усиление управляемой вертикали «КПК—государство—общество»; б) усиление мобилизационных возможностей государства; г) развитие валютно-финансовых механизмов; д) использование набора стратагем для текущей, среднесрочной, долгосрочной внутренней и внешней политики, дающей Китаю возможность тактической гибкости и стратегической нацеленности.

Меняется отношение Китая к такому ключевому дипломатическому инструменту, как «партнерство». Если раньше этот термин имел для всех партнеров Китая примерно одинаковое значение, то сегодня просматривается дифференцированный подход КНР к государствам в рамках сложившихся моделей «партнерств».

Ведущие китайские политологи разработали типологию партнерства, разбив государства — партнеров КНР на 4 условные группы. Главные критерии в ней — не столько экономические показатели (уровень торговли, инвестиций и пр.), сколько политические параметры.

На первом месте (в качестве высшей формы партнерства, 1-я группа), находится «российско-китайское стратегическое пар-

тнерство и взаимодействие», которое, как считают в КНР, не подвержено влиянию времени, идеологий, базируется на единстве или близости двух стран по ключевым (стратегическим) вопросам международной политики.

В КНР еще в конце 1990-х годов была взята на вооружение стратегема: «Опереться на Север, — под ним понимается Россия, — стабилизировать Запад (ЕС, США), идти на Юг (в страны «третьего мира» — Азию, Африку и Латинскую Америку)». Сегодня эта стратегема в принципе полностью сохранилась, несмотря на значительно меньшие обороты взаимной торговли: российско-китайская торговля оценивается в 80 млрд долл., соответственно торговля КНР с ЕС — 479 млрд долл., с США — 385, с Японией — 297, с АСЕАН — 292. Однако политические отношения с РФ ценятся значительно выше китайским руководством, чем отношения Китая с любым другим государством мира, включая все перечисленные государства.

Во 2-ю группу китайских партнеров входят Южная Корея, Бразилия, ЮАР, Индия, Канада, Украина, Белоруссия, Мексика, Аргентина и ряд других государств. Этот вариант партнерства китайскими экспертами характеризуется как «партнерские отношения дружеского типа».

В 3-ю группу включены страны ЕС и АСЕАН. С ними у Китая имеется много общих (экономических) интересов, но есть политические и территориальные (с отдельными странами АСЕАН) расхождения по ряду ключевых вопросов. Такой тип партнерства они называют «согласованным или координируемым партнерством».

В 4-ю группу включены отношения с США и Японией, которые, как отмечается, рассматривают Китай как потенциального, стратегического противника, и по ряду политических проблем у сторон существуют очевидные разногласия. Данный вариант определен как «партнерство прагматического типа».

Анализируя данную типологию, следует подчеркнуть, что, несмотря на ее экспертный характер, используемые определения партнерства присутствуют в официальных российско-китайских, китайско-индийских, китайско-японских, китайско-американских и других документах двусторонних отношений.

## **Региональные аспекты — от Центральной до Восточной Азии**

С 2005 г. Китай реализует через ООН системные проекты помощи беднейшим странам. Более широко использует право вето.

Китай (вместе с Россией и другими странами) голосует против резолюций ведущих стран (США, Великобритания, Франция и др.), угрожающих дестабилизацией ключевым регионам мира\*. Последний пример, когда в октябре 2011 г. КНР и РФ проголосовали против французского проекта в СБ ООН резолюции по Сирии.

В отличие от РИК (Россия—Индия—Китай), в данном проекте нет четко выраженной евразийской повестки. В рамках БРИКС Китай делает основной акцент на формировании «более справедливого мира», на реформировании мировых финансовых рынков, реформировании МВФ и других институтов, на решении проблем энергетической и продовольственной безопасности, климатических, экологических изменений.

Здесь следует отметить, что в регионе Центральной Азии Китай делает ставку на быструю и эффективную реализацию своих транспортных, энергетических и инвестиционных проектов в двусторонних форматах. Политически он признает за Россией ее центральноазиатские приоритеты. Формат ШОС Китаем рассматривается как в региональном (центральноазиатском), так и глобальном аспектах.

На африканском и латиноамериканском направлениях особенно рельефно просматриваются китайская ресурсно-сырьевая мотивация. Торговые интересы КНР в Латинской Америке оцениваются в 163 млрд долл. годового товарооборота, а с Африкой — 119. Китай ежегодно инвестирует на оба континента от 15 до 20 млрд долл. в инфраструктурные, сырьевые и энергетические проекты. Валютные интересы Китая — обкатка юаня как будущей, потенциальной (региональной и мировой) расчетной единицы. Так, Аргентина уже продает КНР свое зерно за юани, а затем на них же покупает у Китая сельскохозяйственное оборудование. В 2010 г. Китай открыл внутренний межбанковский рынок своих облигаций для иностранных банков, имеющих накопления в юанях.

Восточноазиатское направление остается приоритетным региональным вектором в интеграционном и торгово-экономическом плане. На фоне обострения конфликтного потенциала в регионе (Корейский полуостров, Тайваньский пролив, Южно-Китайское море и др.), роста нетрадиционных вызовов и угроз Китай находит

---

\* В январе 2007 г. КНР, РФ, ЮАР — против проекта резолюции Великобритании и США «О ситуации в Мьянме», — мотив — отсутствие угрозы безопасности в регионе. В июле 2008 г. — КНР, РФ против резолюции США и Великобритании «О политике президента Зимбабве Мугабе» — мотив тот же.

возможности быстро и успешно продвигать масштабные интеграционные проекты (открытие в 2001 г. Зоны свободной торговли КНР—АСЕАН и др.). На данном направлении, несмотря на политические и территориальные споры с Японией и отдельными странами АСЕАН, просматриваются перспективы дальнейшего становления трехстороннего проекта «КНР—Япония—Южная Корея», проектов АСЕАН + 3 и АСЕАН + 1, углубление китайско-тайваньской экономической интеграции и кооперации, углубление кооперации сибирских и дальневосточных регионов РФ с северо-восточными провинциями КНР.

### **Что ждать миру от Китая?**

Таким образом, происходит усиление элементов «великой державы» и глобального позиционирования Китая в мире. В грядущее пятилетие речь пойдет, скорее, о сочетании элементов политики глобальной, региональной державы и «развивающегося государства», т.е. усилении вариативности внешней политики.

Доминирующим мотивом нового китайского руководства останется необходимость сохранения стабильности как внутри страны, так и за ее пределами как обязательное условие дальнейшего реформирования и развития КНР. Не исключена и жесткая (ответная) реакция КНР на попытки Запада экспортировать «цветные революции» в Китай.

Скорость формирования «глобальной ответственности Китая» будет напрямую зависеть от скорости «возвышения» самого Китая в мире. В грядущее пятилетие КНР усилит свое внимание к БРИКС и ШОС.

Идея создания «гармоничного мира» сохранится во внешнеполитическом инструментарии новых руководителей. Очевидно, что высокий политический формат российско-китайского стратегического партнерства также сохранится на ближайшую и среднесрочную перспективу.

Не исключены новые витки напряженности в отношениях КНР с Японией, США, отдельными странами АСЕАН, особенно по вопросам территориального размежевания в Южно-Китайском море, с учетом планов США на интернационализацию территориальных конфликтов в этом регионе.

В. И. Салыгин, В. М. Красногорский

## **ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

Энергетическая безопасность является одним из ключевых аспектов устойчивого развития в АТР, который в последнее десятилетие закрепил за собой статус локомотива мирового экономического роста. АТР включает 42 страны с общим населением около 4 млрд человек. Валовой внутренний продукт региона составляет почти  $\frac{2}{3}$  мирового. АТР лидирует по объемам и темпам прироста потребляемой энергии. Масштаб и диапазон вызовов энергетической безопасности в регионе определяют безусловную необходимость расширения международного сотрудничества с целью противодействия угрозам энергетической безопасности.

**Экономические вызовы.** В экономической терминологии энергетическая безопасность описывается состоянием баланса спроса и предложения в рамках системы с ограниченным ценовым диапазоном, в которой максимумом является уровень, выше которого цены на энергоносители отрицательно влияют на экономические показатели потребителей, а минимумом — экономические показатели производителей. Факторами, определяющими энергобезопасность, являются обстоятельства и условия, влияющие на спрос и предложение энергоресурсов. Предложение определяется физическим наличием ТЭР, интенсивностью их добычи и переработки либо выработки и степенью развитости системы транспортировки. На спрос влияет масштаб, структура и энергоемкость экономической и неэкономической деятельности населения. При этом суть экономических вызовов варьируется в зависимости от рассматриваемых временных рамок.

*В краткосрочной перспективе* наиболее существенным вызовом энергетической безопасности является угроза резкого сокращения предложения ТЭР. Угрозу непредвиденного дефицита можно предупредить созданием стратегических запасов ТЭР. Данная мера,

широко известная странам – членам ОЭСР\*, получает все большее распространение в АТР.

*В среднесрочной перспективе* основным экономическим вызовом энергетической безопасности является необходимость обеспечения растущего спроса на ТЭР в условиях неравномерной обеспеченности стран региона запасами горючих полезных ископаемых (ГПИ). Две основные возможности противодействия этому вызову включают увеличение интенсивности экономического распределения ТЭР и снижение удельного энергопотребления.

*Увеличение объемов торговли ТЭР*, предположительно, останется наиболее существенной возможностью удовлетворения растущего спроса на ТЭР в АТР в обозримом будущем с учетом неравномерной обеспеченности ГПИ стран региона.

Согласно прогнозам Азиатского банка развития<sup>1</sup>, в течение следующих 20 лет спрос стран АТР на энергоресурсы будет расти на 2,4% в год, причем страны Восточной и Южной Азии будут лидировать по этому показателю (4,8 и 3,5%, соответственно). Совокупный спрос стран АТР в 2030 г. составит 7,2 млрд т нефтяного эквивалента.

Импорт ТЭР обеспечивает почти треть первичного энергопотребления стран АТР, при этом за десятилетие между 1999 и 2009 гг.<sup>2</sup> он рос в среднем на 5,7% в год. Импорт нефти увеличивался в среднем на 3,5% в год, электроэнергии — на 2,9%, угля — на 10,1%, газа — на 9,5%. Ожидается, что для удовлетворения растущего спроса на ТЭР в ближайшие два десятилетия экономика АТР должна обеспечивать темпы роста международной торговли ТЭР, аналогичные текущим средним показателям.

Чтобы оценить разницу в обеспеченности ГПИ стран АТР, введем коэффициент обеспеченности запасами ГПИ (ОЗ). Коэффициент ОЗ представляет собой соотношение доли запасов ГПИ страны в общем объеме запасов региона к доле внутреннего валового продукта (ВВП) данной страны в совокупном ВВП региона. Ниже приведены выборочные коэффициенты ОЗ на основании данных таблицы 1: Монголия — 13,2, Казахстан — 9,7, Туркменистан — 7,7, Кыргызстан — 5,8, Иран — 5,4, Российская Федерация — 4,9, Австралия — 2,1, Индия — 1,3, КНР — 0,7, Малайзия — 0,5, Индонезия — 0,4, Таиланд — 0,2, Республика Корея — 0,004, Япония — 0,002, Тайвань — 0,0005. Таким образом, к примеру, относительная доля запасов ГПИ Монголии в общих запасах АТР в 13,2 раза боль-

\* Страны – члены ОЭСР обязаны поддерживать стратегический запас нефти на уровне, равном объему их потребления в течение 90 дней.

ше, чем доля экономики этой страны в производстве совокупного ВВП региона. В свою очередь, относительная доля ВВП Тайваня в региональном ВВП в 2000 раз больше, чем доля запасов ГПИ этой страны в совокупных запасах региона. Иными словами, разница между самым высоким и самым низким уровнем обеспеченности стран региона запасами ГПИ составляет 26 тыс. раз, не учитывая при этом Сингапур и Гонконг, которые вообще не обладают запасами ГПИ. Столь существенные различия в ресурсной обеспеченности могут быть компенсированы только за счет интенсивной торговли ТЭР.

Возможности по увеличению товарооборота ТЭР в регионе можно разделить на три основные группы — осуществление проектов межсубрегионального и субрегионального значения, осуществление проектов двустороннего значения, увеличение товарооборота за счет морской транспортировки ТЭР. Первая группа включает такие крупные проекты, как строительство нефтепровода Восточная Сибирь—Тихий Океан, газопровода Центральная Азия—Китайская Народная Республика (КНР), газопровода Россия—КНДР—Республика Корея, газопровода Туркменистан—Афганистан—Пакистан—Индия, газопровода Иран—Пакистан—Индия, газопровода Мьянма—Бангладеш—Индия, развитие газопроводной системы «Транс-АСЕАН» (*Trans-ASEAN Gas Pipeline*), электроэнергетической системы АСЕАН (*ASEAN Power Grid*). Во вторую группу входят такие проекты, как развитие двусторонней торговли ТЭР между Непалом и Индией, Бутаном и Индией, строительство линии электропередач между Индией и Шри-Ланкой, строительство газопроводов Малайзия—Таиланд, Индонезия—Сингапур, Мьянма—Таиланд. Третья группа включает осуществление перспективных проектов морской транспортировки ТЭР, в первую очередь сжиженного природного газа (СПГ), среди них — поставки СПГ из Малайзии в Бангладеш, Индию и КНР; поставки СПГ из Брунея в КНР, Индию и Гонконг.

Потенциал развития региональной торговли ТЭР сдерживается несколькими факторами. Наиболее значительный из них — необходимость привлечения крупных инвестиций в развитие инфраструктуры ТЭК. Согласно оценкам Управления энергетической информации США, между 2010 и 2035 гг. общий объем финансовых вложений в инфраструктуру ТЭК АТР может превысить 32 трлн долл. США. Второй фактор — геополитические соображения заинтересованных сторон, не всегда совпадающие с эконо-

мической целесообразностью осуществления проектов. Третьим существенным фактором является отсутствие регионального соглашения в сфере торговли ТЭР в АТР.

*Снижение удельного энергопотребления* — это мера, направленная на сдерживание роста спроса на ТЭР при сохранении существующих темпов экономического развития. Спрос на ТЭР определяется тремя основными факторами — масштабом экономической и неэкономической деятельности населения, ее структурой и энергоемкостью.

Под экономической подразумевается деятельность, направленная на создание добавленной стоимости, под неэкономической — другие виды деятельности. Структура деятельности существенно влияет на объем потребления ТЭР: так, удельное энергопотребление производства в промышленном секторе в среднем в 6–7 раз выше, чем сектора услуг. Удельное энергопотребление отдельных видов деятельности определяется энергоэффективностью используемых технологий и масштабами энергосбережения. Технология задает физический предел энергоэффективности какого-либо процесса, а энергосбережение определяет, какое количество энергии затрачивается для достижения определенного экономического или неэкономического результата в рамках определенного вида деятельности при использовании определенного технологического процесса.

*В долгосрочной перспективе* энергетическая безопасность стран АТР будет зависеть от прогресса в области снижения доли горючих ТЭР в региональном энергетическом балансе. Данный процесс необходимо интенсифицировать, поскольку достижения в этом направлении пока весьма незначительны: в 2010 г. доля возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в общем объеме энергопотребления АТР составила 5,45% против 3,18% в 1980 г.

**Геополитические факторы.** Вопросы энергетической безопасности играют все более важную роль во внешней политике стран мира и АТР в частности. Проблемы ТЭК обсуждаются на политическом уровне — главами государств, которые иногда выступают в роли переговорщиков при заключении коммерческих сделок. Компании ТЭК получают все большую государственную поддержку, что приводит к смещению конкуренции на энергетических рынках в политическую плоскость. Энергетическая повестка все чаще используется как рычаг политического воздействия. Геополитические мотивы сильно влияют на развитие сотрудничества в об-

ласти энергетической безопасности и прежде всего на развитие торговли ТЭР. Основной возможностью в данной области является укрепление понимания того, что энергетическая безопасность на национальном уровне достижима только в условиях международного взаимодействия.

**Терроризм и другие угрозы неприродного характера физической безопасности инфраструктуры ТЭК и маршрутов транспортировки.** Физическая безопасность инфраструктуры ТЭК и маршрутов транспортировки ТЭР является существенным фактором энергетической безопасности в АТР. Физическая безопасность объектов инфраструктуры ТЭК характеризуется их защищенностью от террористических угроз, угроз захвата, угроз разрушения в случае вооруженных конфликтов. Сочетание уязвимости маршрутов морской транспортировки из стран Ближнего Востока и Западной Африки с резким увеличением товарного потока ТЭР из этих регионов в Азию актуализирует вопрос безопасности транспортировки. Для наиболее эффективного противодействия упомянутым угрозам меры по обеспечению безопасности необходимо принимать на международном уровне.

**Угрозы природного характера.** Разрушительные последствия природных катаклизмов представляют непосредственную угрозу энергетической безопасности на всех этапах функционирования ТЭК: от этапа разведки полезных ископаемых до конечного распределения продуктов переработки и электроэнергии. Катастрофическое землетрясение в Японии в 2011 г. и последовавшее за ним цунами являют собой пример одной из самых масштабных природных катастроф в Новейшей истории, повлиявших на функционирование ТЭК. Тем не менее такие проявления природных процессов, как температурные аномалии, также могут представлять существенную угрозу энергетической безопасности, поскольку они непредвиденно резко и глубоко изменяют соотношение спроса и предложения ТЭР. Разработка и осуществление мер предупреждения являются главной возможностью предотвращения разрушительных последствий природных катаклизмов.

**Экологические факторы.** Основным вызовом экологического характера в области энергетической безопасности в АТР является необходимость минимизации негативного воздействия ТЭК на окружающую среду, включающей предотвращение физического

ущерба флоре и фауне и сокращение выбросов углекислого газа в атмосферу при сжигании ТЭР.

К физическому ущербу относятся, во-первых, статистически обычные явления при разведке, добыче, переработке и транспортировке ТЭР, такие как вырубка лесов на маршруте строительства трубопроводов; во-вторых, аварии и катастрофы, связанные с деятельностью ТЭК, вызванные либо человеческим фактором, либо стихийными бедствиями. Двумя недавними трагическими примерами подобных аварий являются разлив нефти на нефтяной платформе «*Deepwater Horizon*» и повреждение реакторов атомной электростанции «Фукусима-1».

Объем выбросов парниковых газов в АТР составляет около половины мирового, причем доля региона увеличилась за последнее десятилетие более чем на 12%. Средние темпы роста выброса углекислого газа в АТР составляют чуть менее 7% в год, что является самым высоким показателем в мире. Проблема выброса парниковых газов в АТР стоит особенно остро в силу того, что основу энергобаланса самой быстрорастущей экономики региона — КНР — составляет уголь — топливо с относительно высоким удельным содержанием углерода.

**Социальные факторы.** В настоящий момент в АТР проживает около 2 млрд человек, не имеющих доступа к электро- и газораспределительным сетям и использующих в качестве основного источника энергии топливную биомассу — прежде всего, древесину и органические отходы животного и растительного происхождения. Энергетическая бедность является крупнейшим социальным вызовом энергетической безопасности региона и одним из важнейших факторов, сдерживающих его социально-экономическое развитие: доступ к современным источникам энергии имеет большое значение для снижения уровня бедности, создания возможности предоставления населению начального образования и базовых услуг здравоохранения. Основная возможность противодействия данному вызову — планирование и осуществление энергетических проектов с учетом потенциала максимизации сопутствующего положительного социально-экономического эффекта, например приближение маршрутов прокладки трубопроводов к густонаселенным районам транзитных территорий с целью строительства локальных распределительных сетей.

Таким образом, возможности по укреплению энергетической безопасности в АТР включают:

- создание стратегических запасов ТЭР;
- увеличение товарооборота ТЭР;
- снижение удельного энергопотребления стран региона;
- планирование и осуществление мер предупреждения разрушительных последствий природных стихийных бедствий и аномалий;
- разработку мер предупреждения техногенных угроз и планов минимизации последствий их осуществления;
- коллективное противодействие террористическим и другим угрозам физической безопасности инфраструктуры ТЭК и маршрутов транспортировки ТЭР;
- увеличение доли ВИЭ в энергетическом балансе региона;
- планирование и осуществление энергетических проектов таким образом, чтобы они в максимальной степени способствовали социально-экономическому развитию, в особенности в беднейших странах;
- минимизацию негативного воздействия ТЭК на окружающую среду.

**Международное сотрудничество в области усиления энергетической безопасности в АТР и Азиатско-Тихоокеанский энергетический форум.** С учетом глобального масштаба вызовов энергетической безопасности в АТР, своевременное и эффективное решение вопросов энергетического взаимодействия подразумевает создание механизмов и структур сотрудничества на региональном уровне.

Историческое, культурное, экономическое и политическое многообразие АТР определяет необходимость изучения уже существующих примеров многостороннего и двустороннего энергетического сотрудничества. В настоящее время в регионе действует 43 международных объединения (международные соглашения, организации, программы), в рамках которых обсуждаются проблемы ТЭК. Несколько региональных организаций играют ведущие роли в установлении диалогов между заинтересованными сторонами в энергетической сфере. Эти организации включают форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС)<sup>3</sup>, Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)<sup>4</sup>, Экономическую и социальную комиссию для Азии и Тихого океана Организации Объединенных Наций (ЭСКАТО ООН), Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), Евразийское экономическое

сообщество (ЕврАзЭС), Организацию центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС), Организацию экономического сотрудничества (ОЭС)<sup>5</sup>, Азиатский форум Боао (АФБ)<sup>6</sup>. Наиболее яркими примерами двустороннего взаимодействия в области энергетики являются диалоги Российской Федерации, КНР, Индии и Республики Кореи.

Богатый опыт многосторонних и двусторонних взаимоотношений в АТР закладывает прочную основу для создания региональной платформы сотрудничества в области энергетической безопасности. На сегодняшний день усилия по созданию подобного института предпринимаются различными региональными организациями, в том числе АТЭС, АСЕАН, ОЭС. Тем не менее наибольших результатов в этом направлении пока достигла ЭСКАТО ООН, инициировавшая проведение в 2013 году Азиатско-Тихоокеанского энергетического форума (АТЭФ)<sup>7</sup> на уровне министров энергетики, который должен стать первой площадкой обсуждения вопросов ТЭК в АТР подобного уровня.

Характер угроз и вызовов энергетической безопасности создает основу для выработки региональной стратегии развития ТЭК и повышения энергетической безопасности в АТР. Тем не менее принятие подобной стратегии и следование ее принципам требует укрепления понимания того, что достижение общих целей развития соответствует национальным интересам государств. В долгосрочной перспективе энергетическая безопасность не может быть достигнута вне взаимовыгодного международного сотрудничества, особенно в условиях продолжающейся глобализации. Выход понятия энергетической безопасности на международный уровень, таким образом, становится закономерным и представляет главную возможность для устойчивого энергетического развития в регионе.

<sup>1</sup> Азиатский банк развития. Увеличение энергетической безопасности и снижение удельных выбросов в странах Азии и Тихого Океана, 2009. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.adb.org/documents/Books/Improving-Energy-Security-Reducing-Carbon-Intensity/Improving-Energy-Security-Reducing-Carbon-Intensity.pdf>.

<sup>2</sup> Статистическая база Управления энергетической информации США. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eia.gov/>.

## Энергетическая безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе

---

<sup>3</sup> Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество. Инициатива в области энергетической безопасности. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.ewg.apesc.org/energy\\_security.html](http://www.ewg.apesc.org/energy_security.html).

<sup>4</sup> Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Меморандум о взаимопонимании по газовому трубопроводу Транс-АСЕАН, — Бали, Индонезия, 5 июля 2002 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asean.org/6578.htm>.

<sup>5</sup> Организация экономического сотрудничества: цели ОЭС. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ecosecretariat.org/ftp/root/Directorates/dem.htm>.

<sup>6</sup> Азиатский форум Боао (АФБ): об АФБ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.boaoforum.org/html/adoutjs-en.asp>.

<sup>7</sup> Резолюция ЭСКАТО ООН № 67/2 от 25.05.2011.

## **МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ. КОРПОРАТИВНАЯ КОРРУПЦИЯ**

Ситуация с коррупцией берет истоки в холодной войне, когда западные страны предпочитали поощрение «развития» стран третьего мира критике этих стран за коррупцию из риска потерять их, если они перейдут в советский блок. С окончанием холодной войны уже не было стимула закрывать глаза на ситуацию с коррупцией. Поэтому к середине 1990-х годов в повестке дня западных государств и международных организаций появились вопросы борьбы с коррупцией<sup>1</sup>. Другими словами, с окончанием холодной войны западные страны криминализировали взяточничество и отмывание денег, чего ранее не делалось. Впоследствии Рабочей группой Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по коррупции в сфере международных торговых сделок в 1994 г. были разработаны Рекомендации, а в 1999 г. — Конвенция по борьбе с коррупцией иностранных государственных чиновников при осуществлении международных сделок, что заставило страны, ратифицирующие Конвенцию, привести в соответствие с ней свое внутреннее законодательство. Это коснулось, например, таких стран, как Австралия, ФРГ и Нидерланды.

Исследование, проведенное в Англии в отношении финансовой системы, показало, что в тот момент, когда фискальные органы определяют, есть ли в наличии состав преступления, такое решение принимает не один независимый человек<sup>2</sup>. Всегда есть другие служащие, участвующие в расследовании данного преступления, которые не могут быть объективными: у них уже сложилось определенное видение данного вопроса<sup>3</sup>. Задействованы юристы, младшие и старшие по званию, что заставляет менять первоначальную позицию с изменением обстоятельств, к числу которых относятся и субъективное восприятие<sup>4</sup>, что является коррупционной составляющей в данном вопросе.

В России в начале 1990-х, когда модели законодательства и управления были еще советскими, т.е. противоречили складываю-

щимся принципам экономики, коррупция являлась так называемой «смазкой экономики переходного периода». Она помогала быстро осуществить переход к рыночной экономике. Именно здесь и была заложена бомба под всю чиновную систему. Желание сделать все быстро и нецивилизованно превратило коррупцию в основной институт, который стал работать сам на себя. В результате каждой очередной административной реформы количество избыточных функций не уменьшалось, а увеличивалось. Там, где раньше не нужно было платить, создавались специальные условия, чтобы платить приходилось, формировались новые направления коррупционного бизнеса. Краткосрочный роман российской экономики с коррупционными схемами как неизбежным для выживания злом закончился довольно быстро. Впоследствии коррупционный налог начал работать только на изъятие прибыли из бизнеса, убийство рыночной конкуренции и растрлевание чиновничества. На текущий момент ситуация отнюдь не выглядит хоть сколько-нибудь пристойно: в очередной раз объявленная властью в последние годы кампания по борьбе с коррупцией пока дает строго противоположные результаты.

В 2006 г. Всемирный банк опубликовал отчет по борьбе с коррупцией в РФ. Оценивались текущее законодательство и способность контроля над коррупцией. Россия получила 151-е место из 208 наряду с Никарагуа и Западным Тимором, на одно место обогнав Нигерию и уступив Свазиленду 150-е место<sup>5</sup>. В 2011 г. уровень коррупции несколько снизился: Россия заняла 143-е место (всего исследованы 182 страны)<sup>6</sup>.

Число коррупционных преступлений в 2011 г. выросло на 40% в сравнении с предыдущим годом и составило 312 300. Такие данные содержатся в отчете Генпрокуратуры РФ, отправленном в Госдуму. При этом количество уголовных дел, возбужденных по фактам данных нарушений, выросло только на 8%, а до суда дошло на 4% больше исков, чем годом ранее. В декабре 2011 г. генпрокурор Юрий Чайка сообщил, что треть общего числа нарушений составляют взятки<sup>7</sup>.

С середины 1990-х годов тема коррупции занимает ключевое место в повестке дня на мировом уровне. По этому вопросу были приняты следующие международные акты: Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией, принятая Организацией американских государств 29 марта 1996 г.; Конвенция о борьбе с коррупцией, затрагивающей должностных лиц Европейских сообществ

или должностных лиц государств — членов ЕС, принятая Советом Европейского союза 26 мая 1997 г.; Конвенция о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках, принятая ОЭСР 21 ноября 1997 г.; Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, принятая Комитетом министров Совета Европы 27 января 1999 г.; Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, принятая Комитетом министров Совета Европы 4 ноября 1999 г.; Конвенция Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней, принятая главами государств и правительств Африканского союза 12 июля 2003 г.; Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, принятая 15 ноября 2000 г.; и, наконец, окончательный, единый и специальный акт — Конвенция ООН против коррупции, принятая 31 октября 2003 г. Также не стоит забывать принятые еще в 1990 г. Сорок рекомендаций ФАТФ и Девять специальных рекомендаций ФАТФ по противодействию финансированию терроризма.

ЕАГ регулярно проводит взаимные оценки стран по приведению национальных систем противодействия отмыванию денег в соответствие с Сорока рекомендациями и Девятью специальными рекомендациями ФАТФ<sup>8</sup>. Оценка России была проведена в рамках третьего раунда совместной взаимной оценки ФАТФ/МАНИБЭЛ<sup>9</sup>/ЕАГ в 2008 г. Красной нитью в отчете проходит тема коррупции: она влияет на правоохранные и иные надзорные органы в их борьбе с отмыванием денежных средств, понижая рейтинг России по значительному количеству рекомендаций ФАТФ.

Примечательна здесь ратификация Российской Федерацией Конвенции ООН против коррупции<sup>10</sup>, касающейся публичных должностных лиц. Россия ратифицировала данную конвенцию 17 февраля 2006 г. Но ратифицировала очень интересно, «забыв» при ратификации указать статью 20 указанной конвенции, устанавливающую:

*«При условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать»<sup>11</sup>.*

Данная конвенция касается публичных должностных лиц. Она не распространяется на бизнесменов и граждан. Для реальной борьбы с коррупцией в чиновничьей среде Российской Федерации необходимо полностью ратифицировать указанную конвенцию.

Основные законодательные и подзаконные акты Российской Федерации, направленные на борьбу с коррупцией, следующие: Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г.; Федеральный закон № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17 июля 2009 г.; Федеральный закон № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 декабря 1992 г.; Постановление Правительства Российской Федерации № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 26 февраля 2010 г.

Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» указывает, что прокуроры в ходе осуществления своих полномочий проводят антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов органов, организаций, их должностных лиц по вопросам, касающимся:

- прав, свобод и обязанностей человека и гражданина;
- государственной и муниципальной собственности, государственной и муниципальной службы, бюджетного, налогового, таможенного, лесного, водного, земельного, градостроительного, природоохранного законодательства, законодательства о лицензировании, а также законодательства, регулирующего деятельность государственных корпораций, фондов и иных организаций, создаваемых Российской Федерацией на основании федерального закона;
- социальных гарантий лицам, замещающим (замещавшим) государственные или муниципальные должности, должности государственной или муниципальной службы<sup>12</sup>.

Постановление Правительства Российской Федерации «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» свело основные коррупционные факторы к одиннадцати:

- 1) широта дискреционных полномочий;
- 2) определение компетенции по формуле «вправе»;
- 3) выборочное изменение объема прав;

- 4) чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества;
- 5) принятие нормативного правового акта за пределами компетенции;
- 6) заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий;
- 7) отсутствие или неполнота административных процедур;
- 8) отказ от конкурсных (аукционных) процедур;
- 9) наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права;
- 10) злоупотребление правом заявителя органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами);
- 11) отказ от конкурсных (аукционных) процедур — закрепление административного порядка предоставления права (блага).

Кроме того, можно вспомнить, что при разработке данного постановления рассматривалось гораздо большее число коррупциогенных факторов. И все же это всеобъемлющие факторы. Из указанного следует, что под предмет антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов органами прокуратуры подпадает любой вопрос жизнедеятельности как органов государственной власти, так и физических лиц.

Здесь сразу же напрашиваются две цитаты из русской литературы XIX в.: «В России суровость законов умеряется их неисполнением»<sup>13</sup> и «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения»<sup>14</sup>. Кроме того, есть ряд примеров, из которых можно сделать вывод о том, что, как и многие другие антикоррупционные проекты, антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов имеет лишь формальный характер.

*13 июня 2012 г. состоялось решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы по спору между Центром Трансперенси Интернешнл — Р и Министерством юстиции РФ о доступе общественных организаций к экспертным заключениям о потенциальной коррупциогенности поправок в законодательство. В соответствии с указанным решением заключение Минюста по потенциальной коррупциогенности поправок в законодательство о госзакупках не должно быть предоставлено для независимой экспертизы общественным организациям<sup>15</sup>.*

В соответствии с указанным выше антикоррупционным законодательством по заявлению любого гражданина или организации

такая информация должна быть предоставлена. Следовательно, можно констатировать полный провал инициативы по антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов не только вследствие невозможности подвергнуть данной экспертизе уже существующие акты, но и вследствие произвольности трактовки государственными органами и судами такой антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов.

Другая и не менее важная составляющая данного провала заключается в невозможности урегулировать все вопросы на уровне законодательных и подзаконных актов. Необходима положительная практика. Естественно, любое положение, содержащее слова «или», «либо», является потенциально коррупционным. «От трех до семи лет лишения свободы» — здесь наблюдается коррупционная составляющая, поскольку на усмотрение судьи остаются четыре года лишения свободы, которыми он может «произвольно» распорядиться.

Чтобы не доводить толкование законодательства до таких крайностей, должно быть понятно, что невозможно все урегулировать законодательным образом: необходимо искать эффективные рычаги исполнения нормативно-правовых актов. Очередные сочинские антикоррупционные скандалы произошли уже после принятия столь «эффективных мер» по антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов<sup>16</sup>. И то, что пока нет механизма антикоррупционной экспертизы уже действующих нормативно-правовых актов, не является оправданием.

Конечно, в меньшей степени, но аналогичное можно сказать и о борьбе с корпоративными преступлениями. Поскольку западные страны стали критиковать страны третьего мира, это неизбежно привело к разоблачениям западных компаний, работающих в этих странах. Чем больше западные страны критикуют развивающиеся страны за взяточничество, тем больше вскрывается фактов участия в таких скандалах транснациональных компаний (ТНК).

*Американский экономист Джозеф Юджин Стиглиц, лауреат Нобелевской премии по экономике (2001) «за анализ рынков с несимметричной информацией», в 2006 г. написал книгу, критикующую глобализацию, признавая ее источником корпоративной коррупции<sup>17</sup>. И с его аргументами трудно не согласиться.*

ТНК влиятельны с финансовой точки зрения. Часто бюджеты крупных компаний сравнимы с бюджетами маленьких государств. ТНК привлекли в 2000 г. внимание антикоррупционной международной неправительственной организации *Transparency*

*International*, которая включила в определение коррупции коррупцию не только в государственных органах, но и в бизнесе: *B2B (business to business)*. Кажется странным, что коррупция может затрагивать этот сектор экономики без участия государственного сектора, однако после коллапса корпорации «Энрон» в 2001 г., громкого корпоративного скандала с компанией «Пармалат» в 2003 г., обрушением рынка недвижимости в 2007 г. и аферой Бернарда Мэдоффа в 2008 г. факт коррупции внутри корпоративных структур является очевидным.

Компания «Сименс» на протяжении последних 10–15 лет несколько раз обвинялась в даче взяток должностным лицам. Наиболее громкие обвинения имели место в 1996 г. в Сингапуре и в 2004 г. в Италии, где компании на определенное время было запрещено выходить на рынок. В 2006 г. был обнаружен существующей в компании «Сименс» «фонд взяток», составляющий 1,3 млрд евро. Ситуация была описана как самый большой «взяточный скандал» в истории Германии<sup>18</sup>.

Шведская компания ИКЕА формально заявила о требовании взятки со стороны российских государственных органов, когда открывала свой первый магазин в Москве в 2000 г. Уже в том же году имело место дело о дизельных генераторах и дизельном топливе. За 44 дня до официального открытия ИКЕА связалась с Мосэнерго, чей представитель потребовал взятку за продолжение электроснабжения центра. Однако ИКЕА удалось уйти от конфликта, взяв в аренду два больших генератора и самостоятельно обеспечив себя энергией. За несколько дней до открытия от Мосэнерго было получено обещание подключить ИКЕА к своим мощностям. Публикации об этом имели место в журнале *The Economist* и газете *The New York Times*, однако всеобщую огласку дело приобрело в 2006 г. после публикации в журнале *Newsweek*<sup>19</sup>, а также в 2010 г., когда компании ИКЕА пришлось уволить высокопоставленных сотрудников, дабы избежать дальнейшего скандала. Директор ИКЕА по Центральной и Восточной Европе Пер Кауфман и директор по недвижимости ИКЕА в России Стефан Гросс были уволены в феврале 2010 г. за то, что торговый центр в Петербурге был подключен к энергосетям при помощи взятки. ИКЕА выявила в своем российском подразделении «случай терпимости по отношению к коррупционным действиям подрядчика», из-за этого «два топ-менеджера лишились своих постов и покинули компанию»<sup>20</sup>. Речь идет о взятке, которую компания-подрядчик выплатила «для разрешения си-

туации с энергоснабжением торгового центра «Мега» в Санкт-Петербурге».

Старая английская поговорка «пусть победит сильнейший» вынуждает ТНК продвигаться к победе не всегда чисто плотными действиями, а «бизнес-практика» ряда государств, включая Россию, это только поощряет. В настоящее время дача взятки, а в ряде государств и предложение взятки является преступлением. Но было ли так всего десятилетие назад? К сожалению, ответ здесь будет отрицательный. Таким образом, когда в 1990-х годах ТНК предлагали взятки должностным лицам, юридически это не являлось преступлением. Но вне зависимости от того, является предложение взятки преступлением или нет, взятка оказывает давление на политическую власть в стране. При этом если мелкие корпорации страдают от взяточничества, то крупные могут сами манипулировать политическими силами. Поэтому в США за период 1990 — 2002 гг. из первых десяти компаний с повторяющимися преступлениями («компании-рецидивисты») только компания *General Electric*<sup>21</sup> была лишена в начале 2000-х годов права осуществлять деятельность на территории США<sup>22</sup>. Почему у властей такой подход к вычленению именно крупных ТНК? Это объяснимо: несомненно, крупная компания имеет гораздо большие ресурсы, чем небольшая, для защиты своих интересов в суде. Отсюда следует вывод, что не все преступления «с белым воротничком» одинаковы. Более того, из указанных десяти первых «компаний-рецидивистов» в США большинство имеет отношение к области обороны: *General Electric, Lockheed Martin, Boeing, Raytheon, Northrop Grumman, United Technologies, Thompson Rado Wooldridge*<sup>23</sup>.

Не секрет, что коррупция является фактором, тормозящим не только экономическое, но и политическое развитие государства. В частном секторе экономики коррупция увеличивает стоимость бизнеса, в государственном — отвлекает денежные потоки от социально значимых проектов, таких как образование или медицина, в те секторы экономики, где лучше работают взятки и откаты.

10 апреля 2012 г. Президент России Дмитрий Медведев поручил до июня 2012 г. проработать вопрос о дополнительных институтах противодействия коррупции, прежде всего в высших эшелонах власти. Были созваны и в настоящее время созываются многочисленные конференции. Предпринимаются ли реальные шаги в данном направлении? Поднимается ли вопрос о борьбе с корпоративной коррупцией?

Вопрос ответственности за взяточничество должен четко стоять перед населением. Причем граждане России должны понимать, что это не перекаладывание ответственности с госчиновника на частное лицо или бизнес. Ответственность госчиновника должна быть выше в разы. И состоять она должна не в эфемерном лишении свободы, которое скорее всего будет условным, а в реальном объявлении лица персоной *non grata*, т.е. в реальной невозможности устроиться на престижную работу или заниматься бизнесом, будучи раз уличенным в коррупции, реальном изъятии нечестно нажитого во благо государства и общества. Должны уйти противоречия между обществом и государством. Цена коррупции для рядового гражданина должна быть оглашена. Для истребления коррупции она должна уйти как на домашнем уровне частных компаний, так и на уровне высших должностных лиц.

<sup>1</sup> *Tanzi V.* Global financial crime: Terrorism, money laundering and offshore centres. 2004. P. ix – x.

<sup>2</sup> *Lynch E. G.* Our Administrative System of Criminal Justice. 66 Fordham Law Review 2117. 1998.

<sup>3</sup> Report of Inquiry into Crown Decision-Making in the Case of the Murder of Surjit Singh Chholar. 2001.

<sup>4</sup> *Sunstein C.* Deliberative Trouble & Why Groups Go To Extremes' 110 Yale LJ 71. 2000.

<sup>5</sup> Russia's money laundering fight questioned. ISN Security Watch. Commentary by Sergei Blagov. 2006. 20 September.

<sup>6</sup> [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ria.ru/society/20111201/503135867.html>.

<sup>7</sup> [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.buhgalteria.ru/news/n54994>.

<sup>8</sup> *Шашкова А. В.* Russian Corporate Law. М., 2009. С. 316.

<sup>9</sup> Специальный экспертный комитет Совета Европы по оценке мер борьбы с отмыванием денег.

<sup>10</sup> Принята Генеральной Ассамблеей ООН (резолюция № A/RES/58/4 от 31 октября 2003 г.).

<sup>11</sup> Конвенция ООН против коррупции. Ст. 20.

<sup>12</sup> Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ. Ст. 3, п. 2.

<sup>13</sup> *Вяземский П. А.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/>.

<sup>14</sup> *Салтыков-Щедрин М. Е.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/>.

## Международные и внутригосударственные аспекты борьбы с коррупцией

---

<sup>15</sup> [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [ww.transparency.org.ru/antikorrupcionnaia-ekspertiza/zakliucheniia-miniusta-ostanutsia-neprozh-rachnymi](http://ww.transparency.org.ru/antikorrupcionnaia-ekspertiza/zakliucheniia-miniusta-ostanutsia-neprozh-rachnymi).

<sup>16</sup> Newsweek. 07.06 – 13.06.2010. P. 12 – 14.

<sup>17</sup> *Stiglitz J.* Making globalization work. 2006.

<sup>18</sup> *Fong D.* German firms not affected by siemens scandal, experts say, deutsche welle world online. 7 May 2008 (accessed 6 June 2008).

<sup>19</sup> *Goldman M.* Political Graft: The Russian way, Current History. 2005. October. P. 313 – 318.

<sup>20</sup> [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.newsmsk.com/article/16Feb2010/ikea\\_sud.html](http://www.newsmsk.com/article/16Feb2010/ikea_sud.html).

<sup>21</sup> Компания *General Electric* 63 раза была обвинена в неправомерном поведении и оштрафована на сумму в совокупности более 1 млрд долл. США.

<sup>22</sup> *Drew K.* Compliance with anti-corruption laws through access to public procurement: sanctioning or voluntary self-regulation, background paper for workshop 4, OECD global forum on governance—fighting corruption and promoting public integrity in public procurement. 2004. 29 – 30 November.

<sup>23</sup> Project on Government Oversight. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pogo.org/p/contracts/co-020505-contractors.html> (accessed 13 May 2008).

## **МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ЛИЦ, ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ВНУТРИ СТРАНЫ. РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ**

**М**еждународное сотрудничество государств в отношении предоставления защиты вынужденным мигрантам имеет достаточно длительную историю и ведет свой отсчет еще со времен Первой мировой войны, когда были разработаны и приняты первые международные соглашения, регулирующие международную защиту и правовой статус беженцев.

Однако с тех пор прошло уже почти сто лет. За это время изменилось общее число беженцев, появились новые категории вынужденных мигрантов, среди которых основное место заняли лица, перемещенные внутри страны (также данная категория вынужденных мигрантов нередко именуется внутренне перемещенными лицами).

Масштабы потоков данной категории вынужденных мигрантов, постоянный рост их совокупного числа, порой превышающий общее число самих беженцев, отсутствие международно-правовой базы, регулирующей их правовой статус, стали основными причинами начала процесса международного сотрудничества государств в данной области как на универсальном, так и на региональном уровне.

В данной статье предметом нашего исследования станет международное сотрудничество государств в отношении лиц, перемещенных внутри страны, на региональном уровне.

В настоящее время на региональном уровне осуществляется разработка международных стандартов и международно-правовых актов, регулирующих правовой статус и защиту лиц, перемещенных внутри страны (далее — ЛПВС). Так, 11 ноября 2010 г. была принята Бразильская декларация о защите беженцев и лиц без гражданства<sup>1</sup>, в которой подчеркивается необходимость дальнейшего поиска долгосрочных решений проблем ЛПВС и содержится призыв обмениваться опытом в области оказания помощи ЛПВС и их защиты, полученным при осуществлении Мексиканской декларации и Плана действий, которые признаются важным инстру-

ментом сотрудничества государств по оказанию помощи ЛПВС и беженцам. В Декларации было также отмечено, что действующее национальное законодательство государств о беженцах и ЛПВС учитывает особенности, связанные с полом, возрастом, различием в положении данных лиц, для того чтобы оказывать помощь с учетом особых обстоятельств женщинам, мужчинам, детям, пожилым, инвалидам, коренным народам и выходцам из стран Африки.

Но наибольших успехов в международно-правовом регулировании защиты ЛПВС удалось достичь на Африканском континенте. По данным Африканского союза<sup>2</sup>, в январе 2009 г. в Африке насчитывалось приблизительно 11,6 млн ЛПВС. Основными причинами вынужденного внутреннего перемещения населения в Африке являются вооруженные конфликты, а также природные бедствия и реализация строительных проектов. Именно поэтому государствами данного континента предпринимаются наиболее активные меры по поиску решений проблем данной категории вынужденных мигрантов.

В рамках Международной конференции по району Великих озер в Африке 15 декабря 2006 г. был принят Пакт о безопасности, стабильности и развитии в районе Великих озер<sup>3</sup>. Статья 12 Пакта предусматривает принятие Протокола по вопросу защиты ЛПВС и оказания им помощи, согласно которому государства, среди прочего, принимают на себя обязательство по имплементации Руководящих принципов по вопросу о перемещении лиц внутри страны 1998 г. в национальное законодательство. В 2006 г. Протокол<sup>4</sup> был принят, а в 2008 г. вступил в силу. В настоящее время данный документ является единственным действующим международным договором в области защиты ЛПВС. Однако Пакт и Протокол были ратифицированы ограниченным числом стран (11 государствами — участниками конференции) и действует, таким образом, на субрегиональном уровне. В Протоколе предусмотрена достаточно узкая цель — имплементация Руководящих принципов в законодательство государств — участников Протокола. По этим причинам данный договор не может стать основополагающим международным соглашением для защиты ЛПВС в Африке.

Наоборот, Конвенция Африканского союза о защите лиц, перемещенных внутри страны, и оказании им помощи в Африке от 23 октября 2009 г.<sup>5</sup>, если ее ратифицируют все страны — члены Африканского союза, будет распространяться на 53 государства. Таким образом, Конвенция представляет собой международный

договор, который будет действовать на региональном уровне. Конвенция состоит из 23 статей. Основные ее положения предусматривают обязательства государств по соблюдению и обеспечению прав ЛПВС без какой-либо дискриминации. Конвенция содержит определения, включающие определение ЛПВС, соответствующее положениям Руководящих принципов (ст. 1); цели (ст. 2); обязательства государств (ст. 3–5, 9–13); обязательства международных организаций и гуманитарных учреждений (ст. 6); обязательства вооруженных групп (ст. 7); обязательства Африканского союза (ст. 8); контрольный механизм (ст. 14); заключительные положения (ст. 15–23).

В Конвенции закреплены более широкие цели, чем в предыдущем документе. Они состоят в том, чтобы расширять и укреплять региональные и национальные меры для устранения основных причин внутреннего перемещения; создать правовые рамки для предотвращения внутреннего перемещения и для защиты ЛПВС, а также для поиска долгосрочных решений данной проблемы; укрепить обязательства государств, а также вооруженных групп и негосударственных субъектов в отношении внутреннего перемещения и защиты ЛПВС.

Одной из положительных черт Конвенции является достаточно широкий перечень причин внутреннего перемещения, который включает природные бедствия, антропогенные катастрофы, изменение климата, осуществление строительных проектов (проектов в области развития). Следует обратить внимание на тот факт, что в Конвенции не используется понятие «широкомасштабные проекты в области развития», в отличие от Руководящих принципов и Протокола по вопросу защиты ЛПВС и оказания им помощи. Вместо него используется термин «проект». Такая формулировка представляется наиболее удачной, поскольку является более широкой, что упрощает применение Конвенции на практике и ее толкование.

Несомненным достоинством Конвенции является детальное изложение обязательств государств, которые делятся на обязательства: общего характера; касающиеся защиты от внутреннего перемещения; касающиеся защиты и помощи; касающиеся защиты в ходе внутреннего перемещения; в случае внутреннего перемещения в связи с осуществлением проектов; касающиеся возвращения, интеграции или переселения ЛПВС; по выплате компенсации; по регистрации ЛПВС.

Одним из важнейших положений Конвенции является п. 5 ст. 4 и п. 5 ст. 11, закрепляющие обязательства государств по отношению к сообществам, которые находятся в особой зависимости от своих земель и привязаны к ним. Государства должны защищать их от перемещения, если не затрагиваются первостепенные государственные интересы. Данная формулировка является более мягкой по сравнению, в частности, с Принципом 9 Руководящих принципов и пунктом 1с) ст. 4 Протокола по вопросу защиты лиц, перемещенных внутри страны 2006 г. о специальной защите таких сообществ. В случае возвращения сообществ занимаемые ими ранее земли должны быть беспрепятственно им возвращены.

Структура Конвенции такова, что основной упор делается не на детальное описание правового статуса ЛПВС, а на четкое формулирование обязательств государств. Это следует отнести к одному из недостатков данного международного соглашения. Однако большинство юристов<sup>6</sup> выделяет другие недостатки Конвенции. Во-первых, речь идет о том, что закрепленное в Конвенции положение о недискриминации является слишком узким и не содержит достаточное количество оснований, по которым запрещается дискриминация. Вместе с тем в преамбуле Конвенции государства подтверждают свою приверженность принципу защиты прав ЛПВС без дискриминации любого рода. Следует, однако, согласиться с критическими замечаниями, связанными с отсутствием в данном международном договоре положения о том, что ЛПВС пользуются теми же правами, что и другие лица в соответствующем государстве (Принцип 1, п. 1 Руководящих принципов).

Во-вторых, Конвенция закрепляет обязательства негосударственных субъектов, которые не могут стать ее участниками, в частности, в ст. 7. Со своей стороны отметим, что если толковать данную статью с учетом п. 11 ст. 5 Конвенции<sup>7</sup>, то можно утверждать, что речь идет скорее об обязательстве государств не допускать указанных в Конвенции нарушений, совершаемых вооруженными группами.

В-третьих, Конвенция не предусматривает учреждения эффективных механизмов контроля в отношении ее применения. Согласно распространенному мнению, Конференция государств – участников Конвенции не может рассматриваться как эффективный контрольный механизм.

Несмотря на вышеуказанные недостатки, Конвенция Африканского союза о защите лиц, перемещенных внутри страны, и оказа-

нии им помощи в Африке является важным шагом вперед по пути закрепления юридически обязательных норм международного права о защите ЛПВС на международном уровне.

В рамках Содружества Независимых Государств в начале 90-х годов прошлого столетия также был начат процесс международного сотрудничества в области защиты прав лиц, подверженных внутреннему вынужденному перемещению. Однако данный процесс характеризуется определенными особенностями, что отличает его от международного сотрудничества государств в данной сфере в рамках других региональных международных организаций. Основной отличительной особенностью данного сотрудничества стала разработка и правовое закрепление нового юридического понятия — «вынужденный переселенец», частично схожего по своему правовому содержанию содержанию с термином «лица, перемещенные внутри страны». Вначале это произошло на региональном уровне, чуть позднее — в рамках национального законодательства государств — участников СНГ.

В законодательстве РФ и международно-правовых актах, принятых в рамках СНГ, был закреплен термин «вынужденный переселенец». Согласно ст. 1 Закона РФ «О вынужденных переселенцах» от 19 февраля 1993 г. № 4530-1<sup>8</sup>, вынужденный переселенец — это гражданин РФ, покинувший место жительства вследствие совершенного в отношении него или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, ставших поводами для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка. Вынужденным переселенцем может быть признан гражданин РФ, вынужденный покинуть место жительства на территории иностранного государства и прибывший на территорию РФ; гражданин РФ, вынужденный покинуть место жительства на территории одного субъекта и прибывший на территорию другого субъекта РФ. В данную категорию могут также быть включены и лица, не являющиеся гражданами РФ: иностранный гражданин или лицо без гражданства, постоянно проживающие на законных основаниях на территории РФ и изменившие место жительства в пределах ее территории по вышеуказанным обстоятельствам. Таким образом, данное опреде-

ление отражает особенности административно-территориального деления страны: перемещение должно осуществляться из одного субъекта Федерации в другой. Кроме того, оно включает две категории лиц — возвратившихся в связи с предусмотренными обстоятельствами в Россию из иностранного государства и лиц, перемещенных в пределах территории РФ. Представляется, что последняя категория в определенной части соответствует понятию ЛПВС. Однако следует отметить, что определение, закрепленное в Законе РФ «О вынужденных переселенцах», является достаточно узким, поскольку не содержит широкого перечня причин перемещения. В Руководящих принципах предусмотрен открытый перечень таких причин и закреплены такие причины, как стихийные бедствия, бедствия, вызванные человеком, и др.

В статье 2 Соглашения о помощи беженцам и вынужденным переселенцам от 24 сентября 1993 г.<sup>9</sup> предусматривается, что вынужденным переселенцем признается лицо, которое, являясь гражданином Стороны, предоставившей убежище, было вынуждено покинуть место своего постоянного жительства на территории другой Стороны вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах, либо реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, политических убеждений, а также принадлежности к определенной социальной группе в связи с вооруженными и межнациональными конфликтами. Данной статье Соглашения было дано толкование Экономическим судом СНГ, который в одном из своих решений постановил, что в определении содержится четыре критерия, которым должно удовлетворять лицо, чтобы быть признанным в качестве вынужденного переселенца в соответствии с Соглашением в государстве, которое является его участником: лицо должно быть гражданином государства, предоставившего убежище (государства въезда); лицо должно быть вынуждено покинуть место своего постоянного жительства, причем последнее должно находиться на территории другого государства (государства выезда), при этом как государство въезда, так и государство выезда должны быть участниками Соглашения; причиной, по которой лицо вынуждено покинуть государство, должно быть совершенное насилие или преследование в иных формах, либо реальная опасность подвергнуться преследованию. Причем насилие или преследование в иных формах может быть совершено не только в отношении самого лица, но

и членов его семьи. Определение содержит исчерпывающий перечень признаков, на основании которых совершается насилие или преследование или существует реальная опасность подвергнуться преследованию: расовая или национальная принадлежность, вероисповедание, язык, политические убеждения, а также принадлежность к определенной социальной группе; должна существовать связь между совершением насилия или преследования или существованием реальной опасности подвергнуться преследованию и вооруженными и межнациональными конфликтами. Для признания лица в качестве вынужденного переселенца в соответствии с Соглашением необходимо и достаточно установить, что оно удовлетворяет всем критериям, содержащимся в определении<sup>10</sup>.

Таким образом, согласно Соглашению, вынужденный переселенец — это лицо, которое имеет гражданство государства въезда, но проживает на территории другого государства — государства выезда. Данное лицо возвращается в свою страну в связи с предусмотренными в Соглашении причинами. Очевидно, что данное определение отличается от определения, закрепленного в российском законодательстве, которое включает две категории лиц.

Рассмотрев лишь несколько примеров регионального международного сотрудничества в области международной защиты лиц, перемещенных внутри страны, следует выделить его определенные особенности.

Во-первых, данное международное сотрудничество осуществляется не во всех регионах мира, что является определенным недостатком для применения унифицированного и комплексного подхода к решению проблемы защиты ЛПВС.

Во-вторых, данное сотрудничество характеризуется тем, что государства на региональном уровне используют различные формы и методы правового регулирования и решения данной проблемы. Особенно ярко это заметно при сравнении международного сотрудничества государств в данной области в рамках Африканского союза и Содружества Независимых Государств.

В-третьих, полномасштабное международное сотрудничество в данной сфере осуществляется только в рамках одной региональной международной организации — Африканского союза, о чем свидетельствует принятие текста Кампальской конвенции.

В-четвертых, современное региональное международное сотрудничество следует охарактеризовать как носящее фрагментарный характер. Это выражается прежде всего в том, что предметом

## Международная защита лиц, перемещенных внутри страны

---

региональных международно-правовых актов становится не весь комплекс вопросов, связанный с предоставлением защиты ЛПВС, и определением их правового статуса, а лишь некоторые из них, что негативно влияет на уровень защищенности и обеспечения прав данной категории вынужденных мигрантов.

<sup>1</sup> On the Protection of Refugees and Stateless Persons in the Americas Brasilia: Declaration of 11.11. 2010. URL: <http://www.unhcr.org/4cdd3fac6.html> (accessed: 11.01.2011).

<sup>2</sup> First ever au summit on forced displacement starts Kampala, Uganda 22 October 2009: Press release. URL: [http://www.africa-union.org/root/au/index/index\\_october\\_2009.htm](http://www.africa-union.org/root/au/index/index_october_2009.htm) (accessed: 11.01.2011).

<sup>3</sup> On Security, Stability and Development for the Great Lakes: Pact of 15.12.2006. URL: [http://www.internal-displacement.org/8025708F004BE3B1/\(httpInfoFiles\)/60ECE277A8EDA2DDC12572FB002BBDA7/\\$file/Great%20Lakes%20pact\\_en.pdf](http://www.internal-displacement.org/8025708F004BE3B1/(httpInfoFiles)/60ECE277A8EDA2DDC12572FB002BBDA7/$file/Great%20Lakes%20pact_en.pdf) (accessed: 11.01.2011).

<sup>4</sup> On the Protection and Assistance to Internally Displaced Persons: Protocol of 30.11.2006. URL: [http://www.internal-displacement.org/8025708F004BE3B1/\(httpInfoFiles\)/29D2872A54561F66C12572FB002.BC89A/\\$file/Final%20protocol%20Protection%20IDPs%20-%20En.pdf](http://www.internal-displacement.org/8025708F004BE3B1/(httpInfoFiles)/29D2872A54561F66C12572FB002.BC89A/$file/Final%20protocol%20Protection%20IDPs%20-%20En.pdf) (accessed: 11.01.2011).

<sup>5</sup> For the Protection and Assistance of Internally Displaced Persons: Convention of 23.10.2009. URL: [http://www.internal-displacement.org/8025708F004BE3B1/\(httpInfoFiles\)/0541BB5F1E5A133BC12576 B900547976/\\$file/Convention\(En\).pdf](http://www.internal-displacement.org/8025708F004BE3B1/(httpInfoFiles)/0541BB5F1E5A133BC12576 B900547976/$file/Convention(En).pdf) (accessed: 11.01.2011).

<sup>6</sup> The African Union IDPs Convention: a unique opportunity to strengthen the protection of the internally displaced in Africa. 14.10.2009. URL: <http://www.fidh.org/The-African-Union-IDPs-Convention-a-unique> (accessed: 11.01.2011).

<sup>7</sup> Согласно данному пункту, государства – участники Конвенции должны обеспечить, чтобы вооруженные группы действовали в соответствии со своими обязательствами, предусмотренными ст. 7.

<sup>8</sup> О вынужденных переселенцах: Закон от 19.02.1993 № 4530-1 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 52. С. 5110.

<sup>9</sup> Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам от 24.09.1993 // Российская газета. 1995. 28 января. № 22.

<sup>10</sup> Решение Экономического суда СНГ от 11.09.2006 № С-1/14-96. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.sudsgn.org/database/deed/9\\_1996.html](http://www.sudsgn.org/database/deed/9_1996.html).

## ПОЛИТИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ПРИМЕР АЗЕРБАЙДЖАНА

### Правовая основа

Государственная политика Азербайджана в сфере устойчивого развития (далее — УР) основана на принятой в 2008 г. «Государственной программе по снижению бедности и устойчивому развитию», введенной в действие указом президента республики 15 сентября 2008 г. Это не первая программа в этом роде: ранее (с 2003 по 2010 г.) действовали Национальная программа по экологически и социально устойчивому развитию Республики Азербайджан, а также Государственная программа по снижению бедности и экономическому развитию (*SPPRED*) Республики Азербайджан на период 2003 — 2005 гг. В указанных программах подчеркивается, что их принятие и реализация увязаны с обязательствами, принятыми в Декларации тысячелетия на саммите ООН в Нью-Йорке в 2000 г., которую от имени Азербайджана подписал президент республики Гейдар Алиев.

Источниками финансирования Программы по УР являются государственный бюджет, Государственный нефтяной фонд, Государственный фонд социальной защиты, а также иные внебюджетные фонды, в том числе иностранные.

Отдельные аспекты концепции устойчивого развития Азербайджана изложены в ряде программных документов и законов. В сфере энергетических ресурсов к ним относятся: Государственная программа развития топливного и энергетического комплекса на 2010 — 2015 гг., Государственная программа по использованию источников альтернативной и возобновляемой энергии (2004 г.). В части вопросов экологии была реализована государственная программа по окружающей среде (2006 — 2010) (*The Comprehensive Action Plan about the improvement of ecological situation in the Republic of Azerbaijan for 2006—2010 years*), а в 2009 г. принят план действий по приближению законодательства Азербайджана к законодательству ЕС в сфере окружающей среды. В частности, вступили в силу

законы о предоставлении доступа к информации о состоянии окружающей среды, предотвращении загрязнения.

К мероприятиям по решению отдельных частных проблем можно отнести закон о мерах по улучшению качества питьевой воды, государственную программу по обеспечению продовольствием населения Республики Азербайджан на 2008 – 2015 гг., государственную программу по развитию туристического сектора экономики на 2008 – 2016 гг., государственную программу реализации стратегии по трудоустройству на 2007 – 2010 гг., государственную программу по развитию профессионального образования на 2007 – 2012 гг., программы по репатриации, проект по развитию сферы образования, программу по расширению доступа школ к информационным технологиям на 2005 – 2007 гг. и государственную программу информатизации образования, план действий по ускоренному развитию Баку.

## **Содержание политики устойчивого развития**

Государственный подход к реализации политики устойчивого развития в Азербайджане подробно изложен в уже упомянутой Государственной программе по снижению бедности и устойчивому развитию (далее — Программа). Основными измерениями УР признаются *экономическое благосостояние, достигаемое путем борьбы с бедностью, и экологическая стабильность*.

Проблемы борьбы с бедностью в Азербайджане связаны со всеми направлениями работы по достижению устойчивого развития. Основными причинами распространения бедности в республике являются:

- различия в скорости развития сельских и городских территорий, а также межрегиональные различия;
- различия в доходах, связанных с возрастной структурой общества и количеством детей в семьях;

Кроме того, на проблему бедности в Азербайджане накладываются следующие осложняющие факторы:

- сложная экологическая обстановка, которая оказывает негативное влияние на здоровье населения;
- отсутствие тотальной программы иммунизации детей от различных болезней;
- проблема голода и недоедания среди вынужденных переселенцев и других социально уязвимых групп населения;

- различие в качестве образования, предоставляемого школами в различных регионах страны;
- проблемы с качеством жилья для социально уязвимых групп населения, их доступа к коммунальным услугам.

Содержательно политика Азербайджана в сфере устойчивого развития согласно Программе направлена на достижение девяти стратегических целей. К ним относятся:

- 1) устойчивое экономическое развитие через макроэкономическую стабильность и сбалансированное развитие ненефтяного сектора;
- 2) увеличение возможностей для получения дохода и существенное снижение доли самых бедных слоев населения;
- 3) снижение социальных рисков пожилого населения, семей с низким доходом и других уязвимых групп населения путем создания эффективной системы социальной защиты;
- 4) продолжение системной реализации мероприятий, направленных на улучшение условий проживания беженцев и вынужденных переселенцев;
- 5) улучшение качества и доступности базовых услуг образования и здравоохранения;
- 6) развитие социальной инфраструктуры и повышение качества коммунального обслуживания;
- 7) улучшение экологической обстановки и обеспечение устойчивого управления окружающей средой;
- 8) продвижение и поддержка равенства полов;
- 9) продолжение институциональных реформ и ответственное управление.

Меры по достижению указанных целей объединены в четыре функциональные группы:

- 1) макроэкономическая стабильность и экономический рост;
- 2) политика в сфере трудоустройства и социальной защиты населения;
- 3) развитие человеческого капитала и социальное развитие;
- 4) институциональная политика и ответственное управление.

*УР и экономическая политика.* Реализация целей УР достигается через экономические меры, направленные на увеличение доходов бюджета, совершенствование бюджетного законодательства, повышение эффективности бюджетных расходов, улучшение ме-

ханизмов управления государственным долгом. В налоговой сфере намечено внедрение упрощенной системы налогообложения в отношении НДС, снижение количества таможенных и налоговых преференций. В бюджетной сфере основными мерами являются усиление контроля над расходами, в том числе за счет внедрения электронных средств контроля, и контроль над ненефтяным дефицитом бюджета. Кроме того, учитывается управление государственным долгом, в том числе долгом коммерческих организаций, получивших средства под гарантии государства. В сфере монетарной политики уделяется внимание контролю над ликвидностью, попадающей из нефтяного сектора в экономику, сохранению оптимального ненефтяного дефицита. Целью правительства в данном случае является борьба с инфляцией. В сфере финансов ставятся задачи развития банковского сектора, расширения рынков ценных бумаг и страхования.

В сфере инвестиционной политики приоритеты отдаются мероприятиям по улучшению управления инвестициями, поощрению справедливой конкуренции, экспортоориентированным отраслям, поддержке предпринимательства, особенно в сельской местности, и расширению доступа к информационным технологиям. Для реализации данных инициатив запускаются государственные инвестиционные проекты, разрабатываются долгосрочные планы развития городов и регионов, расширяется практика предоставления государственных кредитов частным предприятиям. Для поддержания конкурентоспособности собственных производителей Азербайджан, с одной стороны, ведет переговоры по вступлению в ВТО, а с другой — прорабатывает антидемпинговые меры для защиты внутреннего рынка от притока дешевой продукции из-за рубежа.

Развитие промышленности и ненефтяного сектора в соответствии с Программой поддерживается Азербайджанской инвестиционной компанией (АИК). Совместно с частными и государственными предприятиями АИК реализует проекты в отраслях сельского хозяйства, пищевой промышленности, логистики, тяжелой промышленности, а также вкладывает средства в инвестиционные фонды, управляемые совместно с иностранными партнерами.

Особое внимание в Программе уделяется вопросам продовольственной безопасности, поскольку развитие сельского хозяйства в Азербайджане связано, с одной стороны, со снабжением продовольствием малообеспеченных слоев населения, а с другой — с такими экологическими проблемами, как эрозия почв и опустынива-

ние. Учитывая, что чуть менее 50% населения страны проживает в сельской местности, сельское хозяйство остается одной из основных отраслей для трудоустройства населения.

*УР и политика в сфере трудоустройства и социальной защиты.* Основными направлениями политики в сфере трудоустройства согласно Программе являются:

- развитие системы трудоустройства и усиление социальной защиты безработных;
- приведение процесса подготовки специалистов в соответствии с требованиями рынка труда;
- улучшение процесса управления трудовыми отношениями;
- улучшение механизмов мониторинга рынка труда;
- расширение возможностей по трудоустройству социально незащищенных групп населения.

В рамках данных направлений ведется поддержка профессионального образования, создается система образования, основанная на европейских стандартах, осуществляются программы по переквалификации, социальной адаптации беженцев и вынужденных переселенцев, разрабатываются планы действий по вовлечению в предпринимательскую деятельность женщин и создания рабочих мест для женщин в секторах, где особенно явно половое неравенство.

Политика в сфере социальной защиты населения, беженцев и вынужденных переселенцев направлена на:

- улучшение системы социального страхования и пенсионной системы;
- улучшение систем целевой социальной помощи и предоставления социальных услуг;
- улучшение социальной защиты наиболее уязвимых слоев населения;
- возвращение вынужденных переселенцев на места их постоянного проживания;
- повышение доходов и улучшение возможностей по трудоустройству вынужденных переселенцев;
- улучшение доступа беженцев и вынужденных переселенцев к услугам образования и здравоохранения;
- повышение прозрачности финансовых операций в ходе предоставления помощи беженцам и вынужденным переселенцам;
- совершенствование сбора статистической информации о беженцах и вынужденных переселенцах.

*УР и развитие человеческого капитала, социальное развитие.* Приоритетными направлениями в сфере образования для республики Азербайджан согласно Программе являются:

- обеспечение равных возможностей по получению образования;
- повышение качества образования;
- улучшение управления образовательным процессом и разработка новых финансовых и экономических связей в рамках системы образования;
- расширение применения информационных технологий в системе образования;
- совершенствование сбора статистических данных и мониторинга в системе образования.

С 2005 г. Азербайджан присоединился к Болонскому процессу, в рамках которого формируются единые стандарты в сфере высшего образования.

Политика в сфере здравоохранения нацелена на совершенствование базовых услуг в системе здравоохранения, расширение доступа к услугам здравоохранения посредством увеличения доступных физических и технических ресурсов, улучшение процессов управления в системе здравоохранения и реформу финансирования сектора. Особое внимание уделяется пропаганде здорового образа жизни среди населения, усилению санитарного и эпидемиологического контроля, а также готовности к чрезвычайным ситуациям, улучшению подготовки медицинских работников и совершенствованию системы мониторинга здоровья населения.

В качестве конкретных мер по реализации политики в сфере здравоохранения можно упомянуть предоставление бесплатных лекарств бедным слоям населения, внедрение системы прививок детей, создание центров планирования семьи, внедрение системы обязательного медицинского страхования, проведение антиалкогольных и антинаркотических кампаний, запуск образовательных программ по подготовке семейных докторов, приближение законодательства в сфере здравоохранения к стандартам ЕС.

Внимание правительства Азербайджана в сфере защиты окружающей среды для целей достижения устойчивого развития направлено на:

- рациональное управление водными, лесными, земельными ресурсами, биоразнообразием;

- предотвращение опустынивания;
- расширение использования альтернативных источников энергии;
- полную переработку отходов;
- целостное управление экосистемами горных и прибрежных районов;
- улучшение правовых основ управления экологическими ресурсами;
- повышение информированности населения о проблемах окружающей среды.

Меры по реализации данного направления политики включают развитие эготуризма, санитарную защиту зон с источниками питьевой воды, реконструкцию систем водоснабжения, планы по борьбе с опустыниванием, создание специального фонда помощи предприятиям по снижению выбросов парниковых газов в атмосферу, расширение использования альтернативных источников энергии, разработку мер по полной переработке твердых бытовых и промышленных отходов, разработку образовательных материалов, касающихся вопросов защиты окружающей среды.

Вопросы развития инфраструктуры также включены в сферу интересов Программы по устойчивому развитию. Под инфраструктурой в данном случае подразумевается состояние жилищного фонда, доступность коммунальных услуг, стоимость и качество их предоставления, в частности доступ к электроэнергии и газу, обеспечение теплом и питьевой водой.

Поддержание культурного наследия является одной из частей устойчивого развития Азербайджана. Сохранение и расширение доступа к культурному достоянию и улучшение доступа к объектам национальной культуры и искусства предполагается за счет внедрения информационных технологий.

Политика в отношении равенства полов включает разработку механизмов распространения идеи полового равноправия и усиление борьбы с половым насилием, насилием над детьми и торговлей людьми. Для этого был принят национальный план по борьбе с торговлей людьми, подготовлены планы по мониторингу и предотвращению насилия в семье.

Учитывая, что более 50% населения Азербайджана составляют дети и молодежь, политика в отношении этих социальных групп также является важной для устойчивого развития страны. В этих целях проводится пропаганда здорового образа жизни среди мо-

лодежи, реализуются мероприятия по расширению возможностей активного участия молодежи в социально-политической жизни, проводится пропаганда патриотизма, предоставляется полноценная государственная поддержка талантливой молодежи, реализуются программы «Молодые лидеры».

Что касается политики в отношении семьи, то в ее рамках принимаются меры по сохранению института семьи и обеспечению его развития, обеспечению полового равноправия в семье, улучшению взаимоотношений внутри семьи, предотвращению домашнего насилия и ликвидации его последствий, меры по предотвращению ранних браков.

*УР и институциональная политика и ответственное управление.* Достижение целей устойчивого развития напрямую зависит от эффективности принимаемых решений и качества государственного управления. В рамках совершенствования механизмов управления Азербайджан проводит реформу гражданского управления, судебную и правовую реформы, ведет борьбу с коррупцией. Одновременно с этим реализуется инициатива по достижению прозрачности работы добывающих отраслей, принимаются меры по децентрализации и развитию гражданского общества, внедряются международные стандарты в области прав человека. Для этого разрабатываются и внедряются система электронного правительства, механизмы ротации и оценки эффективности работы государственных чиновников, кодексы поведения чиновников, совершенствуются системы подготовки государственных служащих. В рамках правовой и судебной реформ в стране открываются центры правовой поддержки для малообеспеченных слоев населения, в полиции создается специальное подразделение по ювенальной юстиции.

### **Сотрудничество на международном уровне**

В вопросах, непосредственно связанных с устойчивым развитием, правительство Азербайджана активно сотрудничает с международными организациями и перенимает опыт иностранных государств. Партнерами Азербайджана выступают Европейский банк реконструкции и развития, Азиатский банк развития, ОБСЕ, ряд комиссий ООН, Всемирный банк и Международная финансовая корпорация. Активная работа ведется с правительством Норвегии, частными компаниями Швейцарии, Австрии.

Вместе с ПРООН Азербайджан проводит совместную работу по снижению уровня бедности, внедрению информационных технологий и управлению окружающей средой.

ПРООН способствовала реализации программы по снижению бедности 2003–2006 гг., когда доля бедного населения была снижена более чем два раза. ПРООН также участвовала в разработке Программы по снижению бедности и устойчивому развитию на период 2008–2015 гг. Организация помогает государству отслеживать результаты принимаемых мер по снижению бедности и достижению целей тысячелетия, указанных в Декларации.

В 2007 г. был выпущен доклад «Превращая черное золото в золото людей» об использовании нефтегазовых доходов Азербайджана для целей устойчивого развития, в котором обосновывалось, каким образом развитие ненефтяного сектора, способного конкурировать на международных рынках, и вложения в человеческий капитал — развитие навыков и образование за рубежом — способствуют устойчивому развитию. В свою очередь Азербайджан после выпуска доклада принял Программу образования молодежи за границей, что демонстрирует эффективность работы НКО в стране и готовность государства прислушиваться к их рекомендациям.

Кроме того, ПРООН помогает финансировать проекты в сфере возобновляемой энергетики и экологии: организация привлекает капиталы из ЕС, *Global Environmental Facility* и от правительства Норвегии. Всего было реализовано пятнадцать совместных проектов, в которых участвовала ПРООН, — в сфере переработки твердых отходов, возобновляемой энергетики, стратегического планирования в сфере экологии, адаптации к изменению климата, эрозии почв, управления водными запасами.

Миссия ПРООН в Азербайджане участвует в проектах по улучшению управления экономикой и вовлечению частного бизнеса в достижение целей УР. Проекты, в которых участвует организация, финансируются как из государственного бюджета, так и за счет иностранных средств. В 2006–2010 гг. 65% финансирования осуществлялось за счет государственного бюджета Азербайджана.

Более того, в сотрудничестве с НКО Азербайджан ведет активную работу по привлечению опытных специалистов из передовых государств для осуществления проектов на собственной территории. Для реализации программ по очистке воды и реконструкции систем водоснабжения привлекается финансирование правительств и частные компании из Норвегии, Швейцарии, Японии.

## Политика устойчивого развития: пример Азербайджана

---

В 2010 г. совместно с Европейским союзом была инициирована программа поддержки реформ в энергетике Азербайджана. В ходе реализации данной программы был разработан план действий по ВИЭ и эффективному использованию энергии, подготовлены проект по усовершенствованию законодательства в области ВИЭ с целью приведения в соответствие с европейскими нормами, а также стратегия по разностороннему и комплексному развитию энергетического сектора. Кроме этого, Еврокомиссия поддерживает Азербайджан в реализации целей Киотского протокола.

State Program on Poverty Reduction and Sustainable Development in the Republic of Azerbaijan for 2008 – 2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cled.az/pdf/others/Azerbaijan%20Poverty%20Program%20for%202008-2015.pdf>.

Country Report: Azerbaijan. Workshop on Climate Change and its Impact on Agriculture.

Материалы государственного Агентства по Альтернативным и Возобновляемым источникам Энергии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.abemda.az/>.

Country Development Agenda and Priorities. Azerbaijan. World Bank.

The Comprehensive Action Plan about the improvement of ecological situation in the Republic of Azerbaijan for 2006 – 2010 years.

Country Report: Azerbaijan Energy Efficiency and Climate Change Policy / Imran Behbudov, Isa Aliyev. National Center on Climate Change of Azerbaijan.

Перспективы развития возобновляемой энергии в Азербайджане.

Мурад Наджафбейли, Эмин Теймуров. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ictsd.org/i/news/bridgesrussian/107668/>.

UNDP report. Legal and Regulatory Analysis of Sustainable Energy in Azerbaijan.

## ИСПАНСКАЯ ПОЛИТИКА ПЕРЕД НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ

Представляется, что в широких слоях общественности в России и за рубежом сложилась своего рода абберрация зрения относительно развития современной Испании. Долгое время очень многие разделяли преувеличенное представление о ее достижениях и, напротив, преуменьшали проблемы. Для такой абберрации зрения были веские основания. За годы демократического развития Испания добилась внушительных успехов. Была консолидирована демократия, динамично развивалась экономика, интенсивно шла социальная модернизация общества. После многовековой изоляции Испания интегрировалась в европейские институты и стала играть заметную роль на международной арене.

Глобальный финансово-экономический кризис круто изменил социально-экономическую и политическую ситуацию в Испании. Страна вошла в число самых неблагополучных в ЕС (в так называемую группу *PiIGS*, куда входят также Греция, Италия, Португалия и Ирландия). Глобальный кризис обнажил множество нерешенных проблем, как новых, так и старых, ставших хроническими, решение которых откладывалось «на потом», — экономических, социальных, политических.

Не следует упрощать ситуацию. И до 2008 г. специалисты понимали, что в испанской модели развития много «подводных камней». Но относительно высокие темпы экономического роста успокаивали и убаюкивали.

Можно согласиться с мнением ряда испанских политологов и экономистов, с приходом кризиса констатировавших наступление конца эпохи, начавшейся с приходом демократии. Это «наступление конца старой эпохи» выражается в исчерпанности избранной еще во второй половине 1970-х годов модели политического и экономического развития<sup>1</sup>.

Реформирования требует прежде всего социально-экономическая сфера. В годы кризиса произошел обвал промышленного производства, резко возросли бюджетный дефицит и задолженность, в острейшую проблему превратилась безработица (пример-

но 5 млн человек, т.е. 24% населения), по масштабам которой Испании принадлежит пальма первенства в Западной Европе. Большая, чем во многих других странах Европы, острота кризиса в Испании объясняется тем, что негативное воздействие извне наложилось на структурные диспропорции, нерешенные социально-экономические проблемы. Кризис больно ударил по трем несущим опорам сложившейся модели развития — строительству, иммиграции и туризму.

Многие годы крупномасштабное жилищное строительство было «локомотивом» испанской экономики. По некоторым оценкам, «вклад» этой отрасли в ВВП составлял 15%, в ней было занято 13% экономически активного населения. Благодаря строительству оживилась торговля, росла сфера обслуживания, производство и продажа автомобилей и т.д. В строительную отрасль были брошены основные средства. Банки предпочитали финансировать строительные компании и отказывали в кредитах промышленности. Падение спроса нанесло тяжелый удар по рынку недвижимости. В условиях глобального кризиса заметно снизилась и роль иммиграции — второго «кита» модели экономического развития. Ее лавинообразный рост в докризисный период (по темпам увеличения численности переселенцев Испания опережала тогда другие европейские страны) явно замедлился: страна стала менее привлекательной для гастарбайтеров. А расходы на социальную поддержку иммигрантов, потерявших работу, превратились в дополнительную нагрузку для властей. Упадок переживает также приоритетная для экономики туристическая отрасль, еще недавно процветавшая и обеспечивавшая работой миллионы людей. Качество услуг, предоставляемых ею, резко упало, при том что цены на них выросли. К тому же из-за проблем с экологией многие местные пляжи оказались загрязненными. В период кризиса выявились недостаточная диверсификация, технологическая отсталость, неконкурентоспособность испанской экономики. Страна нуждается в смене модели экономического развития, переходе к модели принципиально иной, адекватной современным требованиям научно-технического прогресса и основанной на индустрии знаний и высоких технологиях.

О необходимости глубоких социально-экономических преобразований свидетельствует и уровень имущественного неравенства в Испании — один из самых высоких в Западной Европе. Доходы 10% самых богатых испанцев в 7,6 раза превышают доходы самых бедных<sup>2</sup>. Средняя зарплата в Испании — одна из самых

низких в ЕС — составляет половину существующей в Германии, Голландии и Великобритании. В 2010 г. доход 20,8% испанцев был ниже уровня бедности<sup>3</sup>. В особенно тяжелом положении находится молодежь. В 2012 г. примерно 50% молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет не имеют работы. Те из них, кто трудится, зачастую вынуждены выполнять работу ниже своей квалификации (по уровню этого несоответствия Испания лидирует среди 34 стран ОЭСР). Отмечу появление нового феномена, которого не было прежде: все больше молодых испанцев с университетскими дипломами вынуждены уезжать из страны и работать за границей.

Очевидные признаки неблагополучия присутствуют и в политической системе Испании. В состоянии глубокого кризиса пребывает политическое представительство граждан, что во многом связано с отсутствием внутрипартийной демократии. Партии строятся по иерархическому принципу, носят каудильистский характер. Все решения принимаются так называемым «секретариатом», формируемым партийным лидером и очень узким кругом его доверенных лиц. Они назначают и смещают партийных функционеров, составляют предвыборные списки депутатов, в их руках находится партийная касса. Власть партийного лидера всеобъемлюща. Сместить его невозможно: если он уходит, то по собственной воле. В партиях отсутствуют открытые дискуссии. Выступить против руководящей группы — значит поставить крест на своей карьере в организации. Изменить что-либо можно, лишь получив доступ к «уху лидера».

Явные черты недемократизма присущи также избирательной системе. С 1977 г. существует система так называемых закрытых списков, применяющихся на парламентских, автономных и муниципальных выборах. Избиратель голосует за список кандидатов, предложенных партией. Очередность фамилий кандидатов определяется партийным аппаратом и не может быть изменена. Голосовать можно только за весь список, при этом новые фамилии в него добавляться не могут. У избирателей нет связи с конкретным лицом, к которому можно было бы обращаться с просьбами и требовать отзыва в случае неудовлетворенности его деятельностью. Подавляющее большинство депутатов и сенаторов неизвестны избирателям. Кандидаты знают, что никого не представляют. У них нет легитимности, необходимой для противодействия воле партийного руководства.

Система закрытых избирательных списков, с одной стороны, стимулирует отчуждение людей от политики, с другой — ведет

к олигархизации партий, ухудшению качества депутатского корпуса. Одновременно выхолащивается принцип реального разделения властей в политической системе Испании, так как парламент и правительство, состоящие из депутатов, прошедших по закрытым спискам, подчиняются власти партий. Испанский правовед Г. Ариньо Ортис называет современную избирательную систему страны порочной, «превращающей депутатов в марионеток в руках партий»<sup>4</sup>. Примечательно, что в Испании существует широкое согласие по вопросу о необходимости реформирования избирательной системы. Однако этого не происходит, поскольку лидеры партий прекрасно понимают, что проведя эту реформу, они лишатся своего доминирующего положения в политической жизни.

В серьезных изменениях нуждается судебная система. Конституция 1978 г. устанавливает принцип независимости судебной власти, порывающей с ее традиционной зависимостью от власти исполнительной. Однако на практике эта независимость не реализуется. Если в первые годы демократии члены Генерального совета судебной власти избирались самими судьями, то с 1985 г., после изменения законодательной нормы, их стали избирать депутаты нижней и верхней палат парламента, т.е. члены политических партий. Новый порядок избрания сделал этот высший орган судебной власти Испании политизированным. В нем идет постоянная борьба между представителями различных партий, парализующая его работу.

Партийные блоки присутствуют и в Конституционном суде, делая этот орган власти таким же политизированным. В реальной жизни Конституционный суд не играет отводимой ему Основным законом роли арбитра при рассмотрении заявлений о неконституционности законов и парламентских актов, разрешении споров о разграничении полномочий между государством и региональными автономиями, а проводит в жизнь волю исполнительной власти. По словам испанского правоведа Х. Банаклоче Палао, «главные проблемы, с которыми сегодня сталкивается испанская юстиция, связаны с отходом от модели, установленной конституцией. Чем более политизируется судебная власть, принимая во внимание политические интересы либо национальных, либо националистических партий — при неочевидном и необъяснимом сотрудничестве с ними Конституционного суда, — тем более неэффективной и дистанцированной от граждан и защиты их прав она становится»<sup>5</sup>. Среди испанцев распространено мнение о пристрастности и необъективности судей. В 2009 г. только 27,4% респондентов со-

гласились с тем, что «суды наказывают виноватых независимо от того, кто они» (66,8% с этим не согласились)<sup>6</sup>.

Нерешенные проблемы испанского правосудия этим не ограничиваются. Так, расширение прав автономных областей в судебной сфере, предпринятое в 1990 г. по решению Конституционного суда, привело к отсутствию координации действий между органами судебной власти в центре и на местах, нечеткости в разграничении полномочий. Необходимость реформирования системы правосудия определяется также острой нехваткой кадров и недостаточным финансированием. В Испании меньше судей, чем во многих других странах Европы, судопроизводство отличается медлительностью, накапливается множество дел, по которым годами не выносятся решения. Среди населения распространено мнение, что связываться с судебными органами — значит попусту тратить время и деньги, их престиж весьма низок. Промедление с реформированием судебной системы чревато подрывом устоев правового государства.

Изменений требует институт автономий. Для отношений центр—регионы характерны просчеты в управленческой политике: нецелевое и бесконтрольное расходование средств, разбухание административного аппарата автономий. Испанский профессор Ф. Кастаньон назвал свою книгу, посвященную состоянию дел в институте автономий, метким словом «бесхозяйственность»<sup>7</sup>.

Отдельно следует упомянуть ширококомасштабную коррупцию, поразившую различные сферы общественной жизни. Опросы общественного мнения, проведенные в последние годы, свидетельствуют об убежденности многих испанцев в том, что коррупция превратилась в интегральную часть политической и экономической системы страны. Люди отмечают, что властные структуры не соблюдают принцип социального равенства в отношении к гражданам. Так, по мнению 74,1% опрошенных «обеспеченные люди имеют явные налоговые льготы по сравнению с людьми среднего достатка». По данным другого опроса, 56% респондентов считали, что «самое важное условие для того, чтобы разбогатеть в испанском обществе, — это иметь хорошие связи и развивать их» (только 18% опрошенных придерживались мнения, что для этого «нужно иметь хорошие идеи и стараться развивать их») <sup>8</sup>.

Примечательно, что Испания принадлежит к числу стран ЕС с наиболее низким уровнем межличностного доверия. Особенно низок уровень доверия к политикам: 61,1% респондентов согласились с тем, что «большинство политиков занимаются политикой

только потому, что могут извлечь личную выгоду». А по мнению 76%, «те, кто находится у власти, всегда ищут личную выгоду»<sup>9</sup>. Видя глубокий разрыв между традиционно сильным в Испании идеалом социальной справедливости и каждодневными реалиями, значительная часть общества утрачивает веру в действенность политики и относится к ней с изрядной долей цинизма.

В годы экономического кризиса Испанию захлестнули массовые протестные акции, причем не только традиционные выступления трудящихся, возглавлявшиеся профсоюзами. В 2011 г. появилась новая оригинальная форма социального протеста — так называемое «движение возмущенных». На улицы и площади 60 испанских городов вышли люди, разбившие здесь палаточные лагерь и потребовавшие глубоких политических и социально-экономических перемен. Волнения продолжались несколько месяцев, до поздней осени. Это было самое мощное проявление политической активности гражданского общества в Испании за всю более чем 30-летнюю историю испанской демократии.

В движении участвовали люди разных профессий, социального статуса, возрастов — работающие и безработные, домохозяйки и иммигранты. Основную массу участников движения составляли молодые люди, остро ощущающие отсутствие жизненных перспектив. Выделяются по крайней мере две отличительные особенности «движения возмущенных».

Первая особенность. В отличие от многих европейских стран, где массовые протестные действия стали реакцией на антикризисные меры жесткой экономии, в Испании «возмущенные» требовали прежде всего улучшения функционирования политической системы, совершенствования и углубления демократии. Они выступали за то, чтобы сделать испанскую демократию реальной, соответствующей нормативным требованиям. Лозунг, наиболее часто повторявшийся на манифестациях: «Нет, нет, они нас не представляют». Разумеется, сказанное не означает, что в движении отсутствовали социально-экономические требования.

Вторая особенность «движения возмущенных» — это принципы его функционирования. У него не было организационного центра, лидеров и иерархии. Решающую роль в создании движения сыграли социальные сети. Испания стала одной из стран, опыт которых показал способность в кратчайшие сроки и с минимальными затратами мобилизовать большие группы населения благодаря Интернету. Еще вчера совершенно не знакомые друг другу люди раз-

ных профессий и возрастов сегодня объединились в борьбе за общие интересы. На площадях, где проводились ассамблеи, не было старших. Каждый мог выступить и изложить свою точку зрения, царили полное равенство, атмосфера доброжелательности и взаимного уважения. Решения принимались на основе консенсуса.

«Возмущенные» бросили вызов традиционному для Испании вертикально-каудильистскому принципу партийного строительства. В противовес ему отношения в движении строились по горизонтальному принципу. По существу «возмущенные» стремились к «прямой демократии», полагая, что чем меньше регулирования и посредников между управляющими и управляемыми, тем лучше.

У этого движения был целый ряд слабостей, прежде всего отсутствие конкретной и целостной идейно-политической платформы, неразработанность системы приоритетов в своих действиях в общенациональном масштабе. Но главное состоит в том, что для испанского общества те несколько месяцев, когда «возмущенные» были на политической сцене, стали моментом истины. Они привлекали внимание миллионов испанцев к проблемам, действительно требующим решения. В октябре 2011 г. 73% опрошенных испанцев считали, что «возмущенные» правы, а еще 63% полагали, что они должны продолжать свои действия<sup>10</sup>.

Испания все глубже входит в полосу турбулентности. Осенью 2012 г. к непрекращающимся социальным конфликтам добавился острый конфликт Центра с самой развитой и богатой автономной областью — Каталонией, в которой проживают свыше 7 млн жителей. Каталонцы всегда требовали признания своего отличия от остальной Испании. «Мы — другие», «Каталония — не Испания, а Испания — не Каталония» — таково мироощущение части жителей региона. Однако националистические устремления большинства каталонцев обычно ограничивались требованиями расширения автономии в составе Испании. Ныне каталонский национализм вышел на новые рубежи: никогда прежде движение за независимость не приобретало такого размаха. Осенью 2012 г. в Барселоне состоялась манифестация, в которой, по разным оценкам, участвовали 1,5 — 2 млн человек, требовавших независимости под лозунгом «Каталония — новое государство в Европе». Каталония оказалась в одном ряду с Шотландией и Квебеком, где происходят сходные процессы.

Истоки нынешнего конфликта Каталонии с центральной властью восходят к политико-юридической борьбе вокруг ее нового автономного статута. Расширивший права автономии, он был одоб-

рен в 2008 г. Однако семь субъектов права сочли, что целый ряд положений нового статута противоречит конституции Испании и оспорили их в Конституционном суде. Последний в июне 2010 г. вынес вердикт, признававший высокую степень самоуправления, обретенную Каталонией, и вместе с тем относивший 14 статей автономного статута к числу полностью или частично неконституционных. Большинство опрошенных каталонцев расценили такое решение Конституционного суда как оскорбительное.

Масла в огонь добавил экономический кризис, больно ударивший по Испании. В условиях политики жесткой экономии, проводимой правительством консервативной Народной партии, автономии, на которые приходится вся тяжесть этой политики, испытывают огромный недостаток финансовых средств. Самым задержавшим регионом является именно Каталония. Ее долг составляет 42 млрд евро. Среди каталонцев распространено убеждение, что они отдают в казну больше, чем остальные районы Испании, а обратно получают меньше, т.е. содержат другие, менее зажиточные автономии («Мадрид грабит нас»). На состоявшейся в сентябре 2012 г. встрече председателя правительства Испании Мариано Рахоя и председателя Женеалитата (автономного правительства Каталонии) Артур Маса последний потребовал создания в автономии независимого министерства финансов и полного контроля Каталонии над собираемыми налогами.

Для правительства Народной партии это требование неприемлемо. И дело здесь не только в том, что консерваторы непреклонно отстаивают нынешнюю модель института автономий, считая ныне действующую конституцию Испании неприкосновенной. Существенно также, что у правительства просто нет средств, чтобы компенсировать потенциальные потери от предоставления Каталонии финансовой самостоятельности. Ориентация каталонских националистов на повторение исторически сложившейся и существующей многие века схемы финансовых отношений с Центром баскских провинций, согласно которой большая часть собираемых налогов остается в ведении местных властей, в данном случае неуместна. Вклад в национальный бюджет налоговых поступлений Каталонии, которая по численности населения в три раза превосходит Страну Басков, значительно больше вклада последней. Изъятие из национального бюджета значительной части каталонского вклада чревато финансовой катастрофой в нынешней тяжелой экономической ситуации.

В ответ на отказ Мадрида предоставить Каталонии финансовую самостоятельность власти автономии призвали руководство Евросоюза предоставить им «дорожную карту» по выходу из Испании и вступлению прямо в ЕС. Одновременно Мас объявил о проведении 25 ноября 2012 г. внеочередных парламентских выборов. Верхушка каталонской политической элиты рассчитывает на нынешней волне подъема сепаратистских настроений набрать такое количество голосов, которое позже позволит успешно провести референдум о независимости региона. Ее не смущает, что, согласно конституции Испании, автономии не могут проводить референдум без разрешения испанских властей. Иными словами, вопрос о независимости регионов не может быть разрешен в рамках конституции, которая не предусматривает выхода из состава Испании отдельных регионов. Таким образом, в отношениях между Центром и каталонской элитой налицо признаки конституционного кризиса.

Безусловно, решающую роль в инициировании движения за независимость в Каталонии играет региональная элита, подстегиваемая своекорыстными интересами и амбициями. Вместе с тем ее лозунги падают на благодатную почву. В автономии сформировался обширный слой людей (в том числе иммигрантов и переселенцев из других регионов страны), которые воспринимают разрыв с Испанией совершенно спокойно, как дело вполне естественное. «Если Испания нас не любит, то почему бы не уйти? В чем проблема?» Многие представители каталонской элиты, равно как и «среднестатистические» сторонники обретения «свободы от Испании», совершенно не задумываются о «цене независимости». Речь идет не только о расходах, требующихся на построение собственной государственности. Начать задумываться о «цене независимости» следует, обратившись к правовым нормам Евросоюза, не предусматривающим вступления в него отдельных регионов, которые захотят отделиться от стран-членов. Трудно представить себе и то, что если дело дойдет до рассмотрения просьбы Каталонии о приеме в ЕС, его члены (та же Испания) единодушно выскажутся «за».

В условиях нынешнего дефицита средств обостряются отношения с Центром и других регионов Испании. Очагом нестабильности, как это было постоянно в годы демократии, остается Страна Басков. Хотя ЭТА заявила о прекращении вооруженной борьбы (при этом она не самораспустилась), обретение независимости Страны Басков по-прежнему является целью для многих местных националистов, которые теперь стремятся осуществить ее мирным

путем. Подъем националистического движения в Каталонии несомненно стимулирует политическую активность националистов и в Стране Басков.

Резюмируя, можно констатировать, что в наши дни испанская демократия переживает один из самых сложных моментов в своей истории. В тугой узел сплелись проблемы социально-экономического, институционального, территориально-политического характера. Внутривполитическая ситуация отличается неопределенностью и нестабильностью. Все это требует от испанских политиков высокого уровня ответственности и реализма.

<sup>1</sup> España. El final de una época. Madrid, 2009. P. 9–10.

<sup>2</sup> Reacciona. Madrid, 2011. P. 114.

<sup>3</sup> Ibid. P. 114–117.

<sup>4</sup> España. El final de una época. Madrid, 2009. P. 37.

<sup>5</sup> Ibid. P. 138.

<sup>6</sup> Claves de razon practica. Junio 2011. № 213. P. 12.

<sup>7</sup> *Castaño F.* El despilfarro. La sangria de la España autonómica. Madrid, 2011.

<sup>8</sup> Claves de razon practica. Junio 2011. № 213. P. 12.

<sup>9</sup> Ibid.

<sup>10</sup> El Pais. 24.10.2011.

## НАТО: МЕТОДОЛОГИЯ КОНЦЕПЦИЙ

### Представления о международно-политической роли НАТО после окончания холодной войны

Организация Североатлантического договора, учрежденная 4 апреля 1949 г., создавалась как инструмент координации военных потенциалов государств Западной Европы, США и Канады с целью сдерживания СССР, рассматривавшегося ими как основной источник военной угрозы. Изменения, которые СССР претерпел с начала «перестройки», завершившиеся прекращением в июле 1991 г. существования Организации Варшавского договора и последовавшим спустя несколько месяцев распадом самого Советского Союза, поставили вопрос о том, должна ли НАТО сохраниться, либо ее ожидает роспуск по примеру ОВД. Перед западной политической наукой, традиционно рассматривавшей деятельность НАТО через призму реалистических представлений о международной политике и теории «баланса сил», встала задача поиска новых оснований деятельности Североатлантического союза. Следует отметить, что и в политическом истеблишменте, и в научных кругах стран Запада на рубеже 1980–1990-х годов отсутствовала абсолютная уверенность в том, сохранится ли НАТО после исчезновения принципиального противника. Как писал в 1990 г. С. Слоан, специалист Службы исследований Конгресса США, «многие обозреватели выражают сомнения по поводу того, сможет ли НАТО эффективно продолжать свое существование без Организации Варшавского договора как своей “*raison d’etre*”». Даже те, кто считает, что НАТО должна сохраниться как политическая ячейка (*caucus*), объединяющая Запад, не могут прийти к согласию по поводу основных целей данной ячейки<sup>1</sup>. Учитывая обстоятельства, начали появляться различные альтернативные проекты обеспечения безопасности в Европе. Так, советскими дипломатами был предложен проект создания общеевропейской структуры коллективной безопасности, в которую должны были войти и страны НАТО, и государства –

члены Организации Варшавского договора. Подобная точка зрения была поддержана министром иностранных дел ФРГ Х.-Д. Геншером, предположившим, что на смену НАТО и ОВД придет новый «дружественный альянс свободных государств»<sup>2</sup>. Любопытно, что поначалу идею формирования новой архитектуры безопасности, основанной на институционализации СБСЕ, активно поддержал даже президент Чехословакии В. Гавел, впоследствии активно выступавший за расширение НАТО и присоединение к ней Чехии. Как указывает С. Слоан альтернативные проекты, предусматривающие создание на месте НАТО новой трансатлантической организации, которая носила бы политический, а не военный характер, появлялись в Европе вплоть до середины 1990-х годов. Тем не менее к тому моменту США отдали предпочтение уже существующей структуре. Как писал Слоан, ссылаясь на комментарии представителей американской администрации, к моменту, когда министры обороны Великобритании и Германии М. Рифкинд и Ф. Руэ, а также министр иностранных дел Франции А. Жюппе в феврале 1995 г. на конференции в Мюнхене выдвинули проект создания «Атлантического сообщества», американское руководство было уже вплотную занято проблемой расширения НАТО, конфликтом в Боснии, а также отношениями с Россией<sup>3</sup>.

Профессор международных отношений Высшей морской школы в Монтерее (впоследствии работавший в должности научного сотрудника Оборонного колледжа НАТО в Риме) Д. Йост, суммируя аргументы в поддержку сохранения НАТО, выдвинутые американскими исследователями, выделил несколько основных международных функций альянса, которые обусловили его «выживание» после распада ОВД. Во-первых, это продолжение участия США в обеспечении западноевропейской безопасности, которое сам автор описывает как «конструктивное и стабилизирующее». Во-вторых, по мнению Д. Йоста, НАТО на протяжении холодной войны выполняла важную роль посредника в разрешении давних конфликтов между такими участниками альянса, как Греция и Турция либо Франция и Германия, поэтому, по мнению исследователя, сохранение «сдерживающей» функции НАТО было важным условием обеспечения безопасности государств — членов ЕС в будущем. Далее, НАТО должна была стать гарантом безопасности для тех стран, которые выражали опасения в связи с процессом объединения Германии (прежде всего Франции). Проблема возможного разрастания ядерных потенциалов Франции и Великобритании

в случае ухода США из Европы также была, как полагает американский специалист, важным аргументом в поддержку необходимости сохранения НАТО. Немаловажной функцией альянса, способствующей повышению безопасности западноевропейских стран, была осуществляемая в рамках НАТО централизованная выработка оборонной политики и координация работы военных штабов стран-участниц. Кроме того, по мнению Д. Йоста, деятельность НАТО способствовала росту экономического благосостояния ее членов исходя из предположения о том, что коллективная оборона является менее затратной для каждого из государств в отдельности, нежели самостоятельное осуществление всего комплекса мер по поддержанию обороноспособности<sup>4</sup>.

В вышеприведенной аргументации отчетливо прослеживается ставшая типичной для многих (прежде всего зарубежных) исследователей в 1990 – 2000-х годах апология НАТО, выражающаяся, в том числе, в преувеличении заслуг Североатлантического союза в областях, к которым он не имел непосредственного отношения. Так, применительно к деятельности НАТО очевидно сомнительным представляется тезис о коллективной обороне как об экономическом «общественном благе», выгодами от которого пользуются все участники, поскольку США на протяжении всего существования НАТО несли основную долю расходов по поддержанию обороноспособности альянса и, следовательно, их выгоды лежат в иных плоскостях, нежели экономическая. Кроме того, по меньшей мере странным выглядит стремление записать заслугу преодоления исторических противоречий в Европе (в частности, между Францией и Германией) исключительно на счет НАТО, игнорируя позитивную роль, которую сыграла в данном процессе европейская интеграция. Представляется, что в целом подобный подход к анализу деятельности НАТО не учитывает либо сознательно оставляет «за скобками» многие обстоятельства, которые являются крайне важными для понимания международно-политической роли альянса в 1990 – 2000-е годы.

Совершенно иную точку зрения относительно проблемы реорганизации пространства европейской безопасности после завершения холодной войны предлагают российские исследователи. Например, по мнению М. А. Троицкого, в действительности за желанием сохранить НАТО со стороны США стояло стремление обеспечить через традиционные механизмы взаимодействия поддержку европейских союзников в отношении осуществления

нового глобального внешнеполитического курса и попутно не допустить ограничения своего влияния на интеграционные процессы в Западной Европе. Именно с этим связано то, что «все, кроме одного (натоцентричного), конкурирующие проекты архитектуры европейской безопасности, угрожавшие ограничением влияния на нее со стороны США, были отвергнуты»<sup>5</sup>.

Хотя на рубеже 1980 – 1990 гг. НАТО не перетерпела каких-либо организационных либо функциональных изменений, риторика официальных представителей и язык официальных документов НАТО в данный период начали пополняться идеями об изменении международной роли Североатлантического союза. На заседании Североатлантического совета НАТО в Лондоне в 1990 г. его участники приняли декларацию, в которой подчеркивалось сохранение оборонного характера альянса, однако одновременно провозглашалось намерение «усилить политическую составляющую» НАТО<sup>6</sup>. Годом спустя была принята «Новая Стратегическая концепция НАТО», ставшая первым несекретным натовским документом высшего уровня. В ней подчеркивался изменившийся характер угроз, которым альянс должен был противостоять в ближайшие годы, однако в числе первоочередных функций НАТО по-прежнему значилось «поддержание стратегического баланса» в Европе. Кроме того, была обозначена, хотя и не конкретизирована, функция кризисного реагирования и урегулирования конфликтов<sup>7</sup>.

Для того чтобы НАТО приобрела ясную международно-политическую роль, помимо принципиального желания трансформировать альянс, обозначенного в «Стратегической концепции» 1991 г., были необходимы практические идеи, позволяющие обозначить конкретное направление трансформации. Как пишет М. А. Троицкий, «понимание направлений реформирования НАТО для поддержания ее жизнеспособности после холодной войны пришло в американские политические круги достаточно быстро. Уже в апреле 1992 г. занимавший тогда пост председателя Комитета начальников штабов генерал Колин Пауэлл <...> упомянул о новых миротворческих задачах НАТО и о переходе альянса к более активным действиям по распространению демократии и политического либерализма в Европе»<sup>8</sup>. Вскоре в риторике официальных лиц НАТО кризисное реагирование и содействие распространению демократии закрепились в качестве 2 основных направлений трансформации международной политики НАТО. Тем не менее, следует

отметить, что политологические оценки реформирования НАТО значительно разнятся.

### **Кризисное реагирование и миротворчество**

По мнению М. А. Троицкого, расширение спектра задач НАТО, которое подразумевало под собой прежде всего кризисное реагирование и миротворческие функции, стало «важным элементом американской повестки дня для НАТО, направленной на сохранение дееспособности альянса и возможности использования его ресурсов в американских интересах»<sup>9</sup>. Иными словами, имеется в виду, что за усилиями США по привлечению НАТО к урегулированию конфликта в Боснии и Герцеговине в начале 1990-х годов стояли иные интересы, нежели, собственно, миротворчество и защита мирного населения. В своей книге российский ученый приводит мнение американского дипломата и ученого Дж. Гудби, который считал, что «военные операции, которые в теории и на практике несли клеймо модели коллективной безопасности, использовались в период после окончания холодной войны в целях изменения, а не сохранения статус-кво». Согласно данной точке зрения, расширение спектра военных задач НАТО вкупе с готовностью проводить операции кризисного регулирования за пределами изначальной «зоны ответственности», определяемой ст. 5 Североатлантического договора, должны были «позволить США в нужный момент использовать механизмы и инфраструктуру Североатлантического блока в реализации американских интересов на широком пространстве: от Средиземноморья до Центральной Азии»<sup>10</sup>. Хотя М. А. Троицкий и делает уточнение, что не стремится рассматривать проблематику изменения международных функций НАТО исключительно с позиций реалистической интерпретации «интересов сторон, взаимодействующих на европейской политической арене» и говорит о том, что эти интересы зачастую «проистекали из политических или моральных ценностей таких игроков, как США, Россия, Великобритания, Германия, Франция и др.», в его анализе достаточно явно прослеживается склонность рассматривать мотивации участников процесса реформирования НАТО (и прежде всего США как его основную движущую силу) с точки зрения прагматических выгод, которые данное реформирование способно принести. В своей монографии М. А. Троицкий не раскрывает подробно содержание конкретных интересов, которые преследовали США в своей ев-

ропейской политике, инициировав расширение спектра военных функций НАТО, а также осуществление военного вмешательства под эгидой НАТО в конфликты в Боснии и Герцеговине (1995 г.) и Косово (1999 г.), однако обстоятельный анализ американского подхода приводится в исследовании авторитетного российского ученого А. Д. Богатурова. По его мнению, действия на Балканах США и НАТО как коллективных лидеров международной системы являются логичным следствием сознательного отказа с их стороны от одного из основополагающих принципов международных отношений, принципа невмешательства во внутренние дела других государств, в пользу концепции «избирательной легитимности», которая ставит законность того или иного режима в зависимость от его соответствия определенному набору критериев. Степень такого соответствия субъективно определяется самими США и их союзниками. Кроме того, по мнению А. Д. Богатурова, действия США и НАТО в отношении Югославии в 1990-е годы следует рассматривать сквозь призму стратегии Вашингтона в отношении сравнительно крупных государств бывшего социалистического мира, которые потенциально могли бы составить оппозицию его глобальному курсу на формирование устойчивых и хорошо управляемых малых государств на пространстве Евразии<sup>11</sup>. Данная стратегия, названная А. Д. Богатуровым «перемалыванием», предусматривала не прямое «индуцирование центробежных тенденций в потенциально “несогласных” с реконфигурацией Евразии государствах»<sup>12</sup>.

Если в вышеприведенных исследованиях основной акцент делается на анализе «реалистической» подоплеки процесса трансформации НАТО, то в западных публикациях необходимость реформ обосновывалась изменением характера угроз, с которыми европейские страны могли столкнуться после завершения холодной войны. Данный подход стал развитием идеи, зафиксированной в Стратегической концепции 1991 г., в соответствии с которой «вызовы безопасности для государств-союзников вряд ли станут результатом просчитанного нападения на их территорию, а скорее будут вызваны неблагоприятными последствиями волнений, которые могут возникнуть вследствие серьезных экономических, социальных и политических трудностей, включая этнические столкновения и территориальные споры, с которыми могут столкнуться многие страны в Центральной и Восточной Европе»<sup>13</sup>. В связи с этим уже упоминавшийся ранее исследователь Д. Йост предлагает проводить концептуальное разграничение между по-

нятиями «коллективная оборона» и «коллективная безопасность». Коллективная оборона, по его мнению, представляет собой взаимодействие группы государств с целью защиты от существующей или возможной угрозы со стороны другого государства или группы государств, а актом агрессии признается лишь нападение на территорию стран, заключивших соглашение о коллективной обороне. Если основной целью коллективной обороны является достижение приемлемого баланса сил, то, в свою очередь, понятие «коллективная безопасность», по мнению Йоста, воплощает в себе идеальные представления И. Канта и В. Вильсона, в соответствии с которыми все государства, стремящиеся к миру, будут сообща противодействовать любому акту агрессии, поскольку безопасность является общей и неделимой. При этом Йост утверждает, что организации, стремящиеся к коллективной безопасности, не обязательно должны быть универсальными по своему охвату — по его словам, «стремление создать систему коллективной безопасности, которая, в конечном счете, представляет из себя идею совместной ответственности за международный порядок и безопасность других, может существовать не только на глобальном, но и на региональном уровне, а принимаемые обязательства могут носить не только правовой характер, но и быть политически и морально обусловленными»<sup>14</sup>. Глубинный смысл функциональной трансформации НАТО, по логике Д. Йоста, как раз состоит в переходе от «коллективной обороны» к «коллективной безопасности».

Важным аргументом сторонников идеи о принципиальном изменении характера вызовов и угроз для стран НАТО были этнические столкновения на территории бывшей Югославии в 1990-е годы. Например, как утверждал в 1995 г. профессор Университета Вирджинии, Шарлотсвилль, Дж. Даффилд, конфликты такого рода представляли собой прямую угрозу безопасности членов НАТО, поскольку были способны вызвать значительный отток беженцев и даже распространиться на территорию соседних государств, среди которых могли оказаться и члены НАТО<sup>15</sup>. Даффилд считал, что военное вмешательство Североатлантического союза в конфликт в Боснии стало не только положительным шагом к его урегулированию, но и послужило «предупредительным» сигналом для других государств региона, в которых могли возникнуть этнические противоречия.

Д. Йост обращал внимание на то, что изначально НАТО не рассматривала возможность своего участия в конфликте в Боснии,

однако оно стало необходимым по мере того, как миротворческий контингент ООН, состоявший преимущественно из британских и французских солдат и призванный остановить насилие, продемонстрировал свою неэффективность. Йост также считает, что руководство США и НАТО было обеспокоено тем, что их неспособность остановить конфликт подорвала бы доверие к альянсу и создала опасный прецедент для других этнических конфликтов в Центральной и Восточной Европе<sup>16</sup>.

Подобный взгляд на конфликт в Боснии по сути отражал официальную позицию НАТО, обозначенную Генеральным секретарем альянса М. Вернером, по выражению которого либо «НАТО выходит за пределы своей стратегической ответственности, либо отходит от дел» (*out of area or out of business*)<sup>17</sup>. Вернер заявлял, что «в современном мире невозможно жить в стабильности, окруженной хаосом», поэтому военное вмешательство было оправдано и с точки зрения обеспечения безопасности региона Юго-восточной Европы, и европейской безопасности в целом. Важно также отметить, что руководители стран НАТО неоднократно заявляли о том, что военное вмешательство альянса в конфликты на Балканах было оправдано с моральной точки зрения. В частности, премьер-министр Великобритании Т. Блэр в апреле 1999 г. относительно интервенции в Косово заявил, что «это справедливая война, основанная не на территориальных амбициях, а на ценностях. Мы не станем мириться со злом этнических чисток»<sup>18</sup>. В связи с этим, американская исследовательница Р. Мур предложила считать споры между теми, кто считал, что косовская интервенция продиктована практическими интересами стран — участниц НАТО и теми, кто полагал, что она была основана на отстаивании моральных ценностей альянса, более не имеющими смысла, поскольку, по ее мнению, интересы НАТО состоят в защите ее ценностей<sup>19</sup>.

В целом, в 1990-е годы в западных политологических исследованиях закрепилось представление о кризисном реагировании и миротворчестве как о важнейших международных функциях НАТО после завершения холодной войны. Данное представление отражало официальную позицию альянса, новая Стратегическая концепция которого, принятая на юбилейном саммите в Вашингтоне в 1999 г., предусматривала возможность осуществления военных операций за пределами территории, обозначенной в ст. 5 Североатлантического договора. Однако в действительности уже с середины 1990-х годов в отношениях между США и их западно-

европейскими союзниками начали проявляться ощутимые противоречия в принципиальных позициях по поводу того, при каких обстоятельствах и в каких объемах альянсу следует вмешиваться в конфликты на территории третьих стран. Кроме того, как свидетельствуют данные, приводимые С. Уолландер<sup>20</sup>, в реальности военная трансформация НАТО в 1990-е годы представляла собой лишь значительное сокращение военного контингента США в Европе с 325 тыс. до 100 тыс. человек, а также суммарных контингентов европейских стран (на 500 тыс. человек). К 1999 г. численность морских, воздушных и наземных военных соединений НАТО была сокращена на 30–40%, из которых 35–60% находились в состоянии 30-дневной боеготовности (в то время, как в годы холодной войны 70–90% личного состава пребывало в состоянии двухдневной боеготовности). Незначительные изменения коснулись командно-штабной структуры НАТО, однако задача, которая появилась при проведении операций на Балканах, заключавшаяся в формировании подразделений, специально подготовленных для проведения миссий кризисного реагирования, фактически осуществлена не была. «Активные фазы» операций НАТО в Боснии и Косово, включавшие нанесение авиаударов, были осуществлены преимущественно силами американских ВВС, а к участию в миротворческих миссиях под эгидой НАТО на Балканах (Силы по выполнению мирного соглашения, Силы стабилизации и Силы для Косово) были привлечены военные контингенты стран НАТО и их партнеров, не имевшие специальной подготовки для проведения полицейских и миротворческих функций. Противоречивые итоги войны в Косово 1999 г. дали основания российской исследовательнице М. Е. Кучинской считать, что эта «сознательно инициированная Вашингтоном война имела целью отработать приемы “высокотехнологичной войны”, а не апробировать эффективность так называемого “миротворческого компонента НАТО”»<sup>21</sup>.

### **Содействие распространению демократии**

В западных исследованиях содействие развитию демократии на пространстве бывшей Организации Варшавского договора рассматривается в качестве одной из важнейших задач НАТО, способствовавших ее превращению из организации коллективной обороны в более широкую по своим функциональным возможностям структуру коллективной безопасности. При этом

предлагаются различные интерпретации влияния НАТО на процессы демократизации.

Многие западные исследователи рассматривают содействие демократии не как прямую функцию альянса, а как следствие процесса его расширения в 1990–2000-е годы. Однако Р. Мур считает, что подобная трактовка является неполной, поскольку, по ее мнению, НАТО активно использовала для распространения демократии созданные ей механизмы сотрудничества со странами бывшего социалистического лагеря (в частности, создание Совета Североатлантического партнерства, впоследствии трансформированного в Совет евроатлантического сотрудничества, а также программы «Партнерство ради мира»). Исследовательница возражает тем представителям научного сообщества, которые утверждали, что НАТО оказала незначительное влияние на процессы демократизации в странах Восточной Европы, поскольку к моменту, когда вопрос об их членстве в альянсе встал на повестку дня, в них уже прошли свободные выборы. Данная точка зрения, по мнению Р. Мур, не учитывает факт того, что в странах с длительным опытом коммунистического правления был важен не сам факт проведения выборов, а укоренение в политической культуре таких элементов либеральной демократии, как уважение прав человека и верховенство права, появление гражданского общества и создание механизмов гражданского контроля над армией. Из этого Р. Мур делает вывод о том, что НАТО, которая выдвинула странам-кандидатам набор требований к их политическому устройству, изложенных в «Исследовании о расширении НАТО», опубликованном в 1995 г., в значительной мере способствовала закреплению демократических практик, поскольку страны-кандидаты были вынуждены последовательно предпринимать усилия для соответствия данным требованиям.

Строгость критериев допуска к членству в НАТО также легла в основу концепции, предложенной американским политологом А. Киддом. Он считал, что «привилегия членства в НАТО была использована для того, чтобы поощрить те восточноевропейские государства, которые предприняли определенные политические шаги, такие, как укрепление демократии и гражданского контроля над армией, а также разрешение этнических и пограничных вопросов друг с другом»<sup>22</sup>. Кидд обращает внимание на то, что логика расширения НАТО с трудом поддается объяснению с позиции теории рационального выбора — если мотивация стран, претендую-

щих на членство, в целом понятна (по его мнению, она заключается в стремлении найти защиту от России, воспринимаемой в данных странах как угрозу), то причины, по которым члены НАТО согласились допустить в свой круг новых участников, не столь очевидны. Кидд полагает, что данные причины бессмысленно искать в военной сфере (поскольку, во-первых, Россия более не представляла серьезную военную угрозу для НАТО, во-вторых, принятие новых членов влекло за собой экономические издержки, а в-третьих, не было понятно, поможет ли принятие новых членов повысить обороноспособность альянса). Именно поэтому, с точки зрения сторонников теории рационального выбора, расширение НАТО не несло в себе положительных выгод для самого альянса. Более применимым в данном случае, как утверждает исследователь, является конструктивистский подход. Кидд цитирует одного из представителей направления конструктивизма, Ф. Шиммельфеннига, который утверждал, что расширение международной организации следует рассматривать как процесс международной социализации, понимаемой как усвоение потенциальными кандидатами норм и принципов, на которых базируется данная организация. Понимание международной роли НАТО, в соответствии с данным подходом, должно исходить из того, что страны-кандидаты будут усваивать ее нормы и ценности — демократию, свободу и верховенство закона<sup>23</sup>.

В свою очередь, Д. Джиблер и Дж. Сьюэлл предлагают еще один вариант «увязки» расширения НАТО и демократизации — по их мнению, демократическое устройство не может быть стабильным в странах, которые сталкиваются с высоким уровнем внешних угроз. По их расчетам, «вероятность демократического транзита и «выживания» демократии повышается по мере снижения уровня внешних угроз»<sup>24</sup>. Соответственно, ученые делают вывод о том, что государства, поддерживающие связи с НАТО, с большей вероятностью смогут преодолеть пограничные споры и конфликты с соседними государствами, что благоприятно скажется на стабильности их демократического устройства.

Стоит отметить, что среди западных ученых были и те, кто оценивал расширение НАТО скорее с негативной стороны. Например, в статье уже упоминавшегося А. Кидда приводится высказывание известного американского историка Дж. Л. Гэддиса, который заявил, что «расширение НАТО было непродуманным, несвоевременным и, что немаловажно, не соответствующим реалиям мира после холодной войны»<sup>25</sup>. Наиболее очевидным противоречием

в «демократизаторской» трактовке международной роли НАТО, предлагаемой в западных концепциях, является игнорирование как в научном дискурсе, так и в практической политике вопроса о том, в какой степени НАТО может содействовать демократизации России — задачи, которая представляется несравнимо более значимой, если учитывать глобальность демократизации как цели, поставленной руководством НАТО и внешнеполитическими стратегами США. Учитывая данный и другие нюансы, М. А. Троицкий полагает, что настоящей целью первого раунда расширения НАТО было ее сохранение «как формы военно-политического сотрудничества между США и Европой и влияния США на европейскую безопасность, закрепление американского влияния в Центральной и Восточной Европе, а также усиление военного потенциала Запада для противодействия казавшимся вероятными даже в постбиполярном мире угрозам с Востока»<sup>26</sup>. М. А. Троицкий полагает, что расширение придавало НАТО смысл существования в новых условиях, поскольку членство в нем было желанным для целого ряда государств. Что же касается демократической функции расширения, которая подчеркивалась и в западных публикациях, и в официальных документах НАТО, то, по мнению ученого, она была введена в политический дискурс американской стороной специально для того, чтобы легитимизировать расширение НАТО в глазах западноевропейских союзников США, которые опасались, что принятие в состав альянса новых членов способно серьезно осложнить отношения с Россией.

### **Изменение американских представлений о международной роли НАТО на рубеже 1990–2000 гг.**

Рубеж 1990–2000 гг. как отечественными, так и зарубежными исследователями принято считать началом нового этапа трансформации НАТО, связанным с тем, что отношение США к Североатлантическому союзу начало меняться под воздействием нескольких факторов, в качестве главных из которых как в зарубежной, так и в отечественной профильной литературе обычно называют оценку США итогов участия НАТО в военной операции в Косово в 1999 г., а также изменение американского внешнеполитического курса после 11 сентября 2001 г.

По мнению М. А. Троицкого, в ходе осуществления первого этапа расширения НАТО США, помимо прочего, преследовали цель укрепления военного потенциала альянса для осуществления операций в американских интересах. Однако ожидания США относительно возможностей участия их европейских союзников в военных кампаниях Вашингтона не оправдались, и к концу 1990-х годов тенденция сокращения военных бюджетов государств ЕС «привела к “фатальному” отставанию Европы от США в мощи военного потенциала и уровне военных технологий. Союзники, за исключением в некоторых случаях Великобритании, просто оказались неспособными оказывать поддержку США в военных операциях на заданном американцами технологическом уровне»<sup>27</sup>. Особенно отчетливо технологический разрыв проявился в косовской кампании 1999 г., примерно на 70% осуществленной военно-воздушными силами США. Еще одним немаловажным следствием данной военной операции, как считает М. А. Троицкий со ссылкой на высказывание председателя Военного комитета НАТО в указанный период К. Науманна, стало то, что выработка консенсусных решений, которые устраивали бы всех членов коалиции в процессе проведения операции, значительно снизила ее эффективность»<sup>28</sup>.

Р. Мур также считает, что война в Косово в 1999 г. и выявившийся в ходе нее значительный разрыв в военных возможностях между США и их европейскими союзниками повлияли на изменение американской стратегии в отношении НАТО. Как указывает исследовательница, технологическое отставание государств ЕС в военной сфере вынудило их принять так называемую «Инициативу о военных возможностях», призванную сократить их отрыв от США в области высокоточных вооружений, средств доставки войск и вооружений, систем управления войсками и т.д., однако в последующие несколько лет никаких практических усилий в данном направлении предпринято не было. По мнению большинства специалистов, именно разрывом в военных потенциалах и связанными с этим ограничениями в военном планировании было вызвано нежелание американской администрации использовать средства и возможности альянса при разработке операции против режима талибов в Афганистане в 2001 г. Как известно, тогдашнее руководство Пентагона предпочло начать операцию против режима талибов, получившую кодовое название «Несокрушимая свобода» силами ситуативной коалиции (или, как ее впоследствии стали называть, «коалиции по выбору»). В ее состав, помимо самих

США, поначалу вошла лишь Великобритания; наземная часть операции проводилась при поддержке боевиков Северного альянса Афганистана. По словам тогдашнего главы министерства обороны США Д. Рамсфельда, «именно характер миссии определяет состав коалиции; коалиция не должна определять то, как будет реализована миссия»<sup>29</sup>. Однако даже большее влияние на изменение американской повестки для НАТО, по мнению Р. Мур, оказали террористические акты 11 сентября 2001 г., которые переориентировали внешнюю политику США на масштабное противодействие международному терроризму. Первым элементом новой стратегии стало изменение подхода к расширению НАТО. США настояли на идее приглашения на саммите в Праге в 2002 г. сразу 7 из 9 тогдашних официальных претендентов, причем, как уверена Р. Мур, их оценивали с не столько с точки зрения соответствия критериям, сформулированным в «Исследованиях о расширении НАТО» 1995 г., сколько с точки зрения способности внести вклад в борьбу с угрозами, «исходящими из-за границ Европы». Хотя данное предположение противоречит ранее высказанной идее о том, что слабая военная подготовленность государств ЕС (и, очевидно, еще меньший оборонный потенциал стран-кандидатов) вынудили США в одиночку начать военную кампанию в Афганистане в 2001 г., Р. Мур, тем не менее, утверждает, что отказавшись от помощи большинства европейских союзников при подготовке войны в Афганистане, США действительно впоследствии планировали привлекать их, а также страны-кандидаты к активному участию в будущих военных операциях альянса. Это объясняется тем, что хотя общая боеспособность как европейских членов НАТО, так и стран-кандидатов была низкой, многие из них были способны осуществлять узкоспециализированные (так называемые «нишевые») миссии в рамках военных операций НАТО<sup>30</sup>. В качестве примера Р. Мур приводит чешскую армию, в которой имелись высококвалифицированные подразделения химической, биологической и радиологической защиты, аналогичные подразделения армий Болгарии и Румынии, которые вошли в состав Международных сил содействия безопасности в Афганистане (*ISAF*), сформированных после завершения основной фазы операции «Несокрушимая свобода» в декабре 2001 г. Немаловажным обстоятельством, по мнению исследовательницы, также был доступ к авиабазам и морским портам стран-кандидатов, необходимый в «глобальной борьбе с терроризмом»<sup>31</sup>. Соответственно, одним из важнейших критериев допуска к членству НАТО

после 2001 г. стала возможность практического участия и внесения своего «посильного вклада» в военные операции, проводимые под руководством Вашингтона.

В целом, по мнению Р. Мур, «новый курс» США в отношении НАТО заключался в стимулировании повышения функциональной готовности европейских членов альянса и привлечении новых участников к проведению военных операций в рамках кампании по борьбе с международным терроризмом.

М. А. Троицкий усматривает иные причины изменения натовской стратегии США в период президентства Дж. У. Буша. По его мнению, основной причиной ориентации на «лавинообразное» расширение альянса стало то, что Вашингтон полностью утратил интерес к НАТО как блоку военных союзников США. Соответственно, как пишет исследователь, если в ходе проведения Косовской кампании страны-новички смогли внести определенный вклад в ход операции, то «в 2002 г. от кандидатов требовалась только поддержка действий антииракской коалиции и выдвижение некоторых политических инициатив, направленных на содействие коалиции»<sup>32</sup>.

Несмотря на некоторые различия, можно заключить, что предложенные оценки варианта международной стратегии НАТО, предложенного США после событий 11 сентября 2001 г. и заключающегося в обеспечении преимущественно политической (и ограниченной в военном отношении) поддержки европейскими союзниками американских военных инициатив, сходятся в том, что с начала десятилетия 2000-х годов США взяли курс на политику односторонних действий, что отодвинуло на второй план роль НАТО как основного института трансатлантического сотрудничества. Следствием второстепенной роли, отводимой Вашингтоном европейским членам НАТО в реализации своей глобальной стратегии, по оценкам большинства исследователей, стал серьезный кризис в трансатлантических отношениях, наступивший в 2002 – 2003 гг.

### **Трансатлантические разногласия по поводу Ирака и оценки их влияния на международную роль НАТО**

Период 2002 – 2003 гг. называют самым трудным в истории трансатлантических отношений. Решение США о вторжении в Ирак, невзирая на позицию их важнейших союзников по НАТО,

поставило под вопрос будущее альянса как военной организации, обладающей единой стратегией. По мнению М. А. Троицкого, конфликт между США и рядом европейских членов НАТО носил фундаментальный характер: «разногласия вокруг Ирака стали отражением серьезнейших расхождений между США и крупными западноевропейскими державами, выступившими солидарно с Россией по вопросам о роли ООН в современном мире, допустимости нарушения суверенитета государства под предлогом устранения нежелательного для сверхдержавы режима, а также методах и средствах урегулирования конфликтов на Ближнем Востоке»<sup>33</sup>. В целом, тон западных публикаций относительно будущего НАТО в тот период был глубоко скептическим<sup>34</sup>. Поводом для этого служило решение интенсифицировать взаимодействие государств ЕС в целях создания Европейской политики безопасности и обороны в ответ на политику односторонних действий Вашингтона. Непосредственную опасность для американского видения роли НАТО в мире представляли дублирование военной инфраструктуры НАТО оборонными институтами ЕС, а также исключение из деятельности европейских оборонных институтов стран — членов НАТО, не входящих в ЕС<sup>35</sup>.

Возникшая в 2002 — 2003 гг. опасность раскола стратегического союза между США и ЕС вынудила США предпринять срочные меры для того, чтобы погасить конфликт. Во-первых, США сумели перехватить инициативу у ЕС в сфере оборонной политики, предложив Брюсселю использовать в рамках так называемого «соглашения Берлин-плюс» (март 2003 г.) ресурсы НАТО для проведения локальных военных операций под эгидой ЕС, в участии в которых Вашингтон не был бы заинтересован. Во-вторых, руководство США стало искать возможности для привлечения НАТО к участию в военных операциях в Афганистане и Ираке.

Трансатлантические противоречия также стали стимулом для западных исследователей — сторонников НАТО к поиску причин, по которым альянс сохранит свою значимость, невзирая на сложности в отношениях между США и ЕС. Так, британский исследователь П. Корниш, исходя из идеи о том, что споры о подходах к безопасности привели к тому, что «жизнь НАТО оказалась на волоске»<sup>36</sup>, предположил, что «соглашение Берлин-плюс» станет спасительным для будущего Североатлантического союза. По мнению исследователя, в ближайшие десятилетия государства ЕС не будут в состоянии самостоятельно обеспечивать свою оборонную политику, поэтому сохранение НАТО является крайне важным для их

безопасности. В качестве еще одного аргумента П. Корниш приводит мысль о том, что возможный в теории роспуск НАТО окончательно развяжет руки Вашингтону в его политике односторонних действий, что является крайне нежелательным для стран Западной Европы, общая оборонная политика которых еще находится в зачаточном состоянии. Наиболее же важным для успешного будущего НАТО, по мнению исследователя, является не практическое реформирование альянса «снизу», а достижение принципиальных договоренностей между руководством США и ЕС касательно основ общей политики безопасности. При этом, по мнению П. Корниша, для НАТО «было бы смертельным преодолеть противоречия по поводу иракской войны, чтобы затем определить успех как возврат к “обычной деятельности”, т.е. непродуктивной риторике 1990-х годов»<sup>37</sup>.

Р. Мур также, как уже можно было убедиться, являющаяся последовательной сторонницей НАТО, предлагает иное обоснование сохраняющейся значимости Североатлантического союза. Во-первых, по ее мнению, НАТО осталась востребованной несмотря на все разговоры о скорой «смерти» и в 2004 г. участвовала в большем, чем когда-либо, количестве миссий (взяв на себя руководство Международными силами содействия безопасности в Афганистане, продолжая на тот момент осуществлять миссию в Косово, а также оказывая логистическую поддержку польскому военному контингенту в Ираке). Развивая данную мысль, Р. Мур утверждает, что миссии, осуществляемые НАТО, являются крайне важными для обеспечения международной стабильности, и ни одна другая организация, включая ООН, не будет способна взять на себя их выполнение<sup>38</sup>. Тем не менее исследовательница также считает, что НАТО нуждается не в военной трансформации, а в «новой политической миссии», заключающейся в выработке стратегического подхода к борьбе с угрозами, с которыми сталкиваются США и ЕС в XXI в. Как пишет Мур, «НАТО больше всего нуждается в расширенной политической миссии, которая распространяется за пределы Европы в регионы, откуда с большой долей вероятности будут исходить угрозы не только для территории НАТО, но и для ее ценностей»<sup>39</sup>.

М. А. Троицкий, однако, считает, что после преодоления кризиса в отношениях с ЕС, США очень быстро определились с новой повесткой дня для НАТО. По его словам, «под влиянием Соединенных Штатов стало происходить осторожное, но неуклонное и целенап-

равненное “выдвижение” НАТО на просторы Евразии — если пока не в форме институционального расширения, то во всяком случае в виде повышения влияния, прощупывания возможностей участия альянса в разрешении наиболее стратегически важных конфликтов на континенте далеко за пределами не только Западной, но также Центральной и Восточной Европы»<sup>40</sup>. Таким образом, новая политика Вашингтона в отношении НАТО отражала перемещение сферы внешнеполитических и военных интересов США на Ближний и Средний Восток, Центральную Азию и Закавказье.

Представленный анализ публикаций, описывающих международно-политические концепции НАТО в 1990–2000-х годов, позволяет сделать вывод о том, что содержащиеся в них политологические оценки представляют совершенно разную интерпретацию не только международной роли НАТО в целом, но зачастую и конкретных событий. Напрашивается идея представить различие между различными трактовками как традиционное для международно-политической науки противоборство либерально-идеалистического подхода, апеллирующего к верховенству норм и ценностей, и реалистического, опирающегося на анализ практических интересов. Некоторые основания для подобной точки зрения имеются — например, считалось, что реализм, логика которого подсказывала скорый роспуск НАТО после самороспуска ОВД, дискредитировал себя в начале 1990-х годов, поэтому на первый план вышли либеральный и конструктивистский подходы<sup>41</sup>. Соответственно, по данной логике у российских ученых, не имевших возможности участвовать в дискуссиях 1980-х годов, имеются все основания выдвигать «реалистические» контраргументы своим «либеральным» западным коллегам. Однако бросающиеся в глаза особенности многих западных «либеральных» исследований, перегруженных ценностным компонентом и переводящих вопрос о НАТО в нормативную плоскость — является ли деятельность Североатлантического союза благотворной для международной безопасности — и дающих на него однозначно утвердительный ответ, заставляют усомниться в их научной ценности. Соответственно, если подобные построения в действительности являются не научными, а лишь наукообразными, теряется весь смысл их сопоставления с работами, целью которых является попытка определить подлинную роль и место НАТО в современной международной системе.

<sup>1</sup> *Sloan S.* NATO's Future in a New Europe: An American perspective // International Affairs. 1990. July. No 3. Vol. 66. P. 499.

<sup>2</sup> Цит. по: *Yost D.* NATO Transformed: The Alliance's New Roles in International Security. Washington, 1998. P. 48.

<sup>3</sup> *Sloan S.* European Proposals for a New Atlantic Community // CRS Report for Congress. 1995. 10 March.

<sup>4</sup> *Yost D.* Op. cit. P. 47 – 70.

<sup>5</sup> *Троицкий М. А.* Трансатлантический союз 1991 – 2004. Трансформация системы американо-европейского партнерства после распада bipolarности. М.: НОФМО, 2004. С. 144.

<sup>6</sup> Declaration on a transformed North Atlantic Alliance issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council (“The London Declaration”). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nato.int/docu/basicxtxt/b900706a.htm>.

<sup>7</sup> The Alliance's New Strategic Concept. 1991. 7–8 November. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.nato.int/cps/en/natolive/official\\_texts\\_23847.htm](http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_23847.htm).

<sup>8</sup> *Троицкий М. А.* Указ. соч. С. 146.

<sup>9</sup> Там же. С. 165.

<sup>10</sup> Там же. С. 168.

<sup>11</sup> *Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. М.* Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. С. 364.

<sup>12</sup> Там же. С. 365.

<sup>13</sup> The Alliance's New Strategic Concept. 1991. 7–8 November. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.nato.int/cps/en/natolive/official\\_texts\\_23847.htm](http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_23847.htm).

<sup>14</sup> *Yost D.* Op. cit. P. 8.

<sup>15</sup> *Duffield John S.* NATO's functions after the Cold War // Political Science Quarterly. 1995. No 5. Vol. 109. P. 769.

<sup>16</sup> *Yost D.* Op. cit. P. 199.

<sup>17</sup> Цит. по: *Moore R.* NATO's New Mission Projecting Stability in a Post-Cold War World. Praeger Security International, 2007. P. 29.

<sup>18</sup> *Ibid.* P. 50.

<sup>19</sup> *Ibid.*

<sup>20</sup> *Wallander S.* Institutional Assets and Adaptability: NATO after the Cold War // International Organization. Autumn 2000. No 4. Vol. 54. P. 718.

<sup>21</sup> *Кучинская М. Е.* Трансформация НАТО на современном этапе: Политические аспекты. М.: РИСИ, 2007. С. 15.

<sup>22</sup> *Kydd A.* Dilemma of NATO Enlargement // International Organization. Autumn 2001. No 4. Vol. 55. P. 806.

<sup>23</sup> *Ibid.* P. 805.

<sup>24</sup> *Gibler Douglas M., Sewell Jamil A.* External Threat and Democracy: the Role of NATO Revisited // Journal of Peace Research. 2006. July. No 4. Vol. 43. P. 416.

<sup>25</sup> *Ibid.* P. 802.

<sup>26</sup> *Троицкий М. А.* Указ. соч. С. 146.

<sup>27</sup> Там же. С. 160.

<sup>28</sup> Там же. С. 161.

<sup>29</sup> Цит. по: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/rumsfeld\\_text101801.html](http://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/rumsfeld_text101801.html).

<sup>30</sup> Именно данная идея впоследствии легла в основу концепции «умной обороны», принятой на саммите НАТО в Лиссабоне в 2010 г.

<sup>31</sup> *Moore R.* Op. cit. P. 88.

<sup>32</sup> *Троицкий М. А.* Указ. соч. С. 82.

<sup>33</sup> Там же. С. 85.

<sup>34</sup> *Moore R.* Op. cit. P. 97.

<sup>35</sup> *Троицкий М. А.* Указ. соч. С. 182.

<sup>36</sup> *Cornish P.* NATO: The practice and politics of transformation // *International Affairs*. 2004. No 1. Vol. 80. P. 72.

<sup>37</sup> *Ibid.* P. 73.

<sup>38</sup> *Moore R.* Op. cit. P. 108.

<sup>39</sup> *Ibid.* P. 109.

<sup>40</sup> *Троицкий М. А.* Трансатлантический союз в политике администрации Буша: Расширение в условиях трансформации интересов // Проблемы лидерства во внешнеполитической деятельности США. Итоги первого срока администрации Буша / Отв. ред. Т. А. Шаклеина. М.: ИСКРАН, 2005. С. 91.

<sup>41</sup> Подробнее об этом см.: *Wallander S.* Institutional Assets and Adaptability: NATO after the Cold War // *International Organization*. 2000. No 4. Vol. 54.

## **ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ РОССИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ В УКРАИНЕ**

**В** предлагаемой статье рассматриваются некоторые главные характеристики исторического и политического контекстов новых российско-украинских отношений и российского политического влияния в Украине. Статья подготовлена на основе многолетнего изучения того, что происходило с российским политическим влиянием в Украине между 1989 и 2004 гг., т.е. его истории в Новейшее время. Иначе говоря, оно посвящено поиску ответа на вопросы о том, боролась ли Россия за политическое влияние в Украине, как она это делала, насколько сильным было это влияние, на что направленным и каковы были его объективные результаты.

Рассматриваемые вопросы являются частью большой научной проблемы — необходимости нового прочтения российско-украинских отношений на всей их исторической протяженности. Интерес к их новейшей истории, помимо прочего, вызван нашим предположением, что эти отношения предопределили, какая из нескольких, объективно присутствовавших на рубеже 80 — 90-х годов прошлого века исторических альтернатив для СССР и Восточной Европы возобладала и реализовалась. А также уверенностью в том, что эти отношения будут оказывать сильное, а может быть, и решающее влияние на темпы модернизации в Российской Федерации и в Украине.

Эта гипотеза основывалась на том, что Советский Союз мог бы существовать, уменьшившись и видоизменившись, без одной или даже нескольких союзных республик. Без Украины, как, разумеется, и без России, он существовать не мог. Их выход из Союзного договора 1922 г. не оставил ему ни единого шанса. Причины этого пока что не до конца прояснены: какова была роль каждой из стран, было ли их полное государственное разделение объективно необходимо и что оно принесло обеим странам. Как не до конца ясно и то, насколько устойчивой будет стихийно сложившаяся новая политическая конфигурация Восточной Европы.

Нет пока что ответа и на вопрос о том, понимает ли российский политический класс и государственная администрация России значение сохранения влияния в Украине. Прямо такая задача не ставилась. И до, и после исторического рубежа — декабря 1991 г. — Украина рассматривалась им как часть России, в лучшем случае как доминион — формально независимое государство, следующее в фарватере российской политики. Судя по всему, политическое влияние России в Украине представлялось многим представителям российской элиты величиной постоянной и неизменной, определяемой силой исторической инерции и большей политической массой России.

За формальным признанием ею Украинского государства скрывалось, как оказалось, глубоко укоренившееся представление о нем как о своего рода политическом «симулякре». То, что Украина снова и снова требовала от России и мирового сообщества подтверждений своего государственного суверенитета и своей безопасности, было не только фобией и манией украинских политиков, но и объективным отражением особенностей российской политики влияния. Так, например, подписывая в 1996 г. договор с ПАСЕ, Российское государство обещало отказаться от отношения к Украине как к зоне своего исключительного влияния. Но не сделало этого, что косвенно признало, снова включив в 2011 г. это положение в условия своего выхода из-под мониторинга ПАСЕ<sup>1</sup>.

Россия объективно нуждается во влиянии на Украину. Это, на наш взгляд, бесспорно. Нам кажется, что и Украина нуждается в известном российском влиянии и помощи. Но, как считают украинские ученые, сама «российская социально-экономическая модель ограничивает ее возможности выступать в роли полюса притяжения для ее соседей». Сила российского влияния «ассоциируется преимущественно с дискурсом, обращенным к общему прошлому...»<sup>2</sup>.

С этим можно соглашаться или нет, но вряд ли можно выстроить эффективную политику влияния только на обращении к прошлому, от которого сами Россия и Украина дважды за прошедшее столетие отказывались. Причинами ослабления российского политического влияния в Украине в эти годы с российской стороны являлись: недооценка решимости украинцев обрести политическую самостоятельность; переоценка степени экономической зависимости Украины от России; нежелание видеть в Украине равного партнера; подмена политики влияния принуждением. Давлением

массой в современных условиях не могло дать и не дало результата, на который рассчитывали.

Российско-украинские отношения в той или иной мере присутствуют во всех измерениях экономического сотрудничества и безопасности в Европе. Однако лишь несколько раз за последние два десятилетия российско-украинские отношения оказывались в центре международного внимания.

Впервые в 1991 г. в связи с возможностью распада СССР. Большая политическая неопределенность, которую вполне можно было ожидать, настораживала и пугала. Даже те, кого невозможно было заподозрить в симпатиях к Советскому Союзу, полагали, что союзное государство следовало сохранить или, во всяком случае, с этим не следовало торопиться. Об этом, например, говорил президент США Дж. Буш 1 августа 1991 г. в Верховном Совете УССР, речь которого удивленные таким поворотом событий журналисты окрестили «котлетой по-киевски». Куда более основательно и убедительно незадолго до всеукраинского референдума об этом писал и «гуру» американской советологии — З. Бжезинский<sup>3</sup>.

Во второй раз это произошло в конце 1993 — начале 1994 г., когда решалась судьба ядерного оружия на территории Украины. И, наконец, уже за временными рамками нашего исследования, в 2006 и 2009 гг. в связи с так называемыми «газовыми войнами».

Однажды, а именно во время президентских выборов 2004 г. и так называемой «оранжевой революции», Украина и сама привлекла к себе пристальное международное внимание.

Однако в целом в это время Украина и ее отношения с Россией находились далеко от фокуса мировой политики. Такое не слишком пристальное внимание к ним отчасти объективно отражало небольшой, в сравнении с СССР, «удельный вес» обоих новых государств в мировой экономике и политике.

Давала о себе знать и предубежденность по отношению к России в старой и новой Европе, которая неизменно присутствовала здесь, как минимум, с Северной войны. Связана она была в равной мере и с плохой осведомленностью о ней на Западе, и с хозяйственной и политической теснотой в Старом Свете, истощенностью ресурсов экстенсивного роста. Об этом говорил Л. Лоутон во втором докладе об Украине в 1939 г. «Примерно с того же времени (объединения России и Украины в середине XVII в. — В. М.) европейским народам — кроме тех, кто отважился на заморскую экспансию, — говорил он, — приходится ютиться на полуострове на краю гига-

нтского континента, раскинувшегося от Северного моря до Тихого океана. Московия... занимает территорию около девяти миллионов квадратных миль, а все другие нации Европы теснятся на полутора миллионах квадратных миль (курсив мой. — В. М.)»<sup>4</sup>.

Довольно долго в Новое и Новейшее время Украина, несмотря на усилия нескольких поколений интеллектуалов из украинской эмиграции и просто лиц, симпатизировавших Украине, как, например, упоминавшегося уже Л. Лоутона<sup>5</sup>, Р. Сеттон Вотсона<sup>6</sup> и некоторых других, оставалась для Старого света «*terra incognita*» и стала сильно запоздалым и, по-видимому, самым последним из его «великих географических открытий».

Европейский процесс после Беловежской Пути (1991 г.) и Маастрихта (1992 г.) пошел разнонаправленно: интеграция на Западе и дезинтеграция на Востоке. При сохранении существующего сегодня положения вещей он может стать движением без цели. Во всяком случае уже сейчас ясно, что перенесение Берлинской стены на пару тысяч километров на восток и расширение ее до «санитарного кордона», включающего ряд стран Центральной и Восточной Европы и, тем более, такую страну, как Украина, не решает ни одной европейской проблемы, а лишь увеличивает их число, откладывает их решение на неопределенное время, перекладывает на будущие поколения европейцев.

В этом контексте роль Украины — страны, занимающей территорию в 603 тысячи кв. км, с населением в 45 млн человек — велика и явно амбивалентна. В хрупких, неустоявшихся отношениях России и Европейского союза Украина может стать и «пальмовой ветвью», и «яблоком раздора», может быть самым широким мостом и самой высокой стеной в Европе. Украина несколько раз в своей истории была предметом политического соперничества России и Запада.

Скорее всего, по недомыслию она остается таковой и сегодня. Значит, нет гарантий от превращения ее территории в один из главных театров военных действий, как это уже было дважды — в годы Первой и Второй мировых войн. Наиболее внимательные и дальновидные западные эксперты это видят и хорошо понимают. Не случайно упоминавшийся уже З. Бжезинский в своей новой книге «Стратегическое предвидение» предложил ни много ни мало перевести Совет Европы в Киев<sup>7</sup>.

Заявления украинских официальных лиц о «европейском выборе» Украины можно было бы только приветствовать, но они зву-

чат не слишком убедительно. Прежде всего потому, что это явный триумф. Украина, как и Россия, была, есть и всегда будет частью Европы и в географическом, и в экономическом, и в культурном отношении. «Быть в Европе», по-видимому, означает играть в ней какую-то политическую роль. Значимой самостоятельной политической роли в Европе Украина, в отличие от России, еще никогда не играла. Ныне, став самостоятельным европейским государством, она впервые может на это претендовать. Но обрести достаточный для этого политический вес она сможет только со временем и только в случае значительного ускорения своего экономического развития. А это будет трудно сделать без России, свободного доступа к ее ресурсам и рынкам.

Еще одним препятствием в объявленном «движении в Европу» для Украины являются качества ее элиты. Обретение полной политической субъектности *de facto* предполагает определенный довольно высокий уровень политической ответственности. Ни украинская, ни российская элита этим качеством в полной мере пока что не обладают. А также то, что с каждым днем нарастает ощущение неопределенности, возвращающейся на континент после десятилетий относительной стабильности и процветания.

Российская и украинская элиты грешат упрощением сложных политических задач. Обеим еще со времени их общей борьбы с союзным центром их главная политическая задача представлялась весьма упрощенно. «Заблудшим овцам» следовало возвратиться в «европейскую семью». Она же была неизмеримо сложнее. Задачи такой сложности еще ни разу не вставали в их российской или украинской истории. Смысл реформ, начатых в середине 1980-х и прерванных в начале 1990-х годов, объективно был не только в том, чтобы перевести страну (страны) в какое-то новое качество. Это можно было сделать и в каждой стране отдельно. Но дело в том, что этого уже было недостаточно, чтобы предотвратить растущее отставание от других стран. Смысл и задача реформ была в том, чтобы общество, страна обрели наконец способность постоянно изменяться, адаптироваться к новым условиям без социальных взрывов, с сохранением приобретенного полезного содержания, опыта и человеческого потенциала. Это не было понято, и обе страны пошли совершенно другим путем.

К тому же Европы, из которой в начале прошлого века уходила Россия с большей частью Украины и в которую они, как предполагалось, должны были возвратиться, уже не существовало. Распад

Советского Союза, роспуск Варшавского договора (1991), распад СФРЮ (1990), разделение Чехословакии (1993), с одной стороны, объединение Германии (1990) и Маастрихтский договор (1992 г.), с другой, не только изменили политическую карту Европы, но и создали в ней принципиально иную политическую ситуацию, в которой каждому из европейских государств, и новым европейским государствам в первую очередь, предстояло заново политически идентифицировать себя, т.е. продемонстрировать именно то качество, которым ни российское, ни украинское общество не обладали в достаточной степени и от приобретения которого отказались.

Некоторый исторический опыт у обеих стран был. В чем-то похожая политическая задача уже вставала перед ними в их истории, но решалась она всякий раз лишь частично и лишь благодаря внешнему толчку. В Украине такими «толчками» были восстание середины XVII в. и крушение Российской империи в 1917 г. В России — общий кризис второй половины XVII в., Крымская война 1853 — 1856 гг. и две войны начала XX в. — японская и Первая мировая.

То, как оба теперь уже полностью суверенных государства — Российская Федерация и Украина будут решать эту задачу на этот раз, конечно, их внутреннее дело, их общая проблема. Но у нее, как мы видели, есть и более широкое международное измерение. Даже признавая относительно малый сегодня удельный вес российской и украинской экономики в мировом хозяйстве, с такой неизвестной величиной трудно предложить какой-либо прогноз экономического развития, да и какую-либо надежную систему безопасности в Европе.

Говоря о России, следует отметить, что в ряду ее политических приоритетов новое объединение значительной части постсоветского пространства является одним из основных, если не самым важным, потому что здесь переплетаются многие внутренние и внешние политические императивы. В Украине в этом часто усматривают только историческую политическую инерцию, «имперские амбиции». Они у российского истеблишмента, несомненно, имеются. Но дело не только в этом, а и в объективных условиях. Две страны, которые после почти что вековой самоизоляции, или, на чем, наверное, будут настаивать украинские коллеги, насильственной внешней изоляции, широко открыли, распахнули вовне свои рынки и экономики, будут вовлечены в глобальные экономические и политические процессы. Вопрос только в том, как скоро

и на каких условиях. И, скорее всего, эти условия будут для них опоздавших очень не выгодными.

Для обеих было бы лучше, если бы был найден такой алгоритм сосуществования, при котором они проходили бы этот опасный поворот своей истории как минимум согласованно. Это диктуют объективные обстоятельства нынешнего этапа их экономического развития. Уж если Россия с ее сверхвостребованными и пока что сверхдорогими природными ресурсами в «одиночном плавании» по волнам мировой экономики не чувствует себя уверенно, что говорить об Украине!

Могут возразить, что экономическая интеграция на постсоветском пространстве может начаться и без Украины. Был ведь без Украины создан Таможенный союз. Без нее же пока что формируется единое экономическое пространство трех стран — России, Беларуси и Казахстана. Недавно, во время предвыборной президентской кампании в России В. Путиным была актуализирована идея Н. Назарбаева о Евразийском союзе<sup>8</sup>. Все это так, но обрести масштабы, на которые этот проект рассчитан, он без Украины не сможет. И это, как уже видно, будет самая трудная его часть.

Вся Украина (а не отдельные ее регионы) уже никогда не согласится на второстепенные роли, на роль ведомого в каком бы то ни было интеграционном проекте. Какие-то регионы, социальные слои и отдельные политические силы могли бы, но вся страна — нет. Она просто не может себе этого позволить в силу своих внутренних политических обстоятельств. Попытки же «прижать» страну с такой территорией и населением, научным и промышленным потенциалом, заставить ее послушно следовать в «фарватере» чьей-то внешней политики — дело, на наш взгляд, безнадежное. Не стоит и пробовать. Пока что это приводило только к тому, что межстрановая субсидиарность на постсоветском пространстве стала быстро превращаться в обособление, отгораживание и огораживание, международную изоляцию. Ну и, конечно, только в очень горячих головах может родиться мысль о дезинтеграции Украины и пересмотре существующих границ с ней.

Поскольку главной движущей силой новой интеграции является все-таки Россия (почему это так — это тоже интересный и сложный вопрос, о котором нужно говорить отдельно), участие или неучастие в этом проекте Украины зависит в первую очередь от характера, силы и направленности российского политического влияния.

Даже если в ближайшие годы интеграция с участием Украины не состоится, все равно трансформация политических систем в обеих странах, их экономическое развитие будут, как и ранее, как всегда, происходить при сильных взаимных влияниях. При этом очень важно хорошо понимать, что эти взаимные влияния могут быть разными по силе, но они всегда будут равными по значению. Сила действия и здесь всегда будет равна силе противодействия. В экономике, например, как считает В. Путин, «уровень кооперации между российскими и украинскими производителями очень часто такой, что друг без друга они просто встанут, не будут существовать»<sup>9</sup>. В политике всегда найдутся третьи силы, готовые поддержать антироссийский тренд в украинской политике.

Новые российско-украинские отношения, очевидно, формируются под влиянием двух противоположных тенденций: Российское государство стремилось сохранить свое влияние в Украине, а Украинское — ослабить его, диверсифицировав свои международные связи. При этом, как представляется, украинские политики недооценили объективное российское влияние на Украину, а российские его переоценили. Они не придавали «украинскому вопросу» большого значения, рассчитывая на объективные факторы влияния, прежде всего экономические. Однако экономическое притяжение России оказалось слабее, чем предполагалось.

Влияние России в Украине опиралось, как и прежде, на экономическую взаимозависимость и общую историческую память. Попытки в одностороннем порядке уйти от того и от другого породили несколько новых проблем. В Украине стал увеличиваться разрыв между западной и восточной ее частями. Российским же политикам никак не удавалось найти правильную тональность разговора с Украиной и по поводу Украины — с ЕС и США.

Таковыми в самых общих чертах являются, на наш взгляд, исторический и внешнеполитический контексты и описание исследуемой нами проблемы политического влияния России в Украине.

<sup>1</sup> Коммерсантъ. 2011. 27 января.

<sup>2</sup> *A Ghost in the Mirror: Russian Soft Power in Ukraine* by Alexander Bogomolov and Oleksandr Lytvynenko / Chatham House Briefing Paper. L.: The Royal Institute of International Affairs, January 2012. P. 2.

<sup>3</sup> Правда Украины. 1991. 30 ноября.

<sup>4</sup> *Ukraina: Europe's Greatest Problem* by Lancelot Lawton // *East Europe and Contemporary Russia*. L. Spring 1939. P. 28–60.

<sup>5</sup> Лоутон Л. Українське питання. Київ—Лондон: Національна академія наук України. Інститут історії України. Посольство Великої Британії в Україні. Фондація імені О. Ольжича / Упорядкування, наукова редакція і передмова С. Кот. Київ, 2006.

<sup>6</sup> См. об этом: Українська державність у ХХ столітті. Історико-політологічний аналіз. Київ, 1996. С. 140—142.

<sup>7</sup> [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://www.unian.net/ukr/news/news-485100.html>.

<sup>8</sup> *Путин Владимир*. Россия: Национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

<sup>9</sup> Независимая газета. 2010. 20 апреля.

## «БАЛТИЙСКИЙ ПУТЬ»: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

«Балтийский путь» — символическая акция, состоявшаяся 23 августа 1989 г., в ходе которой жители Литовской, Латвийской и Эстонской ССР выстроились в живую цепь, протянувшуюся почти на 600 км и соединившую три прибалтийские столицы. Решение о ее проведении в связи с 50-летием подписания Договора о ненападении между Советским Союзом и Германией было принято 12 августа 1991 г. на заседании в Цесисе тогда еще полуофициального Балтийского Совета<sup>1</sup>. Акция стала символом единства и взаимной поддержки прибалтийских народов — в первую очередь на пути к суверенитету. После обретения независимости странами Балтии в 1991 г. это понятие стали нередко употреблять, говоря о субрегиональной интеграции на пространстве бывшей советской Прибалтики, а также об особой общей судьбе народов, населяющих Латвию, Литву и Эстонию, предопределяющей единство их прошлого, настоящего и будущего.

Образ прибалтийского единства и представление об общности истории литовцев, латышей и эстонцев начали формироваться в советские годы. Вероятно, первым проявлением когнитивного конструирования этого региона стало возникновение в межвоенный период применительно к этим трем государствам понятия «Прибалтика», к которой в те годы нередко относили и Финляндию. Если до вхождения в состав СССР они воспринимались в основном в негативном свете — как государства антисоветского «санитарного кордона»<sup>2</sup>, то послевоенное отношение к ним изменилось на прямо противоположное. Воспринимавшиеся в массовом сознании как единый регион, прибалтийские советские республики стали соотноситься с более высоким уровнем экономического развития и благосостояния, близостью к Западу. Возникло представление о Прибалтике как «советской Европе», а, как отмечает российский социолог Р. Х. Симонян, коннотация «современная», «продвинутая», «передовая» в восприятии Прибалтики многими в России сохранилась и до сих пор<sup>3</sup>.

В самих прибалтийских республиках (в том числе в среде национальных интеллектуальных и политических элит) под влиянием опыта независимого существования в межвоенные годы в то время сформировалось устойчивое, не лишенное определенных культурно-цивилизационных оснований представление о себе как об «органической части Запада, «похищенной» Советским Союзом»<sup>4</sup>. Это способствовало формированию идеологии «Балтийского пути» — сначала во имя получения суверенитета, а затем и независимости от Москвы. Она оформилась на состоявшемся в Таллине 13–14 мая 1989 г. Съезде представителей Народных фронтов Латвии и Эстонии и литовского движения «Саюдис».

Формальная институционализация прибалтийского сотрудничества началась более чем за год до юридического выхода Латвии, Литвы и Эстонии из состава СССР (соответствующие постановления Государственного Совета СССР были подписаны 6 сентября 1991 г.). Несмотря на всю условность этого акта (учитывая их тогдашнее нахождение в составе Советского Союза), 12 мая 1990 г. был возобновлен заключенный в Женеве 12 сентября 1934 г. «Договор о согласии и сотрудничестве» (так называемая Балтийская Антанга). В подписанной В. Ландсбергисом, А. Горбуновсом и А. Рюйтелем декларации провозглашалось «образовать Совет Балтийских государств, помогая тем самым полностью восстановить государственную независимость прибалтийских республик»<sup>5</sup>.

Формирование институциональной структуры сотрудничества трех государств продолжилось созданием 8 ноября 1991 г. Балтийской Ассамблеи (БА) — межгосударственного парламента, который был призван обсуждать вопросы сотрудничества, участия государств в мировой политике. Его решения носят консультативный и координирующий характер, предложения и рекомендации могут сообщаться правительствам, парламентам, международным и региональным организациям, в которых участвуют Латвия, Литва и Эстония.

31 октября 1993 г. в Таллине была создана постоянная организация международного сотрудничества Балтийский Совет, действующая посредством механизмов Балтийской Ассамблеи и Совета министров государств Балтии. А 13 июня 1994 г. был подписан Договор о сотрудничестве парламентов и правительств Латвийской Республики, Литовской Республики и Эстонской Республики. Он предусматривал создание Балтийского Совета министров (БСМ),

а также определяя отношения между Балтийской Ассамблеей и БСМ. На уровне отраслевых министерств в том же году был учрежден Комитет старших должностных лиц (до 2004 г. в рамках БСМ работали 18 комитетов).

Со вступлением в 2004 г. в ЕС и НАТО были достигнуты многие из первоначальных целей БСМ. Некоторые сферы сотрудничества перешли в компетенцию ЕС, отдельные вопросы стали эффективнее решаться в других, более широких региональных форматах (Совет государств Балтийского моря, NB8 и др.). Поэтому странам Балтии потребовалось обновление обоснования и формы внутрирегионального сотрудничества.

Ведущие направления реформы БСМ были определены в январе 2003 г. 28 ноября премьер-министры подписали Протокол изменений Договора о сотрудничестве парламентов и правительств Латвийской Республики, Литовской Республики и Эстонской Республики. Реформа БСМ закончилась разработкой и принятием новых Положений о старших должностных лицах и рабочих группах. Они предусматривали уменьшение числа комитетов старших должностных лиц, а также определили возможность создания особых рабочих групп в тех областях, в которых нет комитетов старших должностных лиц. С 2005 г. работают пять постоянных комитетов БСМ: по обороне, энергетике, внутренним делам, транспорту и связи, а также комитет по охране окружающей среды<sup>6</sup>.

Кроме того, с 2003 года вводился институт ежегодного посменного председательства в БА и БСМ одной из стран. Так, Литва эту функцию выполняла в 2006 и 2009 гг., Латвия — в 2007 и 2009 гг., Эстония — в 2008 и 2011 гг. В 2012 г. вновь председательствует Литва. Она определила следующие приоритеты своего председательства в БСМ: развитие энергетического рынка и интеграция в энергосистемы ЕС с целью реализации стратегических энергетических проектов; совместная реализация международных инвестиционных проектов «*Rail Baltica*» и «*Via Baltica*»; укрепление оборонного сотрудничества с северными странами; основанный на знаниях экономический рост<sup>7</sup>.

Между странами Балтии в 1990-е годы одновременно формировалось и сотрудничество в военной сфере. Совместные проекты в этой области начали осуществляться еще до вступления в НАТО в 2004 г. и продолжают реализовываться и по сей день вне институциональных рамок Североатлантического альянса, что позволяет

даже говорить о фактическом создании прибалтийскими государствами «региональной структуры безопасности... и осуществлении скоординированного национального военного строительства»<sup>8</sup>. Речь идет о создании в 1994 г. системы наблюдения за воздушным пространством Балтии — *The Baltic Air Surveillance Network (BALTNET)*, весной 1998 г. — военно-морской эскадры *Baltic Naval Squadron (BALTRON)*, в 2002 г. — балтийской информационной системы управления и контроля — *The Baltic Command and Control Information System (BALTCCIS)*. Наконец, в июне 1998 г. в г. Тарту (Эстония) совместным решением министров обороны Эстонии, Латвии и Литвы был создан Балтийский оборонный колледж — *The Baltic Defence College (BALTDFCOL)*.

На сегодняшний день прибалтийское сотрудничество на концептуальном уровне продолжает фигурировать в качестве приоритета всех трех стран Балтии. Так, Программа Правительства Литвы, принятая в 2008 г., характеризовала отношения с Латвией и Эстонией как «стратегическое партнерство», которое должно основываться на «участии в четырехстороннем партнерстве с США, общих интересах осуществления проектов европейской интеграции энергетических и транспортных систем, в особенности региональных инфраструктурных проектов, и развития систем безопасности и обороны, а также координации направлений европейской политики». Кроме того, особо отмечается необходимость поощрения «сотрудничества балтийских народов — Латвии и Литвы — в сферах культуры, образования, исторического наследия и др.»<sup>9</sup>.

Латвийская позиция в отношении прибалтийских соседей носит «многосторонний и прагматичный характер». Трехстороннее сотрудничество «основывается на общих интересах и целях трех стран в области внешней политики и политики безопасности: содействие поддержанию безопасности и благополучия, экономическому развитию, деятельность в рамках ЕС и НАТО. Интенсивное сотрудничество происходит в сфере реализации энергетических, транспортно-инфраструктурных проектов, а также проектов, касающихся внутренней безопасности»<sup>10</sup>. А в ежегодном «Докладе по вопросам внешней политики и членства в Европейском Союзе», опубликованном МИД Латвии 14 января 2012 г., отношения с прибалтийскими соседями в рамках БА и БСМ тесно увязываются с сотрудничеством с Северными странами<sup>11</sup>.

Эстония в наименьшей степени привержена идее прибалтийского единства, а ее президент Томас Хендрик Ильвес известен

своим негативным отношением к причислению его страны к прибалтийским государствам, полагая, что подобная идентичность искусственная и создана в советское время<sup>12</sup>. Тем не менее на сайте эстонского МИД отмечается, что хотя страны Балтии сегодня «все члены Европейского союза и НАТО, балтийское сотрудничество не утратило своей ценности. В то же время центр притяжения их сотрудничества значительно переместился в сферу сотрудничества между всеми странами Северной Европы, в особенности это касается таких форматов, как NB8, Совет государств Балтийского моря, Стратегия ЕС для региона Балтийского моря»<sup>13</sup>.

Действительно, после обретения независимости, а затем осуществления основной цели своей внутренней и внешней политики — реинтеграции с Западом посредством вступления в ЕС и НАТО, страны Балтии практически утратили содержательное наполнение идеи прибалтийского сотрудничества. Последней его наиболее значимой составляющей остается приверженность общей виктимизированной исторической памяти, которую в большей или меньшей степени на официальном уровне демонстрируют все три страны. В результате, за два постсоветских десятилетия можно насчитать лишь несколько примеров реального и не слишком успешного сотрудничества между странами Балтии.

Это строительство единой автомагистрали «*Via Baltica*» (наибольших успехов достигла Литва, где и в советское время были лучшие автодороги), единой железнодорожной магистрали «*Rail Baltica*» (согласно проекту предполагается создание скоростной дороги Таллин—Рига—Каунас—Варшава—Берлин, однако процесс движется крайне медленно). Наконец, остается непонятной судьба строительства новой АЭС в Игналине, которую по первоначальному проекту должны были строить совместно Литва, Латвия, Эстония и Польша. Неудачей окончились и попытки прибалтийских государств воспрепятствовать строительству Североевропейского газопровода («Северный поток») и предложить свою инициативу — транспортировать газ вдоль побережья («Янтарный поток»), — в которой могли бы принять участие Литва, Латвия, Эстония и Польша. В остальном экономическое сотрудничество не выходит за рамки обычных внешнеэкономических контактов. Статистические данные взаимного импорта и экспорта (см. табл. 1, 2) указывают на то, что только для Латвии торговля с соседями имеет наибольшее значение, что связано с ее центральным положением в регионе.

Таблица 1

Доля соседних стран в экспорте прибалтийских государств (%)

Экспортер	Латвия				Литва				Эстония			
	1996	2001	2008	2011	1993	2001	2008	2011	1996	2001	2008	2011
Латвия	-	-	-	-	7,4	8,1	16,7	18,0	3,7	5,7	14,0	13,6
Литва	9,2	12,6	11,6	10,2	-	-	-	-	2,5	3,2	5,7	6,6
Эстония	8,2	8,2	9,9	7,9	5,7	4,5	5,7	4,6	-	-	-	-

Источники: <http://www.bank.lv/>, <http://www.csb.gov.lv/> (Латвия), [www.stat.gov.lt](http://www.stat.gov.lt) (Литва), <http://www.stat.ee/> (Эстония).

Таблица 2

Доля соседних стран в импорте прибалтийских государств (%)

Импортер	Латвия				Литва				Эстония			
	1996	2001	2008	2011	1993	2001	2008	2011	1996	2001	2008	2011
Латвия	-	-	-	-	6,3	8,5	16,5	18,7	5,7	6,3	7,1	7,3
Литва	1,7	1,5	5,2	6,6	-	-	-	-	1,3	1,1	2,9	2,8
Эстония	3,3	4,9	9,1	10,8	2,2	4,2	8,9	8,2	-	-	-	-

Источники: <http://www.bank.lv/>, <http://www.csb.gov.lv/> (Латвия), [www.stat.gov.lt](http://www.stat.gov.lt) (Литва), <http://www.stat.ee/> (Эстония).

Таким образом, за прошедшие с момента обретения независимости два десятилетия идея «Балтийского пути» в основном утратила свое концептуальное содержание. Были достигнуты определенные успехи в создании формальных институциональных механизмов трехстороннего взаимодействия, однако отсутствие прагматической заинтересованности в его углублении свидетельствует о вероятном достижении порога такого сотрудничества. В этой связи понятия «прибалтийское единство»/«прибалтийская интеграция» хотя и имеют право на существование, но носят весьма условный характер, который должен учитывать область применения, а также диалектику направлений региональной внешней политики, достаточно полно выраженную литовским политологом М. Юркинасом: «Самовосприятие латвийской политической элиты остается традиционно прибалтийским, лишь иногда расширяясь до пространства Балтийского моря. Эстонский дискурс имеет северный оттенок, а литовский колеблется между северобалтийской и центральноевропейской идентичностью»<sup>14</sup>. На место прибалтийской интеграции приходит общебалтийская, основанная на пока еще не до конца определенной, но формирующейся под воздействием процессов регионализации культурно-исторической общности Балтийского региона.

## «Балтийский путь»: прошлое и настоящее

---

<sup>1</sup> *Batūra R.* Į laisvę Baltijos keliu. 1989-2009 (Lietuvos laisvės kovų vietos. III knyga. Pilietinio patriotinio ugdymo medžiaga) / R. Batūra; Lietuvos Sąjūdis; Generolo Jono Žemaičio Lietuvos Karo Akademiija. Vilnius, 2009. P. 22.

<sup>2</sup> См., например: *Почс К. Я.* Санитарный кордон. Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921 – 1929 гг.). Рига: Зинатне, 1985.

<sup>3</sup> *Симонян Р. Х.* Россия и страны Балтии. 2-е изд., доп. М.: Ин-т социологии РАН, 2005. С. 29 – 30.

<sup>4</sup> *Колосов В.* Геополитический дискурс и отношения между Россией и странами Балтии / В. Колосов, Н. Бородулина // МЭ и МО. 2007. № 9. С. 97.

<sup>5</sup> *Браздзускас А.* Пять лет президента. События. Воспоминания. Мысли. М.: ЗАО «УНИПРИНТ». С. 370.

<sup>6</sup> Подробнее о деятельности Балтийской Ассамблеи и институциональных аспектах истории и современности интеграционного сотрудничества стран Балтии см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.baltasam.org/>.

<sup>7</sup> *Baltijos Taryba.* Lietuvos Respublikos Užsienio reikalų ministerija. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.urm.lt/index.php?1969990299>.

<sup>8</sup> Военное строительство в постсоветских государствах / Тематический проект Российского института стратегических исследований. 2010, 11 февраля. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.riss.ru/tematicheskie\\_proekty/?projectId=21](http://www.riss.ru/tematicheskie_proekty/?projectId=21).

<sup>9</sup> Penkioliktosios Lietuvos Respublikos Vyriausybės veiklos Programa (Lietuvos Respublikos Seimo 2008 m. gruodžio 9 d. nutarimo № XI-52 priedas). Lietuvos Respublikos Vyriausybė. 2008.12.09. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lrvk.lt/lt/veikla/vyriausybes-programa/>.

<sup>10</sup> *Baltijas valstu sadarbība / Latvijas Republikas Ārlietu ministrija.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.lv/lv/Arpolitika/BJV/Baltijas-valstu-sadarbiba/>.

<sup>11</sup> Ziņojums par valsts ārpolitiku un Eiropas Savienības jautājumiem / Latvijas Republikas Ārlietu ministrija. 2012. gada 14. janvārī. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.mfa.gov.lv/data/zinojums\\_par\\_valsts\\_arpolitiku\\_2012.pdf](http://www.mfa.gov.lv/data/zinojums_par_valsts_arpolitiku_2012.pdf).

<sup>12</sup> *BrGgemann K.* Leaving the “Baltic” States and “Welcome to Estonia”: Re-regionalising Estonian Identity // European Review of History. 2003. Vol. 10. No 2. P. 356.

<sup>13</sup> Estonian Chairmanship of the Baltic Council of Ministers in 2011 / Estonian Ministry of Foreign Affairs. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vm.ee/?q=en/node/4096>.

<sup>14</sup> *Jurkynas M.* Brotherhood reconsidered: region-building in the Baltics // Journal of Baltic Studies. 2004. Spring. Vol. 35. No 1. P. 25.

## УНИВЕРСИТЕТ В СЕТЕВЫХ ОТНОШЕНИЯХ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Проблема образования с приобретением политикообразующей функции<sup>1</sup> стала привлекать внимание специалистов в области международных отношений и мировой политики. В фокусе этих исследователей все чаще оказываются вопросы Болонского процесса<sup>2</sup>, образования как «мягкой силы»<sup>3</sup> и т.п., в меньшей степени пока — роль и социально-политические функции университета<sup>4</sup>.

В свое время университеты сыграли немалую роль в развитии не только науки, но и общества в целом. Представляется, что и в настоящее время возможен их своеобразный «ренессанс» в этой роли, только в принципиально иных масштабах и качественных отношениях.

В конце XX столетия на университет была сделана ставка в Европе при формировании процессов современного высшего образования. Именно университет был в центре внимания Университетской Хартии (*Magna Charta Universitatum*), принятой в 1988 г. в Болонье в связи с празднованием 900-летия старейшего европейского университета. Университетская Хартия в дальнейшем легла в основу Сорбонской декларации 1998 г. и Болонской декларации 1999 г., которая в свою очередь положила начало одноименному процессу.

В Университетской Хартии подчеркивалось следующее:

- автономность университета;
- независимость университета от политических и идеологических догм;
- связь исследования и образования;
- отказ от нетерпимости и ориентация на диалог.

В рамках Болонского процесса автономность университета стала означать, что именно университет принимает решения о своем полном или частичном (например, только о переходе на двухступенчатую систему и определении кредитов за каждый курс с целью постепенного подключения к процессу) включении в Болонский процесс, выборе партнеров, определении кредитов за тот или иной курс и др. Университет в конечном итоге, а не студент или

преподаватель, определяет, в какой из университетов ехать для продолжения обучения или чтения лекций и т.д. Именно университет в Болонском процессе является ключевой единицей интеграции высшего образования.

Путем предоставления университету автономности решается проблема совместимости учебных программ университетов как внутри одной европейской страны, так и в различных странах. В результате этого происходит своеобразная «самонастройка» и адаптация университетского образования — его гармонизация, а не унификация.

Болонский процесс и сформированное на его базе в 2010 г. европейское пространство высшего образования<sup>5</sup> осуществляется на основе межгосударственных соглашений, тем самым университет включается в процессы интеграции. В то же время часто университет заключает соглашения с другими университетами, находящимися вне рамок европейского пространства высшего образования. В этом случае университет вовлекается в процессы транснационализации, составляющие суть глобализации. Иными словами, с мирополитической точки зрения университет оказывается своеобразным звеном, «соединяющим» процессы интеграции и глобализации. Справедливости ради необходимо отметить, что университет здесь не уникален. Бизнес, например, функционирует по такой же схеме.

Болонским процессом не ограничивается роль университета в глобализационных процессах мира. Современный университет оказывается в центре множества сетевых отношений.

Во-первых, это взаимодействие как с зарубежными университетами-партнерами, так и с университетами своей страны. Осуществляется оно в различных формах, например, в рамках программы двойных дипломов, обменов, совместных программ нескольких университетов\* и т.п.

В междууниверситетских сетевых структурах одновременно существуют сотрудничество и конкуренция.

Сотрудничество налаживается прежде всего между наиболее сильными университетами. Они же, как правило, формируют и различного рода ассоциации (профильные внутри одного государства, международные и др.). Примерами таких ассоциаций мо-

---

\* Например, такая совместная программа по международным отношениям существует у трех университетов Германии: Свободного университета Берлина, Потсдамского университета и университета Гумбольдта. И по этой программе выдается двойной диплом с МГИМО (У).

гут служить Международная ассоциация университетов, созданная в 1950 г. при поддержке ЮНЕСКО и объединяющая 150 университетов<sup>6</sup>, Евразийская ассоциация университетов, созданная в 1989 г.<sup>7</sup>, Международная ассоциация президентов университетов, созданная в 1964 г.<sup>8</sup>, и др.

Различная включенность в сетевые структуры усиливает стратификацию университетов. В настоящее время в мире все более четко выделяются три группы университетов.

*Первая группа* — это наиболее успешные и престижные университеты (по отдельным отраслям науки или в целом), хорошо интегрированные в межвузовские сетевые отношения и формирующие профессиональную сеть.

*Вторая группа* — университеты, которые отчасти принадлежат к «первому кругу». Они стремятся войти в него полностью. Эти университеты имеют сетевые отношения с другими вузами, главным образом в своей стране, но связи в значительной степени ограничены (в том числе имеют в основном региональный характер).

*Третья группа* — университеты, которые практически не включены в межуниверситетские связи. Это «аутсайдеры», работающие на локальном уровне.

Границы между тремя группами университетов являются «подвижными», т.е. университеты могут перемещаться из одной группы в другую.

Кроме кооперативных связей и отношений между университетами предполагается жесткая конкурентная борьба. Разумеется, такая конкуренция существовала и ранее. Однако сегодня, в условиях корпоративных сетей и процессов транснационализации, она приобретает иной характер и иные масштабы.

Во-вторых, готовя специалистов разного профиля, университет занимается организацией студенческой практики, помогает выпускникам в поиске работы после окончания университета и т.д. В результате современный университет устанавливает тесные связи с бизнесом, структурами власти различного уровня, аналитическими центрами, неправительственными организациями и другими организациями работодателей.

В свою очередь работодатели проявляют активный интерес к налаживанию таких взаимоотношений с университетом. Для них это открывает возможности поиска и отбора будущих кадров, представления своей организации для широкой аудитории, а также возможности параллельно с основной деятельностью преподавать

и вести научную работу. В настоящее время все шире развивается практика, когда компания основывает кафедру в университете, благодаря чему формируются наиболее тесные связи образования и практической деятельности.

Значимой структурой в поддержании и развитии связей с различными структурами общества становится ассоциация выпускников. Через ассоциацию также нередко осуществляются и различные варианты спонсорской помощи.

В-третьих, университет все чаще и в большей степени становится значимой структурой гражданского общества. Он выступает дискуссионной площадкой для обсуждения наиболее острых научных и общественных вопросов. Высшие лица государств, другие политические и общественные деятели избирают университет для своих выступлений, ответов на вопросы студентов.

Одновременно профессора, преподаватели университета активно включаются в комментирование событий науки, техники, экономики, политики, развития общества и т.д.

Все это дает дополнительный импульс университету и для развития, и для привлечения студентов, а также повышает его конкурентоспособность на рынке.

Таким образом, университет оказывается центром сетевых связей и отношений. При этом он сам «завязывает» множество «узлов» в них. Иными словами, современный университет ярко иллюстрирует феномен, названный М. Кастельсом «сетевым обществом» (*network society*)<sup>9</sup>.

Это новое качество университета порождает для него и ряд проблем. Университету приходится выполнять функции, которые ранее не были ему свойственны или в лучшем случае являлись второстепенными. В современном мире университет, даже государственный, начинает во многом работать как корпорация, а также выполняет еще социальные функции. При этом для университета жизненно важным становится не потерять то, ради чего он существует, — науку и образование. В целом на примере университета четко прослеживается тенденция, характерная для современного мира и связанная с расширением и пересечением функций различных акторов мировой политики<sup>10</sup>.

Проблемы возникают не только для университета, но и для общества в целом. Транснационализация образования остро ставит вопрос сочетания «национального» и «глобального» в современном образовании. Стратификация или поляризация университе-

тов, их разделение на элитные, включенные в различные сети, и те, которые работают на локальном уровне, также порождает проблемы не только для самих университетов, но и для общества в целом, поскольку уровень образования в «локальных» университетах будет продолжать падать.

<sup>1</sup> *Лебедева М. М.* Политикообразующая функция высшего образования в современном мире // *Мировая экономика и международные отношения.* 2006. № 10. С. 69 – 75.

<sup>2</sup> См., напр.: *Ларионова М. В.* Оценка объемов затрат на обеспечение программ академической мобильности и экономических последствий применения схем финансирования академической мобильности студентов и преподавателей / В. А. Вайнап и др.; под общ. ред. Е. А. Карпухиной // *Академическая мобильность: финансово-экономические и правовые аспекты.* М.: Логос, 2008. С. 78 – 157; *Болонский процесс: Проблемы и перспективы* / Под ред. проф. М. М. Лебедевой. М.: Оргсервис, 2006 и др.

<sup>3</sup> *Лебедева М. М., Фор Ж.* Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // *Вестник МГИМО-Университета.* 2009. № 6 (9). С. 200 – 205; *Панова Е. П.* Высшее образование как потенциал «мягкой власти» государства // *Вестник МГИМО-Университета.* 2011. № 2 (15).

<sup>4</sup> *Ларионова М. В.* Анализ подходов к интернационализации в российских вузах в контексте тенденций глобализации: Задачи и условия повышения конкурентоспособности и развития экспортного потенциала // *Интернационализация высшего образования: Тенденции, стратегии, сценарии будущего* / М. Л. Агранович и др. М.: Логос, 2010. С. 216 – 257; *Торкунов А. В.* Задачи и вызовы университетской политики // *Международные процессы.* 2011. Т. 9. № 1 (25). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/006.htm>.

<sup>5</sup> Декларация о Европейском пространстве высшего образования, Будапешт-Вена. 2010. 12 марта. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://bologna-centr.at.ua/PDF/2010\\_Budapesht.pdf](http://bologna-centr.at.ua/PDF/2010_Budapesht.pdf).

<sup>6</sup> Сайт Международной ассоциация университетов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iau-aiu.net/>.

<sup>7</sup> Сайт Евразийской ассоциации университетов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eau-msu.ru/>.

<sup>8</sup> Сайт Международной ассоциация президентов университетов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ia-up.org/>.

<sup>9</sup> *Кастель М.* Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

<sup>10</sup> Подробнее см.: *Лебедева М. М.* Современные тренды мирового развития: Новое качество мира // *Метаморфозы мировой политики* / Под ред. М. М. Лебедевой. М.: МГИМО (У), 2012.

## Об авторах

**Алексеева Татьяна Александровна** — доктор философских наук, заведующая Кафедрой политической теории МГИМО (У) МИД России

**Алиев Руслан Аллахвердиевич** — кандидат экономических наук, заведующий Кафедрой международных комплексных проблем природопользования и экологии МГИМО (У) МИД России

**Байков Андрей Анатольевич** — кандидат политических наук, доцент Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России

**Бирюков Евгений Сергеевич** — кандидат экономических наук, доцент Кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей МГИМО (У) МИД России

**Василевская Марина Сергеевна** — аспирант Кафедры политической теории МГИМО (У) МИД России

**Воротников Владислав Владиславович** — научный сотрудник Центра североевропейских и балтийских исследований МГИМО (У) МИД России

**Воскресенский Алексей Дмитриевич** — доктор политических наук, декан Факультета политологии МГИМО (У) МИД России

**Гаман-Голутвина Оксана Викторовна** — доктор политических наук, заведующая Кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, президент Российской ассоциации политической науки (РАПН)

**Дубовикова Мария Юрьевна** — аспирант Кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России

**Зонова Татьяна Владимировна** — доктор политических наук, профессор Кафедры дипломатии МГИМО (У) МИД России

**Иванов Дмитрий Владимирович** — кандидат юридических наук, профессор Кафедры международного права МГИМО (У) МИД России, заместитель главного редактора «Московского журнала международного права»

**Красногорский Владимир Михайлович** — преподаватель Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России

- Лебедева Марина Михайловна** — доктор политических наук, заведующая Кафедрой мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России
- Лузянин Сергей Геннадьевич** — доктор исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН
- Мальгин Артем Владимирович** — кандидат политических наук, проректор МГИМО (У) МИД России, исполнительный директор РАМИ
- Мельвиль Андрей Юрьевич** — доктор философских наук, декан Факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, член Руководящего совета Российской ассоциации международных исследований
- Мироненко Виктор Иванович** — кандидат исторических наук, руководитель Центра украинских исследований Института Европы РАН
- Мунтян Михаил Алексеевич** — доктор исторических наук, шеф-редактор «Вестника МГИМО»
- Наумкин Виталий Вячеславович** — член-корреспондент РАН, директор Института востоковедения РАН
- Орлов Александр Арсеньевич** — кандидат исторических наук, директор Института международных исследований МГИМО (У) МИД России
- Платонова Ирина Николаевна** — доктор экономических наук, заведующая Кафедрой международных экономических отношений и внешнеэкономических связей МГИМО (У) МИД России
- Рябков Сергей Алексеевич** — заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации
- Салыгин Валерий Иванович** — член-корреспондент РАН, директор Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России
- Силантьева Маргарита Вениаминовна** — доктор философских наук, профессор Кафедры философии МГИМО (У) МИД России
- Томашов Игорь Андреевич** — аспирант Кафедры сравнительной политологии НИУ ВШЭ
- Торкунов Анатолий Васильевич** — академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России, президент Российской ассоциации международных исследований

**Хенкин Сергей Маркович** — доктор исторических наук, профессор Кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

**Шашкова Анна Владиславовна** — кандидат юридических наук, доцент Кафедры конституционного права МГИМО (У) МИД России

**Шестопал Алексей Викторович** — доктор философских наук, заведующий Кафедрой философии МГИМО (У) МИД России

**Шилов Сергей Вячеславович** — преподаватель Кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России

**Шишкина Ольга Владимировна** — кандидат политических наук, доцент Кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России

**Энтин Марк Львович** — доктор юридических наук, вице-президент российской Ассоциации европейских исследований

*Научное издание*

Материалы VII Конвента РАМИ

**РЕСУРСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ:  
возможности и пределы международного контекста**

28 – 29 сентября 2012 г.

Подписано к печати 15.11.2012.

Формат 60×90<sup>1/16</sup>. Усл. печ. л. 21,0.

Тираж 500 экз. Заказ № \_\_\_\_

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 8.

E-mail: [info@aspectpress.ru](mailto:info@aspectpress.ru); [www.aspectpress.ru](http://www.aspectpress.ru).

Тел.: (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии  
и множительной техники МГИМО (У) МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76



**РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Российская ассоциация международных исследований (РАМИ)** является крупнейшей российской профессиональной ассоциацией в сфере междисциплинарных исследований, затрагивающих историю, теорию, региональные и многосторонние аспекты международных отношений. В РАМИ на протяжении уже пятнадцати лет участвуют представители более чем 200 российских университетов и исследовательских центров, а также представители экспертного сообщества из стран СНГ, Балтии и ЦВЕ. РАМИ входит в состав Всемирной комитета по международным исследованиям (WISC), регулярно организует свои сессии в рамках северо-американской Ассоциации международных исследований (ISA).

РАМИ ставит перед собой задачи поддержания высокого профессионального уровня исследований и преподавания международных отношений и мировой политики в России, а также развития профессиональных контактов с международными ассоциациями. РАМИ способствует налаживанию неформальных контактов между представителями политической и научно-исследовательской элиты и проведению консультаций в сфере мировой политики и международных отношений.

Президентом РАМИ является ректор МГИМО (У) МИД России, академик РАН А. В. Торкунов. Главным исполнительным органом РАМИ является Руководящий совет, в состав которого входят 29 директоров исследовательских программ.

Конвенты РАМИ, проходящие каждые два года, регулярно собирают около 1000 российских и зарубежных участников. 28–29 сентября 2012 года в МГИМО (У) МИД России состоялся седьмой по счету Конвент РАМИ на тему «Внешнеполитические ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста». В рамках Конвента состоялись два пленарных заседания, 23 секции, 3 круглых стола, заседание Клуба послов государств – соседей России, а также ряд выставок и презентаций организаций – партнеров РАМИ.

**Исполнительная дирекция РАМИ**

Тел.: +7 (495) 434-91-63

[www.risa.ru](http://www.risa.ru) | [risa@inno.mgimo.ru](mailto:risa@inno.mgimo.ru)



**РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Состав Руководящего совета Российской ассоциации  
международных исследований**

**Президент РАМИ**

Анатолий Васильевич Торкунов

**Программа глобальных исследований**

Александр Александрович Дынкин  
Владислав Леонидович Иноземцев

**Программа европейских исследований**

Марк Львович Энтин  
Алексей Анатольевич Громыко  
Андрей Павлович Клемешев

**Программа американских исследований**

Татьяна Алексеевна Шаклеина  
Виктор Александрович Кременюк

**Программа евроазиатских исследований**

Андрей Владимирович Загорский  
Ирина Доновна Звягельская

**Программа мирополитических исследований и изучения  
деятельности негосударственных акторов**

Марина Михайловна Лебедева  
Павел Афанасьевич Цыганков

**Программа исследований в области теории международных  
отношений и сравнительной политологии**

Татьяна Александровна Алексеева  
Андрей Юрьевич Мельвиль

**Программа исследований истории международных  
отношений**

Ефим Иосифович Пивовар  
Михаил Матвеевич Наринский

**Программа взаимодействия с исследовательскими центрами и регионами**

Андрей Вадимович КОРТУНОВ  
Виктор Анатольевич КОКШАРОВ

**Программа азиатско-тихоокеанских исследований**

Алексей Дмитриевич ВОСКРЕСЕНСКИЙ  
Сергей Геннадьевич ЛУЗЯНИН

**Программа ближневосточных исследований**

Виталий Вячеславович НАУМКИН  
Олег Алексеевич КОЛОБОВ

**Программа энергетических исследований**

Нодари Александрович СИМОНИЯ  
Валерий Иванович САЛЫГИН

**Программа исследований в сфере международной политической экономики**

Светлана Павловна ГЛИНКИНА  
Николай Петрович ШМЕЛЕВ

**Программа международно-правовых исследований**

Геннадий Петрович ТОЛСТОПЯТЕНКО  
Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН  
Дмитрий Владимирович ИВАНОВ

**Программа цивилизационно-культурных исследований**

Алексей Викторович ШЕСТОПАЛ  
Галина Мирославовна ЛЕСНАЯ

**Исполнительный директор РАМИ**

Артем Владимирович МАЛЬГИН

**Ответственный секретарь РАМИ**

Марина Сергеевна ВАСИЛЕВСКАЯ